

Георгий Абакумов.
Подполковник полиции
в отставке. Краевед.
Действительный член
Академии Российской
литературы.
Родился и проживает
на Верхнем Дону.

Дунул ветер низовой,
Дон нахмурился волной.
Степь взыграла ковылём,
Поросло уж всё быльём.
У водицы старец сел.
Борода его, как мел.
Мысли словно скакуны,
Полетели вдоль волны:
«Эх, ты, батюшка мой Дон,
Пролетела жизнь, как сон.
Словно, вешние воды,
Унеслись мои годы...»

Байки-побаски Донских казаков

Георгий Абакумов

Георгий Абакумов

Байки-побаски
Донских казаков

Георгий Абакумов

Байки-побаски Донских казаков

Альгаир
Ростов-на-Дону
2024

ББК 84 (2РОС - 2РУС)

А 13

Автор выражает благодарность за поддержку Казанскому краеведческому музею, силами которого и проводится работа по сбору всей информации об истории района и Донского казачества в целом.

Абакумов Г. Н.

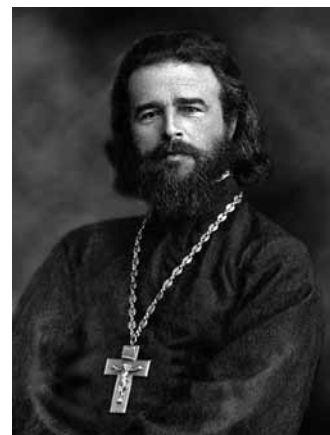
А 13 **Байки-побаски Донских казаков.** – Ростов-на-Дону:
«Альтаир», 2024, – 416 с., ил.

ISBN 978-5-91951-802-0

© Абакумов Г.Н., 2024

© Абакумова Н. Г., иллюстрации, 2024

© Оформление «Альтаир», 2024

Протоиерей Илия Попов 1871–1937

Протоиерей Илия Попов — сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

---

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

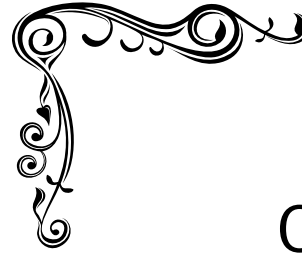

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

*Эта книга издана при содействии
Фонда имени священника Илии Попова*

От автора

Уважаемые читатели, в былые времена анекдотов в народе не сказывали, а ходили устные анекдотичные истории, называемые байками. На Верхнем Дону баяли скрость¹, на ярмарке, на мельнице, на гулянках в перекурах. Под случившийся казус с казаком, каждый хутор старался подобрать своего героя, подогнать под свою местность. Хотя идентичные истории могли и повторяться, это жизнь. Что такое байка, это фрагмент из истории жизни Донских казаков. В следствии жёсткой, проводимой политики в отношении казаков, мало осталось документальных источников истории казачества, а если и сохранились, то в виде справок или статистических данных. Описания же быта и жизни казачьей, практически источников нет. Байка, это один из видов устного казачьего фольклора, в которой мы можем услышать про быт казака, его обычаи, обряды, традиции, самобытность, уклад. Не смотря на мощный идеологический фильтр, в виде семидесяти лет советской власти, в казачьих устах сохранились некоторые истории из жизни великого народа. И в наиболее сохранившемся виде, байки остались в колыбели казачества, на Верхнем Дону. Не хочу обидеть низовых казаков, но в более сохранённом виде обычаи, обряды, традиции, остатки девственного мелодичного казачьего языка остались в Верховых станицах и хуторах. По возможности перед байкой или при её повествовании я старался не только передать какой-либо анекдотичный казус, но и вплести в текст

¹ Скрость – везде.

исторические факты в отношении казачества, поговорки, пословицы Дона, обычаи или традиции. Изображая в картинках фрагмент байки, выхватывая кульминационный момент, художник, моя дочь Надежда, также старалась показать колорит казачьей жизни, её многообразие и разноликость, что должно преумножить Ваше впечатление от прочитанного. Приятного Вам прочтения.

Автор искренне благодарит фонд имени священника Илии Попова, в лице Сухарева Алексея Григорьевича, за оказание финансовой поддержке данного проекта.

В «Байках-побасках донских казаков» объединены 4 книги: «Байки Верхнего Дона», «Казачьи байки», «Рассказы и байки о казаках Верхнего Дона», «Побаски казаки Чигуши». Это позволяет любителям данного жанра более глубоко ознакомиться с жизнью донских казаков и познать их широкую душу.

О клизках и прозвищах казаков на Верхнем Дону

Если мы сейчас смотрим какой-либо боевик по телевизору, то несомненно услышим позывные спецназовцев или спецслужб.

Происхождение этой атрибутики у военных уходит на многие века в старину. Чем это было обусловлено?

Испокон веков казак считался воином, это было его основное ремесло и даже царь Пётр говорил, землю казакам не давать, дабы не порушить их основного ремесла. И уходя в поход казаки считали своим долгом своё доброе имя оставить дома, а в походе они друг друга кликали¹ по кличкам, полученным в быту или в походе, которые были характерны только для одного казака, клички очень редко повторялись. Клички так же передавались от отца сыну, когда отец погибал или по состоянию здоровья не мог участвовать в походе. Иной раз по кличке казак был известен на весь Дон, а имя его знали только станичники.

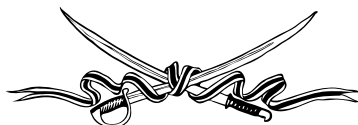
Перед боем атаман подавал команду «папахи на молитву вон» и казаки, сняв головные уборы, предавались молитвам, в которых они отдавали свою душу в руки господу богу, а тело если и порубят в бою, то оно принадлежало не Лазарю или

¹ Кликали – звали.

Петру, а Намыке¹ Прочитав эти байки, мои земляки – хуторяне сразу поймут о ком идёт речь, то есть клички дошли и до наших времён с глубины веков. Казаки до безумства верили в бога и в такие обряды, а посему, идя в бой, они верили, что с ними ничего не случится, проявляя чудеса неистового героизма.

В походе с городка, в последствии со станицы, набирался один отряд

В таком отряде казаки называли друг друга односумами, то есть они питались за общим столом, вываливая на стол всё, что у них было в походных сумках. У такого отряда тоже была кличка, которая имела их станица. То есть, на Дону все станицы имели свои клички, полученные в основном за какие-то смешные курьёзы. О некоторых прозвищах наших станиц я сейчас и поведаю. Былины о прозвищах станиц на Верхнем Дону ходят разные, мой источник – это в основном жители нашего района.

¹ Намыка это начёс с конопли, с которого пряли нить, то есть, такое прозвище давали кучерявым казакам, волос у которых не поддавался гребню или Шкапе. Шкапой на Дону звали хромую или старую, клячную лошадь, то есть такую кличку давали не расторопному воину.

Станица Мигулинская

Мигулин городок – одно из самых старейших поселений казаков на Верхнем Дону. Упоминание о нём в исторических документах появилось ещё со времён Золотой Орды, да и название происходит от меловой горы, расположенной на противоположном берегу реки Дон. Якобы на той горе в летнее время любил в шатре отдыхать хан Мигул. Но мне не понравилось такое трактования названия старой казачьей станицы и не поленившись, я заглянул в интернет. В переводе с древнегреческого языка Мигула – это Святой Николай, почитаемый как чудотворец, считается покровителем моряков, купцов и детей. По легендам, в Мигул горе имеется пещера, а меловые пещеры на Верхнем Дону, это подземные монастыри (имеется два открытых подземных монастыря в Верхнедонском районе, возле хутора Димидовского и станицы Мигулинской. По предположению учёных начало их долбления VIII век начало IX). Каждый монастырь открывался на день какого-нибудь почитаемого святого и в последствии носил имя этого святого. Кстати, день открытия храма или монастыря, считается пристольным днём в данном приходе. Значит не исключено, что в Мигул горе имеется подземный храм имени Святого Николая или Мигулы. Отсюда и название станицы.

«Енами юрт пахали», «Ени»

Когда ещё Дон не менял русла, и в его водах не возвышались Петровские дамбы, Мигулин городок располагался на острове, то есть омывался водой со всех сторон, но считалось что он стоит на левом берегу Дона, на Ногайской стороне. И вот в те времена и сложилась одна из легенд по прозвищу городка «Ежами юрт пахали» или «Ежи».

Байка гласит о том, что по Донскому краю разгулялась холера. Казаки были народом чистоплотным и старались в это время городок не покидать и чужих в крепостные стены не пускать, как бы объявили режим ЧС. Но холера полыхала всё больше по степи. И собравшись на круг, казаки ничего лучше-

го не могли придумать, как пригласить на круг знаменитую, авторитетную бабу-знахарку. Всевозможные заговоры в те времена входили в казачий спас¹.

Знахарка, сославшись на вещие сны и ещё какие-то веские аргументы заявила, что все Мигулинские земли необходимо опахать на ежах. Каким образом это делали Мигуляне и помогло ли это им, в байках не сказано. Но слух об этом волшебном таинстве мигом разлетелся по Донской степи и острые на язык казаки незамедлительно прилепили Мигулянам кличку «Ежами юрт пахали» или «Ежи».

«Сомы»

Мигулин городок, в то время он стал называться станицей², часто заливался Доном, и жители в 1774 году подали наказному атаману Всевеликого Войска Донского прошение о перемене места поселения. Получив согласие, станица стала съезжать на новое место расположения, на правый берег Дона (на Крымскую сторону, до последнего времени там кочевали татары, проживающие в Крыму), в урочище Солонцы. Но само название нового места говорило за себя. Новая станица хоть реже, но всё равно заливалась. И вот однажды весной был большой разлив, полая вода полностью затопила всю станицу Мигулинскую. Казаки, забрав свой скарб, перебрались лагерем за Гущевку³, на косогор. Атаман с правлением тоже покинули становую избу⁴, открыв дверь, чтоб водой их не выбило.

Как только Дон вошёл в берега, станичники вернулись в дома и стали наводить порядок. Пришёл и атаман в свою упра-

¹ Комплекс мероприятий, направленных на выживание казака – боевые искусства, заговоры, заклинания, врачевание и т.д.

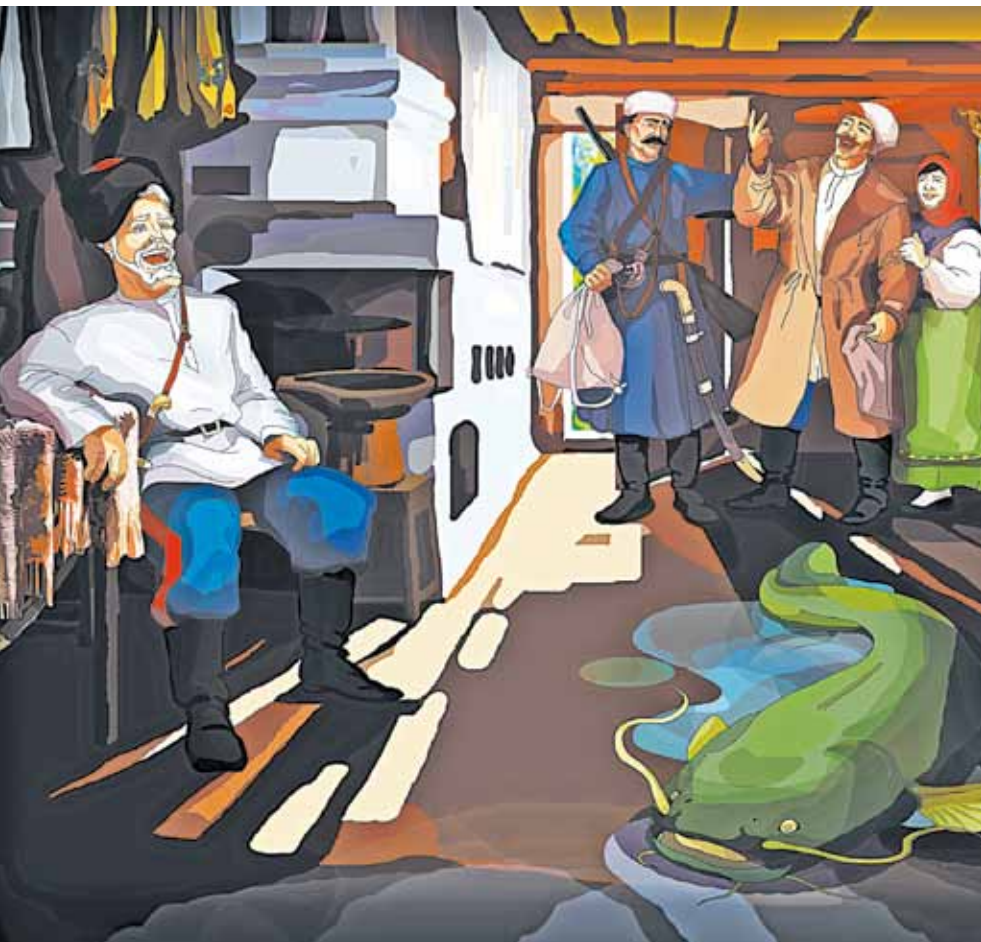
² Станица – от слова стан.

³ Гущевка – старица Дона.

⁴ Становая изба – Атаманская управа.

ву и был весьма удивлён тому, что посреди хаты увидел на полу огромного сома, который был ещё живым и шевелил усами. На диковину сбежалась вся станица, рассуждая как старый сом попал в западню. Новоселье вечером у костра справляли весело и шумно под уху с сомятины, а заехавшие на огонёк казаки с Казанской станицы, заявили – довольно вам быть «Ежами», будете «Сомами», с чем мигуляне и согласились.

Звались Мигуляне «Сомами» около полувека.

«Лапша»

В начале 20 века, когда Мигулинская уже перебралась на третье, теперешнее место расположение в Мигулинскую для смотра казачьих войск заехал наказной атаман. Он велел собрать на круг казаков. Зная, что наказной со станичным атаманом сели трапезничать, собравшиеся казаки по просьбе совета стариков стали рассматривать текущие вопросы. Окно в правлении было раскрытым и услышав на майдане шум наказной спросил:

– Что казаки волнуются?

– Да это они на круге текущие вопросы рассматривают, – зная повестку, ответил атаман.

– Молодцы, – ответил наказной.

Через некоторое время, на майдане казаки в один голос кричали:

– И раз, и два, и три!!!

– А это что они делают, – поинтересовался наказной?

– А это казаки «Лапшу» секут, – ответил, не задумавшись атаман.

– А по что на майдане секут, – спросил наказной?

Не задумываясь, с казачьим юмором атаман ответил:

– Чтоб с ложки не сваливалась, то есть почитал казачьи законы.

– Молодцы Мигуляне, дружные, лапшу и ту миром на майдане секут.

И тут до станичного атамана дошло, что наказной атаман подумал о том, что казаки лапшу из теста секут. А секли провинившегося казака Радиона, по кличке «Лапша». Не показав виду, станичный согласился, что казаки очень дружные. Проведя смотр, наказной укатил в Новочеркасск. Спустя некоторое время наказной атаман явился к царю на доклад. Времена наступали смутные и царь спрашивает, а как сами казаки у

себя в станицах за порядком наблюдают. Не задумываясь атаман отчеканил – живут дружно, порядок блюдут, даже всем миром на майдане лапшу секут, глядя на недоуменное лицо монарха, добавил, чтоб с ложки не сваливалась, чем ещё больше ввёл в недоумение царя. А станичный атаман воды во рту не удержал и рассказал на кругу казус про лапшу. Весь круг вместе с «Лапшой» повалились со смеху, а приглашённая делегация Казанских казаков, сквозь слёзы от смеха, вновь определила, что быть вам мигуляне с лёгкой руки наказного атамана «Лапшой», а не «Сомами». Вот и кличут мигулян уже столет «Лапшой». Но они, как и все казаки на кличку не обижаются, а на день станицы варят изумительную лапшу со стерлядки и щедро угощают всех гостей.

Станица Казанская

О станице Казанской до нашего времени дошла лишь одна байка про её прозвище. Хотя станица уходит своими корнями в не менее давние времена. В районе Казанской в былую старину Дон был широким, но мелким. И через Казанские броды проходили все торговые и боевые пути на Русь. Этот путь во времена Золотой Орды называли Кальмиуской сакмой, затем в 16 веке Казанским перевозом. В XVIII веке после ревизии и учёта всех дорог, путь с Москвы на Кавказ через станицу Казанскую стали называть Казанский тракт. Мост через реку Дон возле ст. Казанской при атамане Дронове К. построили перед Первой мировой войной. Кстати в ст. Мигулинской через р. Дон мост казаки перекинули в 1908 году.

А байка гласит так: ожидали как-то по весне, в станице Казанской наказного атамана с проверкой. Станицу выскребли, вымели и выбелили, в общем навели порядок, чтобы произвести должное впечатление на именитого гостя. Моста у станицы не было и переправу паромом осуществляли казаки-сидельцы¹. Задание сидельцам было таково, при приезде наказного атамана к переправе, они направляют вестового к звонарю, тот колокольным звоном оповещает заинтересованных лиц и пока переправляется паром, элита станицы уже на пе-

¹ Сиделец – постоянный служащий при станичной управе, исполняющий поручения станичного атамана.

реправе встречает гостя. За целый день измаявшись в ожидании, станица наказного атамана так и не дождалась. К вечеру с правления все разошлись по домам, а сидельцы подполудновали¹ с рюмкой дымки, прилегли на пароме в ожидании, да и придремали. Уже начало смеркаться, когда по над Доном пролетала запоздавшая с кормёжки Чапура².

«К вам! К вам!» Закурлыкала птица.

Вскочив на ноги задремавшие, казаки закричали в один голос:

— Слушаюсь, Ваше Высокоблагородие! Сейчас паром подадим!

¹ Подполудновали – подужинали.

² Чапура – цапля на местном диалекте.

Один сиделец побежал к звонарю, другие погнали паром на правый берег. Высадившись, никого на берегу не нашли, а колокольный звон уже летел эхом по над Доном, поднимая станицу на ноги. Причалив назад на пристань, они увидели всю юртовую верхушку в сборе. В ряд стояли атаман с батюшкой и купцы с хлебом солью и фонарями. Смутившиеся казаки извинились перед атаманом за конфуз, за что и получили нагоняя. Знать разошлась по домам, а сидельцы остались дожидаться низовцов. Для успокоения души они ещё пропустили по чарке и завалились на паром подремать. Прибыв к переправе, атаман с извозчиком стали звать паромщиков. Но на еле доносившиеся крики с противоположного берега, казаки, вспоминая свой конфуз, говорили: «Нет Чапура, больше нас не обманешь.» Атаман улёгся в пролётке зоревать и лишь когда утром с реки сошёл туман, казаки увидели долгожданных, дорогих гостей.

Узнав об этом случае соседи, казаки с Мигулинской и прозвали казанцев «Чапурами». И сейчас спустя более сотни лет, на стелах при въезде в станицу Казанскую красуются Чапуры стоя на одной ноге, как напоминание о былом, которое казаки Верхнедонцы очень чтут.

Станица Вешенская

Ниже станиц Казанской и Мигулинской на левом берегу реки Дон, расположилась станица Вёшенская. Когда она образовалась одному богу известно. Казаки долгое время старались не показывать царским опричникам своих городков. Исследуя Верхний Дон, мы находим наложение культурных слоёв от неолита до развитого казачества. По легенде в версии о названии Вёшек, говорится, что городок получил название от вешек или дозорных пограничных вышек. Сильно население Вёшек увеличилось в 1709 году, после Булавинского восстания, когда казаки отступили со своих северных земель. Но речь не о том, а о байках на Верхнем Дону, повествующих какие прозвища имеют станицы.

В каком году на языке у казаков верхнедонцев появилась эта байка, память людская не сохранила. А было это на почитаемый казаками праздник – Пасху. В Свято-Михайло-Архангельском храме станицы Вёшенской прислуживал звонарь, великий мастер своего дела. А выводил он любую колокольную мелодию искусно потому, что у него был тонкий музыкальный слух, а в миру развивал он этот слух, играя на гармошке. Это и губило его, наверное. Потому как на всех застольях казачьих, он был званым гостем. И не одну гармошку он порвал, крестя и жена казаков. Жил звонарь при храме и был у него верный друг, пёс Мамай. Пёс был умной животинкой и иной раз придремавшего, хмельного маэстро, он будил к зау-

трене или вечерне. Батюшка звонаря не обижал за его хмельные прегрешения. Так как храм славился на всю округу своим чистым, мелодичным колокольным звоном.

И вот к ближе к полуночи, перед Пасхой, к храму собрались казаки со всей округи, воспеть всевышнего и окропить святой водой хлеба, сало, яички, чтоб поутру разговеться в кругу семьи. К этому времени звонарь уже разговелся и чтоб не мозолить своим видом глаза набожных казаков, поднялся в свою вотчину, на колокольню. А чтоб Мамай не путался у прихожан под ногами, прихватил и кобеля с собой. Взобравшись на верхотуру, заботливый хозяин привязал псину к верёвке, которая в свою очередь была связана с поводками всех колоколов по хитрой схеме, придуманной самим хозяином колокольни. И в ожидании своего часа, улёгся в углу на тулуп, моментально захрапел. Привязанная псина мостилась, мостилась и окончательно запуталась в верёвках, стреножив себе все лапы. По натуре Мамай был псом вольнолюбивым, а посему собрав все собачьи силы, рванулся на свободу. С верёвок он выскочил, но будучи, за шею привязанным к колоколам, издал такой оглушительный звон, что его собачья душа ушла в пятки, а глаза от страха вылезли на лоб. И метаясь по всей колокольне, Мамай привёл в движение все колокола.

Услышав звон колоколов, батюшка начал службу.

— Христос воскрес из мёртвых!

— Смертию смерть поправ!

Не веря своим ушам, распевая молитву, батюшка думал, что за чертовщина творится на колокольне.

Почувяв неладное, он службу прекратил и послал казаков на колокольню. Взобравшись на звонницу, прихожане разобрались в чём дело. Они отвязали обезумевшего от страха пса, который меж балясин метнулся от колоколов вон. Всё бы ничего, да колокольня была высокой и Мамай с воем летел до земли, чем ещё больше ввёл прихожан в сумятицу. Звонаря же раз-

будили при помощи ведра родниковой воды и по времени, как ни в чём не бывало, он вывел такую колокольную мелодию, у казаков аж слёзы на глазах появились. Возле храма Мамай появился через месяц, на радость осиротевшему хозяину. Он был худ, шерсть на боках висела клочьями, а главное, сломанный при падении хвост неестественно торчал вбок, придавая кобелю смешной вид. С тех пор Мамай угадывали все в станице, даже в собачьей свадьбе у него было почётное место. А узнав об этой истории, казаки со станицы Еланской стали называть соседей «Кобелятниками» или «Кобели ломахвостые», в отместку за то, что они дали Еланцам неприличную кличку «Козлы», но это уже другая история.

Станица Еланская

Это было уже в те времена, когда казаков наградили наделами и стали они землевладельцами. До 1817 года казак не сеял, не пахал, а только сабелькой махал. Когда казаки вернулись с Отечественной войны 1812 года, то царю Российскому Александру I нечем было с ними рассчитываться, и он принял решение оплатить казакам за ратный труд, земельными паями. Донская земля к тому времени уже была национализирована государством и в соответствии с заслугами роздана казакам. Казаки Еланцы лихо дошли до Парижа, отбыли там пару лет комендачами и прихватив пару наполеоновских пушек в виде трофея, возвратились домой. На первом же круге, станицей было принято решение, в честь павших земляков на этой войне, а также в честь казачьей славы полученной на полях битвы, возвести божий храм. Как говорят казаки: «Будет храм – будет и станица.» К 1823 году сделали проект, собрали средства и заложили храм. В 1826 году храм Святителя и Чудотворца Николая, был торжественно открыт. Не забыв в честь чего изначально строился храм, еланцы на порог, с обеих сторон, входных дверей водрузили трофейные пушки. Почему я подробно это описываю? Потому что это связано с полученной кличкой еланцев.

Полученные земли казаками под пашни, были излишне песчаными и хорошие урожаи земля давала только в дождливое лето.

Однажды в засушливый год, не наблюдая облаков на небе более месяца, казаки решили по юрту сделать крестный ход.

От храма с утра, взяв в руки кресты и хоругви, отцы духовники и в основном старики со старухами, двинулась освящать поля и просить Господа о снисхождении.

К обеду участники хода притомились под палящим солнцем и попросили священника передохнуть в холодке. Леса поблизости не было, и завидев кусты терновника процессия остановилась у них, прислонив к ним кресты и развесив хоругви и кадила. Попив водички, притомлённые казаки полезли в холодок, где маленько и приснули. Пока миряне во главе с батюшкой отдыхали, мимо подпасок прогонял стадо козлов. Трава в степи сгорела под солнцем и козлиное стадо промышляло в основном листьями с кустарников. Увидев зелень терновых кустов, оголовшее стадо, став на задние ноги и толкая друг друга, начало объедаться. Проснувшаяся братия стала кричать на козлов, порушивших их покой: «Изыди Сатана». Не ожидая нападения из кустов, стадо ополоумевших козлов ринулось в поле. Но у некоторых козлов на рога нацепились кадила и хоругви. Козлы, ещё больше испугавшись этой святой атрибутики, носились по полю, пугая собратьев. Кадила дымили, хоругви развивалась, а миряне, крестясь, гонялись по полю за козлами, как за чертями. Таким образом, козлы поневоле поучаствовали в крестном ходе. Потому ли или господь по-своему распорядился, но после этого случая дожди в окрестностях Елани зачастили и урожай был отменный на радость казакам. Узнав о таком казусе, вёшенцы по-доброму окрестили еланцев «Козлами». Ведь и им как соседям, перепало дожδικов.

Казаки соседних станиц очень уважали друг друга, потому как они зачастую в основном встречались на поле брани плечом к плечу, а в худшие времена и спина к спине. И давая клички, они просто шутливо выделяли станицы или метким прозвищем обозначали натуру какого-либо казака. Я описал лишь те соседние станицы Верхнего Дона, где сам родился, живу, общаюсь и дружу со станичниками.

На зём казаки-Верхнедонцы плавали в былые времена

На Верхнем Дону, имеется в виду местность, в районе станицы Казанской, казаки пользовались тремя видами лодок. Первый вид – лодки будары, второй – будара в миниатюре – каюк, третий – лодка-казанка. Хотелось бы начать повествовать с третьего вида и подробнее остановиться на первом.

Казанка, это лодка – плоскодонка, изготовленная из досок, с плоским дном и малой посадкой, т.е. всеми своими качествами приспособленная, для плавания по мелководью. Получила своё название, возможно по речке Казанке. Такие лодки и сейчас в обиходе и их можно увидеть по берегу Дона.

Кстати, почему речка называется Казанкой? Наша речка Казанка местная, она берёт начало и заканчивается в нашем районе, станица Казанская не приметная, а посему мы не интересны великим мужам науки. Посмотрев в интернете, можно увидеть Казанку и в сибире и в Краснодарском крае. Но я взял за аналог город Казань, расположенный на речке Казанке, предыстория которого хорошо изучена. Неоспоримо, что Казань, как и Москва названы по рекам, на которых расположены, а названия реки имеют тысячелетнюю предысторию. Остаётся вторая часть вопроса, почему называется так речка. Про название Казанки существует около 30 вариантов исследования и за каждым стоит историк. Основная версия, это именитый хан послал своего слу-

гу за водой с золотым казаном, а тот утопил этот казан в безымянной речке и ей дали название Казанка. Но получается, что по всей теперешней России затоплено с десяток казанов. Я считаю, что версия историка Е. Кутузова более приемлема. Около 3.5 тысяч лет назад воинственное племя Арьи завоевали земли от Китая до Карпат, и они дали названия всем своим рекам. Казанка это конечно уже деформированное слово в нескольких языках, но в дословном переводе звучит как «река арийских людей (мужей)». Может и идёт оттуда род казачий. Ведь в охрану царя с Верховых казаков набирали двухметровых, голубоглазых блондинов, что соответствует типу Арьев. В Казанском музее находится выруб останков с курганного захоронения тех времён и рост пращура составляет 2 м 15 см. Исходя из изложенного становится приятно ощущать глубину своих корней.

Лодка-долблёнка – каюк, изготавливается из вербы. Дерево срезается весной на сокодвижении и пару лет оно вялится и сохнет. Затем с помощью топора придаются наружные формы каюку в виде челнока, и внутренняя часть выбирается теслом. Готовую лодку смолят и спускают на воду. Управляется каюк одним веслом. Без навыка, на данном транспорте далеко не уедешь (сам испытал), очень уж не устойчивая. В связи с этим качеством, у казаков сложилась поговорка, когда что-то угрожает жизни, говорят тебе «каюк». Так откуда же взялось это страшное слово каюк. В былые времена у казаков пилорам и циркулярок не было и доски были в дефиците. А хоронили они своих умерших, не в гробах, сбитых с досок, а в колодах, выдолбленных из мягкой вербы. И называли эти колоды каюками. Об этом тоже ходят байки. Каюки изготавливаются только на Верхнем Дону.

Будара, это самая именитая лодка у казаков. Лодка изготавливалась из осины. В лесу выбиралось подходящее дерево, и в ствол загонялись дубовые клинья на протяжении пяти лет, тем самым искусственно придавая нужную форму. Весной

осина срубалась и вялилась, затем снаружи придавалась форма лодки в виде женского стана. Будара изготавливалась обоюдоострая, носы делались загнутыми в вверх, как у гондолы. Внутри лодка выдалбливалась и заливалась водой. Затем, когда дерево набиралось влагой, разжигался внутри лодки костёр. Таким образом древесина запаривалась и делалась эластичной. Распорками борта ещё шире раздвигали. Выдолбленной бударе нашивали ещё борта доской. В готовом виде это было целое произведение искусств. В белый цвет выкрашивалась атаманская лодка, остальные выкрашивались в произвольные цвета. В лодке было до десяти посадочных мест, длиной она была около одиннадцати метров, шириной семьдесят сантиметров, вес составлял до двухсот килограмм. Фактически экипаж мог на руках переносить лодку. И если казаки принимали решение идти за зипунами, походом на турка, собирались по Дону десятки будар, избирался походный атаман и флотилия спускалась до Азовского моря. На турецкий флот, такая компания наводила ужас. Если корабли стояли в рейде, ночью казаки к ним подплывали на бударах с двух сторон и два десятка топоров в минуты прорубив борта, топили их или суда забрасывались кожаными мешочками, с горячей нефтью. Будары, не смотря на свою длину были маневренны. Гребцы по команде кормчего, разворачивались на сиденье и гребли в обратную сторону. Так что мы видим, будара была у казаков грозной боевой единицей.

Где же изготавливались будары у верховых казаков?

Севернее станицы Казанской в былые времена протекала речка Казанка. В настоящее время она пересохла, осталось течение только в устье, в районе х. Поповского. Старики рассказывали, что ещё в начале 20 века, через речку переплывали табуны лошадей. Житель х. Нахаловского, казак Агафонов не желая отдавать сельхозтехнику (плуги, сеялку, веялку) в колхоз, в 1929 году, утопил её в речке Казанки. Узнав об этом, хуторяне решили вытащить такое богатство, но не смогли, глубина омута была около 8 метров.

Берёт начало речка в лесу близ х. Казанско-Лопатинского. Кстати, лопатина – в переводе с казачьего языка, мокрое место, начало истока. Т.е. название хутора звучит как начало речки Казанки. Восточнее хутора проходит водораздел и с обратной стороны хребта расположен х. Песковатско-Лопатинский, в котором берёт начало протока, впадающая в р. Песковатку. Отсюда и название хутора. Исток р. Казанки находится в лесу Бударном, восточнее леса расположен курган Будары. Восточную часть леса в народе называют Осинки и там действительно произрастает большое количества осины. А как описывалось ранее, будары мастерили с осины, отсюда и название леса, и кургана. По нашим предположениям заготовки для лодок будар делали в районе х. Казанско-Лопатинского, в лесу Бударном, в местечке Осинки. Затем заготовки, спускали вниз по течению речки Казанки, до затона в устье, под названием Бударка (окраина х. Кукуевского). На Бударке лодки доводили до готового состояния, здесь же в затоне и была стоянка лодок. Казаки лодок на Дону не ставили, а от Бударки до Дона рукой подать. Кстати х. Поповский, называлось поселение, расположенное правее Поповского моста, а поселение левее моста, так сказать ул. Ольховую, которая тянется вдоль старого русла речки Казанки, в старину называли Казаночкой. Не располагался ли там первый Казанский городок?

В какие времена всё это было предположить трудно, но думаю за долго до образования Области Войска Донского. На Дону будары исчезли давно, наверное, как казаки основательно пересели на коней и необходимость в морских походах отпала. А на р. Урал лодками бударами пользовались рыбаки до двадцатого века, спускаясь за рыбой до моря. И бытует мнение, что сибиряки научили наших предков строить будары, забыв о том, что Донские казаки во главе с Ермаком Тимофеевичем покорили Сибирь и донесли до местных свои ремёсла.

Баўка о том, как казаки земли меневали

3 января 1570 года Всевеликое Войско Донское организационно было оформлено (де юре), хотя государство уже около полувека существовало (де факто). Казачьи земли на севере доходили аж до города Воронежа. В 1709 году, Пётр Великий после подавления Булавинского восстания, в назидание казакам, дабы не повадно было, обрезал земли до моей родной, станицы Казанской. Это ещё было обусловлено тем, что Донецкий городок, расположенный в десяти вёрстах выше Казанского, считался столицей верхового казачества. Казаки до единой души, кто остался в живых, отошли с отрезанных земель. Эти земли, сейчас Воронежская область, были дарованы царским вассалам, в последствии их называли помещиками. Царь также им даровал и крепостных крестьян, в основном с Подмосковья. И сейчас шутя, своих соседей, Воронежцев мы называем Москалями. Прокладка новой межи, между землями ВВД и Россией не прошла без курьёза. После того, как Царь с атаманом ВВД определились по новой границе, были выделены уполномоченные лица, которые и должны были по казачьим Верхнедонским землям, фактически, по векам, провести линию границы. В месте, где Казанский тракт (дорога с Москвы в Черкасск) пересекал новую границу, было заложено два населённых пункта. На Российской стороне заложили село Рубежное, на казачьей сто-

роне, хутор Рубежный. Расстояние между ними была одна верста. В настоящее время хутор Рубежный существует, а с села Рубежное, лет десять назад, выехал последний сторожил. В советские времена, по границе высадили лесополосу, и мы её до сих пор называем межой. В селе Рубежном выставили подразделение драгун, а в хуторе Рубежном установили казачью заставу. По приданию, драгуны патрулировали вдоль межи, а с другой стороны ехал казачий разъезд. Местность пойменная, лесистая и за драгунами с леса присматривали беглые крестьяне, которые в удобный момент пересекали межу, в поисках вольной жизни. Заметив беглецов, драгуны скакали им наперерез, а казаки скакали вдоль межи, со своей стороны. Как только мужики пересекали границу, к ним подъезжали казаки и велели братья за стремяна, скакали в хутор. Старший разъезда, подъезжал с оставшимися казаками к драгунам, говорили: «Успокойтесь вояки, с Дону выдачи нету. Лучше покажите, как вы дымите табаком.» Практически до девятнадцатого века, казаки были староверами и каноны им это делать не позволяли. Драгуны, понимая, что они проворонили царские души, не спорили с казачками и закуривая беседовали с ними мирно о жизни.

Так вот, когда комиссия нарезала межу до Рубежа, а село и хутор заложили на левом берегу Дона, было принято решение отобедать. С Казанского городка приехала телега с провиантом и непрошенных гостей пригласили к столу. Приказной дьяк, был худосочным, вредным детиной, хоть жадным, но трусливым, денег у казаков не взял. Накрыв стол, казаки стали готовить будару¹, чтоб на правом берегу продолжить межевание.

— А зачем такую большую ладью, с десятью гребцами пригнал, атаман?

— Так, Дон с виду тихий, а на самом деле на быстрине каюк не удержишь, а тебе границу ровно нужно проложить.

¹ Будара – десятиместная, боевая, рубленая с осины лодка.

— По государственному мыслишь, атаман, расслабился дьякон, боясь, что казаки его надурят.

Проголодавшаяся братия навалилась на снесь, как мышь на бурсак. Солонинка подкопчённая, во рту таяла, стерлядка, подкопчённая была прелесть. А сыр какой был!

— Атаман, а можно водички, – попросил дьяк, – али кваску.

Казачки перерыли всю телегу и виновато извинились, воду в спешке, мол забыли.

— Бестолочи, – бранился разхорохоренный дьяк.

— А что в бочке?

— Дык вино, правда молодое, заморское, слабенькое. Так, не вода и не брага.

— А ну выбей чоп, испробуем.

Вино оказалось прохладным и приятным, как взвар. Разлив в кружки, казачки подливали вина гостям, сами не пили, вера не позволяла бражничать староверам. Обед затянулся, пока бочка пустой под телегу не покатила.

Потянувшись, дьяк философски молвил:

— Делу время, обеду час.

Вся братия стала грузиться, не спеша в будару, пока оттолкнулись от берега, все бражники уже захрапели. Будара, вырвав на струю, по команде атамана резво пошла против течения вверх по Дону. Свежий донской ветер быстро выгнал хмель с государственных голов, но будара прошла версту вверх по течению, уже по царским землям. Пока дьяк продирает глаза, будара ткнулась в правый берег.

Осмотревшись, землемер заявил, это не та местность, тут лог, а против нас на стоянке, были меловые горы¹.

— Вот и я про то, – молвил атаман. – Пока плыли, быстрина нас вниз снесла, так мы казачьи земли ещё урежем, нужно на версту подняться вверх по Дону.

— Ну уж нет, граница пройдёт здесь! Как этот лог зовут?

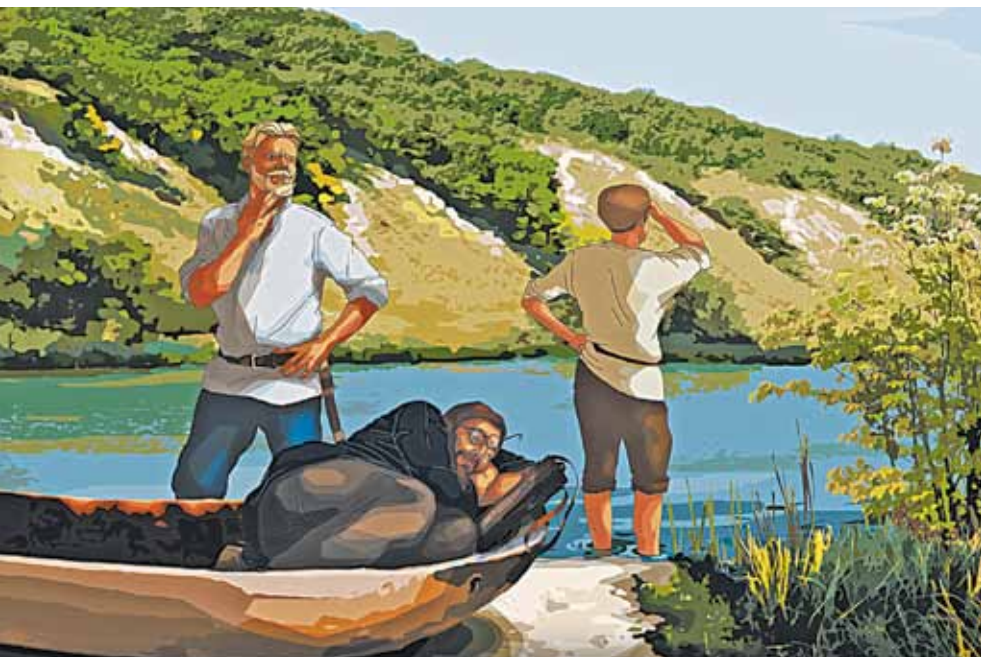
¹ Это место казаки зовут «чайкой», меловые горы просели и получился вид чайки.

— Орехова балка, — молвил атаман.

Дьякон раскрыл свои талмуты, стал чертить карту и делать описание: «Вдоль ореховой балки, строго на юг...».

Атаман покорно склонил голову, улыбаясь в усы, радовался, что без боя прирезал казачьих земель, полосой в версту.

Довольный же дьяк, доложил, по приезду к себе в приказ, о том, как он казаков обманул и прирезал царю лишней земли. Дьякова оплошность вышла наружу, когда стали точнее карты рисовать, но копия описания была уже в Черкасске. За оплошность дьяка понизили до писаря, а версту земли у казаков не забрали. Что написано пером, то не вырубишь топором. И сейчас проезжая через Орехово балку по над Доном, въезжаешь в Богучарский район, Воронежской области. А линия границы по карте через Дон, проходит коленом. И глядя на эту коцергу думаешь, что нельзя государевы дела творить на хмельную голову.

Как Черновцы на Верхнем Дону клизку полужили

В байке «Не спешите всем достанется» я описывал про Свято-Троицкий Мигулинской монастырь, зарегистрированный в Московском патриархате в 1698 году и закрытым в 1798 году, как последний оплот старой веры на Верхнем Дону. В монастыре служило 300 монахов, которые предвидя к 1800 году, конец старым канонам веры христианской, стали подготавливаться к закрытию монастыря, всё больше занимаясь предпринимательством.

Когда монастырь был закрыт, половину монахов сняли рясу и стали купцами и банкирами. К этому времени видать и внутренний распорядок стал рушиться, т.е. монахов все чаще стали замечать у жалмерок¹. Рядом с монастырём по речки Тихой, кроме Черновской слободы², стали появляться казачьи поселения Смыкалка и Белоглинка, сейчас это хутор Мещеряковский.

На краю этой Смыкалки жила красивая казачка, дожидаясь с очередного похода своего милого. К ней и зачастил молодой монах с подарками, да всякими непристойными предложениями. Как-то он зашёл водички испить, пообещал вечером за-

¹ Жалмерка – на Верхнем Дону так называли солдаток.

² Черновская слобода – х. Тиховской.

бежать, не с пустыми руками, а принести отрез сукна в подарок. Казачка была набожной и не смогла отказать гостю в резкой форме. Ничего не ответив, она зашла в хату, а монах, обнадёженный молчанием, решил заглянуть вечерком на огонёк.

Верная жена, рассказала о его предложениях своему брату, тот собрав товарищей¹ решил проучить святошу. Примостившись на косогоре, выше дороги идущей к монастырю, казаки стали поджидать. Было это поздней весной, когда всё благоухало и соловей на разрыв пел свои мелодии. Ночи были тёмные, но бывалые вояки по шарканью сапог о дорогу, определили ночного гостя, и поняли, что монах идёт в западню.

Когда незваный гость зашёл во двор и начал стучать в окошко, засада активизировалась. Двое казаков остались перекрывать дорогу, а двое зашли во двор. Почуввав неладное, монах бросил свёрток, как лось сиганул через забор, да не к дороге побежал, а стал уходить над левадой к Луке². Казаки поняли, что они Черновца не догонят. По левадам тот хрустел как сохатый, отрываясь от погони. Уже остановившись, они махнули рукой и собрались возвращаться, как услышали дикий, не человеческий крик. Лихие казачки ломанулись вперёд и от увиденной картины покатались со смеху. При лунном свете это был не монах, а комок орепьёв, замотанный в старую сеть

Это казачата приносили старые сети с Дона, по левадам ловили зайцев, которых водилось немерено. Подоспевшая

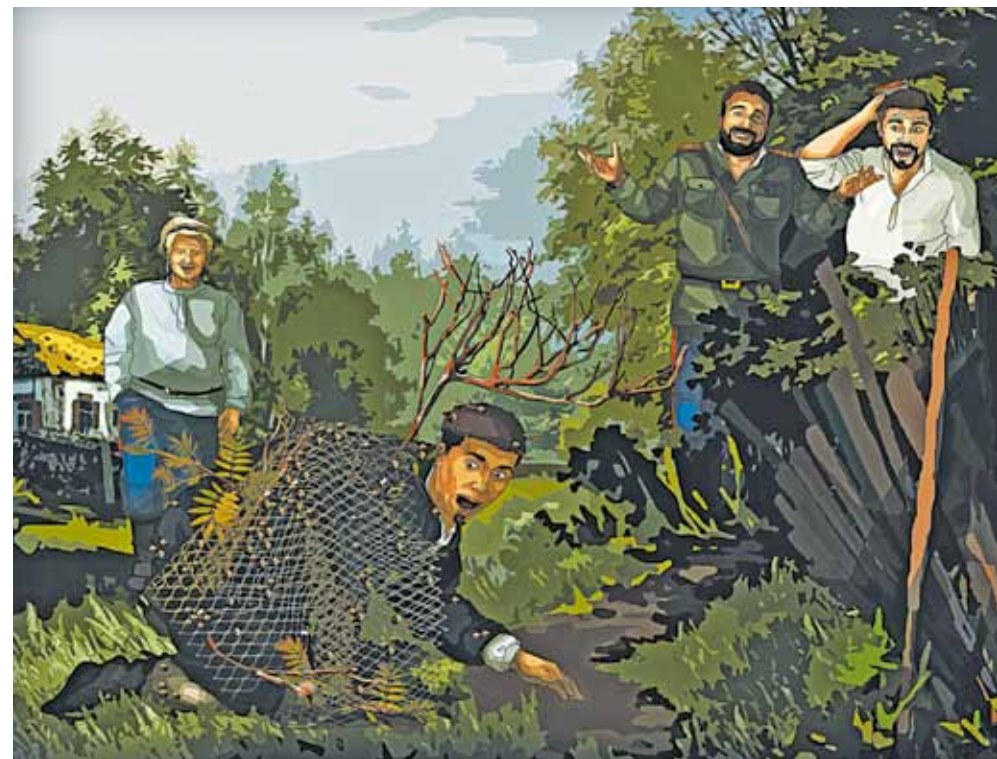
¹ Товарищ – по преданию, не большевиками придуманное слово, а несколько веков используется в разговорной речи казаков. Когда казаки готовили вылазку на караваны купцов, проходящих через Дон, в ватагу атаман подбирал самых преданных и испытанных казаков. Нападения проходили в основном по ночам. И ликвидировав охрану каравана, казаки забирали самое ценное и уходили в леса или степь. При поисках добра в тюках, атаман кричал своим воинам «товар ищи, товар ищи». Так и появилось в казачьем наречии слово «товарищ», т.е. это самый надёжный человек, которого можно было взять на любое, лихое дело. В последствии при выборе атамана, выбирали ему в помощь сотоварища.

² Лука – пойменный лес.

подмога, увязав посильней и освободив ноги, горе-любовника повела в монастырь. Постучав в монастырские ворота и позвав настоятеля, казаки передали ночного гостя. При этом заявили, что в следующий, раз не смотря на сан, ходоков по бабам, будут пороть на майдане.

А молодая хозяйка, выйдя по утру доить корову, под окном увидела свёрток. Зашедший проведать брат, глядя на рулон сукна сказал, что это монах приносил свои извинения и оставил на добрую память подарок, чему казачка и обрадовалась.

С тех пор Черновцы по ночам не хаживали и на казачек не поглядывали, а к ним прилипла кличка «Зайцы», «Монастырские зайчики». Так, что не только казаки и станицы имели клички, а их имели все, кто попадал к казакам на острый язычок.

Казагья байка "Всем достанется"

Казаки испокон веков были людьми набожными и не жалели средств на строительство храмов на своей земле. В середине XVII века старец Капитон со своей братией, проживающей в подземных монастырях Верхнего Дона, с божьей помощью и на пожертвование казаков начал постройку мужского монастыря, близ Мигулина городка. В 1698 году монастырь был отстроен и зарегистрирован в Московской епархии. В виду того, что монастырь стоял на казачьей земле и в округе не было крепостных крестьян, для ведения монастырского хозяйства, синодом было выделено несколько сот душ. В монастыре, к тому времени служило 300 монахов, многие из которых практически отвечали за одно из направлений большого монастырского хозяйства (коневодство, овцеводство, животноводство, бортничество и т.д.). Крестьяне основали себе поселение, которое именовали Черновской слободой. В 1798 году монастырь по указанию Московской епархии был закрыт и разрушен до основания, в виду того что он был последнем оплотом старой веры на Верхнем Дону.

Крепостным объявили вольную, и они по согласованию с руководством Войска Донского переименовали слободу в хутор Тиховской, т. к. он был отстроен на берегу речки Тихой. С монастыря часть монахов перебралась на службу в мона-

стыри, расположенные на Рязанской земле, часть ушли служить в храмы Верхнедона, а часть вкусившая мирской жизни, при занятии коммерцией в монастыре, сняли рясы. Они компактно поселились в хуторе Тиховском и отстроили целую улицу¹.

На этой улице был банк, торговый ряд, большой рынок, церковь. В торговом ряду предприимчивый монах построил большую мануфактурную лавку, которая пользовалась большим успехом у казачек, близ лежащих хуторов. Во все времена торговцы в своих лавках делали всевозможные заманухи, так поступил и наш новоявленный купец. Им на рынке в г. Азове была приобретена диковинная птица – попугай. Бренд торговой точки был помещён в большую, плетёную из ивовых прутьев клетку, которую на всемирное обозрение установили в торговом зале. Попугай птица любопытная и с большим интересом слушал бабий гомон, особенно при завозе нового товара, когда в лавку битком набивалось покупателей. Но он был воспитанной в пятом поколении говорящей птицей и не запоминал плохих бабьих слов, а запоминал то, что говорил его щедрый на угощения хозяин. А хозяин при отпуске товара, только и твердил – **не спешите, всем достанется.**

Этот случай произошёл зимним морозным, солнечным днём. С утра купец разлаживал на прилавок только что завезённый товар – рулоны ситца и сатина модных расцветок. Бабы очередь у лавки заняли ещё затемно, в надежде рвануть побольше модной материи и снести модисткам, чтобы затем на пасху прошуршать пёстрыми юбками. Ближе к обеду дверь лавки распахнулась и появившийся на пороге купец пригласил всех в лавку. Толпа озябших казачек рванулась во внутрь, сбивая с ног хозяина и забыв про очередь. С трудом поднявшийся с пола горе коммерсант твердил – **не спешите всем достанется.**

¹ До сих пор эту торговую улицу бывалые хуторяне называют Жидовской.

С утра сытно накормленный попугай мирно дремал на своём шестке, но дикий крик ополоумевших баб испугал заморскую птицу. Попугай стал метаться по клетке, и плохо закрытая дверца распахнулась. Птица выпорхнула и стала летать под потолком, цитируя хозяина – **не спешите всем достанется**. С криком «ах ты жидовский выкормыш» казачки платками стали гонять бедную животину, которая увидев открытую дверь выпорхнула на улицу.

В бывалые времена хозяйкой на улице была сорока. Они к зиме собирались стаями и дружно зимовали на задворках, помойках, амбарах. И если на их территорию вторгалась даже сорока с соседнего хутора, ей быстро показывали дорогу, куда следовать далее. И по их стрекоту, сродни работы пулемёта, узнавали, что кто-то появился на улице чужой. А здесь откуда не возьмись, среди бело дня, появилась пёстрая, крашенная, чужеродная, нахальная птица. Пока попугай летал кругом своей родной лавки, за ним уже летала стая сорок, стрекоча пулемётами. Поняв, что иностранец отпору не даёт, сороки пошли в атаку. По очереди догоняя незваного гостя, хозяйки хутора долбили его в хвост и в гриву так, что разноцветные перья валялись кругом на снегу. Жирный, как рождественский гусь, попугай не мог уворачиваться от атак противника и безвозвратно терял своё пёстрое оперение. Был бы он вороной, закаркал от боли, был бы воробьём – зачирикал. Но он был иностранцем и не знал на местном диалекте никаких фраз за исключением одной – **не спешите, всем достанется**.

Переполох на Жидовской улице поднялся страшный. Купец, боясь потерять свою дорожную диковину, бегал по улице и размахивая руками пытался загнать попугая в лавку. Попугай, летал взад-вперёд по улице, своим криком – **не спешите всем достанется**, утешал сорок. Бабы забыв про очередь, от смеха валялись на снегу. Наверное, поняв, что на всех хуторских сорок перьев не хватит, попугай изловчившись влетел в лавку,

заскочил себе в клетку и подцепив клювом дверь закрыл её. Бабы вставая на ноги кричали купцу, давай иди торгуй и если всем не достанется, получишь по шее как попугай. Зная крутой нрав казачек, сконфуженный купчишка поспешил за прилавок. Молва про отважного попугая облетела всю округу. И приезжающие гости на хутор, по делам или на рынок все старались заглянуть в мануфактурную лавку поглазеть на отважную птицу, а заодно и что-то прикупить. Так что во все времена реклама была двигателем торговли.

О том как Мещеряковские казаки Тиховским купцам прогали версту резки Тихой

Так повелось, что про Черновцы и Тиховцов ходит на Верхнем Дону много баек. Ещё одна байка гласит о предприимчивых купцах. Как я уже писал, после закрытия Свято-Троицкого Мигулинского монастыря, часть монахов сняв рясы ушли в торговое дело, премного в этом преуспев. Видать стартовый капитал был хорошим. Поселившись на Черновской слободе, вновь испечённые купцы обустроили себе целую улицу, пообженившись, имея бизнес, стали вести светскую жизнь. Наказной атаман, в виду закрытия монастыря, дал вольную крепостным, слободу переименовали в Тиховской, во имя протекающей рядом речки. А местные прозвали купеческую улицу «Жидовской».

Если в станице Мигулинской проживала вся светская элита юрта, то финансовая юртовая элита, проживала в хуторе Тиховском, потому, что там был открыт банк с отделениями во всех больших хуторах Верхнедонья. В то время казаки, получив земельные наделы, тоже стали заниматься земледелием, животноводством, овцеводством, коневодством. И Тиховской банк пользовался на Дону большим успехом. К тому же купцы проводили большие ярмарки, где уходил и их товар. Под-

воз товара наладили по Дону баржами. Пристань была на местечке «Синдикат» или «монастырской пристани». В переводе с древнегреческого языка «Синдикат» переводится, как ассоциация купцов, занимающихся одним направлением. Ходят байки, что греки ещё две тысячи лет назад с Танаиса поднимались по Дону, и в местечке «Синдикат», на среднем Дону, занимались меном товаров с племенами, проживающими на севере.

Но перевалка товара была не выгодна купцам. Они задумались как облегчить себе жизнь. И вот что они придумали.

Был ярмарочный день. С желанием удачно продать и удачно купить съехался весь мир с округи. Казаки с хутора Мещеряковского, с утра загуляли по неведомой причине. К обеду изрядно захмелевшие, они посылали друг друга в лавку, но заначки¹ были пусты. В это время, как бы невзначай к казакам подошёл купец и поинтересовался:

— Что кутим казачки?

— Что имели прокутили, — резанул атаман.

— А вы что-нибудь на ярмарке продайте.

— А дай грёбень, «Чебак» вшей начешет, а ты купи.

«Чебак» улыбнулся щербатой улыбкой и почесал свой кучерявый вихор.

— Не, мне вши ни к чему, плохая примета их в хозяйстве иметь.

— Вы вот мне чего-нибудь в хозяйство продайте.

— А что тебе согдится, чего у нас в карманах нет.

— А вы продайте мне версту речки Тихой.

Казаки заржали, хватаясь за животы.

— А сколько заплатишь купец?

---

¹ В старину казак носил монеты в кожаном мешочке, на длинном шнурке на груди. Мешочек сверху одежды, для верности придавливал поясной, широкий ремень, который называли на Дону начкой, а всё что было за поясом называлось заначкой. И сейчас на Дону пользуются казаки этим словом, упрятав аванс подальше от жены.

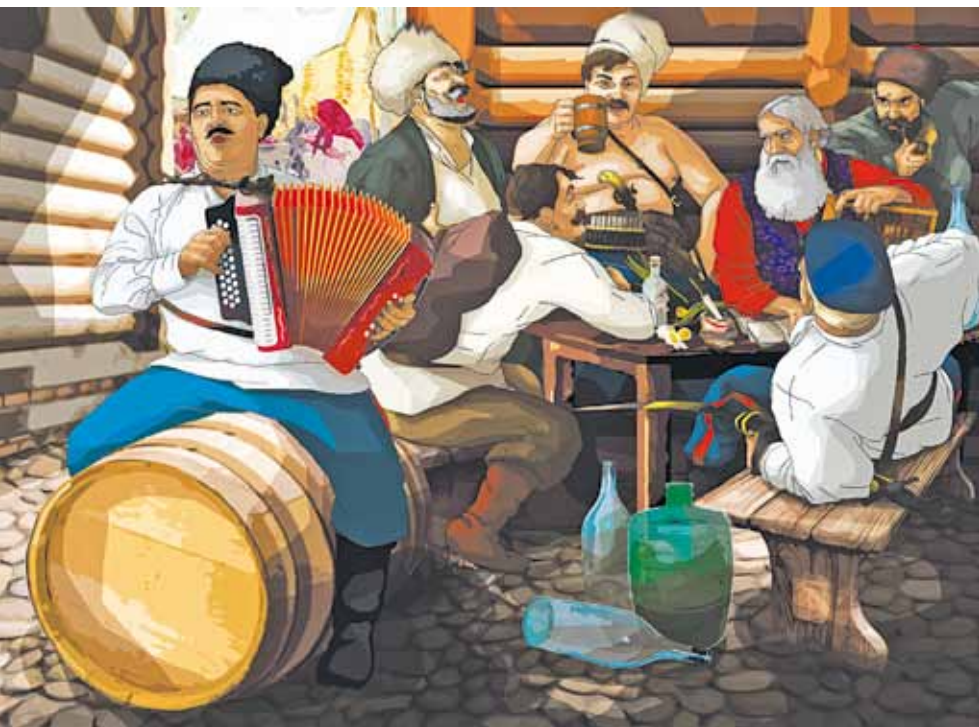
— А сколько выпьете казаки?

— А сколько нальёшь?

Вокруг торгующих, собралась толпа казаков и купцов. Казаки, глядя на свои возможности дружно кричали:

— Бочку атаман! Торгуй бочку водки атаман. Мы отмерим купцам версту Тихой. А Дона и пяди не продадим, а Гнилуши версту так и быть.

В былые времена речку Тихую звали Тишанкой, а ещё ранее Гнилушей. Купцы под шумок с лавки выкатили не початую бочку водки и поставили в круг. Тут же принесли чернила и пергамент. Усевшись прямо за бочку, обмакнув перо, купец стал писать: *«Мы купцы, хутора Тиховского с одной стороны и казаки хутора Мещеряковского во главе с атаманом с дру-*

гой стороны, подписали сию грамоту в том, что казаки жалуют купцам в бессрочное пользование версту речки Тихая возле хутора Тиховского. Не смотря на продажу версты р. Тихой, казакам разрешается в речке ловить рыбу, купаться, поить скот. Купцы со своей стороны обязуются казакам выставить бочку водки». Грамоту скрепили подписями и поставили печати, пожав при этом руки.

Довольные удачной покупкой, казаки загуляли в Тиховском трактире.

Утром возвращаясь домой по мосту через речку, атаман улыбнулся и молвил вот дураки купцы, вот у денег глаз нету, по воде деньги пустили и довольный уехал восвояси.

Речка Тихая по лугу, между хутором Мещеряковским и хутором Тиховским протекала ближе к хутору Мещеряковскому.

Через месяц после сделки, на луг, в районе хутора Тиховского наехали землекопы и начали копать канаву. Казаки не понимали, что затеяли купцы. А купцы, прокапав канаву около версты, соединили её с речкой Тихой. Мещеряковцы сразу подвоха и не заметили. Канаву понемногу набралась водой и в ней завелись лягушки. Они ещё больше смеялись с купцов. Зима выдалась забойной, снега навалило в пояс. А вот весна была дружной, поляя вода была высокой и бурной. Речка Тихая всем на удивление весной весело гуляла по новому руслу, словно новоселье праздновала. В лето вода в старом русле упала и остановилась, зацвела ряской и заросла чаконем. У Мещеряковских казаков даже стойла путёвого для коров не осталось. И пошёл атаман к купцам, с просьбой вернуть речку вспять, но те предъявили грамоту. А Тихая прорезав русло поглубже, протекала прямо по краю Жидовской улицы. Купцы устроили там причал и стали завозить товары по Дону, затем поднимались по речке Тихой, прямо к товарным лавкам. Съезжий люд стал посмеиваться над казаками, мол не делают дела во хмелю, можно и в просак попасть.

О пезнике-конокраде

Эту байку мне рассказал краевед с Воронежской области, на Верхнем Дону она видать была не в чести. Как только крепостным в Воронежской губернии дали вольную, начали крестьяне от земельки бежать. Кто в город, кто мир посмотреть. Но куда вольные крестьяне не ходили, так это за межу, к казакам. Атаманы и так зорко охранявшие свои земли, усилили разъезды, секреты. И без дела шляющихся по Донским степям, отлавливали и кидали в атаманскую, холодную. И если бродяга не предоставлял подорожную, его в течении месяца привлекали к общественным работам, на ночь закрывая под замок. «Одуревшие от воли» подметали, выбеливали станицу, ремонтировали мосты. А через месяц их пригоняли в хутор Рубежный, отвешивали по фунту горячих и выпроваживали за межу, на родину. И те убегая от лихих казачков, зарекались на Дон не ходить и другим не советовали.

На Дону преступления совершались крайне редко, это пошло с глубины веков. Когда ещё организовывалось казачье государство, на большом кругу было принято решение, жёстко бороться с нарушителями принятых обществом законов. Если в междоусобной потасовке казак лишал жизни казака, то связанного убийцу бросали на дно могилы, а сверху ставили гроб с покойником. Если казак подозревался в присвоении чужого имущества, ему на майдане заголяли зад и сыпали горячих, это было самое позорное действие на Дону, после

чего наказанный благодарил весь майдан за урок, зная, что второго шанса у него не будет. Но если на краже был пойман иногородний, его при все людно на майдане били кошками, но не теми, что мяукают, а кованными, коими верши со дна достают. Редко кой крадун выживал.

Но были среди крестьян и такие у каких таланты прорезались. Шабашники сколачивали артели, строили казакам курени, валяли валенки, столярничали. Были и хорошие печники, об одном из них и пойдёт речь.

Слобода Прогорелая Воронежской губернии, расположена недалеко от станицы Казанской, вверх по Дону. И проживал там потомственный печник Зюбин Евсей. Мастер был золотые руки, хозяйством обзавёлся крепким, но был жадным безмерно. Казаки за печи платили справно, но работу принимали придирчиво и если, что было им не по нраву, горе мастеров пинками выпроваживали восвояси, не рассчитавшись за работу.

Собрав инструмент в суму, молодой печник подался на заработки в Казанскую. В воскресенье в станице проходила ярмарка. Потолкавшись по торговым рядам, поспрашивал у торгового люда, но работа ему сразу не подвернулась. На дворе стоял май месяц, солнышко припекало не по-весеннему и Евсей мимо атаманской управы спустился к Дону. По берегу он прошёлся вдоль реки и уселся на дощатый мосток. Достал из сумы узелок с харчами, решил подобедать. В это время он за спиной услышал шаги и приятный девичий голос: «Подвинься мил человек.» По настилу юбками прошуршала ладно сбита казачка. Дойдя до края, она оглянулась и Евсей чуть не подавился, в крутую сваренным яйцом. Стройная, грудастая, чернобровая, губы пухленькие, волосы закручены в узел и упрятаны в шлычку.

— Что мастеровой, не видал казачек?

— Не видал таких.

— Смотри глаза сломаешь, ты к кому нанялся? — спросила дивчина, ей тоже приглянулся бравый с виду парень. У Дарьи, так звали казачку, муж был худосочный, злой, ревнивый и на душу он ей не ложился.

— Да я печник, ищу работу, не слыхала кому нужно печь подправить.

— А что ж не слыхала, нам и нужно печь выгнать, старую уже сломали.

— Может сговоримся в цене?

— Можя и сговоримся. Дарья, зачерпнув воды в ведра, зацепив их коромыслом, легко вскинула на плечи, пошла в гору к куреню.

Быстро собрав свои пожитки, Евсей поспешил следком.

Зайдя в калитку и увидев хозяина, печник снял шапку, поздоровался. Казак средних лет под навесом бушевал¹ колесо от телеги. Он был небольшого роста, худощав, немного прихрамывал. Евсей подумал, что военный находится на излечении, после ранения. Бросив на верстак деревянную калатушку, Пантелей, так звали казака, подошёл к мастеровому.

— Слава богу, — на приветствие ответил хозяин.

— Я печник и могу вам печь выправить, возьму не дорого.

— Знаем мы ваше недорого², — забурчал казак. — Были уже мастера — шкуродёры, повыпроваживал всех.

Евсей понял, что задирать цены не надо, более работы не найдёшь, но не это его держало в этом дворе. Больно ему приглянулась хозяйка, точнее до безумства он в неё влюбился.

Зашли в курень, видать строение ремонтировали, пахло глиной и свежей доской. Место под печь было пустым, окинув взглядом, мастер определил, как он будет обчинать печь, как пойдут хода. Сошлись и в цене.

¹ Бушевал — собирал.

² Стоимость работы по возведению печи доходила до стоимости коровы.

Печники тоже были калачи тёртые и страховали себя. Сложит бывало мастер печь, принимай работу хозяин и гони расчёт. Но под любым предлогом хозяин старался придраться к печнику и рассчитаться не в полном объёме. А когда затопляли печь, она начинала так выть, аж волос дыбом вставал. Как давали полный расчёт, мастер залепит замурованное горлышко от бутылки и печь умолкала. А другой мастер в трубу вставит стекло оконное и как только хозяин вьюшку не открывает, дым в хату валит. После расчёта бросит камешек в трубу и печь исправно загудит. А бывали случаи, когда в трубу тухлые яйца муровали, в доме так сероводородом пахло, что такое не смог бы сотворить и никакой козёл.

В общем, всё началось по-доброму, печник с утра пораньше обчал фундамент и начал выводить цоколь. Кирпич сырец должен выкладываться по сто штук в день, потому как ложился на глине и сооружение могло поплыть¹. Харчевался печник с хозяевами за одним столом. Жили Пантелей с Дарьей вдвоём в пекарке, Евсей же облюбовал себе сенник. С хозяйства, на базу, была коровка, птица, да добрый боевой конь Воронок. Дончак в холке до двух метров был. Вся станица завидовала Пантелею, равных на скачках коню не было.

Когда хозяин уходил со двора, Дарья не отходила от печника. То кваску принесёт, то взваром напоит, то холодным молочком угостит. Не отнекивалась она и от красных словечек, коими осыпал казачку воздыхатель. А раз довела Евсея, что он схватил её в охапку и крепко поцеловал. Вырвавшись Дарья молвила: «Не сейчас, вот Игнат поедет на днях к куму в Мигулинскую, тогда...».

¹ Пояснил мой брат, единственный печник на Верхнем Дону, на печь уходило тысячи полторы кирпича, по-хорошему, печь можно сложить и за две недели, но были мастера, которые и всё лето могли класть, по детству сам такого знал.

Печь помаленьку росла, печник выложил загнетку, под¹ вымостил, загнув дуги выложил свод, а Пантелей, заподозрив неладное в госте, никуда не ехал, а зыркал на печника исподлобья, да пошумливал на жёнку. Трубу Евсей вывел по сроку, осталось подштукатурить печку и шесток² приладить. И тут выяснилось, что Пантелей к куму хотел съездить денег одолжить за работу печнику. С утра оседлав Воронка, казак крутнулся по двору и дав шенкелей, перемахнув через прясло, поскакал к переправе.

Евсей заквасил глины для обмазки печи в деревянном корыте и начал мыть руки, как в хату прошмыгнула Дарья.

— Ну что герой, а муженёк ускакал.

Сообразив, о чём подумала хозяйка, печник сбросил с себя грязную одежду и пошёл за казачкой, которая запирала от назойливой соседки дверь.

— Только он обнял милую, как во дворе раздался конский топот и голос хозяина.

— Дарья готовь стол, кум сам приехал в гости.

У Евсея не только все желания пропали, ему расхотелось жить, у него отнялись ноги, руки. В такой ситуации он ещё не был. Дарья обернулась к печнику и обомлела, тот стоял посреди хаты в чём мать родила, был белее снега и как рыба хватал воздух. Казачка девахой была проворной и поняв, что в таком виде мужу мастер не понравится, начала искать куда того запрятать. Но хата была не обустроенной, были голые стены и печь. Недолго думая, она открыла заслонку, в два момента засунула в печь милого, не забыв закинуть ему одежду и закрыла заслонку.

— Дарья, ты где пропала? Распахнув окно, она кинулась открывать дверь, где чуть не столкнулась лбом с Пантелеем, за его спиной стоял кум Матвей.

¹ Под – дно печи, подовый хлеб.

² Шесток – жёрдочка на которой сушили носки, рушники.

— Да вот окна хотела помыть, пока дома никого нет. Глядя на растрёпанный вид жены, муж заподозрил неладное, аж макушка зачесалась. Оттолкнув бабу, он влетел в хату, но она была пуста, только в раскрытое окно сквозил свежий ветерок. Ушёл гад, подумал казак.

— А где мастер, куму хотел печкой похвалиться?

— Да он глину заквасил и ушёл в станицу, – слукавила жёнка.

— Да, кум печка знатная, не жаль за такую целковых отвалить.

— Я этого печника поймаю, плетей отвалю за работу, поскудник.

Дарья метнулась в пекарку крыть стол. Евсей же свернувшись калачиком, голый лежал на холодных кирпичках, проклинавшая всё на свете, клялся, что на чужую бабу больше не позарится, если конечно живой останется. Главное, чтоб казаки печку затопить не решили. А кумовья устроились в холодке у куреня и целый день песни пели, да службы вспоминали. Печник, немного осмелев, отодвинул заслонку, дышать нечем было, и стал дожидаться ночи. Как только гуляки угомонились, горелюбовник вылез из печи, не одеваясь вышмыгнул в окно и такого дал стрекача, не останавливался аж до межи. Только когда ушёл с казацкой земли, перевёл дух, оделся и пошёл домой. Подходя к Матюшинской станции, на берегу Агафоновского озера, увидел Евсей цыганский табор. И захотелось бедному, обиженному страннику посидеть у костра, пожаловаться на жизнь кому-нибудь. Цыгане встретили дружелюбно, налили самогоночки, дали закусить курочкой и выслушали внимательно. Они с пониманием отнеслись к горю печника, который остался без расчёта, ведь и сами не раз страдали от казачьих плетей. Слишком на Дону хорошие кони были, а посему цыган в степь, как лису в курятник, не пускали. Барон табора слушая внимательно рассказ Евсея переспросил:

— Так это правда, что на базу, где ложил печку стоит Воронка?

— Так и есть.

— А не тонка у тебя кишка казакам отомстить, увести у них Воронка, а мы тебе за такое племя, заплатим цену печки. Жадный печник, недолго думая, ударил с цыганом по рукам. А ещё его толкнуло на эту авантюру то, что он стал подозревать, что Дарья заодно с мужем объегорила горе-любовника. Воронка он не раз поил, гладил его, овса давал, и конь его подпускал.

Откладывать в долгий ящик не стали, цыгане выделили коня печнику и степью сопроводили его до станицы. Забрав коня, они вернулись, а Евсей по над Доном, от хутора Кукуевского, пошёл ко двору Пантелея.

Время подходило к утру, на востоке стало буланеть¹, по станице переключались петухи. Разхорохоренный самогоноч-

¹ Буланеть – светать.

кой, горе-конокрад уже пожалел, что поддался на цыганскую авантюру. Они его как будто заворожили. Но жадность и злоба гнали печника вперёд. Подойдя ко двору снизу от Дона, Евсей перелез через прясло, и прошёл на баз, где под лопасом стоял Воронок. Конь боевой, зачувя постороннего, захрапел и стал бить ногой о землю. Конокрад попытался взять его за недоуздок, но тот дёрнул головой и заржал на весь двор. От страха ночному гостю почудилось, что проснулась вся станица, но проснулись только спавшие на улице кумовья.

— Эй Воронок, турка штоль почуял.

Услышав голос хозяина, конь ещё требовательней захрапел, а печник щучкой нырнул в копну сена и закопался, как мышь. Пантелей с кумом пошли под лопас. Возле коня они никого не увидели, но казак знал своего коня и взяв вилы воткнул их в сено. Теперь уже от воя Евсея проснулись все собаки в кутке, подгавкивая и подвывая печнику. Вилы угодили прямо в зад.

— Ах ты гад! Кум, он у меня кроме бабы, решил и боевого товарища увести. Ну я тебя щас порешу!

— Кум поготь, не сепети, нужно потихому. Раз он хотел прокатиться на коне, мы его покатаем, до Кукуевской балки. Печнику связали за спиной ремнём руки, усадили на Воронка седока и под брюхом связали ноги. Матвей сел на своего коня, Пантелей, прихватив лопату, уселся сзади кума, взяв в повод Воронка. Вся процессия выехала со двора и направилась на окраину станицы. С пробитой задницей, верхом, охлюпкой¹ сидеть было невмоготу, но ещё больше Евсея пугал конечный пункт назначения.

— Казаки, не убивайте меня, Бога ради прошу, не берите греха на душу.

— А мы и не собираемся тебя убивать, мы тебя по старинке, живым закопаем, а там сам как хош, помирай или живи. От

¹ Охлюпкой – без седла.

такой перспективы, у Евсея перехватило дух, не стало хватать воздуха. А казачки выехали в вершину балки и остановились у заброшенных ям, с которых брали глину для кирпича-сырца.

— Кум давай в яму скинем, да присыплем его, а то уже светает.

— Быть по сему согласился Матвей, слезая с коня.

Увидев свою кончину, Евсей во всю глотку так завыл по волчьи, что кони шарахнулись в разные стороны. А Евсей всё орал и орал и нёсся по степи прочь от куманьёв. Вдруг с пойменного леса выскочили на конях цыгане, они с двух сторон окружили Воронка и остановили его, уговаривать коней они умели. Связанного всадника привезли в табор, где Евсея, буквально стащили с коня, стоять он сам не смог и его усадили у костра. Глядя на печника, барон молча достал уговорённую сумму и передал новоявленному конокраду. Не потому, что он был честным, а потому, что стало жалко печника, от мокрых штанов которого пахло не как с вечера, свежей глиной.

Цыгане сняли табор и быстренько убрались подальше от казачьих земель. Евсей, добравшись до дома, собрал котомку ушёл из дома ближе к Воронежу. И по сути из-за девичьей красоты пострадали все, за исключением хитрых цыган.

Как казака от загула лезили

Как сказывал мой родной сват, Василий Филиппович Горбачев, это произошло в хуторе Стоговском. Название хутор получил от меловых останцев, которые в виде двух стогов стоят на правом берегу Дона. В этом месте великая река была широкой, но мелкой. И так сложилась, что меж этих стогов боевые и торговые пути проходили на север в Русь или на юг в степи Донские, далее на Кавказ и Крым. Меж стогами и Доном располагался Казанский городок, это видно по атласу Крюйса, кой он рисовал для царя Петра Великого, когда тот собирался с Воронежа спустить до Азова корабли. В общем со второй половины 19 века, под этими меловыми стогами, обосновался хутор Стоговской.

Над самым Доном проживали два кума казака, которые и дня не могли провести по одиночке. А всякая встреча, без штофа не обходилась. Казачки были уже отставные, поэтому атаман на их бражную дружбу внимания не обращал. Вот только один кум был пудов на восемь, а другой и до четырёх пудов не дотягивал. Соответственно у первого после трёх рюмок ни в одном глазу, а другой уже песни затягивал. И так они до дружились, что худосочный кум Игнат прочно попал в руки Дионисия¹, он как и бог на день по несколько раз умирал и просы-

¹ Дионисий – бог виноделия др. греч. миф.

пался, как ни в чём не бывало. Спыхватился кум Афанасий, но было поздно, Игнат на уговоры бросить пить не реагировал. А чего только жёнушка с ним не делала – и куриного помёта в самогон подмешивала, и к бабке ведуньи ходила, и на коленях просила, даже перестала к себе подпускать. Бражка стала для Игната всех милей. Насатанилась тогда кума на Афанасия, ты мол его сбил с правильного жизненного пути, вот ты с ним и живи. Признав вину, Афоня поклялся перед Богом куме, что Игната вернёт к жене в правильном виде и забрал с собой. Домой естественно не повёл. Своя жёнка ещё круче кумы была. Схватил в охапку кума и поволок его на берег Дона. На берегу, на боку лежало несколько каюков¹, выбрав какой стоял ровней, Афоня опустил в него родного кума, который в стельку пьяный, спал безмятежным сном. И задумался Афанасий, присев на соседний каюк: как выручить из беды друга, который, хоть и мал по жизни был ростом, но в молодости был великим рубакой, камышинку на лету трижды перерубал, а иной раз и вдоль распускал. Был ему Игнат не просто кумом, кровным братом. Не раз в бою выручал он своего здорового, но не очень поворотливого друга. Да, если не отучит пить, то самому каюк, кума прильёт. И тут его осенила идея! Побежал домой, выстругал небольшой крест, набрал гвоздей, взял молоток, прихватил с собой жену, не забыв позвать на берег куму и соседей. Собравшись вокруг пропивашки, взялись дружно за дело. Положили поудобней тело в каюке, сложили ему руки на груди, вложили в них крест. Подобрал с ровными краями ещё один каюк, положили сверху. И Афоня сбил их гвоздями. Получился великолепный гроб². Кумовья сидели вокруг сбитых

¹ Каюк – долблёная лодка.

² В старину казаки хоронили своих усопших в колодах, долблёных гробах с вербы. На Мигулин горе, было старое казачье кладбище. При больших разливах, в семидесятых годах, подмывало гору и с неё вываливались гробы-колоды и их уносило течением. В последствии, лодки долблёнки, по форме гробов, стали называть каюками. И если жизни угрожала опасность, казаки говорили: - тебе будет каюк, или ему пришёл каюк.

каюков и ждали. Вдруг внутри послышался стук, кум подошёл к «гробу» приподнял и стукнул его о берег. В это время, как на похоронах бабы заголосили в один голос и стали комья земли кидать на колоду. Что происходило внутри было не вообразимо. Игнат ревел дурниной, клялся во всём, пытался сквырнуть верхний каюк, но добрый куманёк надёжно его пригвоздил.

Из рассказа горе покойника: «Когда я проснулся, думал уже ночь, в руках что-то было, полапал и ужаснулся, крест! Лап с лева – доска, лап справа – доска, сверху доска!!! И тут, – бум, в могилу опустили и начали землёй закидывать, ну думаю до-

пился, что и сгорел от браги. А как хотелось жить, не похмелиться, а жить!»

Поиздевавшись над кумом, кум крикнул:

— Дадим ещё шанс Игнату пожить?

— Дадим, — ответила жена, — выпьет, сама замурую.

Когда сняли верхний каюк, Игнат выпрыгнул из нижнего, как чёрт из табакерки, кинулся жену обнимать и что её расцеловывать, что причитать. Еле уgomонили казачка, но тот поклялся:

— Рюмке, ни, ни!!!

Да перестарались глядя на кума молвил Афоня, он был белым, как лунь. Зато кума в последствии не могла нахвалиться мужем и мудрым кумом. А на гулянках Игнатка сидел трезвехоньким и на предложение казаков пропустить чарку, отвечал:

— Нет, ня буду и вам не советую, а то и вам каюк будя.

Байка о том, как казаки гугу гнули

Эту байку я услышал несколько лет назад от деда Ивана с хутора Казанско-Лопатинского. Здесь я хочу заметить, что байки гуляли по Дону из уст в уста, особенно баяли при застольях или на ярмарках, обмывая удачные сделки. И каждый рассказчик, где-то услышанную байку, примерял на своих земляков, выискивая похожих персонажей.

Жили были не тужили два кума-казака в хуторе Казанско-Лопатинском. Были они хозяевами тёмными, а в общем у них всё с рук валилось.

У казака детства не было, с малолетства его готовили к службе в армии. А когда выдали наделы земельные, казакам, которые не сдавали в аренду паи, ещё и в земле приходилось ковыряться. С 18 лет казака вносили в реестр, и он до 43 лет справно служил, а после ещё на 8 лет заносили во второй эшелон, где заслуженный казак обучал ратному делу молодёжь, а когда ему шёл уже шестой десяток, редко у какого отставного, было огромное желание трудиться ещё и на земле. Вот и два кума проживших более полувека, не горели большим желанием вести домашнее хозяйство. Но как только, они по случаю, а случаи бывали частыми, садились пображничать, после каждой рюмки у них крепла хозяйская жилка. Однажды по весне, кумовья засиделись за чаркой и до

такой степени набрались, что поклялись друг другу, по утрам идти в лес, чтоб заготовить оглобли на одноколки и дуги. По весне, при сокодвижении у деревьев, действительно идёт заготовка этих конских атрибутов.

Снег сошёл, к обеду пригревало ещё ленивое солнышко, земля после тяжёлой зимы легче задышала. Вот в это прекрасное время и вышли на добычу два кума, захватив с собой топоры, по налыгачу¹ и харчишек. С утра оба не завтракали, тяжело было после посиделок. Поднявшись по буераку в лес Бударный, вопреки кумовья присели на валежник. Переглянувшись, поняв друг друга, кумовья стали тормозить тормозки. Кабель, по кличке Чингиз закрутился возле хозяина, злобно поглядывая на незнакомца.

— Петро, а чего он на меня рычит, — спросил кум Савелий.

— Дык, скотина учёная, понимает и терпит только хозяина. Даже жене, голяшку куснул, когда она на меня коромыслом замахнулась.

Кроме сала и яиц с хлебом, нашлась и бутылочка зелья. Опохмелившись, кумовья начали рассуждать.

— Савелий, в вершину не пойдём, там одна осина

— Правильно Петро, а нам нужен вяз, он и крепкий, потому как древесина кручёная и гнётся, не ломается.

— А вот деды наши они дуги гнули прям на корню.

— Это как? — не поверил Савелий.

— А так, гнуть дерево легче, когда оно длиннее, а затем связать и подрубить, и укладывая в навозную кучу запаривать.

— А ты прав, кум. Давай так, ты полегче на ходу, лезь на вязину и привяжи налыгач повыше, и сверху загинай, я за него с Чингизом буду тянуть.

— Будь так, только с псиной в аккурат, а то он с перегаром даже меня зрить не можеть.

¹ Налыгач — верёвка.

— Управимся, — молвил Савелий, связывая два налыгача и один конец передал куму.

Петро был худосочный и как кошка стал карабкаться по стволу выбранного дерева.

Забравшись на макушку, он привязал свой край налыгача и крикнул:

— Кум, не толстовата ли вязина, что-то слабо гнётся?

— Ничего, не таких загинали, — хорохорился Савелий и начал тянуть верхушку к земле.

Дровиняка гнулась, но слабо.

— Петро, ты дюже не бойся, не больно и высоко, ты ближе к краю перелезь и там висни.

— Я и не боюсь, — перехватываясь, Петро полез ещё выше.

Ствол стал понемногу гнуться. Обрадованный тому, что дело пошло, хмельной Петро дурниной заревел:

— Давай, давай, давай!!!

Савелий стал выбирать почуть налыгач, радуясь, что дело спорится.

А Чингиз команду хозяина понял по-своему. Оглянувшись и никого не найдя вокруг, кабель решил, что хозяин его травит на этого вонючего перегаром казака. С радостью и в службу хозяину, собака во всю пасть вцепилась в мясистую задницу Савелия. Тот с рёвом бросив свой край налыгача, схватился за прокушенную задницу. Вязина, избавившись от лишних восьми пудов, замерла, а потом, не заметив хилого веса Петра, легко выпрямилась.

В полёте Петро успел всё, проклясть своего не радивого кума, всё простить своей ворчливой жене и даже успел рассмотреть за делом своего любимого пса, от чего ему стало легче и пролетев несколько метров, казак врезался в густо разросшийся на опушке куст кислицы. Падение на землю казака придерживали огромные шипы, которые, как ему казалось, пронзали его насквозь. На землю Петро упал больше похожим на ежа, чем на отставного вояку. С леса, с матом и проклинаниями всего на свете, кумовья возвращались разными дорогами, но встретились вновь у коновала хуторского, который одному обмазал карболкой покусанную задницу, а другому с задницы, как гвозди щипцами вынимал шипы. Выйдя на улицу, кумовья поняли, что весь хутор об их похождениях уже знает. И махнув рукой, не жили богато, нечего и начинать, прошмыгнули в лавку.

Как казаката станции Казанской у царя пушку заслужили

Так испокон веков повелось, что в охране Царя служили в основном казаки с Верхнего Дона. А точнее в лейб-гвардию набирали двухметровых голубоглазых блондинов, какими и были в основном наши предки, как рассказывал мне дедушка Корней, ещё в семидесятых годах. Когда приходил новобранец, царь лично с ним беседовал.

— Какой станции будешь, казак?

— Казанской.

— И фамилии чьей?

— Плешаковых.

— А каких Плешаковых?

— Ивана Петрова сын.

— Твоего отца знаю, служил у меня, славный казак был. А твой дед служил у моего отца, помню и его, был тогда ещё мальцом. Добрый был воин.

Так непринуждённо Николай II вёл беседу с молодым казакком, тем самым задевая гордость молодца и располагая его к себе. Ведь гвардейцы ради государя и его семьи живота не щадили. В конце беседы, царь вручал вновь прибывшему казачку два сундука¹ с именными накладками. Один большой сундук

¹ Таковы сундуки с накладками имеются в музее ст. Казанской.

устанавливался в казарме, возле кровати гвардейца, а второй был в виде тревожного чемоданчика, т. е. походного.

Так вот, в 1911 году в Казанском юрту правил атаман Дронов, который отвечал, как за реестровое казачество, так и за подготовку казачат к службе, которых с трёхлетнего возраста начинали обучать ратному делу. К двенадцати годам это были готовые воины, владеющие любым видом оружия, джигитовкой, единоборствами, а к восемнадцати, как сейчас говорят, уже можно было давать краповый берет.

Узнав от прибывшего на побывку станичника о том, что царь всем двором в сентябре приедет в Крым отдыхать, атаман с дюжиной казачат верхами решил съездить ко двору и показать своё умение ратного дела. Согласовав с руководством и пошив новую форму, 36-летний подъяесаул Дронов со своей зелёной гвардией прибыл в Крым в конце сентября 1911 года. Расположились биваком на берегу моря. Повстречав земляков с Дона, которые в составе казачьего хора пели при дворе казачьи песни, узнал, когда царь ведёт приём при дворе. На следующий день, облачившись в парадный китель с наградами, атаман явился в Ливадийское имение и попросил доложить царю о прибытии атамана ст. Казанской Дронова. Царь, услышав доклад, незамедлительно принял лихого вояку, так как лично его знал по службе в лейб-гвардейском полку. Поздоровавшись, он осведомился, что за заботы привели атамана ко дворцу. Улыбнувшись, тот доложил, что забот никаких не имеет, а желает показать выучку казачат военному делу в раннем возрасте. Царь был весьма удивлён и решил показать всему двору, как обучаются его будущие воины. На следующий день он назначил смотр своего «зелёного войска».

На потеху собрался весь бомонд, много было дам и даже иностранные представители. Царь лично представил атамана публике и пояснил суть дела. Под громкие овации, казачата на красавцах дончаках, в новенькой форме, проследовали

строеном по кругу площадки, выехали в центр и по команде атамана такое началось, что у бывалых офицеров кровь стыла в жилах. Под свист и гиканье казачата галопом рассыпались в разные стороны, а затем начались бешеные скачки по кругу. Но они не только скакали, а выделяли элементы джигитовки и при этом умудряясь на скоку рубить заранее натыканную в землю лозу. Забрав у товарищей по второй сабли, казачата рубили с двух рук. Подхватив с земли копьё, на ходу попадали в подвешенные кольца. А когда пошла чистая джигитовка, при которой юные воины на ходу на лошадях делали пирамиды, проползали под брюхом лошади. Два всадника растягивали за руки, за ноги третьего, а четвёртый догонял их и конь перепрыгивал через живой барьер. Слабонервная публика не выдержала и стала верещать, а царица Александра Фёдоровна лишилась чувств. Царь незамедлительно остановил представление, но сам был весьма доволен, особенно его радовал восторженный вид иностранных представителей.

Они говорили, как можно побить в бою казаков, если их дети уже так обучены военному делу. Атаману царь объявил благодарность за старание в ратном деле, а всех казачат одарил подарками и поставив их на дворцовое довольствие, пожелал хорошего отдыха. Ещё в память о таком событии Николай II даровал на станицу Казанскую пушку. Отдохнув на славу, атаман повёл опять свою гвардию на Дон. Пушку сняли с лафета уложили в телегу с провизией, а сам лафет зацепив за телегу, отбыли домой.

В первой части байки мы вам рассказали о том, на каком уровне была боевая подготовка молодого пополнения Войска Донского и как это ценил царь. Во второй части байки мы поведаем о том, что статус казака на Дону, был выше статуса купцов и прочего люда не казачьего происхождения.

Прибыв в станицу, Дронов собрал правление казаков, на котором доложил об итогах поездки и поставил вопрос на

рассмотрение, что делать с царским подарком. Предложений было уйма. Некоторые хотели, как в Елани поставить пушку у церкви, другие галдели, что пушку поставить нужно на порожках атаманской управы. Но в виду того, что большинство правленцев служило в лейб-гвардии в г. Санкт-Петербурге, прошло предложение, чтобы как в Петергофе стрелять с пушки к обеду в Казанском храме и Свято-Никольской церкви х. Тубянского. Недолго думая, тут-же было рекомендовано за пушкой закрепить двух бывалых, отставных пушкарей, выдать им хронометр, для определения времени, необходимый запас пакли и пороха, для производства холостых выстрелов.

Пушку новоявленные канониры поместили в землянку рядом с атаманской управой. Кстати за дерзкую джигитовку и выучку казачат ратному делу, атаману было незамедлительно присвоено звание есаула.

По центральной улице ст. Казанской, которая проходила от переправы через р. Дон мимо храма на северную окраину станицы, были расположены торговые ряды купца Малеева, самого именитого торговца. У него были бакалейная, скобяная, шорная лавки, питейное заведение. Особняк Малеев отстроил в самом удобном месте, против атаманской управы, на берегу Дона, а точнее против землянки пушкарей.

В назначенный день дождавшись полудня, казаки выкатили пушку, зарядили её холостым зарядом, забив побольше пакли, навели пушку на цель и выстрелили ровно в 12-00 ч. В двух храмах сразу затрезвонили колокола и началась служба, прям как в Петергофе. А выстрел был не только громкий, но и меткий. В особняке купца Малеева вылетели окна с улицы напроць. Придя с обедни домой, Малеев был весьма озадачен, но жаловаться никуда не стал, подумав, что это по случайности, дал команду работникам застеклить окна. На следующий день в обед всё повторилось до точности. Придя домой и войдя в залу, купец опять увидел, что стёкла выбиты, по комнате ва-

ляется обгорелая пакля, прям как на передовой. Несправедливо нашумев на домочадцев, купец опять дал команду стеклить окна. Малеев в столице не бывал, и такая традиция со стрельбой ему явно не нравилась. На следующий день купец решил стрельцов поймать с поличным. Поглядывая на часы, стал наблюдать за казачками, которые не спеша выкатили пушку, не торопясь зарядили, навели прицел на купеческий дом и ровно по времени грянул выстрел. Но ещё громче, зазвенело битое стекло в окнах особняка. Дождавшись с обеда атамана, Малеев пошёл к нему на приём. Завидев соседа, Дронов радушно встретил купца, хитро улыбаясь, уже зная, о чём пойдёт речь. Волнуясь, купец поведал о своей беде, напоминая о том, что он самый именитый купец в юрте. А самое обидное было в том, что деньги на форму казачатам, которые заслужили пушку, выделил сам Малеев. Выслушав станичника, атаман развёл руками и молвил о том, что пушкари у него в реестре не состоят, а как заслуженные вояки восседают в совете стариков, как бы и сам атаман под ними. Но дал совет, самому сходить к старичкам, преломить шапку и попросить их более не баловать, они разумные, поймут. Поняв, что другого выхода нет, купец направился к пушкарям.

— Здорово дневали, казаки.

— Слава богу, — ответили те.

— Казаки, а нельзя ли завтра к обеду пальнуть над Доном?

— Можно и над Доном, — молвили те.

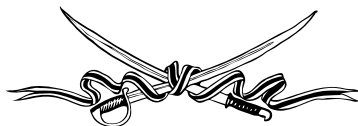
— А что для этого надо?

— А для этого с тебя штоф¹ водки и закусить, а не поспеешь будешь стеклиться.

Поразмыслив, купец по-доброму согласился, ударив со стариками по рукам. Так до 1917 года купец ежедневно потчевал пушкарей.

¹ Штоф – 1 литр 750 гр., видать разовая доза для старичков.

В Шумилинском восстании, в 1919 году, пушка тоже принимала участие на стороне восставших. Последняя информация о знаменитой пушке была о том, что отбивали с неё казаки наступление красных со стороны с. Березняги в районе х. Казанско-Лопатинского. И если у кого есть о ней какая-либо информация, поделитесь пожалуйста с работниками музея. Краеведы же, воссоздали реконструкцию «царского подарка» и теперь пушка салютует именитым гостям и станичным новобрачным, но не по окнам новых русских, а по над Доном, иногда пугая, зазевавшихся рыбаков.

Про казака и козла

Рассказанный казус произошёл в славном хуторе Шумилине¹. Дело было в самом начале лихого XX века.

На краю хутора, с южной стороны, повыше от речки Песковатки, было расположено кладбище², ниже хутора – Гребенняковский и Свидовский. В хуторе Свидовском стояла мельница. Дорога с хутора Шумилина в хутор Свидовский проходила в аккурат мимо кладбища. Это я подробно описываю, чтоб читатель имел полное представление о месте действия.

Была уже поздняя осень, на мельнице было завозно³. Казаки спешили до Покровов управить все дела. Мирошником⁴ на мельнице, был житель хутора Шумилина, отставной казак, по имени Лазарь. Домой он каждый день ездил на лошадёнке. Был у него сват Митро, выпить не дурак. И по просьбе свахи, пристроил Лазарь своего свата к себе в подручные. Зерно принимать, смотреть чтоб не сорное оно было и не худое. Муку отпускать строго всё по очереди. Это залог порядка на мельнице, ибо неугомонные казачки могли мельницу разнести в прах, им только повод дай.

На мельницу казаки с ночёвками ездили, как на ярмарку, с удовольствием. Тут можно и односумов⁵ встретить и новы-

¹ Ныне ст. Шумилинская.

² Сейчас оно практически в черте разросшейся станицы.

³ Завозно – много помолу.

⁴ Мирошник – мельник.

⁵ Односум – однополчанин.

ми знакомствами обзавестись, с мужиками подраться, в общем все прелести жизни. А главное в очереди, за чаркой можно услышать и байки, и рассказ про службу царскую. Провиант раскладывали прямо в телегах на мешках и угощали друг, друга. Старались подмаслить и работников мельницы, но мирошник был ни-ни. А вот его сваток с удовольствием: то у одной телеге задержится, то у другой спотыкнётся, а за день оно и нормально на душу получалось. В один из таких завозных дней и наакался в зюю, ходил по мельнице спотыкался, только мешал работать. Сват терпел, терпел, а когда подсобник затынул песню, не выдержал Лазарь и под задником выпроводил домой родню свою.

Потянув ещё пару стопок, Митро похлопал по раскисшей дороге домой. Путь был пешочком не из близких, с учётом душевного состояния казака. Идти по грязи было ох как неудобно! Митро старался идти сбок дороге, по травке. Дойдя до окраины родного хутора, странник упёрся в кладбищенскую каменку¹. Чтоб опять не хлюпать по лужам, казак перелез через ограду и зашагал по травке, держась поближе к каменке. Шёл brave казачёк с начало смело, а затем вспомнив, что померла бабка Нюрка, которую на завтра должны хоронить, его взяла оторопь. Где-то на кладбище, уже должна быть вырыта могила, на Дону хоронили на третий день. Всё бы ничего, да в хуторе поговаривали, что она немного ведьмовала. С такими мыслями и брёл Митро по кладбищу, озираясь по сторонам. И вдруг земля под ногами раздвинулась, и казак полетел в преисподнюю, успев подумать: «Господи за что?» Приземление было громким, аж ёкнула селезёнка.

«Началось», – подумал моментально трезвеющий, хуторянин. Тут до него дошло, что он лапал руками самого беса. Руки перебирали по обросшему шерстью телу, которое находилось рядом с ним, в преисподней. Ещё не веря в случившееся, Митро стал искать руками в темноте лицо чёрта. Одна его рука схватила бороду, а вторая длинные рога. Всё! Все сомнения у

¹ Каменка – ограда из камня.

казака отпали и в нём сработал инстинкт воина. Грешник начал душить чёрта, борясь за свою жизнь. Придавленный к полу чёрт заблеял, как настоящий козёл. И тут обезумевший Митро стал приходить в себя. Облапав всего беса, он понял, что это действительно козёл, которого он не раз видел у кладбища. Обойдя своё пристанище, стало ясно, что два брата по несчастью попали в свежевырытую могилу. И заплакав от счастья, проклиная всё на свете, в том числе и свата, Митро стал обнимать единственно родное существо в белом свете. Неоднократные попытки, выбраться из западни не увенчались успехом. Чего, чего, а копать могилы казаки умели. На улице было холодно, шла мжичка¹. Митро выбрал угол посуше, и обняв брата по несчастью, пригревшись задремал.

Лазарь, проработав допоздна, умаялся. Без помощника было трудновато. Определив не успевших промолоть зерно казачков в людскую², замкнув мельницу, он усевшись на телегу, тронул домой. По дороге жалел, что так обидел родного свата и

¹ Мжичка – мелкий дождик.

² Людская – хатка при мельнице.

решил на утро попросить у него прощения. За думками и не заметил, как доехал до кладбища.

Услышав скрип телеги, задремавший Митро, вскочил на ноги и начал кричать: «Сват, сват, помоги!!!» Лазарь угадал голос свата, ринулся во тьму кромешную на выручку, перемахнув через каменку. Присветив серниками¹, Лазарь увидел свежерытую могилу и подойдя к краю, лёг на грязную землю, подав свату руки. Сват же добрая душа пожалел скотинку, ставшую за это время ближе всех на свете, взял козла в охапку и подал на верх. Ещё не поняв в чём дело, Лазарь схватил козла за рога и начал тянуть, но, когда тот дыхнул в лицо спасителю смрадным духом. Добрая душа казака чуть от страха не покинула его плоть. С криком: «Черти!!!» Козла вернули в могилу, а Митяй, поняв в чём дело, изошёлся смехом.

Лазарь потом не мог вспомнить как доехал до церкви, где отпевали бабку. Вызвав батюшку, сбивчиво начал рассказывать, что в могиле у неё черти беснуются и чуть не заманили его голосом свата. Учувя слабый запах спиртного, поп перекрестил казака и с богом отправил восвояси почивать.

День выдался пасмурным и сырым, с обеда ещё не сошёл туман. Погрузив гроб, процессия двинулась на погост. Подъехав к кладбищенским воротам, гроб взяли на руки и во главе с батюшкой пошли к вырытой могиле.

Охрипший, осипший, замёрзший и уже ничего не соображающий Митро, услышав траурную процессию, подошёл к краю могилы и начал подавать наверх козла, о которого грелся всю ночь.

А батюшка, подойдя к могиле, по-хозяйски решил заглянуть и проверить, хорошо ли её подчистили. То, что он увидел, лишило его дара речи, а затем и чувств. Из могилы на него смотрел рогатый сатана. Подоспевшие казаки быстро разобрались в чём дело. Козёл от хуторян получил в последствии кличку Сатана, а казака Митьку стали кликать Козлом. И сейчас шумиляне знают, что живут среди них казачки с такой кличкой.

¹ Серник –спичка.

Баўка про казака-бурюка

На Верхнем Дону волков-одиночек звали бурюками. В Мигулинском юрту был хутор Бирюковский, он и сейчас стоит на речке Тихой, под меловой горой. Проживал в хуторе Бирюковском отставной казак Степан. Выйдя в запас, он при большом наличии свободного времени увлёкся охотой, и в основном на волка, так как на него атаман разрешал охотиться круглый год. За добытых же волков, ещё и приплачивали с казны. Редко какого матёрого охотника называли Волчатником, а Степан мечтал о таком уважительном прозвище. Был у казака кабель, неопределённой породы, по кличке Монгол, он своей скуластой приплюснутой мордой, был схож с самим Чингиз ханом.

Однажды по весне Степан спустил Монгола с цепи и тот нарезав пару кругов по двору, с лаем убежал вверх по залесённому буераку Бурлацкому. «Ничего промнёшься и домой вернёшься» – весело подумал хозяин. Минуло уже несколько часов, а от псины ни слуха, ни духа. Забеспокоился казак за своего верного друга и решил прогуляться по лесу и сам. С речки по балки подул свежий ветер и казак, одев зипун пошёл на поиски кобеля. Поднимаясь по дну балки, лес просматривался по обе стороны, Степан оглядывался по сторонам и звал свою псину. Справа в балку выходил небольшой распадок, который густо зарос терновником. Охотнику померещилось, что в кустах мелькнул силуэт его беглеца. Поднявшись по распадку

вверх и обойдя терновник, казак заметил большой пень, под корневищами которого темнел вход в нору. Забыв зачем шёл, следопыт обрадовался, что нашёл волчье логово. Став на колени, он увидел множество грызанных костей и заглянув в нору понял, что оно глубокое и узковатое. Представив, как ему будут завидовать именитые волчатники, за то, что Степан за пазухой, принесёт целый выводок волчат, не раздумывая полез в нору. Нора становилась уже и уходила в сторону. И тут Степан понял, что он не лезет по норе, а скользит коленками по глине на месте. Чертыхнувшись, на свой толстый зад, казак попытался вылезти наружу, ему показалось, он долез до края, но, когда пятился, зипун завернулся и основательно заклинил

тело в норе. Дёрнувшись вперёд, а затем назад, окончательно понял горемыка, что попал в западню. Его бросило в жар, затем в ознобе застучали зубы, аж эхо по норе пошло. Бывалый воин впал в панику. Ему казалось, что он слышит щёлканье клыков волчат, хотя это стучали его зубы. Но ещё в больший ужас казак пришёл, когда представил, как возвратившись с охоты, волчица будет рада незваному гостю и его начнут поедать спереди и сзади.

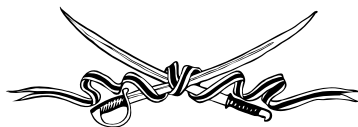
Степан начал читать «Отче наш», но понял, что он в момент забыл все молитвы, даже Господь отвернулся от него в сей час. И тут произошло то, чего больше всего боялся охотник.

На своей заднице он почувствовал клыки. Зверина осторожно пыталась зубами зацепить сукно шаровар, но ткань плотно облегла крупные половинки. Изловчившись, Степан лягнул зверя ногой и попал прямо в грудь, но судя по тому, как волчица не отлетела, а только немного подалась назад, бедолага понял, что хозяйка логова матёрая, пуда на четыре. Оставив зад в покое, зверь рыча схватил казака за голенище сапога и стал тянуть ногу. Попытки вырвать ногу из пасти, не увенчались успехом. Поняв безвыходность положения, от страха, безысходности и ужаса Степан завыл волком в норе. Вдруг волчица бросила ногу и завыла тоже. Наверное, подмогу зовёт, решил казак и завыл пуще прежнего. На улице вдруг всё стихло, что ещё больше насторожило бедолагу. И тут звери схватили пленника за обе ноги и стали тянуть с норы. Степана так тянули, что ему не хотелось покидать, теперь уже своего убежища. Он понимал, что на улице его вмиг разорвут волки. С рёвом и благим матом казак вывалился на свежий воздух и вмиг схватил волка за глотку, который кинулся на него. Зверь уже стал хырчать, когда человеческий голос за спиной молвил: «Стёпа брось Монгола, задушишь». И тут до казака дошло, что он душит родного пса.

— Стёпа, это псина пыталась тебя вытащить с прошлогодней барсучий норы, а потом так выла, что мне с обходчиком пришлось прийти на помощь, — молвил лесной сторож, дед Михайло.

Отряхнув с колен белую глину и оправив зипун, следопыт позвал пса и направился домой.

В след он услышал: «Стёп, ты б это, в ерике порты сзади замыл, а то хуторяне волчатника не поймут». И тут по запаху и дискомфорту в подштанниках казак понял, что он облажался. На хуторе этот казус узнали быстро и дали прозвище Степану не Волчатника, как он хотел, а Бирюк. И стал он похож на бирюка, так как начал сторониться людей и жил одиноко.

Приключения казака Чигуши

На Верхнем Дону народный герой Чигуша, в старости любил рассказывать байки, в которых высмеивал казачьи пороки. Сам же Чигуша, рос взбалмошным и бедовым мальцом. Ни одна проделка в хуторе не проходила без его участия. По приданию Чигуша родился в хуторе Чигонацком, Мигулинской станицы, хотя хутор Чигонацкой есть и в Вёшенском юрту. Чигонаки — это поселение казаков, хаты в котором ставились на сваях или на высоких фундаментах, так как эти поселения были вдоль Дона и заливались полной водой. Вот и спорь откуда родом, этот знаменитый Чигуша. Я же хочу повествовать ни Чигушины байки, а байки про Чигушу. Как на самом деле звали нашего героя, теперь уже и не узнать, а кликали его все по нелепой кличке, которая прилипла к нему с раннего детства.

Чигуша-пзеловог

Дед Чигуши занимался бортничеством, он разводил пчёл, продавал мёд и воск. Луга вдоль Дона были заливные, вся пойма с весны благоухала запахом разнотравья. Казаки вокруг своих подворий насаживали садов из яблонь и груш. Вот в таком саду и стояли колоды с пчёлами деда Митяя. Однажды, семья Чигуши, отобедав, поплескав воды на глинобитный пол,

устеленный бурьянком, дабы переждать жару, улеглась отдохнуть. Вытянулся на широкой лавке и Чигуша. Дед же, зная, как тяжело его пчёлкам, пошёл на пасеку. В хате уже все дремали, когда во дворе раздался крик деда Митяя: «Роятся, роятся!!!» Это означало, что рой пчёл мог покинуть родную пасеку и улететь в лес. Вся семья выбежала в сад и увидела, что с помощью дымяря и воды, дед усадил рой на ветку яблони. Пчёлы живой массой окружили свою матку, которая метрах в трёх от земли села на ветку. «Чигуша, унучек, помоги родный, уйдут пчёлы», – попросил дед внука. При этом, он сунул ему в руки лучковую пилу, а сам взял огромный самотканый мешок. Домочадцы наблюдали за этой картиной со стороны. Чигуша вскарабкался по стволу и уселся на ветку, где висел рой

пчёл. Маски у мальчика не было, и чтобы злые пчёлы не укусили его в лицо, он уселся к ним спиной. Дед же натянул маску на лицо, раскрыл мешок под пчёлами, крикнул: «Пили!». Поняв это буквально, Чигуша снял с шеи пилу начал пилить сук, на котором сидел. Никто не успел ничего и понять, как ветка, на одном конце которой сидел Чигуша, а на другом конце висел рой пчёл, хрупнула и полетела вниз. В виду того, что малец весил больше чем пчёлы, в развёрнутый дедом мешок, Чигуша вошёл первым, а на него свалился рой пчёл. Дед Митяй со сноровкой змеелова, закрутил мешок, радуясь, что поймал рой. О том, что в мешок угодил и внук, дед сообразил не сразу, в виду своей слепоты и маски на лице. Вдруг мешок в руках запрыгал и из него раздался душераздирающий не человеческий крик. Не понимая в чём дело, дед одной рукой ухватил покрепче мешок, а другой скинув маску, перекрестился. Глянув на домочадцев, он ещё больше пришёл в замешательство. Вся его семья валялась на земле и корчилась от смеха. А мешок всё выше прыгал в руках пчеловода, издавая вопли. Сообразив наконец, что в мешке его родной внук, Митяй бросил мешок на землю, из которого, как чёрт из табакерки выскочил Чигуша, а за ним вылетели и пчёлы. Внук проворно нырнул под руку деда и дал, стрекоча по кустам, петляя, как заяц. Обиженные пчёлы свой гнев излили на знаменитого пчеловода. К удивлению, всех, на лавке в примочках стонал не Чигуша, а дед Митяй.

Чигуша – коневог

Хутор Чигонацкий от Мигулинской станицы находился через Дон, на левом берегу. Переправлялись в станицу из покон веков на пароме из лодок, а 1908 году, Мигуляне соорудили через Дон мост. По воскресеньям дед Митяй ездил в Мигулин-

скую на базар продавать мёд, с собой он зачастую брал и Чигушу, за лошадью присмотреть. Внук до безумства любил своего Орлика, хотя в душе завидовал казачатам у кого во дворе под лопасом стоял конь. Ведь чем конь от лошади отличается? Всезнающие москвичи, посетившие наш музей, на это вопрос не задумываясь отвечали: «Может этим..., полом?!» Ответ можно найти в песнях казаков. Конь боевой с походным выюком, у церкви ржёт ковой-то ждётся. То есть конь — это боевая казачья единица. А рабочая у нас лошадка и эти понятия не зависят от пола. Лошадь, в большинстве своём выбраковка. И назвать коня в присутствии казака, лошадью, это равносильно, что назвать самого казака, мужиком.

Так вот, приехал дед с внуком однажды на базар. Воскресный базарчик располагался ниже храма, на берегу Гущевки¹. На прилавках разложив свой товар, Митяй попросил внука попоить лошадь и поставить её в холодок. Взобравшись на телегу, Чигуша направился на водопой. Сзади вдруг раздался конский топот. Оглянувшись, возница чуть не упал от зависти на дорогу. На статном дончаке, гордо восседал двоюродный брат Игнат.

— А ну уступи дорогу боевому коню, плюгавая лошадка!

От злости, Чигуша чуть не захлебнулся своей слюной.

— Да твой боевой ещё и боя не видал, и вообще он клещаногий, куда ему до Орлика. Мой Орлик твоего коня обгонит не выпрягаясь с телеги, — ляпнул Чигуша и понял, что с лихвой хватил.

Поймав брата на слове, довольный Игнат предложил подтвердить на деле.

— Поехали за кладбище, на выгон, там и посмотрим кто ловчее.

¹ Гущевка — старица Дона.

Выгон находился на северной окраине станицы, на обрывистом берегу Дона. В качестве судей, собралась целая ватага казачат.

— Значит так, скачем до Дона. Кто быстрее намочит копыта, тот и победитель. Братья ударили по рукам и стали на изготовку. После лихого свиста судьи, конь галопом рванул вперёд, а лошадка надрываясь, пёрла за собой скрипучую телегу. Зрители, улюлюкая и посвистывая подначивали Чигушу,

— Эй браток, не рви гужи, або барки обделаешь.

То обгоняя, то равняясь с телегой Игнат сыпал издёвки в адрес брата, тот же до пота наяривал кнутом своего любимого Орлика и просил не подведи, хотя понимал, что облажался. Дорога вывела гонщиков на обрывистый берег Дона и пошла

по краю, помаленьку опускаясь к воде. И тут Чигуша заметил, что влево по балочке, уходит отрожина к Дону. Не раздумывая, он рванул вожжи влево и телега, как бы провалилась вниз. Аж сердце ёкнуло. Только теперь Чигуша понял, что это была не дорога, а узкая промоина, которая резко уходила в пойму. Спуск был настолько узкий, что как не пытался обойти на коне Игнат телегу, у него не получалось. Орлик храпел как старый дед во сне, пытаясь остановиться, но спуск был практически вертикальным, и телега с ускорением толкала его вперёд. Выбежав на обрыв, детвора замерла от страха, в ожидании большой беды. Спуск закончился неожиданно обрывом метра в два, под которым бежал Дон. В полёте, Орлик потеряв опору, казалось, что мчится по воздуху, продолжая перебирать ногами. Чигуша, как Зевс на колеснице с криком вошёл в воду. Глубина под обрывом была немереная, зато метров через десять была отмель. И вот, как чёрт из-под преисподней вынырнул Орлик. Телега его так по инерции толкала, аж постромки трещали. Став на песчаное дно, лошадь рванула из последних сил и вытащила телегу вместе с седоком на отмель. Учёный конь, доскавав до обрыва, став гопки остановился на краю. Детвора кубарем летела с меловой горы поздравить победителя. Они прыгали в воду и плыли к отмели. Радости у Чигуши не было предела. Он целовал Орлика за то, что тот его не подвёл, он радовался, что не свернул себе шею. Но дальше от мели радость не уходила. Орлик с телегой оставались на отмели, как на необитаемом острове, пока дед Митяй с казаками не переправили это хозяйство на берег. О поступке Чигуши судачила вся станица. Дед не только унука не попрекнул, но и гордился им, мол как я в молодости. А бывалые казаки заявили, что если бы ветеринар не забраковал Орлика, славный бы получился конь боевой.

Чигуша – любитель баранины

На Дону очень жестоко пресекались кражи, особенно это касалось кражи домашних животных и непростительно было конокрадство. Господь отвёл один раз нашего Чигушу от такого греха. Приехав, в очередной раз на базар в Мигулинскую, внук уговорил деда остаться погостить у брата Игната, тем более, что на завтра была его очередь в ночную пасти станичный табун. Время было перед Пасхой, шёл Великий пост. Есть можно было только капусту, да картошку, которая в горло уже не лезла. Если подходила очередь пасти станичный табун, то что бы одному в ночное не идти, очередник завлекал сотоварищей хорошим ужином. А чем можно было завлечь в Пост? Всем хотелось мяска. Ходили слухи даже батюшка иногда курятинкой баловался. Не зря же он в шутку говаривал: «Делайте то, что я делаю». Короче у Игната созрел план, как братву втихаря от взрослых накормить мясом. С этой крамольной мыслью и выпросил он брата у деда Митяя. Спрятавшись за амбар, братья стали планировать.

— Короче, вечером батяня разрешает промять коня, искупать его и отвести в табун в ночное. Это даёт нам шанс использовать Лысого в нашем деле, — рассуждал Игнат. — На краю хутора Подгорского поселились иногородние. С собой они пригнали целую отару овец, которых даже на ночь не загоняют в катух. Один здоровый баран, почему-то ходит отдельно от отары, прямо возле шляха, его можно и стырить, будто волки унесли.

План Чигуши понравился, хоть и заныло в животе, то ли от страха, то ли от желания покушать баранинки. Взобравшись на заходе солнца на Лысого, братья поехали в сторону Подгорского. Ехали не дорогой, а лугом, чтоб ни с кем не встретиться. На окраине хутора действительно в сумерках разглядели отару овец и отдельно пасся барашка. На улице не было ни души,

луна то светила, то пряталась за тучи, что воодушевляло любителей баранины.

— Короче так, подъезжаем к барану, когда луна спрячется, ты прыгиваешь с коня, берёшь барана, кладёшь его поперёк Лысого, я его придержу, ты запрыгиваешь на круп, берёшь его за рога и мы уходим лугом за Гущевку, где до завтра и прячем добычу, — распланировал Игнат.

— Быть тому, — согласился Чигуша.

Как только луна скрылась за тучи, Игнат выскочил на дорогу, лихо остановился у барана, брат прямо с лошади прыгнул кудрявому на спину и сходу забросил барана на коня. Игнат не оборачиваясь придержал добычу, Чигуша молнией влетел на круп лошади, схватил барана, сжал покрепче ноги и молвил: «Гони!» Кровь от такого небогопристойного дела стучала в висках. Ударив пятками в бока, казачок пригнулся к холке, и понимающий конь с места рванул галопом. Через луг перемахнули в мгновенье, долетев до первой вербины левады,

Игнат, натянув повод, спросил:

— Ну, братан, как мы его умыкнули?

Но ехавший за его спиной Чигуша молчал.

«Видать от страха навалил», — подумал Игнат.

Остановив в тени разлапистой вербы коня, казачок обернулся в пол оборота и замер... Брата на коне не было. В это время луна зашла за тучи и в пойменном лесу жутко заухал филин. Волосы у воришки стали дыбом, рука сама пошла на крест. Но по крови это был будущий воин, и негоже ему было бросать брата в беде. Конь запомнил обратную дорогу и ходко пошёл к лугу. До самого хутора ни Чигуши, ни проклятого барана не было. Затаив дыхание, пугливый воришка подъехал к месту, где был украден баран. В это время луна показало свой лик, и Игнат увидел картину, которая его рассмешила до слёз. На дороге вытянув вперёд ноги и руки сидел Чигуша. В свете луны, лицо его было цвета молока, глаза от ужаса или боли

вылезли на лоб, и он казалось не дышал. Уже взявший себя в руки, Игнат спрыгнул с коня. Подбежав к брату, ударил его ладонью по спине, тот громко закашлявшись, выдавил с себя: «А где баран?» Игнат ещё громче засмеялся, указывая на виновника, который погромыхая привязью из цепи, спокойно пасся невдалеке. Возвращаясь домой братья обсуждали свой поступок и смеялись на всю станицу. Оказывается, этот баран и пасся одиночно, потому, что был на привязи. И Чигуша, забросив его на спину коня, уселся сам, крепко держа добычу. Рванувший с места в галоп конь, натянул цепь, и воришка вместе с жертвой в мгновение ока оказались на дороге. История про любителей баранинки облетела станицу за день, и вечером в ночное от желающих отбоя не было. Всем хотелось послушать первоисточника.

О том, как дед Митяй с Махном прокатился

Это было во время гражданской войны, когда по Верхнему Дону кто только не гулял. Достоверно известно, что и Батя Махно побывал в наших краях. Ходили слухи, что он часть награбленного закопал в пещере, в Каменном лесу. А в хуторе Морозовском у него зазноба была и многое другое. Я же изложу байку, услышанную от бывшего жителя хутора Чигонацкого. В этом хуторе о данной истории знали все. В те времена дорога со станицы Казанской до станицы Вёшенской проходила по над Доном, по хуторам Кочетовский, Чигонацкий, Воробьёвский.

В хуторе Чигонацком¹, прямо над шляхом² проживал дед Митяй со своей старухой. Однажды вечером на зорьке, дед Митяй, насмыкнув чирики³, вышел на крыльцо, покурить самосада. Не успев угнездиться на ступеньки, как к нему с подойником подошла старуха и запричитала:

— Опять весь вечер будешь дрянью пыхтеть, иди вечеряй и спать ложись.

— Дык с обеда не крутил цыгарку, пытался оправдаться дед Митяй.

¹ Чигонацкий хутор есть и Вёшенском районе. Чигонаками называли поселения, построенные на заливной водой местности, где хаты строили на сваях или на высоких фундаментах.

² Шлях – Накатанная дорога.

³ Чирики – кожаные тапочки.

Только бабка зашла в хату, старик достал кiset и начал его развязывать. В это время раздался конский топот и у ворот остановилась пролётка и человек двадцать верховых.

— Здорово дневал батя, – поздоровался пассажир с пролётки.

— Слава богу, – ответил дед.

— А ты, старый, дорогу на Вёшенскую переправу знаешь?

— А кто ж её не знает.

— Ну тогда подь сюда ко мне.

Времена были смутные и жизнь казака не стоила и понюшки табака. С опаской дед Митяй подошёл к пролётке и нехотя полез в неё, усевшись рядом с хозяином. Это был молодой человек, в папахе и военном френче, без знаков различия. Значит бандиты, подумал бедолага и глянув на родную хату, крестясь,

простился со старухой и белым светом. До Вёшек ехали молча, чем ближе подъезжали к переправе, тем не нужней для бандитов чувствовал себя старик, и тем меньше в нём оставалось веры в жизнь. Выехав на набережную, старик трясущейся рукой показал на противоположный берег.

— Там Базки и дорога на Черкасск.

Незнакомец повернулся к старику и спросил:

— А ты знаешь кто я?

— Нет, не ведаю.

— Я Батько Махно, чув про такого?

— Да слыхивал, земля слухом полнится.

— И что про меня на Дону кажут?

— Да разное, гутарют. И что ты казаков уважаешь, — слукавил старик.

— Уважаю, — ответил Махно, — мать вашу в дышло, порубил бы всех!

У старого отнялись ноги и руки, не смог и креста положить.

— А старость почитаю, — молвил Махно и помог старому спуститься на землю.

Эскорт спустился к Дону, а дед Митяй, как молодой козлик, трусцой побежал домой. В родную, скрипучую калитку, обессиливший дед зашёл на зорьке. Рухнув на порожки, старик ватными руками достал кисет и начал развязывать. В это время за спиной скрипнула дверь и на крыльцо вышла старуха на утреннюю дойку. Увидев старика, старая забурчала:

— Совсем с ума выжил, до полночи цигарку смолит, не успел проснуться опять её в рот суёт.

Дождавшись, когда старуха спустится к нему, дед отвесил ей такого тумака, аж подойник загремел по дорожке.

— Да дадите вы мне хоть раз за сутки покурить, — и улыбаясь, счастливой улыбкой начал крутить себе цигарку.

Старуха, подхватив ведро, засеменила к сараю, радуясь тому, что есть у старого ещё силёнка.

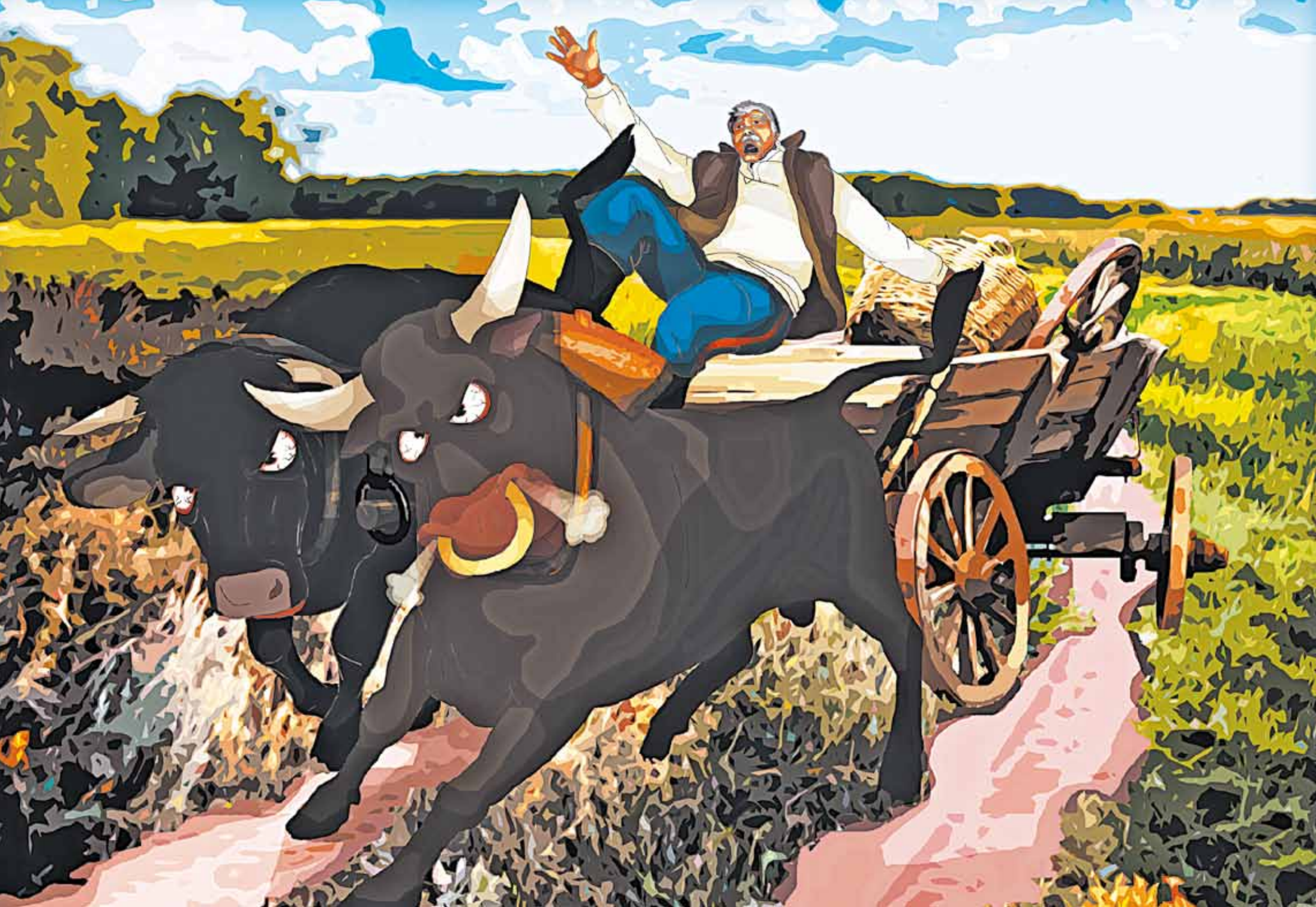

Про заморское зелье

Верхний Дон представлял из себя кипящий казан во время гражданской войны. После того, как угасло Шумилинское восстание¹, на Верхнедонской земле формально установилась советская власть. Её ещё называли дневной властью. Ночью была другая власть, то Махновская, то Фоминская, а то и чёрт поймёшь чья. На день, не покорные казачки заваливались на отдых в глухие хутора или в тёмные леса. По дороге с Мигулинского юрта в г. Миллерово находится большой массив, в последствии это место прозвали Фоминские леса. Возможно от того, что лихой казак Фомин со своей братией обитал в этих лесах. Казаки народ был юморной: и на дороге, что проходила через Фомин лес, установили деревянный щит, на котором хохмочи мелом написали, что "без препятственно проезд можно осуществлять от зори до зори, с условием, по лесу не шуметь и колёса смазывать дёгтем". Народ уже был пуганный, перепуганный, поэтому предупреждение понимали буквально.

По дворам, всё это многообразие власти, весь харч и выгребли. Народ стал голодать, каждый выживал по-своему. Хата Федота Ильича стояла в вершине балки, в которой разместился тихий хуторок Фёдоровский. Дед Федот остался одним кормильцем в семье, где осиротевшие внуки были мал,

¹ Казанцы называют восстание Шумилинским, потому, как сполох объявили шумилинские казаки, Вёшенское называют потому, как центр восстания в последствии был в Вёшках.

мала, меньшего. Особенно туго приходилось без муки, соли и керосина. По осени собрав урожай с огорода, напарив в печи груш и яблок, дед решил поехать на базар в город Миллерово, услышав от казаков, что на железке попроще с провиантом. Лошадей по хутору экспроприировали на фронт давно, но пара старых, но ещё в теле быков в хозяйстве осталась. С вечера собрав баулы, уложив всё в арбу, помолившись, Федот Ильич отошёл ко сну, не забыв смазать дёгтем колёса, зная крутой норов лесных жителей. Встав до зори, он накиннул на шею дремавшим волам ярмо, зачеканив своё незадачливое тягло, перекрестившись, молвил цоб, цабе и арба тихо покатила за двор. Благополучно миновав страшные Фоминские леса, с обеда, к концу рынка незадачливый торговец прибыл в город Миллерово. Свой товар дед удачно рассовал по лавкам, благо что без денег, в обмен набрал нужного товара, даже умудрился конфет для внуков приобрести. Добродушный купец, выдал с лихвой соли и керосину, а деду для аппетита насыпал заморского красного перца, видать купцу на халяву достался не ходовой товар.

— А что я с ним делать буду, — поинтересовался дед.

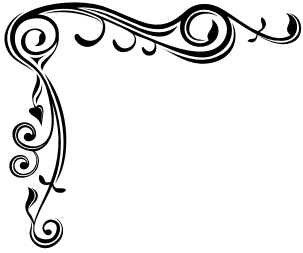
— Так во щи насыпь, а можно быкам под хвост, чтоб резвей бежали, — заржал купец, не подозревая, как он помог своему клиенту.

Ничего не поняв, Ильич узелок с перцем сунул в карман, умастился на арбу и покатил, благо домой дорога всегда короче. Быки дорогу помнили и не шатко, не валко плелись по пыли. Дед, провалившись в воспоминания и рассуждения о жизни, не заметил, как подъехал к Фоминским лесам. Темень была не проглядная, только еле белела впереди песчаная дорога. И тут до Федота Ильича дошёл ужас его положения, перед глазами встало то злополучное предупреждение, нацарапанное мелом. Старик стал прислушиваться, присматриваться и замерещились ему кругом кровожадные бандиты. Тут он услышал то-

пот коней. Вскочив на ноги, дед начал хлыстать валов, но как ему показалось, они пошли ещё тише. Понимая безвыходность положения, Федот Ильич вспомнил совет купца. Спустившись на ваё¹, дед с шаровар достал узелок с заморским зельем, буквально разорвал тряпицу, набрал в горсть перца, поднял хвост и засыпал его быку, для верности направив его в правильное русло крючковатым пальцем. Ту же операцию он произвёл и со вторым быком. Эффекта не последовало. Засунув остатки перца в карман, Федот Ильич полез назад на арбу. Только он взобрался на верх и стоя попытался подогнать кнутом быков, как они с диким мычанием в один голос рванули с места, как боевые кони.

Не удержавшись, старик свалился на песчаную дорогу. Пока кряхтя, он принимал вертикальное положение, быков и след простыл. Испугавшись за бесценный груз Ильич, пробежав с версту, арбы не догнал. Тогда перекрестившись, он полез в карман за чудо-зельем. Приспустив порты, в страхе, что может оголодить семью, набрав с кармана вперемежку с махоркой перца, старик целую жменьку всыпал меж своих взмысленных половинок. Не успев надеть порты, дед издал такой вопль, что весь лес в ужасе притих. На ходу застёгивая ремень, старик рванул по песчаному шляху. Ему казалось, что он не бежал, летел и своих быков он давно обогнал. Хватило старого ненадолго, ноги не передвигались, а душа с криком рвалась вперёд. В родной хутор в раскорячку Федот Ильич спускался уже с обеда. Подойдя к ручью, он увидел свою бедную худобину. Арба с харчами стояла среди ерика, а быки, как собаки сидели задницами в воде. Пена шапками стекала с боков в ерик. Обрадовавшись увиденному, старик последовал примеру, умных животных. Сняв шаровары с портами, задницей уселся в прохладную воду. Такого наслаждения Федот Ильич не испытывал с молодости.

¹ Ваё — жердина, которая одним концом крепится к арбе, а вторым к ярму.

Байка про глухого рыбака

Это произошло в конце сороковых годов прошлого столетия, с жителями хутора Базковского. (В конце девятнадцатого века, дабы блюсти порядок в станицах, юртовой атаман запрещал при дворах держать домашний скот и птицу. Всё хозяйство находилось на «дачах», в «базах», в последствии эти поселения приобрели статус хуторов и станиц. Рядом со станицей Казанской расположен хутор Базковский, рядом со станицей Вёшенской, был расположен хутор Базковской, разросшийся в последствии до статуса станицы. В станице же казаки держали только коней – боевых, вьючных и выездных. Да и петухи, как вестники нового дня, проживали с казаками.) К новому 1943 году, Красная армия, в рамках фронтовой операции Малый Сатурн, освободила Верхнедонской район. На освобождённой территории осталось великое множества оружия и боеприпасов. Читая фрагмент выпуска районной газеты, за март 1943 года, даёшься диву. За один день, очищая свои поля под посевы от оружия, Демидовская артель со своих полей свезла 5000 стволов винтовок, автоматов и пулемётов. А сколько было боеприпасов, не счесть. Их просто прикапывали в землю.

Этой ситуацией и начал пользоваться Базковский старичок-рыбачок, ветеран всех революций и гражданской войны, ви-

дать сандалить¹ рыбу сил уж не было. Он переправлялся на правый берег Дона, в траншеях набирал снарядов и дома на пару вытапливал тол. С данного зелья он сооружал браконьерскую снасть, видать казачок в первую Мировую был пушкарём. Там же, дед Иван раздобыл специальный сапёрный шнур. Выплыв на середину Дона, бракоша вставлял шнур в заряд и подпалив, бросал в воду. Шнур вставлял такой длины, чтоб на каюке успеть доплыть до берега и спрятать свою худую задницу. После взрыва на поверхность воды всплывала разномастная добыча, кою он справно с помощью сачка загружал в каюк и быстро прятался в прибрежных кустах, дабы не попасть в лапы уполномоченного. Дома предприимчивый дед рыбку солил, коптил и в Казанской, на рынке менял на продукты и нужные в хозяйстве вещи. Бизнес у рыбака процветал бы успешно и дальше, если бы не одно обстоятельство. У сапёра закончился шнур и детонировать взрывчатку было нечем. Порывшись в запасниках, дед Иван нашёл отрезок нужного ему шнура, но он был до ужаса коротким. Одному такую опасную операцию было не повернуть и ему в голову пришла оригинально простая идея. До середины Дона заряд не добросить, а значит его нужно завести туда на лодке, подпалить и быстро удалиться к берегу, что не позволяли сделать его ослабшие с возрастом руки. Привлекать взрослых не хотелось, и дед Иван пошёл на хитрость. Он уговорил несколько подростков за пяток копчёных подлещиков, поучаствовать в операции. Выдумка рыбака заключалась в следующем. Нужно было привязать к лодке длинную верёвку и когда заряд дед кидал в воду, по команде, схватившись за конец верёвки, нужно было бежать от берега, тем самым с ускорением тащить лодку к берегу.

Получив соответствующий инструктаж, подростки взялись за верёвку, второй конец дед привязал к носовому кольцу

¹ В старину рыбачью острогу называли сандалей, «я тебе в глаз как засандалю».

каюка и стал выгребать на середину Дона. Выйдя на быстрину, хуторской горе-сапёр подпалил шнур и бросил заряд за борт, махнув, как было условлено рукой. Послушные бурлаки, получив команду, рванули вверх по косогору, как кони в атаку. Остановились, когда почувствовали, что каюк пошёл по песку. Обернувшись, в изумлении глядя на каюк, они там не увидели своего предводителя. И только через минуту, вслед за пузырями на поверхности появился дед, засучил руками, как оглашённый¹. Тут же вода забурлила, с грохотом выскочил фонтан метров на пятнадцать, опускаясь вода погнала на берег огромную волну. На этой волне, горе рыбак и выскочил на песчаный берег, продолжая на суше махать руками брасом.

¹ Оглашённый – бешеный.

Оказывается, после отмашки, парни такой дали старт, что деда с лодки, как ветром сдуло. И он потом жалился, что, идя ко дну, вслед за гремучим грузом, своей жидкой задницей чувствовал, как шкворчит, догорая короткий фитиль. Подняв пловца, парни к их удивлению увидели, что все органы у деда на месте, только из ушей текла кровь и глаза были на выкате, как у карася. Привязывая каюк к вербине, парни пошутили, да, не зря у нас долблёнку каюком называют, чуть деду каюк не пришёл.

Дед Иван от контузии потерял слух и встречные хуторяне, здороваясь кивком головы, непременно добавляли в шутку, что-нибудь, связанное с рыбалкой, зная, что он этого не услышит.

Угалої казак

Казанско-Лопатинский – хутор Казанской станицы Области войска Донского, расположен в 15 верстах от своей станицы. В фондах архива сохранилось описание этого старого казачьего поселения, сделанное Донским статистическим комитетом в 1820 году: «х. Казанской-Лопатин с обеих сторон речки Казанки к самой вершине. Дворов 33. Сидит на скате. Земля серая. Местоположение ровное. В сем хуторе довольствия лучшие из всего юрта. По Логу Колодезном, на Сухом Логу и по скатам Лога Бударного, а также по р. М. Песковатке.»¹

...Деда, Захара Сазонтьевича Курючкина, на хуторе все уважали, но побаивались. Это был казак старой закалки, под два метра ростом, поджарый, подтянутый в свои восемьдесят с хвостиком. Да никто точно и не знал сколько ему лет. По виду, он всю жизнь был в одной поре.

На 9 мая одевал пиджак с четырьмя наградами. Две из них были с первой мировой войны – Георгиевский крест и медаль Николая II «За храбрость». И ещё две медали за освобождение европейских городов от фашистов.

Как-то, вновь назначенный парторг в колхоз «Первомайский», не зная ещё уклада местных жителей, сделал прилюдно замечание старику: «Дедушка, вы бы хоть крест сняли, не позорились, царский же».

В тот же миг, большой суковатый костыль опустился на спину партийного работника. От неожиданности он припал на колени и закрыл голову руками. А дед, опёршись на костыль

¹ Ф. 338. Оп. 5. Д. 169. Л. 9.

Казак Курючкин З. С.

царствие и ему небесное, мне с братом поведал семейную историю, которую я вам сейчас и перескажу.

Род Курючкиных на хуторе всегда был в почёте. Отец Захара был последним хуторским атаманом. Атаманил он по чести и после революции к красным не переметнулся. В лихом 1919 году, как и многие другие казаки был расстрелян за станицей Казанской, в Кукуевой балке. Хуторяне практически выкрали тело своего атамана и не смотря, на то, что в церкви красные устроили тюрьму, захоронили Сазонтия в церковной ограде, отдав последнюю дань уважения к заслуженному казаку.

Сын Сазонтия, Захар, тоже был лихим казаком. Прошёл и Первую мировую, и гражданскую войну. Во время геноцида казачества, судьба не тронула его. Наверное, для того, чтобы заслуженный рубака второй раз встал на защиту России от немца. Дед мало жаловал внуков своими рассказами, но однажды после празднования дня Победы, он подсел к детворе посмотреть телевизор, уж больно активно они реагировали на героев фильма.

— А кто это унура¹ там скачет?

¹ Унура – внук.

— Дед, да ты что? Это же наши наступают.

Дети имели ввиду героев легендарного фильма «Как закалялась сталь».

— Ну насчёт, что они наши, бабушка надвое сказала, а вот в атаку так казаки не ходили.

— А как они ходили, загалдела кагала¹?

И тут деда прорвало.

— Понимаете, будущие воины, в атаку казачья сотня идёт молча, без «Ура», тем она и страшна, к тому же дышалку бережёт. А рука не вверх тянется с саблей, а на отлёте, свинцом наливается, чтоб в нужный момент, хоп и до седла... А казаки были очень дружны и берегли друзей. А посему лаву строили в три эшелона. В первом, шли племяши. Это здоровяки до 30 лет. Они пиками должны были опрокинуть противника. Второй эшелон — это дядьки. Лихие рубаки, с 30 до 40 лет. Иные в бой шли с двумя шашками, как македонцы. Не воин, а ветряная мельница, никто такого не остановит. А в третьем эшелоне шла молодёжь, кому за сорок, да не долеченные. И не одно войско в мире не смогло удержать казачью лаву, как вулкан не удержишь, потому лавой и называли казачье построение в атаке.

Детвора, раскрыв рот, слушала разговорившегося, легендарного деда.

— Дед, а ты нам Расскажи про крест, что на груди.

Захар Сазонтьевич задумался, словно провалился в свою молодость. И поведал внукам свой рассказ.

Шёл 1915 год. Русская армия готовилась к наступлению. К обеду сотник Казанской казачьей сотни явился в расположение и объявил построение. Вытянувшись в струнку, строй замер, ожидая доклада есаула. Вольно, последовала команда и сотник обратился к воинам:

— Господа казаки, командование задумало наступление. Нужно посмотреть, чем там дышит неприятель. А посему ну-

жен язык, желательно офицерского состава. Чья очередь нынче сходить за языком?!

У казаков не считалось подвигом привести языка. Наоборот, хоть косточки разомнёшь. Они ходили за пленными так, внезапно врывались в расположение врага, рубили на право и налево. Завидев звезды или лычки на погонах, оглушали немца, перекидывали через седло и скакали к своим. Если вдруг погоня, казаки были наготове и шли на выручку. И по сему, чтоб не пугать заранее неприятеля, за языком ходили по одному, по очереди.

— Моя, Ваше превосходительство, — ответил казак Курючкин.

— Вот и ладно, к вечеру завтрашнего дня, язык чтоб был.

В ночь, обмотав своему боевому другу копыта войлоком, он по мёртвой зоне (меж частей неприятеля были мёртвые

¹ Кагала — детвора.

зоны – балки, овраги, пролески) проехал в тыл врага и против своей сотни в ста метрах от окопов неприятеля, положил боевого коня по кличке «Мишка». Конь, лежал не двигаясь, до обеда следующего дня, невзирая на укусы комаров, которые, что называется «кипели». В 12 часов солдаты поставили винтовки в козлы, поснимали кителя и начали обедать, а затем плескаться в речке, благо ещё пол часа перерыва в войне было. Офицеры и унтер-офицеры в составе семи человек сели в тень за стол, играть в карты. Возле кухни возился повар и пара помощников.

Оглядевшись, Захар заметил пулемётный расчёт, который даже на обед не встал. Пулемётчики внимательно наблюдали за окопами казаков, от которых всего можно было ожидать.

Оценив обстановку, казак поднял своего боевого друга, взлетел в седло. Выхватив на ходу саблю, на всём скаку промчался мимо картёжников и сходу, одним ударом разрубил затылки пулемётчикам. Те ткнулись носом в бруствер окопа, так ничего и не поняв. Встав на дыбы, конь развернулся на месте и рванул к кухне. В мгновения ока, три немца, бросившихся к винтовкам, упали на землю. За столом, обезумевшие от такой картины командиры, сидели с картами в руках, не шелохнувшись. Вложив саблю в ножны, Захар вытащил из-за голенища плётку. Рывнул на офицеров: «Хенде хох!». Затем scomандовал: «Шнель!» Немцы бежали впереди «Мишки» веером. Пришедшие в себя немецкие солдаты, не смогли стрелять, боясь попасть в своих. Да и командовать ими уж было некому. Всю процессию встретили с дружным хохотом станичники.

Завидев сотника, Захар спешил и доложил:

— Господин есаул, Ваше указание выполнено, простите, что не одного, а семьярых, хлопот Вам больше.

Обняв своего земляка, сотник представил Курючкина Захара Сазонтьевича к награде. Не за язык, а за то, что перед самым наступлением, казак лишил немецкое подразделение командиров.

Сухой колодец

После 1820 года, получив земельные наделы, верхнедонские казаки стали помаленечку покидать родные станицы и перебираться поближе к своей земельке. Основанные переселенцами хутора, разрастались быстро, их обустроивали, строили храмы, школы. Давали своим хуторам соответствующие названия, привязывая в основном их к местности. Так, к примеру, хутор Озёрской получил своё название за озеро, которое находится в пойме реки Дон, посреди хутора. Имя хутору Стоговскому дали два своеобразных кургана-близнеца. Хуторяне Тубянского утверждают, что имя хутор получил за то, что, не доезжая до ст. Казанской, на правом берегу Дона, издавна росли вербы-исполины, которые называли «Туба». А вот хутор Сухологский (Сухой лог) по одной из баек, получил название по голотовяпству одного из основателей, этого населённого пункта.

Сухой лог (Сухологский) – хутор Казанской станицы, Усть-Медведицкого (Донецкого) округа, Области Войска Донского, расположен при Сухом Логе в 15 верстах от своей станицы и в 139 (215) верстах от окружной станицы.

По данным за 1873 год, в хуторе было 22 двора и 2 отдельные избы, в которых проживали 64 лица мужского пола и 58 женского пола.

В хозяйствах жителей хутора имелось: 10 плугов, 49 лошадей, 41 пара волов, 148 голов прочего рогатого скота и 219 овец.¹

¹ С. И. Рябов «Донское верховое казачество», ООО «Волгоградское научное издательство, стр. 625.

Родовые фамилии основателей хутора были: Горшенины, Чеботаревы, Поповы. Этот случай и приключился с казаком Дмитрием Поповым.

Лог, в котором расположен хутор, фактически не был сухим. На каждом казачьем подворье имелся колодец с хорошей ключевой водой. В вершине хутора, били кипучие родники и соединялись в речушку, которая бежала к Дону, на пути вливаясь в речку Казанку. Застраиваться хутор начал вдоль речки в низине. Эту часть хутора называли Низы. Хозяйственные дворы выходили огородами и капустниками в леваду, к воде.

Земельные паи Гавриле Попову были нарезаны в вершине балки, за Зеленым Клином. Так казаки называли место на восточной окраине хутора. Семья его была из пяти сыновей, да жены Татьяны. На своём участке, Гаврила срубил справный курень. До окон он был дубовый, а под венец с марёной осины, которую он всей семьёй заготовлял в лесу Бударном. Крыто жилище, было камышом. В курене зимой было тепло, а летом прохладно.

Дети подрастали быстро. Вот уже и женился старший сын Дмитрий. Но не ужился он в одном курене с отцом. Не от того, что ему туго было с родителями жить, а от того что его молодуха Дуняша оказалась зловредной казачкой. Она пилила мужа день и ночь, поучая его, что нужно строить свой угол, а то на чужом дворе она не будет ему казачат рожать.

Землю под поместье нарезали молодой семье за кипучим родником или так называемом хуторском колодце, на косогоре. Хуторской колодец представлял из себя с десятков родников, которые из-под земли гнали кипельно белый песок, с ощущением, как будто вода закипала в казане на громадном костре. Колодец ограждал дубовый сруб, размером 5 на 5 сажений. Сверху сруб был закрыт дощатой крышкой. Часть этой крышки отодвигалась и казачка, не снимая ведра с коромысла, могла набрать ключевой воды.

На новом поместье построили курень. Семья обзавелась хозяйством, коровкой да птицей. Молодой казак был реестровым, поэтому ему не досуг было дома портки протирать. Молодуха по хозяйству сама управлялась. Задать то корма не проблема, а вот напоить хозяйство, за это, уж мужа она срекала. Ведь колодца во дворе не было, а ходить к ручью с вёдрами на коромыслах, за сотню аршин, это каторга. А по тропке в сугробах зимой? И посему, выслушав за ночь нотаций, Дмитрий не свет не заря таскал воду и бежал прочь из дома, по своим делам в припрыжку, абы милую не слушать. И как только снег ручьями сбежал по логу, Дуняша поставила мужу условие: «Или в лето колодец выкопаешь во дворе или уйду к маме зимовать».

Хоть и была она врединой, но казак понимал, что жена права. Да и любил он эту взбалмошную казачку до безумия. Ведь она как в сказке, ночью из сварливой бабы, превращалась в нежную, безумно любящую девушку. Ласки, которой, хватало казаку до следующей ночи.

Колодцы казакам копали специальные артели из мужиков. Выкопать колодец, это была целая процедура и премудрость. Договориться с такой артелью можно было только в начале мая.

Старший землекоп приезжал к заказчику, и они определяли, где нужно выкопать колодец. На праздник, на Тимохин день, который по старому стилю был в середине мая, артель по поместью, вверх дном разлаживала массивные чугунные сковороды. Рано утром они переворачивали их и определяли по наличию влаги в сковороде, где проходит водяная жила и как глубоко она пролегает. После этой процедуры, священник освящал землю, причащал мастеров и благословлял их на благое дело. Ствол колодца копали не цилиндром, а проходили до воды воронкой, подобно кимберлитовой трубки. Пройдя шар, глубиной около метра, оплетали плетнём, чтоб земля не осыпалась. Отступали пол метра внутрь и опять углублялись на

метр. И так копали до воды. Когда начинал бить родник, на дно опускали шестигранный дубовый венец и с него начинали выкладывать ствол колодца бочонком. Всю яму, бутовали также пластушкой, перевязывая меж собой камни, пересыпая их глиной. Поэтому колодцы и стоят сотни лет, не разрушаясь.

Найти таких специалистов можно было только в одном месте. В слободе Калач Воронежской Губернии, расположенной в семидесяти верстах от хутора. На воскресной ярмарке можно было не только купить товар, но и найти любого специалиста: печника, плотника или артель, которая копает колодцы.

В трактире дым стоял коромыслом, воздух был пропитан винными парами до такой степени, что спиртного можно было и не заказывать. Достаточно было подышать полной грудью пять минут и пой песни с завсегдатаями, в хмельном угаре до утра.

Посреди грязной комнаты стоял большой стол, за которым кутила дюжина весёлых молодцев. Выделялся из всех под горшок стриженный, с пшеничными волосами, которые с макушки свисали, как сноп соломы, бравый верзила лет тридцати пяти.

Зажав в руке большой бокал с вином, Тимофей, так звали весёлого повесу, со смехом рассказывал, как он соблазнял казачку. Собутельники дружно ржали, как голодные кони, на конюшне.

Пошатываясь, в обнимку с товарищем, Тимоха вывалился на улицу и за углом справляя нужду, затараторил другу:

— Никита, нужно валить отсюда. У меня за душой ни гроша, а пропили корову, наверное. Разорвут к утру, напрочь.

— Тимоха, давай на ярмарку пойдём. Завтра воскресное торжище, у костров с мастеравыми до зорюем, а там посмотрим. Господь не выдаст, свинья не съест.

И товарищи побрели на южную окраину слободы, в сторону Заброда...

Дмитрий с вечера взял у отца лошадь с пролёткой, ехать на ярмарку в слободу. Дуняша на редкость была добра и ласко-

ва. Напросилась в поездку с мужем, наготовив харчей в дорогу, как на Меланьину свадьбу.

Выехали ещё затемно, светать начало, когда пересекли грань. Орлик шёл ходко, пролётку по песчаной дороге мягко покачивало.

— Мить, а Мить. Ты же смотри торгуйся с мастеравыми. А то обдерут, как липку.

— Да хочь торгуйся, хочь нет, а колодец обойдётся, в два вола. Да ещё харчеваться два месяца будут у нас. В копеечку влетим. Батя обещал подсобить. Гутарит, что не дело казаку без колодца. В каждом дворе имеется на хуторе. И у нас к осени будя. Вода должна быть сладкая и студёная. Жила к хуторскому колодезю, проходит через наше поместье.

Так за разговорами, Орлик и довёз молодую пару на ярмарку.

— Мить, давай мастеравых найдём, сладимся, а потом по своим делам пробежимся по рядам. Мне нужно ситчику на юбку, да пуговиц перламутровых на кофту, а то уж на примерку надо идти.

Собрав рубаху на спине под ремень, подтянув сапоги, Дмитрий пошёл по мастеравому ряду. Дойдя до края, он артель колодезников так и не нашёл.

— Дуняшь, припоздали мы, наверное, разобрали мастеров.

Но молодуха не слушала милого, она обратила внимание на группу мужиков, которые стояли в стороне и весело смеялись с молодца, который заливал байки про свои похождения. А тот рассказывал, как он копал колодец, у молодой вдовой казачки.

— Мить, подойди к тем мужикам, может они возьмутся за наш колодец.

Отчаявшийся казак, подойдя к мужикам, поздоровался и поинтересовался, нет ли среди них колодезников.

— Так мы с Никитой и есть колодезники, не одну семью напоили ключевой водой. А вот Матвей с Поликарпом каменщики отменные, они и выгонят кладку бочонком.

На что каменщики закивали головами и подтвердили, что выведут стены, как надо.

Договорились о цене, она была общепринятой. Определились, что хозяин пол суммы отдаёт, когда артель докопается до ключевой воды. Ударив по рукам, мастера на днях обещали заявиться на хутор.

Домой, счастливые молодые возвращались, далеко с полудня. Довольная всем, Дуняша на коленях разложила харчи и кормила мужа. То ножку куриную подаст, то яичко очистит.

На следующий день, на берегу небольшой степной речушки Ольховатки, в тени разлапистой старой вербины, расположилась небольшая артель из четырёх мастеровых. Их социальный статус можно было определить по одежде и инструменту, торчащему с котомок.

Пережёвывая нехитрую снедь, Никита обратился к старшему молодой артели:

— Тимох, а Тимох. Что-то у меня поджилки трусятся. Ведь ни разу, мы колодезей не копали.

— Никита, успокойся. Я с артелью Михалыча выкопал два колодца и знаю, как их копать. Главное в этом нехитром деле, найти жилу. Что мы и сделаем с помощью сковородок. От Михалыча я узнал ещё одну хитрость. Жила по помещью проходит там, где по утру, на коровьем реву, туман зацепится за землю, там и вода ближе. А ещё главнее, внешняя сторона вопроса. Это как красиво, Матвей с Поликарпом, камень выложат и сруб поставят.

— За нами не заржавеет, — ответил Матвей, завязывая свой мешок. Резной срубик сварганим, так Карпуша?

— Мугу, — промычал товарищ, заваливаясь на спину. Давайте дыхнём, а то ещё топтать и топтать. До речки Казанки вёрст пять, а там ещё столько же.

Хуторской пастух уже по дворам разгонял коров, когда в новые, тёсанные ворота к Поповым постучали мастеровые. Сбе-

гая с крыльца куреня, Дмитрий открыл калитку, впуская во двор артель, вместе с бурёнкой.

— Дуняшь, ты коровку подои, а работники пока с дороги помяются, а потом крой на стол, вечерять будем.

Хозяева стол накрыли возле летницы, запалив большой керосиновый фонарь.

На столе среди разносолов красовалась четверть с дымкой, заткнутая кукурузным початком. По двору шёл аппетитный запах наваристого, казачьего борща. Тимоха не раз харчевался у казаков, но так и не смог понять, как это казачки, с кушка старого сала, готовили такое вкусное блюдо.

— Ну работнички, с почином, — поднимая стопку с дымкой, тостовал хозяин.

Все дружно выпили первача и начали ужинать. После третьей рюмки, Тимофей, растроганный радушным приёмом, заверил хозяина. Ты это, Митрий, ты не думай, что мы гуляки. Мы завтра и обочнём колодец, с утра. А с вечера в поисках жилы нужно сковородки разложить.

Пока хозяин собирал приспособу для мастеров, со двора Поповых стали раздаваться песни.

— Тимофей, просыпайся, коров на выгон уж погнали, сковороды смотреть надобно, жилу искать, — Дмитрий за грудки таскал бригадира артельщиков. Тот в ответ только мычал, как шедший по улице хуторской бугай.

Бросив мастерового, казак подбежал к вошедшей в калитку жене, снял с коромысла вёдра и с криком: «Вста-а-ать!», вылил оба ведра на Тимофея.

Бригада дружно проснулась. И ничего не понимающий, и не помнящий Тимоха, поплёлся за хозяином смотреть сковороды. Проверив всё, с горе-мастерового хмель слетел, как пух с одуванчика. Все сковороды были сухими. Колодезник отбежал на край помещья, к пряслу и стал осматривать всё подворье. Дымки от тумана, на помещье не было, он густой пеленой стелился лишь вдоль ручья.

Тимоха впервые пожалел, что он согласился на эту авантюру подурочить казаков. И не убежишь от резвых боевых коней. И не выживешь после их плетей.

Вдруг его взгляд остановился на небольшой полянке у огорода, которое выделялась более зелёной травой. То ли это место в прошлом году унавозил привязанный телок, то ли там была падина и воды талой больше осталось в ней. Но возможность оттянуть расправу у него появилась однозначно.

Прошагав поперёк поместья двадцать шагов, колодезник резко повернул направо и отмерив пять шагов, уверенно заявил:

— Жила здесь, Митрий. Завтракаем и за дело.

Осмотрев место под колодец, хозяин не стал возражать, а пошёл к жене в летницу.

Завтракали в полном молчании. Бутыль была пуста, даже пробка от неё пропала, видать обсосали и выбросили.

Немного пришедшая в себя, после бурных посиделок, артель под руководством Тимофея, взялась за дело.

Вытесали вербовый кол и вбили его в землю посреди зелёной плешины. Второй острый кол привязали к пеньковой верёвке, прикрепив её к вбитому колу. После чего, тучный Поликарп налёг на вбитый кол, а Матвей свободным колом на длинную верёвку стал очерчивать круг. По указанию Тимофея, Никита схватил лопату и начал копать по линии выкидывая землю за круг. С обеда, взяв топоры, два каменщика пошли заготавливать лозу. Оставшиеся друзья стали копать колодец.

Смотреть за рабочими у хозяина времени не было, и он эту обязанность переложил на жену, зная её дотошность.

Практически, с утра до вечера, молодая хозяйка не отходила от плиты. В свободную минуту она подходила к рабочим и смотрела, чем они занимаются. Артель работала до седьмого пота. Старалась ублажить и хозяйка, вкусными и сытными обедами.

— Тимоха, смотри как тебя молодка кормит. Как на убой борова. Слышь, а может ты ей по сердцу пришёлся? Хозяин дома и не бывает, а ей ласки хочется, — шутил над товарищем Никита.

Молодой организм Тимофея, под натиском товарища, потянулся к казачке. Но чем активнее пытался сблизиться работник, тем дальше уходила казачка, не вступая ни в какие контакты. Это веселило Никиту, и он изнемогал шутками горелюбовника.

— Да Тимоха, пол колодца вымахали уже, а сердце казачки ты так и не покори.

На душе у Тимофея и так было муторно. Ведь в артели никто не знал, что они копают в никуда. И чем глубже они закапывались, тем сильнее у него замирало сердце. А тут ещё товарищ донимался.

— Знаешь, Никита, Дуняша, по-моему, равнодушна не только ко мне, но и к мужу. И ей всё одно, кто перед ней, мужик или казак. Про таких на Дону кажут — ей что спереди снега насыт, что сзади песка насыт, всё едино.

Насмеявшись, мужики с удвоенной силой стали копать.

Артель работала уже три недели и прошла семь шаров. А водой и не пахло. А тут ещё как на грех пошёл тяжёлый грунт. Красная глина с меловыми вкраплениями. В народе её называют, белоглазка. Лопата от неё отскакивала, как от камня. Артель уселась на дне колодца, не зная, что делать дальше.

— Твою мать, Тимоха, больше трёх недель, без передыха мы долбим землю, а края не видать. Точнее воды нет. Мы бы, с Карпушей, два сарая сложили или два погребка. А тут мы денег не увидим.

Бригадир понял, что пришёл его час. Нужно убедить товарищей, как-то свалить по-тихому.

— Знаете, мужики, меня учили, что вода под белоглазкой всегда есть. Весь вопрос в том, что какой слой глины. Может

несколько сажень, а может пол локтя. У меня идея, нужно залить водой колодец, может глина за ночь отойдёт и легче будет копать.

Товарищи вылезли с ямы, взяли вёдра и стали с хуторского колодца носить воду, выливая её на дно ямы. Хозяев дома не было, они ушли на какое-то торжество к родителям. С желанием на завтра, дойти до жилы, артель весело носила воду в сухой колодец. Окончив работу, подкрепившись затиркой и квасом, артель улеглась на сеновале.

Тимофею сон не шёл, завтра был решающий день. А вообще-то завтра был праздник, день святого Фёдора Стратилата. Этого святого, колодезники считали своим покровителем и в этот день не работали. Может, под предлогом праздника не работать, а по-тихому смыться за межу. Благо что не так далеко. В Губернии казаки искать не будут. Тем более, что аванса не брали. Но утро вечера мудренее, чай святой Фёдор поможет. С этими мыслями и провалился в глубокий сон мастеровой.

С первыми петухами, артель поднялась. Вышел на крыльцо и хозяин. Утро выдалось прохладным. По низине сел густой туман и казалось, что хутора и вовсе нет. Только поместье Поповых, расположенное на косогоре, словно парило в облаках.

— Ну как дела, Тимофей? — поинтересовался казак.

Они подошли к краю ямы. И хозяин ахнул. На дне блестела прозрачная вода.

— Вы что докопали до жилы? И ничего не сказали нам?

Тимофей понял, что его час пробил.

— Ну да, мы допоздна вчера работали, пока родники не забили. Нужно, чтоб вода немного отстоялась. И надобно дуба заготовить на венец, да камень завозить на кладку. Артель поймала кураж бригадира, поддакивая ему. Никита схватил ковшик, спустился на дно колодца и набрав воды, протянул его хозяину. Казак отхлебнул с ковша добрый глоток, протянул его подошедшей жене. Откушав воды, счастливая Дуняша заявила, что вода вкусом как в хуторском колодце и студёная.

— Это знаково, — молвил Тимофей, — земля жилу отдала в праздник колодезника, значит знатная вода в колодце будет. Сегодня мы будем праздновать, ходим в станицу за покупками. А для этого, по уговору нужно отдать аванс.

— Аванс у меня наготове, завтракайте. И давайте я у отца возьму пролётку, съездите в станицу.

Тимофей наотрез отказался от такой услуги, боясь в игре перегнуть палку.

— Мы пройдемся, не по чину нам на конях ездить.

Позавтракав, мастеровые взяв по минимуму вещи, чтобы не вызвать подозрение хозяев, получив аванс, ушли со двора. Сначала они направились по шляху в сторону Казанской, но, когда хутор скрылся за бугром, резко свернули вправо к грани, взяв направление на Воронежскую губернию.

Ни к вечеру, ни через неделю, работники ко двору Поповых не явились. Вода в колодце ушла, глиняное дно ямы потрескалось. Дмитрий понимал, что вместе с шарлатанами, ушёл не только бык со двора, ушла и честь казака. Дуняша хорошо понимала мужа и больше его не пилила, а молча носила воду с хуторского колодца на коромыслах. Не попрекал молодых и отец, а молча на следующий год привёл артель колодезников, договорившись рассчитаться с ними по окончании работ. Новая артель выкопала колодец, с ключевой водой и помогла закопать сухой колодец.

А узнав про этот случай, в насмешку над хуторянами, казаки спрашивали:

— Эй уважаемые, а вы не с Сухого Лога?

В ответ слышали со смехом:

— Нет, в нашем Логу самая вкусная вода и самый лучший самогон. Не верите? Приезжайте отведайте.

И действительно, в хуторском колодце отменная ключевая вода до сих пор. Да и самогон отменный. Поверьте, сам опробовал и не раз.

Рыбак-охотник

Река Дон в верхнем своём течении своеобразна. Степную реку по берегам ни что не сдерживало, и вода гуляла. Дон был широкий, но мелкий на бродах. Казак коню пузо не мочил. По руслу встречалось великое множество островов. Это и не удивительно, если посмотреть историю реки. Когда таяли ледники, 10–15 тысяч лет назад, учёные утверждают, что ширина реки в наших местах, доходила до 20 км. Перед Азовскими походами царь Пётр I, не только громил врага, но и укротил наш Дон Батюшку. Для углубления фарватера было принято решение насыпать каменные дамбы, дабы река ушла вглубь, прорезая дно для царских кораблей. С тех пор река в нашей местности прибавившись правым берегом к меловым горам, ушла в глубину. И как бы обидевшись на творение рук человеческих, местами стала ну совсем не покорная, с омутами и коловертями¹.

Ниже по течению от станицы Мигулинской, по левому берегу был хуторок Конотопский. Против хутора Дон так крутило, что редко какой конь переплывал реку, от сюда названия местечка, да и хутора. Хуторок был небольшой, в реестрах казачьих не значился и там селились в основном отставные казаки, занимающиеся рыбалкой, да разведением скота. Луга здесь были заливные, хорошие выпаса и сенокосы. А ещё в каждом дворе были пасеки. Пахотной земли не было, один песок. А рыбалка на ямах была отменной.

¹ Коловерти – вода на ямах заворачивается в обратную сторону.

Проживал в этом хуторе, прямо на обрыве над Доном, отставной казак Колычев Осип. Жил Осип в отцовском доме с женой Дуняшей. Свой дом в Мигулинской он отдал младшему сыну, а сам после ранения в колено, инвалидом выйдя в запас, перебрался в края, где вырос. За неделю наловив рыбки, насоллив, накопив, да и в свежем виде, переправившись на своём стареньком каюке¹ на станичный рынок, продавал товар. На берегу старого русла Дона, ниже церкви и располагался рынок. В старину рыбалкой, как промыслом занималось очень мало казаков, только не строевые могли прирабатывать таким образом. Иногородним атаман строго запрещал заниматься рыбалкой. Можно было удочкой на пропитание с берега ловить, но не более. Дон – это казачья река. Так что товар рыбка был в ходу.

Этот случай с Осипом произошёл по весне, в начале мая, по тёплой воде.

Вода в Дону прибывает в половодье дважды. Сначала местные талые воды поднимают лёд, ломают его, стремительно унося вместе с камышом и кустами краснотала вниз. А затем вода начинает убывать. Через недельку, а то и по более вода начинает прибывать вновь, когда солнышко пригреет сугробы в верховье реки.

Когда вода второй раз начинает спадать, тут-то и прёт дуром рыба на жор и на нерест. Лови впрок икряных судачков, да чебачков². Но весенняя рыбалка опасна тем, что вода холодная, ещё быстрая, а омуты да коловерти заворачивают с двойной силой.

Проснувшись ещё до свету, Осип в постели жену не нашёл. «Вот ранняя птаха», – пробурчал казак. Насмыкнув на босу ногу чирики³, пошёл на баз. Зайдя в плетёный нужник⁴, спра-

¹ Каюк – небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева.

² Чебак – лещ.

³ Чирики – грубая повседневная обувь.

⁴ Нужник – уборная, отхожее место.

вил нужду по лёгкому, вздохнул широкой грудью свежего воздуха. На улице стояла теплынь. Душа рвалась в весеннюю даль. И если бы не пробитое пикой колено, рванул бы к Дону по косягу умыться. Но пришлось ковылять к рукомойнику, пристроенному на стене амбара. За эти причинённые неудобства на всю оставшуюся жизнь, немец заплатил дорого, а точнее голова слетела с плеч, как кочан капусты. Хотя этим здоровье не вернёшь. И пришлось воину перестраивать свой жизненный уклад. До красноты растирая рушником¹, ещё крепкое, сбитое тело, казак и не заметил, как жена подошла сзади и обняла его.

— Ну хватит хорохорится, пошли завтракать. А то на воду уже собрался.

— Зарас². Рубаху только заберу.

Дуняша пошла вперёд с подойником, покачивая крутыми бёдрами.

Наскоро перекусив, рыбак стал собираться на промысел. Надев шаровары, накрутил на ступни портянки. С трудом натянул на повреждённую ногу сапог, вспоминая полкового костоправа, который говорил: «Расхаживай ногу, распаривай в вонючей воде со Стогов и прыть к тебе вернётся». Когда там, за этой водой ездить? Да видать просто успокаивал лекарь казака, для которого инвалидность была смерти подобна.

Натянув через голову выгоревшую гимнастёрку, Осип подпоясался ремнём, на котором справа болтался в ножнах нож. Подарок хуторского кузнеца, любителя вяленой чехони³. Натянув на голову любимую, затёртую до ужаса папаху с козлика, которая ему приносила удачу, доложил хозяйке, что он готов.

— Ну тогда шагай добытчик, без улова домой не пушу, — ответила Дуняша, растопляя печь кизьяками⁴.

¹ Рушник — полотенце.

² Зарас — сейчас.

³ Чехонь — рыба.

⁴ Кизьяки — топливо из сухого навоза в виде кирпичей или лепешек.

Спустившись на берег, рыбак бросил мешок со снастями в каюк. Отмотал от коряги цепь. Затолкал своё судно в воду и завалился через борт. Рыбаки в основном гребли веслом, припадая на одно колено на дно лодки. Осипу было из-за ранения так неудобно. Он садился на мешок и так грёб, и проверял снасти. Однажды Осип вывалился с каюка, выбирая рыбу с сети и чуть не утонул. Успел за борт ухватиться. С тех пор он привязывал к ремню верёвку, которая крепилась в железное кольцо, вбитое в нос каюка. Каюк хоть и вертлявый, не устоишь в нём, но никогда не утонет. Сухое, смолёное дерево хорошо держалось на воде в любом положении, как спасательный круг. Рассвет помаленьку набирал силу, не забыв при этом будить неутомных птах, которые в свою очередь, своим пением прославляли белый свет.

С приходом рассвета, над водой светлей не стало. Стоял густой туман. Но это не беспокоило рыбака. Дон он знал, как отче наш. Где водоворот на яме, где корягу примулило. Левый берег со стороны хутора был крут и обрывист, а правый берег пологий. От берега начиналась левада, переходящая в лес. Пойменный лес в простонародье называли Лукой, так как в этом месте, Дон резко уходит вправо и берег загнут в виде лука. Здесь и были раскинуты сети рыбака.

Сети Осип сам не плёл, у него терпения не хватало. Он покупал в скобяной лавке нитей, а дед Федот за провиант и махорку плёл их на среднюю рыбёшку и аханы¹ на крупную. В нерест нельзя было сетью ловить. Атаман знал про грешок рыбака, но заслуженного казака не трогал, понимая, как ему достаётся этот хлеб. Атаманил в то время по Мигулинскому юрту урядник Михаил Егорович Чайкин. И были они друзья с детства. Вместе обучались лозу рубить. Михаил Егорович часто вспоминал, как дядька Петро наставляя молодёжь, говорил:

¹ Аханы — крупноячеистая сеть.

— Слушайте меня, мальцы-удальцы, делайте как я и доживёте до старости, а иначе сгинете на чужбине. Когда сверху летящую поймаете шашку неприятеля и отобьёте удар, у вас сабелька пошла вниз. А нос у казачьей сабли, бриться можно. И чтоб она впустую не ходила, на мгновенье задержитесь у груди или живота и сделайте тройной разрез противнику и отход назад. Он за вами не побежит. Он кишки в руках держать, будя...

А чтобы отработать тройной молниеносный удар, наставники учили казачат камышинку рубить. Казак брал метровый стебель камыша и с уровня плеча бросал. Она за секунду падала на землю. Ученик должен по возможности большее количество раз перерубить эту тростинку. Новички успевали один раз рубануть, доведя совершенство ударов до трёх раз. А Осип, прежде чем падали отрубанных три – четыре куска, умудрялся распустить один из них вдоль, чем вызывал восхищение и зависть друзей...

В общем атаман уважал Осипа и иногда закрывал глаза на его проступки. Даже позволял угостить себя копчёной сомятиной, что не мог более никто позволить себе в юрту. Уж больно не подступным и праведным был урядник.

Не спеша, направив нос каюка под углом к течению, рыбак плыл к противоположному берегу. Вдруг справа, прямо в омуте всплеснулась большая рыбина. Видимость из-за тумана была нулевой и Осип продолжил грести, не обращая внимания на всплески. И тут, с того же места раздался храп, как будто конь в омуте тонул. Бывалый воин не мог оставаться равнодушным к такой беде. Направив каюк вверх по течению, рыбак с удвоенной силой стал грести веслом.

То, что увидел казак, повергло его в шок. Сначала он подумал, что в омуте кружит корягу, но всмотревшись, понял, что это здоровенный лось. Такого рогаля Осип видел только в детстве. Отец тогда был на службе, а он с дедом Егором занимались заготовкой сена по берегу озера Пряменькое. Дед сооруди-

дил шалаш, накрыл его сеном. Сена и внутрь закидали. Вход завесили холстиной, чтоб комар ночью не донимал.

Бабушка через день приносила харчей. Да и сами на костре косари варили кулеш, со старого сала и пшена. Вставали рано. Валяли травы по росе. Отдохнув в обед, шли ворошить валки и складывать сено в копна.

Наработавшись до седьмого пота, Осип нырнул в шалаш и с корчажки¹ хлебнул вчерашнего молочка, которое ещё не скисло, но и на простоквашу не село.

— Унура, ты куда пропал, – позвал его дед.

— Да иду, иду, – пробурчал подросток.

И только он напрягшись поднял навилень сена, как по животу полоснуло словно бритвой. Бросив вилы и схватившись за живот, Остап на ходу крикнул: «Деда, я зараз!» И скрылся в кустах.

Примостившись под разлапистым дубом, подросток сидя стал отмахиваться от комаров. Боль в животе отпустило. Но зашевелились волосы на затылке. В десяти шагах от него стоял лось исполин. С рогами, как ветви столетнего дуба и бородой, как у деда. Остап и не понял, как он очутился на дубу. Лось, не обращая внимания, подошёл под дерево и стал о ветви чесать бока и спину, сбивая с себя клещей. Казачонку, стало аж весело от такой картины. Переместившись по суку, он стал раскачивать ветку, которая в свою очередь была по спине хозяина леса. Сначала лось не обращал внимания, затем эта экзекуция ему надоела и высоко подняв голову он потряхнул рогами. Удар по суку получился такой силы, что ноги скользнув по коре, пошли вниз, пропуская сук меж собой. Детородный орган встретился с суком. Осип на мгновение от боли потерял сознание. Крутнувшись кругом сука, подросток кулем свалился на листву. Придя в сознание, косарь боялся открыть глаза, не зная где зверина. Вдруг на лице он почувствовал смрадное дыхание

¹ Корчажка – глиняный сосуд.

смерти. Открыв один глаз, понял, что свалился он с дуба, прямо под брюхо великана. Снизу зверь показался ещё больше и страшнее. И вдруг эта гора мяса пришла в движение. Над Осипом зависла заднее копыто животного, заставляя его вжаться в землю, которая дрожала от копыт сохатого. Когда герой открыл глаза, рядом никого не было и только запах от прокисшего молока в шароварах, напоминал, что здесь произошло. И тогда он поклялся, что никогда не будет дразнить сохатых...

Туман помаленьку стал уходить с воды, прячась по прибрежным зарослям. Если лось уйдёт под воду, его уже не достать.

— Нужно его вытащить с омута, подтащить поближе к берегу и там обессиленного прирезать, — размышлял домовитый рыбак, чувствуя, как в нём загорается страсть охотника.

В прошлом году он так и поступил с диким кабаном сеголетком¹, запутавшимся в перемётах на чехонь. Крючья крепко держали подсвинка на воде, пока он не выбился из сил. Подплыв, Осип прирезал дичь и отбуксировал к берегу. Солонины хватило надолго.

Вытащив крепкую пеньковую верёвку, казак изготовил аркан и изловчившись, накинул на рога. Держать верёвку и грести было неудобно. Осип привязал свободный конец верёвки за кольцо, за которое и сам был привязан. Затем начал усиленно грести вниз по течению. Лось как будто бы понял человека, тоже начал грести в его сторону.

И чудо свершилось! Вырвавшись с кругового течения и зверь, и человек плыли к правому, пологому берегу.

Рыбак стал понемногу выбирать верёвку, приближаясь ближе к зверю. Страх у казака не было, у него был охотничий азарт и срабатывал инстинкт воина. Над водой виднелись только ноздри, да громадные ветвистые рога, которые тянули животное на дно. Поправив нож на поясе, рыбак стал интен-

сивно подтягивать лося. До берега оставалось буквально метров десять, пятнадцать. Всё пора, решила охотничья натура, загнав в угол души, простоватого рыбака. Но что случилось? Рога стали подниматься из воды, всё выше и выше. Они уже были над рыбаком с его убогим каюком. И тут, до него дошло, что лесной исполин не плывёт, а идёт по дну реки, которая становилась мельче и мельче. Видать за сутки вода в Дону упала, и они выплыли на отмель. Но натура охотника не теряла надежды, натягивая верёвку, соединяющую его со зверем. Когда воды стало лосю по грудь, он шумно выдохнул воздух с лёгких, попеременно с водой и с удвоенной силой рванул к берегу. Видать близость родной стихии придало зверю силы, сработал природный инстинкт.

Верёвку рвануло с такой силой, что показалось руки вырвало в плечах. А каюк, как белуга, с ускорением вошёл в песок. Лось, выскочив на берег, отряхнувшись, мотнул рогами так, что Осип за малым не вывалился с лодки.

«Ну сейчас, — подумал бедолага, — каюк выскочит на берег, и обессиленный зверь его не потянет». Но выскочив на берег, каюк не остановился, а как паровоз пошёл в лес, за спасённым зверем. По лицу уже не охотника и не рыбака, а напуганного человека хлестали ветви кустарников. Головой Осип сбил увесистый сук от вербины, благо везучая папаха опять выручила, только в шее что-то хрустнуло.

Осознав безвыходность своего положения, он летел в каюке по лесу, как Зевс в колеснице. Казак решил выпрыгнуть с каюка, пока не поздно. Но верёвка, привязанная к ремню, не дала это сделать. И тут в голове авантюриста мелькнула мысль, что он через кольцо привязан к рогам сохатого, который в своей стихии набирал скорость, всё круша на своём пути.

А лось тем временем проскочил между двух громадных осин, об одну из которых с грохотом ударился каюк. Старая древесина не выдержала такого удара. Долблёнка развалилась

¹ Сеголеток — зверь сего лета, молодняк.

на щепы. Но Осипу это не помогло, верёвка, привязанная за ремень, дёрнула с такой силой, что его оторвало от земли и перевернув в воздухе, поставило на землю. И следующий рывок заставил бежать за лосем с его скоростью, по проторенной им дороге.

В этот миг в голове казака промелькнула вся жизнь. Его обещание с детства не дразнить сохатых, как воевал и наказ Дуняши, не приходиться без рыбы.

Автоматически, правая рука легла на рукоять ножа, рванув его вверх. Одним ударом, рыбак перемахнул острым ножом верёвку, добрым словом вспоминая кузнеца. И ещё долго, по инерции, бежал по следу зверя.

Остановившись, Осип перевёл дыхание и побрёл к берегу, думая, как же и на чём он переправится домой. Какой сегодня невезучий день! Остался без улова и без каюка.

В жизни нужно быть кем-то. Или рыбаком, или охотником, или воином. За такими рассуждениями Осип добрёл до берега Дона. Увидев родную реку, вдохнул всей грудью сырой воздух, перекрестился. Слава богу жив.

А вот и сват Костя плавает на плоскодонке. «Проверим сети, и он переправит домой», – подумал Осип. На окрик, сват причалил к берегу.

– Что сваток, бродишь по берегу, аль русалок выглядаешь?

– Да не, каюк затопил, помоги сети пробить, да кинь меня домой.

Проверив сети, в одолженный мешок Осип уложил хороший улов. Вроде и душа на место стала. Высаживаясь, пригласил свата на чарку, но тот с сожалением отказался.

Перекинув мешок с уловом, рыбак пошёл в гору домой. У ворот его ждала Дуняша, которая смотрела на него, раскрыв рот.

– Что случилось, родная?

– Это у тебя надо спросить. Ты почему не хромаешь?

И тут до Осипа дошло, что колено его не беспокоит, а гнётся, как и здоровое, без боли.

– Вот те и хозяин леса. Я ему помог, а он меня вылечил, в благодарность. Мать, его так... Видать не узрел от меня злого умысла.

Всё это Осип, со слезой на глазах говорил, ничего не понимающей Дуняше. Нельзя хозяина леса дразнить....

Сердцеег

Повествуемые события происходили в хуторе Тиховском перед Первой мировой войной. А рассказал о них краевед и потомственный казак – Капустин Иван Александрович.

Тиховский (Нижне-Тиховский) – хутор Мигулинской станицы Усть-Медведицкого (Донецкого) округа Области войска Донского, расположен на реке Тихой в 13 верстах от своей станицы и в 131 версте от окружной станицы. По сведениям за 1915 год, в хуторе было 130 дворов, в них проживали 929 лиц мужского пола и 951 женского пола. Земельное довольствие казаков хутора составляло 2997 десятин. В хуторе имелось правление, которое возглавлял выборный атаман. Для удовлетворения религиозных потребностей населения в хуторе в 1872 году, была построена деревянная однопристольная Казанская церковь. Клировый штат церкви состоял из 2 священников, 1 дьякона и 2 псаломщиков. Прихожанами церкви были жители хуторов: Тиховского, Батальщикова, Мещеряковского, Варваринского, Бирюкова, Ейского, Провальского, Громчанского, Затонского.¹

Богослужение в церкви проводил Мишарев В. А. Большой души, был батюшка. Прихожане обращались к нему по всем вопросам. Иной раз хуторской атаман, казак Илья Чубовсков, карил священника:

– Не свойственными делами, занимаешься батюшка. Все ровно в управу идёшь, так направляй мирян, ко мне сразу.

¹ С. И. Рябов «Верховое донское казачество», Волгоград, 2014 г., стр. 637.

– Так люди не только с проблемами идут, они иной раз душу хотят излить, а тебе всё некогда. Всё бежишь куда-то, всё спешишь. И многого не видишь на хуторе от этого.

– Слышь, отец Василий, как ты один управляешься? У тебя же в клировом штате ещё один священник числится. Почему в патриархате не запросишь?

– Да отписывался я владыке и не раз. Обещали после выпуска в семинарии прислать.

Но не прислали отцу Василию в помощь священника, ни после выпуска и не в зиму.

По весне, как сошёл снег, батюшка с дьяконом сгребали сухую траву и мусор, не весть откуда взявшийся.

Возле церковной ограды, остановилась пролётка. Из неё вылез молодой человек, по одеянию толи дипломат, толи купец какой.

– К кому-то гости приехали, – опираясь на грабли, молвил священник.

– Да никак к нам пожаловали? – изумился дьякон.

Распахнув калитку, на церковный двор, зашёл молодой человек.

– Здорово ночевали, – с поклоном молвил он.

– Слава богу! – дружно ответили служители.

Гость из кармана пальто вытащил конверт и протянул батюшке. Не спеша, прочитав предъявленные бумаги, отец Василий повернулся к храму и перекрестившись, молвил: «Митрий, господь услышал молитвы, нам в помощь прислали отца Никодима».

Молодой священник, поселился у купца Е. А. Бакулина на нижней улице, в простонародье именуемой Жидовской. А называли так улицу потому, что на ней проживали купцы, да ростовщики. А приехал гость ещё с одним письмом, от своего отца, Новочеркасского купца, который лично знал Бакулина.

Отец Никодим пошёл в духовную семинарию, от того что выбор был небольшим. Или в храм, или в окопы делать карьеру военного.

У купца Бакулина было два сына-погодки, одного возраста с новым постояльцем. Ещё те повесы. Были они купеческого сословия, а посему к казачьей службе, никакого отношения не имели. Помогали папеньке от случая к случаю. Зато на игрищах до зари зажигали у речки Тихой. Парни сошлись быстро. На игрища стали ходить втроём.

Закончилась вербная неделя. На воскресенье ожидалась большая служба с освещением вербочек. С восьми часов по хутору звонарь трезвонил во все колокола. Отец Василий готовился к службе.

— Митрий, где у нас отец Никодим, не управляемся же? Да что за напасть на нас? То опоздает, то совсем на службу не явится, то спит у алтаря, — сердился батюшка.

Ни смотря ни на что, служба прошла достойно. Прихожан было много. Казаки уже запостились и с нетерпением ждали пасхи...

Церковная пролётка остановилась у ворот купца Бакулина. Отец Василий постучал в ворота. Купец сам вышел встречать дорогого гостя.

— Мне бы с отцом Никодимом пообщаться, — заявил гость.

У молодого священника желания общаться не было. Как гимназист он стоял перед отцом Василием, даже не оправдывался.

— Отец Никодим, у нас же хутор, да ещё казачий. Бабы уж тебе все кости промыли. Пока ты себе матушку найдёшь, с тобой ни одна девка рядом не сядет, — корил священник.

— Женюсь, ей богу женюсь, присмотрю и сватать сразу, — оправдывался молодой священник.

После этого разговора отец Никодим, поприлежней стал к своим обязанностям относиться, но как-то с неохотой. Может весна мешала.

Пасха прошла весело. Казаки гуляли три дня, со двора на двор. Ходили по родне христосовались.

В старину, в храмах, прихожане отработывали подёнщину. Казаки, помогали строить. Женщины, работали по двору, порядок наводили. После Пасхи в храм пришли молодые, незамужние казачки с хутора Мещеряковского. Отец Василий знал всех своих прихожан. Он радушно встретил казачек, напоил чаем, а потом уже определил на работу.

В людской, которая стояла за церковью, посреди большой комнаты стояла громадная неуклюжая печь. С утра дьякон натопил её кизяком. Когда девчата зашли, там стояла духота. На лавках они увидели около десяти вёдер крашенных куриных яиц, а в углу несколько мешков с куличами. Всё это добро принесли прихожане на Пасху в храм.

Казачки разделились на две бригады, одни стали резать куличи на сухарики, а другие очищать яйца и отделять желтки от белков. Заготовленные продукты на противнях отправляли в печь для сушки. Когда на поду¹ в печи подношения становились каменными, противни вынимали и в ступах толкли белок отдельно, желток отдельно. Через сито сеяли и ссыпали в льняные мешочки. Когда работники начнут полевые работы, заготовленные порошки добавляют в затирку² или кулеш³ для большей калорийности. А с сухариками из кулича чай с травами пили все с удовольствием.

В людской стоял девичий смех, в открытые окна лилась казачья песня. Отец Никодим ходил по двору кругами, пытаюсь заглянуть в окна. Заметившие эти потуги, розовощёкие хо-

¹ Под — пол печи, на котором раскладывались заготовки из теста.

² Затирка — жидкая каша из заваренной муки с луком.

³ Кулеш — похлёбка, как правило, состоящая из пшённой крупы и сала.

хотушки, засыпали молодого священника такими шутками, от которых у него уши горели. А веселее всех, была чернобровая казачка, с толстой косой, по имени Дарья. Хочу отметить, что в старину до замужества, казачка могла и опростоволосится, оголить голову. А после замужества, или платок, или волосы под шлычку¹ прячь. Дарья и на язычок остра была, и дишканила² чисто, и статью выделялась.

К вечеру управившись, казачки, как воробушки стайкой, выпорхнули с церковного двора. Отец Василий остался работниками довольный, благословив их на счастливую жизнь. А молодой священник места себе не находил, впервые с церкви уходить не хотелось.

— Митрий, а скажи мне милейший, что это за девица с косой, здесь была? — осведомился батюшка.

— Да это же Дашутка Вяликова, они в Мещеряках ниже мельницы живут. И парень у неё есть, — пояснил дьяк.

Но это не охладило молодое сердце. Он даже отказался с братьями идти на игрища.

В следующее воскресенье, выпросив молодого церковного коня, молодой священник отправился в Мещеряки.

— Мать, кто там к нам пожаловал? — удивлённо, глядя в проулок, спросил у жены Тихон Петрович.

За воротами остановилась пролётка, с которой вышел молодой человек в светском костюме.

«Заблудился, наверное,» — подумал хозяин.

— Что угодно, молодой человек? — не зная, как обращаться спросил казак.

— Здорово дневали, уважаемый. Мне бы с Дарьей поговорить, — обратился гость.

— Слава богу. А ты кто таков, мил человек, — растерялся Тихон.

¹ Шлычка – головной убор замужних казачек, надеваемый на пучок волос.

² Дишканиль – петь высоким голосом.

— Да я священник, с вашего прихода, отец Никодим, — представился гость.

— Дарья, выдь на улицу. К тебе гости пожаловали, — крикнул в открытое окно куреня хозяин.

Накинув на плечи шаль, заглянув попутно в зеркало, Дарья выскочила на крыльцо, не понимая, чего её милый заявился среди белого дня. Сегодня, только рано утром расстались.

В хуторе все знали, как ухлёстывает за первой хуторской красавицей лихой казак Семён Горбачёв. Даже братья невесты были не против. В хуторе побаивались дуравых братьев, потому и красавицу обходили стороной. А Семён им в глаза заявил, что она ему любя и под Покрова сватов зашлёт. Чувства у молодых были обоюдные. А ещё Семка был заправским гармонистом. Даже соловьи над речкой Тихой отдыхали, когда он заводил мелодию.

Выскочив за ворота, Дарья остановилась как вкопанная. Сначала она гостя не признала, при первой встрече он был в рясе. Отец Никодим шагнул к девушке и кивнув головой поприветствовал:

— Спаси Вас Господь.

Дарья не знала, что и сказать, лицо её зарделась и от страха спёрло дыхание.

— Я к Вам приехал поближе познакомиться и намерения у меня самые добрые, — отчеканил батюшка.

— Какие намерения? — переспросила ошалевшая казачка.

— Я хочу, чтобы Вы стали моей матушкой. Понимаю, что это неожиданно. На следующее воскресенье приеду, с Вашим отцом поговорю.

И поклонившись, священник сел в пролётку. У Дарьи ноги стали ватными. Она зашла во двор, сразу за воротами стояли отец с матерью. Мать стояла с растерянным видом. Отец довольно улыбаясь, выдал:

— А что, хорошая партия. Они из богатых купцов. При сани. Приход у нас хороший.

Мать, обняв за плечи родную дочь, увела её в курень. Дарья, проплакав весь день, хотела вырваться к любимому. Кинуться в его объятия. И убежать с ним, куда ни будь, подальше. Ну на этом неприятности у девушки не закончились. Отец запретил дочери ходить на игрища. До самого рассвета, вместе с соловьями, плакала одинокая гармонь.

Дарья всю неделю не пила, не ела. Ей казалось, что жизнь на этом закончилась. Выйти замуж за нелюбимого и ждать, когда слюбиться, стерпеться ей не хотелось. Далекое ходить не надо, мать также просватала без её согласия. И только сейчас, девушка стала понимать, что мать всю жизнь маялась. Она расцветала, когда муж уезжал в очередной раз на службу. Всю свою нерастраченную любовь она отдала детям. А их было семеро. В семье осталось только трое. Два сына и дочь. Остальные жили своими семьями.

Утром в субботу Тихон Петрович оделся по форме и пошёл в управу к атаману по делам.

За столом в стряпке сидела мать с младшими сыновьями. Дарья подавала к столу, сама и не присела. Мать не спеша пила молоко, наблюдая, как сыновья, со сковороды тягали яичницу на сале.

— Что, сыночки, проголодались? — спросила она.

Братья с недоумением посмотрели на мать.

— Прошлялись всю ночь со своими милыми, слушали соловьёв. А сестра ваша младшенькая сама не своя. Лицо уже вон как сковорода, чёрная. И вам не стыдно, что её с любимым человеком разлучают. Весь хутор от неё отогнали, а с одним справиться не можете?

— Маменка, да мы за сестру, любому бошку оторвём. А святошу и не знаем, как отвадить. Тиховцы собрались его из-за девок погонять. А он им говорит: «Тронете, заживо на смерть

отпою». Хотели отцу Василию жаловаться, а он на Дашку переключился. Ну мы, маманюшка, придумаем что-нибудь. Абы батя не прознал, зашибёт.

Для подтверждения Фёдор покрестился на образа. Глядя на брата, крест положил и Петро.

В воскресенье с утра все прихожане потянулись в церковь на службу. Всем семейством на телеге приехали и Вяликовы. Привязав лошадей к пряслу¹, пошли в церковь. Прихожан было, как на Пасху. Наверное, от того, что на улице буйствовала весна. Казаки засиделись по хатам. Да ходить в тулупах осточертело. Казачки были все разряженные. Казаки в храм ходили по форме, с крестами, да медалями. Служивые казаки были очень набожными.

Отстояв службу, поставив свечки за здоровье и за упокой, Вяликовы пошли на выход. У церковной ограды Тихона Петровича остановил отец Никодим и напросился с обеда в гости.

— Отчего же, не погостевать? Милости просим, — пригласил казак.

В домовладении у Вяликовых была суета. Хозяин приказал крыть стол. Братья под видом, что пошли по хозяйству управлять, засели в конюшне и стали размышлять, как отвадить новоявленных сватов.

— Брат, а есть у меня одна мысль. Старики сказывали, что помогает в таких случаях, прошептал Петро.

Он заскочил в стряпку. С печи с загнетки² схватил салотовницу³ и выскочил на улицу. Следом заскочил Фёдор, взял с окна горшок с комнатной горчицей, огоньком в простонародье.

Священник приехал на пролётке в два часа по полудню. Встретил его сам Тихон Петрович. Провёл гостя в горницу, усадил за стол. Налил наливочки и спросил:

¹ Прясла — изгородь из жердей, прикрепленных к столбу горизонтально.

² Загнетка — полка перед подом печи, где стоят чугуны.

³ Салотовница — маленькая ступка, используемая казачками для приготовления борща. В ней казачки перетирали варёное сало с чесноком.

— С чем пожаловали к нам, уважаемый?

— Я бы хотел, Тихон Петрович, поближе познакомиться с Дарьей Тихоновной. А там к осени и сватов можно заслать. Я папеньке уже отписался, что есть достойная девушка.

Мать с дочерью стояли в стряпке у печи обнявшись ни живые, ни мёртвые. Решалась судьба Дашеньки.

Братья опять запёрлись в конюшне, воплощая свой таинственный план в жизнь. Фёдор обрывал стручки горчицы с веток и кидал в ступку. Петро усердно растирал их в кашу. Как только все стручки ушли в дело, Фёдор достал с кармана платочек и содержимое салатовницы выложили в него.

— Кажется, чёртово зелье готово, — подытожил Петро. Довольные собой братья вышли на улицу.

В горнице гость с хозяином уже нашли общий язык. Тихон Петрович расспрашивал его о родителях, чем они занимаются. Вскоре гость встал со стола и засобиравшись с обещанием, что вечером заедет за Дарьей. Перекрестившись на образа, он вышел на улицу. Провожать, хозяин не пошёл, решив, что не надо гнать коней. Всё идёт чередом.

Церковный конь был дончаком. Двух метров в холке, но по нраву спокойный. Братья, с ним подружились быстро, при помощи сухариков. Они гладили, трепали гриву, хлопали по крупу. Казак он как цыган, с любым конём общий язык найдёт.

Хлопнула дверь куреня, и братья перешли в наступление. Фёдор взял с лавки узелок с зельем и сильнее затянул его так, что через ткань выступил сок. Петро поднял хвост коню и быстро узелок подложил под него. Конь поджал хвост, не ожидая такого подвоха, от новых друзей.

В это время распахнулась калитка и отец Никодим со счастливым видом влетел в пролётку, хлопая вожжами по крупу лошади. Но этого можно было и не делать, конь ходко пошёл домой. Но не доехав ещё до конца улицы, он стал храпеть, сбрыкивать, ещё сильнее поджимать хвост. Ничего не понимающий

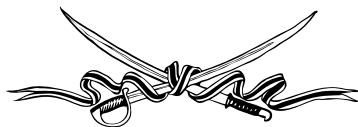
седок, пытался натянуть вожжи. Но как говорят на Дону, конь закусил удила и понёс пролётку, как по воздуху. С дороги хуторяне прыгали на плетни, когда пролётка летела по хутору. Вылетев за Мещеряки до моста через речку Тихую, конь в скорости только прибавлял. Жених, бросив вожжи, схватился за края пролётки, моля Богу с не свойственным ему усердием. К мосту церковный орлик подлетел не конём, а змеем Горынычем. Если по песчаной дороге пролётка ещё сохраняла свою форму, то на мосту стала разваливаться на глазах. Сначала отвалилось одно колесо, затем по вылетали спицы с другого. Без колесую пролётку, так ударило о перила, что священника выбросило вон. И отец Никодим плюхнулся в реку.

Весть о курьёзном случае с батюшкой Никодимом разнеслась по близлежащим хуторам моментально. Больше всего переживали братья. Немного переборщили. За влюблённых радовался весь хутор. Отец уже на другой день отпустил Дарью на игрища. А Семён, не дожидаясь осени, заслал сватов.

Расшибся не состоявшийся жених шибко, выбив все передние зубы. Немного отлежавшись, с первой оказией укатил он домой.

А в осень прислали в помощь отцу Василию отца Александра. Вдовца уже преклонных лет, который все время проводил в храме с прихожанами на радость отцу Василию.

Хоть и выдавали казаки своих дочерей не по согласию, но очень редко. Не любили на Дону насилие. Всё было по любви.

Лисица и журавль

Эта история как рассказывают старожилы, случилась в хуторе Песковатско-Лопатинском.

Хутор Песковатско-Лопатинский – хутор Казанской станицы Усть-Медведецкого (Донецкого) округа Области войска Донского, расположен при Пятом Логе (при балке Лопатиной) в 25 верстах от своей станицы и в 149 верстах от окружной станицы.

По сведениям за 1915 год, в хуторе было 152 двора, в них проживали 551 лицо мужского пола и 557 женского пола; земельное довольствие казаков хутора составляло 4204 десятины. В хуторе имелось правление, которое возглавлял в то время выборный атаман, казак Тихон Карташов.

Для удовлетворения религиозных потребностей населения в 1906 году была сооружена Казанская церковь. Богослужение в церкви проводил священники Иванов Иван Григорьевич.

Обучение детей осуществляло приходское училище.¹

Хутор делился на три части: верховцы, серединцы и низовцы. Это было не голословное деление. Если в одиночку попадёшь на гульбище не в свой край, могли непрошенному гостю и бока намять. Но на чужбине лопатинцы были как братья, потому, как весь хутор был друг другу то брат, то сват, то кум родной.

¹ С. И. Рябов «Донское верховое казачество», ООО «Волгоградское научное издательство, стр.483

Средь верховых казаков, возле леса Рычкина жили два казака – Аристарх и Илья.

Аристарх был долговязым, со смоляным, не по годам чубом. Жена Варвара померла от чахотки, не прожив и пол века. Детей в семью господь не дал, потому и маялся казак в своём курене в одиночестве.

У кума Ильи семья напротив, была многодетной, аж семь девок замуж отдал. Всевышний сына ему не подарил, а посему он лютовал всю жизнь, срывая зло на жене. Ведь семь сундуков с добром в качестве приданного, вывезли со двора девки. Отдав замуж последнюю, из дома ушла от своего «Лисовина» и его жена Ольга, нянчить внуков. Илья был невысокого роста, сухопарый казак, с огненно-рыжей шевелюрой и к тому же хитрый, ну совсем как лис.

Кумовья дома худобы не держали, а пропитание добывали на огороде, да на охоте. У каждого в наличие были капсулёвки, как говорится, последнего калибра.

Атаман строго следил за сохранностью лесов и дичи в нём. Крупного зверя тропили только всем обществом. А одиночкам охотникам разрешалось отстреливать только птицу, да зайцев с лисицей. Волка можно было брать в любое время года, но его в одиночку не возмёшь, больно умный зверь. Среди казаков мало было желающих жить за счёт охоты. До сорока лет казак гарцевал на своём коне по миру, добывая для родины славу. А в зрелости казаки обзаводились хозяйством, накапливая денег на старость. И по сему зайцы скакали по садам, да левадам в не мереном количестве.

Кряхтя, Аристарх слезал с печи, пытаясь попасть босыми ногами прямо в валенки. На улице была ещё темень, но звёзды стали пропадать с небосвода в преддверии рассвета. Мороз под утро прибавил. Справив нужду, казак захрустел по натоптанной дорожке к куреню.

— Кум, здорово ночевал, – окликнул из-за плетня, соседа, Илья.

— Слава богу, – кутаясь в полушубок, ответил сосед.

— Ты куда это ни свет, ни заря собрался. На добычу никак?

— Какая там охота, – поправляя мешок за спиной, ответил Илья.

— Всю ночь глаз не смыкал. Зуб так разболелся, мочи нет. Пойду в Каменный к коновалу Ев-сечу, пусть мне его выдерет.

От этих слов Аристарха аж трухнуло. Не дай бог попасть к этому живодёру в руки.

— Ты вот чё, Илюх, будешь идти мимо ветряка, там в гумне дюжина куропаток зимует. Пальни разок, в печи запеки, а я дымки принесу, да обмоем твоё выздоровление.

— Да как скажешь кум, – с энтузиазмом ответил казак, направляясь к воротам.

Сотенного коновала Евсееча, уважали во всей округе. Любую животину с того света вернёт. Врачевал он и хуторян. А ещё он мастерски рвал больные зубы. Но о том, как он это делал, многие больные помалкивали.

Поправляя ружьё и вещмешок, на рассвете Илья уже спускался в хутор Каменный. От мороза и растопленных печей хутор лежал в дымке. По улицам, к ерику на водопой гнали коров и волов. Собаки от такого оживления изводились лаем, тем самым напоминая хозяевам, что они проголодались.

Коновал жил на южной окраине хутора, возле глубокой балки. Подойдя ко двору, Илья, увидев громадную фигуру хозяина, робко поздоровался.

— Чего Илюша у тебя стряслось? – улыбаясь и крепко пожимая руку, спросил хозяин.

— Дык это, Евсееч, глаз за ночь не сомкнул, болит окаянный. Сил нету.

— Я гляжу ты и магарыч принёс, – довольный заулыбался лекарь.

— А то, я же знаю, во что мне зуб обойдётся.

— Ладно, заходи в курень, зараз управлюсь и поправим тебе зубки, — со смехом коновал толкал в спину больного к двери.

Зайдя в хату, гость перекрестился на образа с большим усердием, чем обычно. Поставил ружьё в угол к печи, снял с плеча мешок. Ослабив узел, вынул на стол штоф с дымкой и завернутого в рушник, запечённого в печи зайца. Такая была плата за вырванный зуб. В хате хлопнула дверь.

Ну, готов, родимый? Тогда пошли, а то время завтракать. Хозяин вышел на улицу, запуская в стряпку клубы холодного пара.

Илья, опустив плечи, побрёл за коновалом, как бык на убой. Выйдя за калитку, знаменитый лекарь, обняв за плечи больного повёл его к обрыву. Ватными ногами меся снег, Илья еле успевал за громилой.

— А какой зубик у нас болит, родимый?

— Ды... справа, внизу, кутний.

Они уже подошли к обрыву и больной глянул вниз. Склон под ногами был крутым и поросший густыми зарослями сибирька. Пока Илья пытался заглянуть вниз, левая рука лекаря переместилась с плеча на шею и стала её охватывать, как удав. Снег больному показался розовым и у него в глазах запрыгали солнечные зайчики. Прежде чем совсем потерять сознание, казак почувствовал во рту кислый вкус железа, непонятно откуда-то взявшихся щипцов.

Ловко подхватив больной зуб, коновал рванул его и отпускающая хватка, крутнув на месте больного, толкнул в бездну. Илья, как кубарик крутнувшись на месте, винтом пошёл вниз, подминая кусты сибирька. В подсознательном состоянии, матерясь на чём белый свет стоял. Евсееч, посмотрев вслед удаляющемуся на дно балки больному, довольный своей работой пошёл накрывать стол.

Илья пришёл в себя только на дне, как ему показалось преисподней. Со злостью на себя и на весь белый свет, казак стал карабкаться на верх. Путь к белому свету показался ещё длиннее. Цепляясь всё за те же ветки сибирька, он наконец увидел родную заснеженную степь. Его весело встретило зимнее солнышко. Глубоко вздохнув морозного воздуха Илья понял, что ему чего-то не хватает. А не хватало ему той ноющей во рту боли, от которой разламывалась надвое голова. Ему вновь захотелось жить. Отряхиваясь на ходу от снега и сухих веток, Илья заспешил в курень к коновалу. В стряпке стол уже был накрыт. Вокруг подноса с зайцем красовались чашки с разносолами. Не рюмки, а два гранёных стакана были налиты до краёв.

— Ну чё, родимый, обработай ранку от зуба, — со смехом предложил коновал стакан пшеничной дымки Илье.

Завтрак плавно перешёл в обед. Умная жена, чтобы не мешать казакам, ушла к куме за закваской. А однополчанам было, что вспомнить.

— Ну если чё, ты Илюх, заходи.

— Не Евсееч, лучше ты к нам.

На том и разошлись.

Пока горе охотник прошёл полпути, разов пять носом в сугроб втыкался. Спустившись в лес Правоторов, путник напился в ручье водицы и уже более уверенно зашагал домой. В хутор Ильа спускался ещё завидно. Увидев ветряк, вспомнил про просьбу кума. Он снял ружьё, проверил капсюль. Стал обходить гумно. Но в скирде куропаток не было. Зло выругавшись, обратно закинул ружьё на плечо.

Мог сорваться кумов магарыч. А он на завтра, ох как мог пригодиться. Вдруг над крышей ветряка раздался свист крыльев. Над головой охотника запорхала стайка голубей. Инстинкт сработал моментально. Бывалый воин мгновенно вскинул ружьё и не целясь, шарахнул последним калибром по голубям. В сугроб плюхнулось пять птиц. Сощурился подобие улыбки, больше похожую на оскал старого хитрого лиса, казак на ходу придумал авантюру, от которой аж в душе потеплело. Он решил по потрошить голубей, и представив их, как блюдо с куропаток, накормить кума. А главное за его счёт опохмелиться. Подходя ко двору, заметил Аристарха, расчищающего двор от снега.

— Здорово дневал, кум.

— Слава богу, — приветливо ответил он.

— Ты это, дымки заготовил на завтра? А то я пять куропаток добыл. Здоровенных! Жирных! Как куры!

— Ну ты забрехался, как куры. Ты приготовь, как я люблю, с грушами. А четверть наготове уже.

— А то! Сделаю, пальчики оближешь, — улыбнулся хитро Ильа и зашёл в курень.

Не подозревая подвоха, Аристарх стоял посреди двора, долговязый, как журавль, предвкушая завтрашний обед.

На утро Ильа проснулся рано от тупой головной боли. Напившись взвара, кряхтя, он начал топить печь. Голуби лежали в тазу уже по потрошённые с вечера. В махотке на столе стояли пареные груши. Пока в печи полыхал огонь, обманщик-повар, надев по очереди на кочергу голубей, опалил их. Помыв в чашке с водой, начал начинять птицу мелко нарезанными грушами, вперемежку с яйцами и луком. Сверху голубей обмазал гусиным жиром, чтоб обжарились до румяной корочки. Разбив прогорающие кизяки рогачом, поставил посредине пода таганок. С помощью чапли водрузил на него снаряжённую сковороду. Заслонкой закрыл печь.

Когда в дверь постучался в обнимку с бутылью сосед, лжекуропатки поджарились, до аппетитного состояния.

Обед у кумовьёв подзатянулся. Шли разговоры сначала о службе былой, а затем два охотника схлестнулись за первенство в своём ремесле. Они спорили о том, кто лучше распутает следы зайца, затем — кто по костям может зверя распознать. В спорах явно проигрывал Ильа. Самогон подходил к концу, когда доведённый до бешенства хозяин куреня вскочил со скамьи и буквально выпалил:

— Охотник хренов, а знаешь, хоть что ты сейчас съел? Это голуби, а не куропатки!

На Аристарха, словно вылили ушат ледяной воды. Будто и не пил стаканами первач. Месть за такую обиду созрела мгновенно.

— Спасибо за угощение, куманёк. Хорошо хоть не воронами накормил, а благородной птицей. Всё же зёрнышком питалась птаха, а не на помойке падалью.

Ильа понял, что его затея принизить достоинство кума была гниловатой. И разговор-то подвёл, как под дых, из-под тишка ударил. И решил он сгладить ситуацию.

— Кум, ты меня прости за подвох. Я давно хотел голубями накормить тебя, да не попадались они мне. А дымка на опохмел, с меня завтра к обеду будя.

Эх как неудобно получилось, корил себя Илья. Завтра возьму целую четверть, замоем этот раздор. Протянув руку в знак примирения, Аристарх молча взял полушубок и вышел на улицу.

Вдохнув полной грудью морозного воздуха, обиженный сосед резко выдохнул, но ощущение горечи с души не уходило. Сегодняшний магарыч он заработал у бабки Акулины. С Рычкина леса наладил у неё лисовин тягать курей. Он его с утра на зорьке и подкараулил. Бабушка дала охотнику первача, яичек куриных, да сала, на чём яичницу жарить. Охотник лисовина ошкурил, а тушка осталась висеть в сарае. Жирнучий зверина был, на курятине отъелся.

Сняв тушку, казак отнёс её на дровосеку. Выбрав пожирнее кусочки, разделал её. Сложив мясо в чугунок, пересыпал укропчиком и чабрецом, предварительно посолив. Короче, как на шашлык замочил.

С утра пораньше, Аристарх принялся растоплять печь, чувство мести придавало ему сил и изобретательности. Вынув мясо, он промыл его тщательно и каждый кусочек обжарил на постном масле. Затем сложил его в чугунок, добавил бараньего жира, лука побольше, немного мяты, чабреца и поставил на таганок в печь томиться. Когда рёбрышки зарумянились, грешным делом стряпчий хотел покушать блюдо на вкус, но оставил это право родному куму.

К обеду хозяин слазил в погреб, достал разносолов. Казаки овощи солили всё в одной бочке. Помидоры, огурцы перекладывали капустой, тут же можно было найти и яблочко мочёное и арбузик солёный. На сале нажарил яичницы.

Не дождавшись полудня, в курень ввалился родной кум. На столе меж закусок, вписалась полная четверть с первачом.

Сковырнув кота с лавки, Илья налил стаканы и обращаясь к другу молвил:

— Ну всё, хватит дуться, как девка красная. Хорош в печи ковыряться, садись уж.

Усевшись, кумовья выпив по одной, закусили капусточкой, выпив по другой, закусили баклажком¹. Налив по третьей, Илья начал ковырять вилкой в сковороде, выискивая кусочки сала. Глядя, что сосед созрел, Аристарх хлопнув руками по коленям воскликнул:

— Кум, прости! Как козла капустой потчую. Первач злой, мяска требует. Ну у меня фазанов нет. Зато вчера пол барана заработал у бабки Акулины.

Илья знал, что у бабки выгуливалось десятка три овец.

— А ты что, вперёд меня лиса подловил? Акулина Семёновна и меня просила от лисички её избавить.

Хозяин, бросив на стол дубовую дощечку, поставил на неё чугунок с мясом. Держа одной рукой стакан, Илья зацепил кусок мяса. Жаркое утомилось в печи и по хате пошёл аппетитный запах. Вылив содержимое стакана в рот, гость отправил следом кусок мяса. Вид у казака был предовольный.

— Ну кум угодил! Ну ты у меня золото, не злопамятный. Куски с чугунка пошли в рот уже и без рюмки. Самогона было вволю, закуски в достатке. Хозяин с печи достал куль с газеты полный самосада с донником. Пошёл по хате дым дурманьный и пошли воспоминания.

Хозяин, подливая гостю, упорно закусывал капустой и яичницей. Даже в какой-то момент позавидовал соседу, который уминал лисятину за обе щёки. Кот, неведомого рода-племени крутился под ногами. Утолив голод, сосед зацепил кусок мяса кинул на пол. Подойдя к мясу и понюхав его, домашняя животи́на, ковырнув лапой кусок, отпрыгнула в сторону, учуяв хищника.

¹ Баклажок – помидор.

— Ну кум ты даёшь, кота так раскормил, что и мясо ему не мясо.

— Да он у меня наелся баранины, пока я готовил жаркое, — ответил кум, зажигая лампу.

... Аристарх проснулся от грохота в хате. Вскочив на ноги, он понял, что уснул на лавке за столом. На улице уже рассвело. Лампа чадила, как паровоз. В комнате от табачного дыма не было видно потолка. Кум спал, уткнувшись себе в руку, прямо за столом. Осмотревшись, Аристарх понял, что его разбудило. Это с печи свалился очумевший от дыма кот.

— Кум, а кум, вставай, нас немец окружает! — рявкнул на весь курень хозяин.

Подняв голову, Илья потянулся за четвертью.

— Кум, мы не от немца сгинем, мы нынче с похмелья сдохнем.

На дне четверти, болталось ещё стакана по два. Налив самогона, Илья потянулся за капустой. Глядя на это со стороны, кум заржал во всю глотку:

— Кум, а бараниной, не хочешь закусить?

— Если бы я один вчера ел, мне бы и на нынче хватило. А то ты с капусты быстро захмелел и давай со мной баранину наяривать. Мы ещё и чугун хлебом выскребли. Вкуснота была! Спасибо. Уважил. Славно посидели. И ещё раз прости меня за куропаток.

Хозяин, махнув рукой молвил:

— Да ладно, забудь. Я не злопамятный. Мы же куманья. — А у самого что-то шевельнулось. То ли в груди, то ли в животе, то ли с похмелья. А скорей всего от сказанного Ильёй.

Выпроводив гостя родного, Аристарх глянув на сарай, перекрестился. Там лежали остатки лисовина, которые он на утро хотел показать куму. Но оказалось, что вместе и съели зверя. Вот жизнь. Хотел куму в душу нагадить, да Господь отвёл. И вспомнилась ему книжка, что по окопам ходила. Там байки в стихах были. И одна из них «лисица и журавль», ну прям про них.

Зять

Эта байка была рассказана жителями хутора Алексеевского про батальщиковских казаков.

Батальщиков — хутор Мигулинской станицы Усть-Медведецкого (Донецкого) округа Области войска Донского, расположен на реке Тихой в 14 верстах от своей станицы и в 117 верстах от окружной станицы.

По сведениям за 1915 год, в хуторе было 142 двора, в них проживали 558 лиц мужского пола и 581 женского пола. Земельное довольствие казаков хутора составляло 2454 десятины. Хуторяне были в основном войскового сословия, но были и мещане, и крестьяне. Крестьяне занимались земледелием и ремеслом. Торговлей в хуторе занимался один житель. В хуторе имелось правление, которое возглавлял выборный атаман. Хуторской атаман 1912–1916 гг. — урядник Роман Фомичев.¹

На краю Батальщиков под горой, одиноко проживал Константин Петрович. Роду племени он был не определённого. Отец вроде казак, а мать неведомо откуда была привезена. Пая у него не было, так как из-за хромоты с детства в служивые не попал и перебивался Костя гончаркой.

В вершине Бадоржной балки был раскоп, где набирали глину для изготовления гончарных изделий. Глина была не простая, как обычно красная, а белая, как снег. Казачки в сво-

¹ С. И. Рябов «Донское верховое казачество», ООО «Волгоградское научное издательство, стр. 51

ём хозяйстве любили порядок. И даже каждая корчажка имела своё предназначение. В красных хранили квасы, взвары. Тёмные, толстостенные называли пивнушки. В них хранили варёное пиво на погребеце¹. А белые корчажки называли молочницами. Дабы нечаянно не налить в сосуд после кваса молока. Скиснется же. А потому, помыв корчажку после молока, её вешали на плетень, выжариваться.

Константин Петрович специализировался на молочницах. Кроме этого он подрабатывал изготовлением плетней. По левадам² заготавливал краснотал и секциями аршинов по пять плёл на дому.

Раза три он пытался посвататься к местным казачкам, но те носом крутили, не хотели жизнь связывать с хромоногим. А после случая, как он чуть не замёрз возле дома в снегу, хутор вообще перестал его воспринимать как мужчину. Поговаривали, что сильно подпортил этот случай его репутацию.

День был ясный и морозный. Солнце перекаатило за обед. Константин Петрович выкатил за ворота большие деревянные салазки. Затем потащил их к речке Тихой, в левады. По пояс в снегу от куста к кусту, он нарубил краснотала, увязал его на сани и пыхтя как паровоз, потащился домой. Зашёл в ворота Константин, когда уже темнело. Оставив сани посреди двора, зашёл в хату. Скинул полушубок, стащил с себя валенки и мокрые шаровары. И тут он вспомнил, что его единственная овечка, которая была на сносях, голодала целый день. Тяжело вздохнув, хозяин на босу ногу насмыкнул³ валенки, накинул на плечи полушубок и вышел на мороз.

Катух⁴ с овцой находился в конце прохода между амбаром и плетёным сеновалом. Набрав охапку сена, Петрович стал пробираться по сугробу. Смотрит, впереди мелькнула тень.

¹ Погребец – строение над погребом.

² Левада – участок земли с огородом, садом при доме у реки.

³ Насмыкнул – надел.

⁴ Катух – хлев для мелкой скотины.

«Неужели овца вылезла?», – подумал хозяин. «А ну, аля! Аля!»¹, – растопырив ноги и выкинув в сторону одну руку он стал загонять в катух животину. Но овца словно ополоумела. Она стала прыгать то на стены, то на амбар, то на сеновал. А затем, не найдя иного прохода, рванулась вперёд между ног заботливого хозяина. Петрович был в одних портках², за день он немного отошал и мотня от них висела по колено. Пуговиц в старину к исподнему белью не пришивали, и голова животного прямым ходом вошла в ширинку. Не устояв на ногах, хозяин бросил сено и упал на спину овцы, которая почему-то за день стала больших размеров. Ухватившись за шерсть, казак помчался по проходу задом наперёд. Полушубок слетел с плеч, и всадник остался в одном исподнем, да в валенках на босу ногу. Ещё не выскочив за двор, он почувствовал неладное. Казак понял, что у овцы нет рожек и от неё не овчиной, а псиной воняло. А когда он ухватился за хвост, то и вовсе осенило: он скакал, как Иван царевич на сером волке. И сковал его несусветный³ ужас! Волк тем временем, ничего не видя, только чуя ему не знакомые запахи, нёс седока по сугробам к яру.

Полёт в ночи на дно оврага, показался для обоих вечностью. Волчья морда в подштанниках, сдавленная ногами седока, в сугроб вошла, как нож в масло. Казак был крепким малым и всей мощью своих мышц, сдавил животное так, аж рёбра затрещали, а под хвостом пригрело.

Казалось бы, всё закончилось. Волк даже не пытался вырваться с казачьих тисков. Сам Петрович боялся отпускать зверя. Ему казалось, если он отпустит зверюгу, тот почуввав слабинку, начнёт его грызть между ног. Чего, ну очень он боялся.

Сколько так пролежал казак на морозе, он не помнит. Пришёл в себя лишь дома. Лежал на лавке голый, а сосед Проко-

¹ Аля – на Дону окрик на овец.

² Портки – то же, что штаны; предмет верхней одежды, покрывающий нижнюю часть тела.

³ Несусветный – невероятный.

пич натирал его шерстяным носком, поливая при этом самогоном. Его сын Андрейка, кочегарил¹ печь.

Сидя за столом в жарко натопленной хате, разливая по стаканам оставшееся зелье, сосед поведал Петровичу, что он с сыном возвращался с охоты по краю байрака². Вдруг пёс рванул с лаем вниз, где начал в сугробе что-то рвать. Спустившись на дно яра, они увидели очень непонятную картину. Константин Петрович в нижнем белье, крепко обнимал мёртвого волка, который с головой умудрился влезть в ширинку его подштанников. При этом он еле слышно повторял:

— У меня замёрзли все кости, хочу погреть кости.

¹ Кочегарил печь – топил печь.

² Байрак – овраг или балка

Этот случай, на следующий день знали не только в родном, но и в окрестных хуторах. И прилипло новое имя бедному казaku, как банный лист до одного места. Даже дети стали называть его Костей Петрович.

А вот ещё какая история приключилась с нашим героем.

От Мещеряков, в начале хутора жила казачка Фомичёва Раиса. И было у неё семь душ детей. Мал мала меньше. Хоть и взяло казачье хуторское общество «под шинель» семью, мало что изменилось, хозяйство рушилось.

«Взять под шинель» – это одно из социальных традиций казаков. Ну скажем так, жил казак с семьёй в достатке. Была земля паевая, хозяйство. Получал жалованье за звание, за должность, за награды. И вдруг в бою казак погибает. Его паевая земля переходит в общество, жалованье платить некому. Семья начинает бедствовать. Но в семье семь будущих воинов растёт. Которым с возрастом и земля положена и жалованье. Но как их воспитать? Приходит тогда вдова на Круг¹ и подаёт заявление о взятии её семьи «под шинель». Атаман обращается к кругу:

— Господа казаки, обратилась к нам вдова хорунжего Фомичёва с просьбой взять её семью «под шинель». Казак был лихой, справно службу нёс, всегда на помощь был готов прийти. Семеро казачат подрастает, которые придут отцу на смену. Любо братья взять, семью покойного казака Фомичёва «под шинель»?

— Любо! Любо! – кричали казаки на кругу.

Атаман подходил к вдове, прикрывая её полой шинели. И старшему сыну передавалось, как по наследству и пай отцовский, и его жалование, и даже его голос на кругу. Вот так казаки и выживали. Идя в бой, они знали, что не сгинет его племя, братья не дадут.

¹ Круг – общее собрание казаков.

Так вот, семья Фомичёва была «под шинелью». Сгнило во дворе всё прясло и решила Раиса поставить плетень с улицы и от кладбища. По весне послала она старшего сына к Костею Петровичу, чтобы тот пришёл, да обмерил изгородь.

Дело было с обеда, когда побритый, прихорошенный Петрович подошёл ко двору вдовушки.

— Здорово дневала, Васильевна, – поздоровался казак.

— Слава богу, – развешивая корчажки на растрёпанный плетень, ответила вдова.

— Где ты хотела плетень поставить? – полюбопытствовал мастер.

— Да вот с улицы, да от кладбища. Люди на Красную Горку съедутся, по убирают могилки, а у меня двор, срамы¹ не обёрётся, – посетовала казачка.

— Ну что ж, сделаю в лучшем виде. Я что думаю Васильевна, готовые плетни я перевезу к тебе. Колья в левадах заготовлю и недостающего краснотала там же нарублю. Сплету на месте, так быстрее будя, – потирая руки, ответил Петрович.

— Делай как знаешь, – махнула рукой хозяйка.

Мастер взялся за дело основательно. Убрал всю старую изгородь. Порубил её на дрова и сложил у летней грубки². Вырубил ненужные кусты, попутно почистив сад. На углах забил колья и натянул пеньковые шнуры. От кладбища к кольям привязал готовые пролёты. А с лицевой стороны уже стал плести плетень.

Если плетень ставят на хозяйственном дворе, прутья не очищают от веточек, и он получается плотным и немного мохнатым. А с улицы плетень ставят вчистую, обрезая веточки.

Костей Петрович пошёл дальше, он отобрал ветки по цвету, от зелёного до красного. А с плохой структурой очистил от коры, получив белого цвета. И чередовал разноцветные поло-

¹ Срам – позор.

² Грубка – небольшая печка в саду

сы хвороста. Получался не плетень, а тканый ковёр. Работал мастер от зари до зари. Когда были лунные вечера, работал и в ночи. Он хотел добиться внимания молодой, ладно сложенной вдовы. Но получился обратный эффект. Вдова не проявляла особого интереса. Ей работа нравилась, такого плетня в хуторах не найдёшь. А хуторские бабы судачили:

— Вот мужья, смотрите, как работать надо! Дня не хватает, ночью работает, лишь бы женщина его заметила. Вы же нас не цените. Всё вам подай, как барину. Служба на первом месте, а дом на последнем.

Казакам в карты ни перекинуться, ни выпить с кумом, ни к свату в гости. Во всём в пример Костей. Казаки решили с ним погутарить¹, а тот одно твердит:

— Некогда мне лясы точить², работать надо.

И тогда они решили проучить хуторянина. Поручили реализовать задумку местному хохмачу Мишке Турилину.

Был прекрасный тёплый весенний вечер. Луна светила во весь лик, хоть иголки считай. Костей подгонял плетень к воротам, торопился. Люди уже на могилки стали приходить убираться. Нужно по просьбе хозяйки заканчивать работу.

Стук от вербового рубеля³ стоял на всю округу. Рубелём Петрович приловчился набивать плетень, чтобы он плотнее был и смотрелся краше. Со ступенек спустилась хозяйка:

— Петрович, ты бы хоть молочка попил парного. Не полудновал⁴ же. Исхудал на этом плетне. Что люди гутарить будут?

— Ну давай попью, – ответил мастер, беря из рук новую корчажку-молочницу, которую сам вылепил.

Не взяла её в подарок хозяйка. Тогда Костей, слукавив, пообещал с расчётом забрать плату и за корчажку.

¹ Гутарить – разговаривать.

² Лясы точить – болтать.

³ Рубель – деревянный брусок с поперечными рубцами.

⁴ Полудновать – обедать.

Вдруг за спиной заскрипели большие кладбищенские ворота. Они давно не открывались. Прихожане заходили на кладбище через калитку. Вдова после смерти мужа стала очень набожной, услышав скрип ворот, с криком влетела на крыльцо, захлопнув дверь.

Костей с пустой корчажкой стоял и смотрел, что будет дальше. А дальше начался кошмар.

Покойник, во всём белом, отворил ворота, снял с плеч косу и повесил её на них. Затем вернулся назад и вышел с длинной таловой палкой. Не дойдя до Костей метров двадцать, пращур остановился. Лица у него не было видно, оно было обмотано белой тканью.

Костей прижав к груди сосуд, стоял ни живой, ни мёртвый. Он был блее этой мумии. После скачек на спине волка, нервы стали ни к чёрту. Покойник же стал медленно поднимать палку над головой.

— Ну всё, прибьёт и с собой заберёт, — мелькнула у грешника в голове мысль.

А тот, подняв палку над головой, ударил по дороге. Стал это делать постоянно, загробным голосом приговаривая:

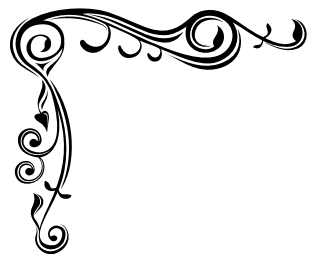
— Костей, Костей не тревожь по ночам ты наших костей.

Сколько это продолжалось Костей припомнить не мог. Пришёл он в себя, стоя на коленях рядом с хозяйкой под образами, в один голос читая отче наш.

Придя в себя, Раиса прошептала на ухо мастеру:

— Петрович, я боюсь одна с детьми дома оставаться. Заночуй с нами.

Вечерами больше Костей рубелём не стучал. Ворота до Пасхи установить успел. А на красную горку, под руку с молодой вдовой ходил на кладбище поминать родителей.

Межа

Межа — граница земельных участков, узкая полоса необработанной земли между соседними сельскохозяйственными наделами; середина колеи, участок между углублениями, образованными колёсами в грунте.

Но эта самая межа, была причиной не только ссор землевладельцев, но и войн между народами, а иной раз она проходила через людские души. На Дону межу никто не пересекал, так как уважали устоявшиеся порядки. В старину чтобы не нарушать эту пресловутую грань, по меже просыпали мел. И когда соха или плуг пытались прихватить землицы поболее, на чернозёме появлялся белый суглинок, сигнал к тому, что нужно натянуть правую вожжу (у плуга отвал земли в право). В древности наши предки, закрепляя договор по разграничению земель, проводили незримую грань от кургана к кургану и описывали в договоре, а ночью доверенные лица насыпали в испорченный казан углей, закапывали его поглубже на грани. И в случае спора, этот казан откапывали. На Дону в степи такие казаны находили, и не раз.

После войны с Наполеоном, вернувшись на Дон, казаки потребовали у царя жалованье. Александру I держать расчёт было нечем, казна была пустой. Тогда он решил поделить казачьи земли и раздать её своим верным воинам за заслуги перед Отечеством. Император не подумал о том, что это нарушит казачий уклад (казак не сеял, не пахал, а только саблюю махал).

Но что сделано, то сделано. И получили казаки в пользование земельные наделы.

Получили не только пахотный надел, но и земли возле ручьёв и речек под капустники, для выращивания овощей. А также им причиталась левада вдоль речек и заливные луга под сенокосы. Луга охаживались, вырубался кустарник и выкашивалась старика¹. Между полей, капустников и по лугу проходила эта злополучная межа.

Эту байку я услышал от местных старожилов хутора Поповского, расположенного на реке Казанке, в 3 верстах от станции Казанской. В старину хутор ещё назывался Казаночкой, а когда составлялся реестр хуторов, единодушно, чтоб не путаться в одноименных названиях, его называли Поповым или Поповским. Назвали возможно потому, что в хуторе проживали братья Поповы. Это были двухметровые здоровяки, державшие всю округу в узде. И когда на хуторские игрища попадали незнакомые им казаки, а ещё хуже – мужики, братья сразу им обозначали, что это наш хутор и редко дело заканчивалось мирным путём. Бытует вторая версия названия – от наличия хозяйственных построек батюшки казанской церкви, рядом находились и поповские земли.

Итак, в хуторском кутке² Нахаловском проживали два соседа, два родных кума, два односума³ Митро и Степан. Казаки уже отслужили свой срок и были переведены во второй эшелон, в запас. Но и в запасе они должны были содержать боевых коней за свой счёт ещё восемь лет. Казачки по молодости были лихие, имели награды и теперь дослуживали в основном при

¹ Старика – прошлогодняя трава.

² Ранее в хуторах улиц не было, чтобы лучше ориентироваться, населённый пункт делился на кутки, которые имели иной раз неприличные названия – собачеевка, мотня, дурняевка. Нахаловка же получила своё название из-за самовольной застройки левого берега речки Казанки.

³ Односумы – казаки одного возраста, вместе призывались, и в походе питались друзья с одной сумы, деля последний сухарь.

атамане. Дежурили сидельцами в атаманской, обучали молодёжь, выезжая с ними в лагерь и держали своё хозяйство. Земельные паи отставники сдали в аренду. Иногда со своими жёнами ковырялись в огороде, да на капустнике. Раз в году после Троицы, когда травы набирались нектаром и зацветали, кумовья выкашивали свои сенокосы, которые тоже были нарезаны рядом.

Этот казус с друзьями произошёл по весне в начале XX века. Атаманил на хуторе в то время урядник Петр Антонович Гладилин. Атаман был из заслуженных, уважаемых казаков. Чинил свою службу справно и справедливо, никого не унижая, и не выгораживая. Судил всех по совести, но жёстко. Хуторяне его уважали, но побаивались, уж больно характером был крут. Кстати атаманский дом в Нахаловке до сих пор стоит и проживают в нем дальние родственники Гладиллиных.

Весна в том году была ранней, как и Пасха. Снег шумными ручьями сошёл дружно, немного задержавшись по балкам, да в левадах. Скворцы, ранние птахи, уже обустроивали свои жилища. Воробьи, удачно перезимовав на скотных дворах, разбившись по парам, начали с подсохшего двора таскать куринный пух в гнёзда, устроенные в камышовых и соломенных крышах амбаров и сараев.

После обеда, Митро пытался уснуть на широкой лавке в стряпке¹, однако в окно, не закрытое оболонкой², проникали лучи послеобеденного солнышка, пригревая бок. Нет, сон не шёл и душа рвалась наружу, ей хотелось прогретого весеннего воздуха. Вздохнув, не по годам легко встав и насмыкнув кожаные чирики³, казак вышел на улицу.

Жены ни в курене⁴, ни на базу⁵ не было.

¹ Стряпка – кухня.

² Оболонка – ставни.

³ Чирики – повседневная обувь

⁴ Курень – казачье жилище, дом.

⁵ Баз – огороженное место при доме.

— Куда её черти унесли, – пробурчал в густые седоватые усы хозяин, направляясь в конюшню. Почуввав родного седока, в стойле приветливо заржал дончак.

— Чаво, чаво. Наскучал по степи. Погодь, запылять дороги, разомнемся с тобой на просторе.

Похлопав верного друга по шее, казак выгреб с яслей будыля¹ от сена, отнёс их по-хозяйски овцам. Те если что и не съедят, то с навозом вперемешку затопчут, а в лето порежется навоз на кизяки², будет чем печь топить. Задав коню сена, не забыл хозяин и за быков, подбросив им корма. Управившись, с довольным видом, Митро вышел через калитку, посмотреть на огород. Глянув, как парит вспаханная под зиму земля, казак с улыбкой вспомнил своего деда Трофима...

— Митя, а ты знаешь, когда картошку надо садить?

— Нет, дедуня.

— То-то. А надо садить, как земля прогрееется.

— А как узнать?

— А ты порты сними и сядь на пахоту. Как задница не будет замерзать, значит и пора.

Внук со смеху упал на огород, представив своего деда, без порток, на пахоте...

— Митя, а Мить. Подь сюды. Раздался голос, пропащей жены, со стороны левад.

Спустившись по краю огорода, к леваде, где на лугу стояла его преподобная Матрёна, муж зло буркнул:

— Чаво табе.

— А ты погляди, чё твой родимый куманёк сотворил.

Митро своего кума не видел с Пасхи. Весело отгуляв три дня, со двора на двор, друзья угомонились и мирно сидели по своим куреням, притупляя бдительность своих жён.

— Ну чаво тут, на лугу не так?

¹ Будыля – стебель растения.

² Кизяки – топливо из сухого навоза с соломой в виде кирпичей или лепешек.

— А то, что в прошлом году вешки стояли за той кочкой, а ноя¹ Степан перенёс вешки на эту сторону.

— Ну и чё?

— А то, что тебе дуралею сенокос урезали.

У Митра зануло что-то внутри, хоть в нужник беги. Межу соседи обозначали вешками, косить начинали в обе стороны, скашивая и бровку, чтоб старику не оставлять. А по весне подпрелые, вербовые колышки меняли вдвоём. Закрепив это бутылочкой дымки, прямо в леваде, в дали от бабьих глаз.

— Вот скотина, чё творить!? Чертыхнулся взбешённый Митро.

В это время со своих левад, вышел сосед с женой, за спиной у каждого было по охапке краснотала. «Видать плетень решил подправить», – зло подумал домовитый казак.

— Эй, хозяин хренов, подь сюды!

— О, кум, созрел уже. Хошь по стопочке?

— Хочу тебя по морде натывать, мироед!

Степан с годами накопил жирку, от мирной жизни. Был он роста невеликого и к старости стал походить на бородатый колобок с румяными щеками. Прямо как из печки, особенно когда разволнуется, или выпьет стопочку.

— Чаво ты, как кочет² хорохоришься?

— А то, тебе уж как мужику всё земельки мало. За счёт кума решил разбогатеть?

— Да ты гляжу, кум, ополоумел. Меня, казака с мужиком равняешь!?

— Кума, а чаво это твой, на Степана насатанился. Шлея под хвост попала?

Прикрыв раскрытый рот ладонью, Матрёна растерянно переводила взгляд то на кума, наседаящую на неё, то на схвативших друг друга за грудки, мужей.

¹ Ноя – сегодня.

² Кочет – петух.

Ссора меж казаками нарастала ежеминутно. В ход пошли бранные слова и зипуны трещали по швам. Поняв, что дело доходит до мордобоя, бабы ринулись разнимать родимых. Каждая повисла на своего мужа, пытаясь растянуть лихих старичков. Но не тут-то было. Как застоявшиеся кони в стойле, казаки рвались в бой. Земля на луговине была сырой, а местами стояли лужицы. Под весёлой компанией, уже чавкала жирная грязь. Степан покорооче перехватил кума за грудки и в это же время попытался сбросить свою милую со спины, но ноги разъехались в стороны, и он как заправский гимнаст сел на шпагат, в чём ему помогала его жёнушка, умастившаяся на плечах. Кумовья дружно упали на эту семейку и начали все с удвоенным остервенением купаться в грязи. Возились они до полного бессилия, пока в изнеможении не попадали на спины. С матом и руганью, буквально на карачках расползались по куреням.

Эту ссору никто не видел, но на утро весь хутор об этом знал. На Дону так бывает. К обеду, как и водится, последним узнал атаман.

Отобедав, Пётр Антонович пришёл в атаманскую.

— Семён, подь сюды! Позвал он со двора, курившего цыгарку, есаульца¹.

— Слухаю, Антоныч.

— Пойди, Сеня, к драчунам и пригласи ко мне, между делить будем.

— Есть! – отчеканил, улыбаясь служивый, предвкушая, как атаман будет пытаться жизнь на хуторе разнообразить.

Оповещённые кумовья прибыли врозь, хотя у них был общий плетень.

— Ну, забияки, сядайте и гутарьте, как вы казачий мундир пытаетесь замарать!?

Друзья сидели молча, как в рот воды набрали.

¹ Есаулец – наемный казак при атамане, выполняющий его поручения.

— Так мириться будем?

Односумы отвернулись друг от друга.

— Ну что ж, уговаривать не буду. Чай не дети малые. За посярмление звания казака, приговариваю вас к общественным работам. А на срок... – атаман хитро улыбнулся в бороду, – пока не помиритесь. Работа для вас такая. Через речку Казанку мы мост поставили, а подъезд паршивый. Будете класть каменку. У тебя Митро пара быков есть, у тебя Степан пара лошадей. Песок можете возить с Пухляков, а камень ломать в Гормиловском, с атаманом у нас давно договор есть. На службу можете не являться. Работайте казачки.

Атаман поднялся. Это означало, что разговор окончен и обсуждений не будет. Кумовья молча встали и вышли с атаманской.

Утро по-весеннему было тёплым, в пойме речки разноголосьем птиц пела вся левада, радуясь и предвкушая хороший день. Кумовья встали ещё затемно. Запрягая лошадей и зачеховывая в ярмо быков. Степан и Митро проклинали весь белый свет, эту проклятую межу. Они пытались побыстрее выехать за хутор, подальше от глаз людских. Выехав за ворота, Степан буркнул куму, который на дорогу выводил быков: «В Гормиловом карьере буду». Злясь на то, что сосед раньше его приедет в карьер и начнёт ломать камень, Митро стал хлестать быков, покрикивая: «Цоб-цабе, цоб -цабе!» Но быки, не обращая внимания на погонщика, медленно набирали ход, помахивая массивными хвостами.

Митро заехал в карьер, когда кум уже загрузил пол телеги камня. Ещё больше разозлившись, схватив лом и кувалду, он начал крушить каменные пласты. К обеду повозка и телега были загружены. Молча погрузив инструмент, камнетёсы поехали домой. Приехав к мосту за полдень, они стали выгружать камень. Скинув груз, как по команде кумовья присели и молча, свернув сигарки, затаились самосадом. О еде никто и не ду-

мал, хотя их перепуганные, последними событиями жёны, не забыли собрать харчишек¹.

— За песком не успеем, давай корыто под каменку рыть, — буркнул Митро. Степан молча взял лопату и пошёл к мосту. Работали, не разгибая спины до темна. Молча забросив инструмент в повозку и телегу, поехали домой. Лошади, как будто понимая хозяина, брели не спеша, как быки. Спрыгнув с повозки, открывая во двор ворота, Митро буркнул:

— Завтра в Пухляки, в песчаный карьер.

Степан, не сказав ни слова, заехал в открытые женой ворота.

Во дворе, Митро начал расчеховывать быков, когда к нему подбежала Матрёна.

— Милый, давай я быков в воловню заведу, напою, накормлю, а ты брось это треклятое ярмо, да пойдёшь обмойся. Ужин на столе.

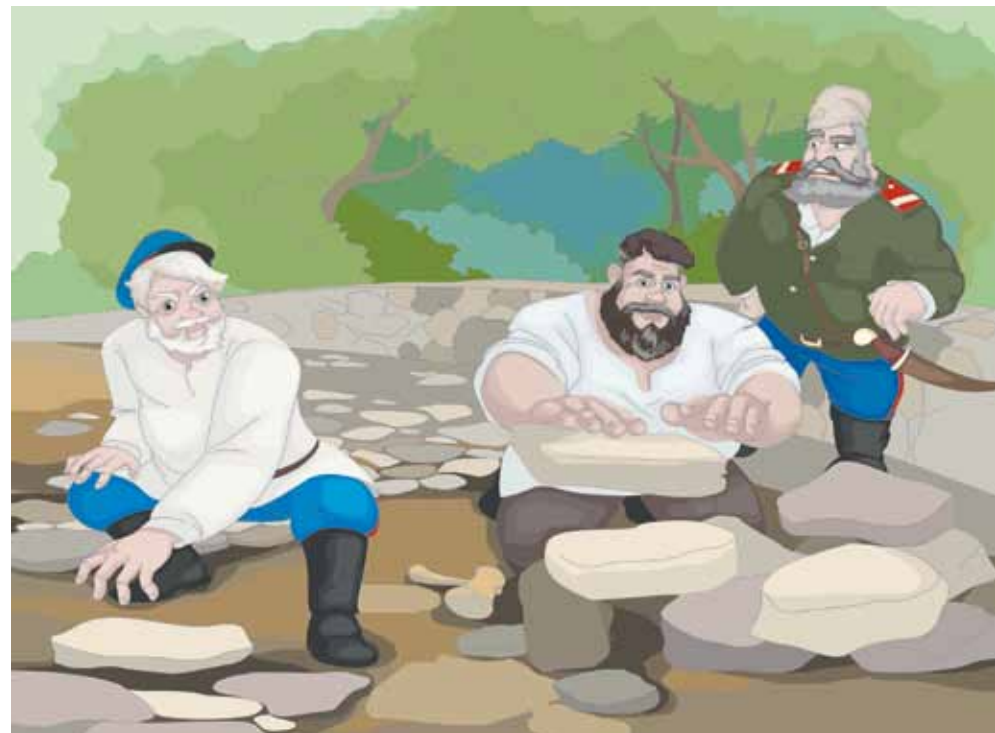
Обмывшись, в одних портках, Митро зашёл в пекарку. На столе стоял ужин и четвертушка дымки.

— Чавой-то на бабу нашло, — зло подумал уставший хозяин.

Налив стопку, он опрокинул её в рот, закусив куском сала, пошёл спать. На другой день, он встал ещё раньше, запряг быков и выехал в карьер. Песок добывать с ям было полегче, чем камень. Нужно было спуститься в яму, накидать лопатой песка в вёдра, подняться и выкинуть в повозку, засланную мешковиной, чтоб по дороге не просыпаться. С каждым ведром настроение улучшалось. Ведь когда подъехал в карьер кум, было уже пол телеги. Кивнув головой, Степан стал суматошно накидывать песок в вёдра, и уже через пол часа, старая гимнастёрка была мокрой, а лицо стало красным, как варёный рак, только укропчиком не пахло...

В таком рабочем режиме прошло две недели. На работу кумовьёв приходил посмотреть весь хутор. Издалека конеч-

¹ Харчи — съестные припасы.

но. Или пробегая мимо по делам. Иначе могли бы и получить за любопытство. Даже с Казанской были зеваки, проездом. А казаки к атаману носа не казали. Это и беспокоило атамана. Правление находилось в центре хутора. Каждый день атаман на пролётке ездил на службу через мост. Когда он подъезжал к мосту, казаки махнув головой в знак приветствия, отворачивались в сторону и с удвоенным старанием, один оскольцами¹ обрабатывал камень, а другой — кияшкой² загонял камень торчком в песок и клинцевал его щебёнкой.

— Ну-ну, — думал атаман, — Троица на носу, а там и покос. Придётся.

¹ Оскольцы — специально заточенный инструмент в виде молоточка, для обработки камня.

² Кияшка — деревянный молоток.

Дома жёны и уговором, и бранью пытались помирить мужей, но они упёрлись. Межа глубоко пролегла между ними. Кумушки то давно помирились, но и сообща они не могли родимых помирить.

Месяц упёртые казаки вколачивали камень в песок. Спуск практически был готов. Но не это толкало друзей протянуть друг другу руки. Скоро праздник Троицы, а после трёхдневного гуляния, начинался сенокос. Если вовремя сено не смахнуть, получится перестой, трава в будылку уйдёт. Да и второй укос не выйдет. А всю зиму нужно было кормить не только лошадей и быков, чёрт с ними, нужно было содержать исправными, боевых коней. За что атаман ещё строже спросит. Да и позору не оберёшься, если с зимы дончаки выйдут с впалыми боками.

И вот однажды с обеда, затягиваясь самосадам, Митро из-под лобья, глядя на кума выдавил:

— Ну чё?

— Да у тож, – отозвался кум.

— Надо до атамана итить.

В это время через мост проезжал весёлый есаулец.

— Во даёте, казаки, могёте же строить, а мы дураки мужиков нанимаем, а оно свои мастера есть.

— Да замолкни ты, пустобрёх, скажи иде атаман.

— Дык, мы в станичном правлении были. Я его дома высадил. Идите домой к нему. Вас то он и дома примет... ха-ха-ха

Плюнув дружно в сторону есаульца, казаки пошли к атаману. По двору у атамана управлялась его жена Мария.

— Здорова дневала, Алипатьевна, – поздоровались дружно казаки.

— А, кумовья заявили, слава Богу.

— Нам бы с атаманом погутарить, Алипатьевна.

— А чего же не погутарить, проходите в курень, он ещё не отобедывал.

Казаки зашли в курень, перекрестились на образа.

Атаманский дом был просторным, под железом. В доме, из комнаты в комнату можно было попасть по кругу. Первая комната была и стряпкой, и столовой. За большим семейным столом, без кителя сидел Пётр Антонович. Увидев куманьёв, он взял бороду в кулак и устало спросил:

— Ну чё, помирились?

Казаки молча закивали, потряхивая чубами.

— А ну поручкайтесь!

Казаки нехотя протянули друг другу руки и вяло пожали их.

— Та-а-к. А ну-ка троекратно побратайтесь!

Казаки смотрели друг на друга, как бараны на новые ворота, не желающие войти в незнакомый двор. Вздохнув, обняли друг друга.

— Ну вот, – подобрел атаман, – а теперь как родные кумовья троекратно расцелуйтесь.

Такого подвоха забияки не ожидали. Посмотрев в глаза друг другу, закадычные друзья обнялись и расцеловались от души. И не камни у них с души свалились, а с глаз потекли нежданнные слёзы.

— Ну вот, казаки, я вижу это мои воины и братья, с коими и в бой можно идти. Проходите, садитесь, гостями будете. Отобедаем вместе. А то я вижу вы за месяц отощали. А за подъезд к мосту, я вам с казны оплачу, чай не мужики, чтоб за так работать.

Друзья переглянулись и в один голос заявили:

— Антоныч, это наш подарок хутору будет. Нам в виде платы достался твой урок, как ты нас примирил. Столько раз в бой об руку ходили, прикрывая друга, а тут дружбу межа проверила на прочность.

— Ну-ну. Всё! Дуняша, – позвал хозяин работницу, – неси на стол разносолы, да четверть не забудь! У меня гости дорогие!

В этот тёплый летний вечер, в Нахаловке, казачьи песни звучали до полуночи.

Захмелевший Митро, ввалился в курень с широкой улыбкой на лице, которую жена давно не видела.

— Ну и слава Богу, — перекрестившись, молвила она. А то я греха на душу взяла.

— Чо? — Удивился протрезвевший муж.

— Милый прости, хотела раньше признаться, да боялась тебя. Уж больно ты зол был. Это я вешки перенесла на меже, чтоб ты с кумом опять не запил.

В наливающих кровью глазах казака, жена прочитала всё. И весь стыд, позор, который он претерпел за месяц, боль за такое предательство, а также свою участь.

— Митя, не надо! Нам же не по двадцать лет, не позорь!

Муж молча вышел на улицу и вернулся с сыромятными вожжами.

— Это не я, это ты меня опозорила, — молвил казак, складывая вчетверо сыромятину.

Степан пришёл домой и уселся на порожках, пытаясь закрутить себе сигарку. Вдруг от куреня кума, донеслись крики. Матрёна стала протяжно голосить. На порог вышла жена.

— Мать, у кума чой-то случилось. Пойду гляну.

— Стёп, не надо. Сами разберутся, — молвила во всё посвящённая жена.

Так ли это было дословно или нет, пусть останется на совести автора. Но то, что съезд к мосту, через речку Казанку, хоть и закатали асфальтом, до сих пор называют «мирным спуском».

Вот так, своей мудростью, жизненным опытом и авторитетом, атаманы держали Дон в повиновении. И от такого справедливого правления был у казаков устоявшийся порядок во всём.

Гладилина П. А. атаманом избирали трижды. Последнее атаманство выпало на тяжёлый для Верховых казаков 1919 год. Когда на Верхнем Дону в начале 1919 года установилась советская власть, от греха подальше Гладилин П. А. с караул-

Атаман хутора Поповского Гладилин Пётр Антонович со своей семьёй возле родового дома

ки забрал десять казачьих карабинов и закапал их в леваде. На требование выдать оружие, красные получили отказ.

На масленой неделе, во двор атамана пришли три красноармейца. Гостеприимная хозяйка, Мария Алипатьевна, встретила гостей, накормила блинами с яичницей, налила по три стопки. Те в свою очередь поблагодарив хозяйку, забрали с собой для разбирательства Петра Антоновича. Но до юртового правления его не довели, расстреляли в Кукуевской балке. Через две недели вспыхнуло Шумилинское (Верхнедонское) восстание казаков. Пытаясь отомстить за гибель отца, сын Василий, присоединился к восставшим против красного террора, но через месяц погиб под станицей Шумилинской. Семейное фото атаманской семьи имеется в Казанском краеведческом музее.

Ворон

А этот рассказ, я услышал от Симонова Г. Р., когда с братом Тимофеем заходил поздравить земляка с великим днём Победы.

На восточной окраине хутора Песковатско-Лопатинского, под Золотой горой (хуторской выгон), были расположены два поместья братьев Чеботарёвых. Огородами и капустниками они выходили на берег речки Ольшанки (сейчас это ручей, который уходит в землю перед Пятым логом). Сразу за поместьями, по балке с леса Долгенького, в речку бежал ручей. На берегу этого ручья росла в несколько обхватов верба. И на этом гигантском дереве, метрах в десяти от земли, в ветвях было огромное воронье гнездо. Ворон со своей подругой жил здесь с незапамятных времён. Каждый год семья укрепляла гнездо ветками, собирала шерсть и всякий хлам с хозяйственных дворов. Этого старого ворона хуторяне считали своим талисманом. Если ворон прилетал ко двору, жди приплода. Если прилетал на надел и ходил вслед за пахарем, выбирая червей и жучков с борозды, жди хорошего урожая. Если пара высоко кружила над хутором, верная примета к дождю или к вьюге. Ну что мистически было страшно, это когда ворон кружился над помещьем с надрывным карканьем – жди в дом покойника или плохих вестей с фронта. Может для того, чтобы казачата не трогали гнездо старого ворона, старики баяли, что если порушить его или убить птицу, то на хутор опустится большая беда.

После гражданской войны, казаки воевавшие и за красных, и за белых возвратились домой. Зализав свои раны, все начали пахать землю и разводить скот. Десять лет на Дону было золотым временем. Кто хотел работать и не ленился, укрепили свои хозяйства. В начале тридцатых годов на Дон пришло крамольное слово – коллективизация. В колхоз вступили только те, у кого ничего за душой не было. То есть, кто не хотел работать и не имел своих хозяйств. После революции землю получали все. Колхозники целый год пели песни, собирали митинги и собрания, пытались обработать общие наделы, но у них ничего не получалось. Не было инвентаря и тягловой силы в достаточном количестве. Посмотрев со стороны на свою идею, власть решила дать больше полномочий колхозникам и местной власти. И началось раскулачивание. Казаки в спешном порядке начали избавляться от хозяйства. Резать, продавать, прятать.

Мои деды по бабушкиной линии, Толокольниковы, продали весь скот, а когда пришли уполномоченные – брат было нечего. И они забрали большой рубленный дом. Его разобрали и поставили в центре хутора, сделав в одной половине правление колхоза имени Калинина, в другой – клуб.

Но репрессий пока не было.

У братьев Чеботарёвых, хозяйства были крепкими. Семьи были работающие. Сами по себе казаки были рослые и при силе.

И сейчас в хуторе проживают Чеботарёвы, выделяясь ростом и здоровьем.

Собрав семейный совет, братья решили, распродать хозяйство и уехать на Украину в шахтёрский посёлок Паркомуны (посёлок имени Парижской коммуны, нынче город Перевальск), там искать не будут. Распродав хозяйство в спешном порядке, ночью на двух подводах братья выехали с хутора.

Старший брат не смог продать пару быков и оставил сына, чтобы тот их отвёл в село Богомолово. С покупателями отец

договорился. Ночью, по договорённости с Тимофеем Красновым, Василий отвёл быков в Воронежскую губернию и продал. Возвращались домой далеко за полночь, пешком, вернее бегом, боясь за свою жизнь. Уже у самой межи, у Разрытого кургана, парни услышали конский топот и сразу сообразили, что это по их души. Отбежав с дороги, они залегли в высокую траву. Три всадника остановились у кургана, вслушиваясь в ночь.

— Не могли они так быстро дойти до межи, они пошли другой дорогой, — заговорил один из них.

— Утекли денежки. Ну не могли же их в селе прибить. Нужно было в степи.

— Поехали домой, на казачью сторону, дорога заказана. Сами без голов останемся.

Всадники развернули коней и ускакали в сторону села.

Парубки¹, переждав ещё немного, решили идти вдоль межи до хутора Каменного к знакомым, а с утра домой.

Вернувшись домой, Василий как с ума сошёл. На гульбищах задибался, снимая с подростков шапки, закидывал их на деревья. За разор своего поместья обещал всем отомстить. Как можно было навредить всему хутору, никто не понимал.

И вот что придумал Василий. Воспитанный в казачьем духе своими дедами, он знал притчу про хуторского ворона. В одиночку, видать было боязно совершить это богохульство, иначе не назовёшь, он собрал подростков и повёл к гнезду ворона. Со словами, я вам всем устрою, Василий полез на вербину. Но дерево было без сучков и до гнезда трудно было добраться. Тогда спустившись на землю, он сбегал домой и принёс длинные грабли. Забравшись опять на дерево, подросток упёр грабли в гнездо, начиная раскачивать. Сверху летели палки, мусор. Затем стали падать яйца на землю. С неистовым криком ворон с подругой летали над гнездом, не в состоянии прекратить этот разор. Когда остатки гнезда упали на землю,

¹ Парубки-парни

ворон камнем упал на голову разорителю. Не удержавшись на дереве, Василий с граблями полетел вниз. Но не это привлекло мальчишек, они смотрели, как ворон уносил шапку обидчика в сторону Пятого Лога. Отлежавшись, мститель поднялся с земли и спросил у зевак, где шапка. Услышав, что её унёс ворон, Василий заплакал от обиды.

— Теперь как мне к батю итить, он меня зашибёт, ведь ворон унёс двух быков, я деньги в шапку зашил. С этими словами и слезами подросток пошёл домой.

На другой день, хуторской пастух дед Мишуня, возвращался с Шумилинской домой. У хутора Пятый Лог, увидел странную картину. Под сухим деревом валялась в тряпки изорванная шапка и мелко изорванные денежные купюры. В последствии, дед хотел поменять в банке эти клочки на новые деньги, но как на зло, на клочках купюр отсутствовали номера и подпись главного банкира страны.

Больше ворона никто не видел. Василий в ту же ночь исчез из хутора. А буквально сразу после этих событий в хутор нагрянула беда. Для укрепления власти на Дону, было принято решение не только всех согнать в колхоз и раскулачить, но и тех, кто воевал против советской власти, стали по ночам арестовывать. Арестовали практически пол хутора, мало кто вернулся домой. От Георгия Руховича я узнал, что моего деда в одну ночь арестовали с его отцом, священником и ещё пятью казаками.

А в хуторе, все в один голос говорили, что это ворон не смог простить разора своего гнезда, разорив в последствии семью практически всего хутора.

Дег Кингим

Матюшенский (Матюшинский) – хутор Казанской станции, Усть-Медведецкого (Донецкого) округа, Области войска Донского, расположен при протоке Матюшенской (при урочище Калиновый Кут) в 8 верстах от своей станции и в 131 версте от окружной станции. По сведениям за 1915 год, в хуторе было 30 дворов, в них проживало 190 лиц мужского пола и 174 женского пола. Земельное довольствие казаков хутора составляло 1414 десятин. В хуторе имелось правление, которое возглавлял выборный атаман. Хуторские атаманы: 1900-1901 гг. – урядник Семен Агафонов, 1903-1904 гг. – казак Ефим Ермилович Лобов, 1905-1907 гг. – казак Ефим Филиппович Агафонов, 1908-1913 гг. – казак Егор Топольсков, 1914-1915 гг. – казак И. Агафонов, 1916 г. – казак К. Лобов.¹

В хуторе проживали казаки с фамилиями Денисовы, Чеботарёвы, Агафоновы, Дроновы. Дронов Николай Киндимович со своей женой Верой проживал в южной части хутора у живописного глубокого озера Матюшина, которое через протоку соединялось с речкой Яик, впадавшей в Дон. В переводе с тюркского Яик – это река, которая широко разливается. И в бывалую старину, по весне, Матюшин был подобие Венеции. Хуторяне, по улицам не ходили, а плавали на каюках.

¹ С. И. Рябов «Донское верховое казачество», ООО «Волгоградское научное издательство стр. 384.

Николай Киндимович свою усадьбу огородил каменкой. Но не из-за долговечности изгороди, а чтобы при разливе, вода не смывала чернозём с огорода. Ворота же со стороны воды, были плетёные с краснотала, пескарь не пролезет.

Когда вода шла на спад, начинал на нерест идти сазан. Лез он на уже прогретую луговину и в огород. И тут казак кричал:

– Закрывай жена ворота, уху будем варить!

И действительно, вода быстро уходила, а в лужицах рыбы было немерено, в том числе метровые сазаны. Казак плёл кошёлки без дна, и ставя их в лужу с мутной воды, ведрами тащил рыбу, на засол.

До Первой мировой, казак Дронов был как все молодые поджарым, высоким, натренированным на все случаи войны. Где довелось проходить ему службу никто не знает и не помнит. И всё же собирая разрозненные рассказы о наших героических предках, мне удалось кое-что узнать о лихой молодости донского казака.

1 августа 1914 года в разгар уборочной страды, над станцией Казанской зазвенели тревожные колокола, собирая казаков в правление. Юртовой атаман, подъесаул Дронов К. К. получил депешу с Войска о том, что германец объявил России войну. Быстро проведя совещание, он объявил «сполох»¹ и полетели вестовые по хуторам. Наскоро, сформировав отряды казаков, хуторские атаманы направили их в станицу.

Проведя переключку, на станичном майдане возле Михаило-Архангельской церкви, атаман обратился к казакам с просьбой не посрамить Дон Батюшку и наголову разгромить врага.

Отец Федор (Протопопов Федор Михайлович), благословил всех на ратное дело, и казаки, объехав по кругу храм, спустились к Дону. Переправляясь через Дон, набожные воины, черпали священную для них воду, мочили ею головы, утира-

¹ Сполох – тревога.

ли лицо, глаза и, потом, поклонясь реке и храму своей земли, стройными рядами оставляли станицу. Дробно стучали копыта, блеснули на солнце пики, и все исчезло за задонской горой.

По старым дорогам, расстояние от станицы Казанской до станции Каменской (ныне г. Каменск, где должна была состояться погрузка) было 240 км. Конь боевой в паре с конём выючным на марше, по нормативам, должны проходить 70 км в сутки. Т. е. за трое суток должны проходить 210 км, а нужно 240 км. У казака практически не было времени на сборы. Форма висела отутюжена, сапоги начищены, оружие и амуниция справные, перемётные сумы укомплектованы, кони всегда сытые. По этому поводу у казаков ходили присказки.

— Вань, ты бы поводу сходил.

— Не Мань, не могу. А вдруг завтра война, а нынче уставший буду. Сходи сама.

Сотни шли ходко, застоявшиеся кони грызли удила, пытались ломать строй. Но у казаков во всём был порядок. Выпившие по три рюмки, разрешённые атаманом, они затянули песню. Задор закончился, когда прошли хутор Мешков. Казаки притихли, думая о своих родных и доли, которую им придётся хлебнуть.

На погрузку, пришли ко времени. Командиры поехали на совещание к окружному атаману.

Казанцы, грузились в теплушки поздней ночью. По деревянным стеллажам заводили коней в вагоны, которые были поделены на две части. В одной стороне обустроенные стойла для коней, в другой стеллажи-лежаки для казаков. Посредине был сбит стол и стояла буржуйка.

Утром, проснувшись, казаки стали разминаться, поставив большой медный чайник на разогретую буржуйку.

— Миша, а где Николай у нас? Поезд, хоть и не шибко бежит, но ни разу не останавливался, — подтягиваясь на доске-перекладине, спросил Семён.

— Не знаю, спал рядом. Он то и спит, как покойник, не слышно его.

— Это ты как конь храпишь, — огрызнулся, отжимаясь от пола Михаил.

Дверь в теплушке была открыта, на улице были прекрасные степные пейзажи. Утренний прохладный воздух с запахом разнотравья врывается в вагон. Семён опёрся о брус, который был закреплён поперёк двери вагона.

— Мишка, я пропажу нашёл! Глянь, куды наш тихоня делся. Он же поезд заналыгал и пытается остановить его, — Семён смеялся, хватаясь за живот. Все друзья-попутчики кинулись к двери.

Зацепив, один конец вожжины за скобу у двери, второй — намотав на правую руку, по полотну в одних подштанниках бежал Николай. Точнее он не бежал, а плавно летел, перебирая ногами. Так делали казаки, когда из боя выводили потерявших коней, своих товарищей. Ухватившись за стремя, казак бежал на равне с конём.

— Николай Киндимович, чай подан, извольте к столу, — сквозь смех шутили казаки.

Николай, как будто очнулся. Он стал руками выбирать вожжину и подтянувшись, впрыгнул в вагон.

— Ну циркач! Не устаёшь меня удивлять, — похлопав товарища, по плечу, Семён налил ему в кружку чая.

Поезд остановился ночью в степи и по вагонам прошла команда разгружаться. Казаки, приладив трапы, стали спускаться с вагонов коней. А по степи уже пошла команда: «В походную колонну...»

Через неделю верхнедонцы уже пошли в первую атаку. И потянулась окопная серая жизнь. В осень все развезло. К болотам, прибавилась осенняя грязь. В общем донцы с двойной радостью встретили весну. Из хуторян, матюшинцы никого не потеряли, за исключением Дронова Н. К.

В сотню приехал офицер со штаба армии и Николая вызвал к себе командир. После чего тот пришёл, собрал свои вещи и ничего не сказав, уехал. Больше года, от Дронова Н. К. не было ни слуха, ни духа...

На улице стоял жаркий июль 1916 года. В воздухе из живых тварей в такую жару, только кузнечики вели активный образ жизни, стрекоча во всё горло. Казанская сотня, заняла неудобную позицию в лощине. Коней увели в тыл, в прохладный лес, а казаки сидели в окопах на передовой. Командование готовило наступление.

Немец занял удобную позицию на высоте, по бровке которой шли их окопы, а посередине, немного ближе к позиции русских войск, возвышался курган. И на этом кургане, немцы установили пулемётную точку. И так, по головам казаков долбили, что те с головой уже закапались.

— Сотника в штаб полка! — передали по окопам.

Пригнувшись, есаул стал пробираться на правый фланг, где траншея уходила к лесу, в тыл. Откинув полог полевой штабной палатки, сотник шагнул внутрь. За столом сидел начальник штаба полка, а спиной к выходу стояли два статных казака в новенькой форме.

— Вот, господин есаул, прими пополнение. Возвращаем в целостности тебе земляка. И ещё к себе одного прими, его сотня далече от сюда воюет.

Казаки, как по команде повернулись к сотнику и тот от неожиданности вскрикнул:

— Дронов! Николай!

Земляки крепко обнялись. Второго казака звали Петром. И это всё, что по дороге мог выяснить у земляка сотник. Зная характер Дронова, с расспросами приставать не стал. Ведь только сотнику, перед откомандированием Киндимыча, в штабе шепнули, куда забирают его воина, предварительно узнав всё о нём. В те времена формировались партизанские казачьи от-

ряды для работы в тылу противника. О таких отрядах ходили легенды.

Вернувшись в расположение сотни, есаул определил пополнение.

Буквально на днях готовилось наступление. По флангам наши войска продвинулись вперёд. Обойти неприятеля не давали болота. Казачьей лавой в гору не пойдёшь. Положишь и коней, и казаков. И штабные стратеги голову ломали, как взять высоту.

Петро с Николаем не расставались, хотя в окопах были все земляки Дронова. Они о чём-то рассуждали, или просто, прислонившись спинами к окопу молча думали о своём.

С утра в часть пожаловало высокое начальство. Полковник, в сопровождении свиты полковых офицеров, решил лично осмотреть передовую и принять решение о штурме высоты. Он хотел показать об отсутствии опасности со стороны немцев и во весь рост ходил по окопам передовой.

Поравнявшись с Петром и Николаем, он остановился. Его внимание привлекла новая форма казаков, их стать и выправка.

— Новобранцы? — спросил он, остановившись перед ними.

— Никак нет, Ваше благородие, — лихо в один голос рапортовали казаки.

И в это время, как сорока, застрекотал чёртов пулемёт. Фонтанчики от пуль шли по краю окопа, приближаясь к полковнику. Тот в свою очередь побледневший от страха, стоял как парализованный. Штабные уже были на дне окопа. И только полковник и два казака стояли во весь рост.

Дальше ждать было нельзя, и как по команде казаки рванулись к ошалевшему полковнику, увлекая его в укрытие. Николаю показалось, что пулемётная очередь прошла у него по спине, в клочья разорвав сердце. И даже на мгновенье, он потерялся. Быстро собравшись, Дронов поднялся. То, что увидел казак, бросило его в озноб.

Петро сваливался на дно траншеи. Николай бросился к нему, пытаясь хоть чем-то помочь. Но по краю губ уже стекала струйка крови и на него смотрели потухающие глаза товарища. Пули разорвав лёгкие и сердце, застряли в теле казака, тем самым спасая жизнь, безрассудному полковнику.

Всё командование полка бросилось к проверяющему, но тот, как обезумевший, всех оттолкнув, пригнувшись, побежал по траншее, не дав никакого указания.

Взяв товарища на руки, Николай по траншее вынес его в тыл к лесу, похоронив на опушке. Долго сидел казак у могилы товарища. К вечеру резко встав, как вновь народившийся, зашагал в свои окопы.

— Господин есаул, разреши обратиться, — подошёл к сотнику Дронов.

— Обращайся, — отозвался офицер, находясь под впечатлением происшедшего.

— Мне нужно отлучиться, к немцу сходить, — выдавил из себя казак.

— Сходи, — глядя, в нетерпящие возражения глаза, ответил сотник.

На лощину опустилась ночь. Появившуюся луну, скрывали рваные облака. На улице стояла тягучая духота. Николай молча смотрел на курган, стоя во весь рост.

— Пора, — молвил он и как кошка бросил своё тело на бруствер.

В окопах никто не спал. Не из-за того, что утром идти в наступление. Все ждали возвращения товарища.

И он вернулся, и не один. Сначала за ногу в окоп, заволок в беспомощности немца. А затем и сам пулемёт, который наводил переполох на сотню.

— Мне бы сотника и водички, — молвил Дронов.

Казаки сразу подали три фляжки и отправились за есаулом.

Собравшимся офицерам, Дронов доложил:

— Нечего утра нам ждать, пулемётный расчёт я ликвидировал, а за сопкой нет ни окопов, ни заграждения. Больно они на пулемёт рассчитывали. Сотней, в две шеренги пойдём ползком до кургана, а затем одни влево, другие вправо, прямо за окопами. И по сигналу сзади на плечи и сядем.

Всем план понравился. И казаки разбежались готовиться.

Небо тучами совсем затянуло и начал срываться мелкий дождик. Трава отмякла и не шуршала под казаками, которые пластунами ползли на курган. Поднявшись до вершины, сотня стала растекаться двумя колоннами. Молча заняв позицию, казаки решили в тихую зайти в траншею. Коршуном они падали на спящих врагов и резали их ножами. Всех офицеров взяли живыми. Последних резали дозорных, которые залегли перед окопами. Сотник объявил сбор и ему доложили о потерях. Он тут же направил вестового в полк.

— Господин полковник, господин полковник, к вам вестовой, — доложил часовой у штабной палатки.

— Что стряслось, наступлению ещё не время! — сердито отозвался командир полка.

— Дык, взяли уже казанцы высотку, треклятую, — оправдывался часовой.

— Как взяли, самовольно, сколько полегло? — злился полковник.

— Без потерь, Ваше благородие, — доложил вестовой.

— Молодцы, станичники...

...С фронта казак Дронов Николай Киндимович принёс двустольное ружье бельгийского производства. Николай был заядлым охотником. Охоту на пушного зверя открывали на осенний праздник Покрова Пресвятой Богородицы. К этому времени заканчивались все полевые работы. Выпал первый снег.

Хуторские охотники во главе с атаманом выходили на охоту. Охотились шеренгой по степи или делились на две группы.

Загонщики и номера. Сбитых зайцев, лисиц складывали в сани, в которых лежали и вещмешки казаков. В конце охоты, общее количество дичи делилось на число охотников и кучки раздавались по жребию. За охоту доставалось по пять, шесть зайцев на человека.

Так вот, у зайцев за год три окота. Мартовские, июньские и последушки, осенние. Весенний и летний заяц успевает нагулять к зиме жира, быстро выпуская зимний белый подпушек. А осенние к Покровам ещё серенькие.

При дележе, не дай Бог, если Киндим увидит зайца с серой шубкой. Он учинял дознание и не смотря на ранги, брал горе охотника за ухо и тянул её с хрустом в вверх так, что валенки отрывались от земли.

Иной раз, в пылу охотничьего азарта, сбивался осенний зайчик. Его не под каким предлогом казаки в сани не клали, а солидарно прятали в траву. После охоты, охотники обмывали «охотничью тропу» и не боялись, что кто-то в сугробе, под пряслон задремлет. Киндима первачом было не свалить, и он проконтролирует, чтоб все охотники попали домой к печке...

А это уже другая история.

Казаки, общественные сенокосы косили после Троицы коллективно. Это был праздник на хуторе. И к нему готовились загодя. Подготавливали и отбивали косы. Меняли деревянные зубья на граблях. Атаман готовил сотенный казан. Собирался провиант. По шалашам, как у мужиков, никто не питался. Из числа женщин выбирали повариху и пару подростков в помощь. Ставили на лугу лапас¹, столы, устанавливали казан. Варили косарям в основном кулеш или как у нас его называют, полевую кашу.

Кулеш варится просто. В нагретый казан, закладывают мелко нарезанное солёное сало. Когда оно начинает выжариваться, добавляют нарезанный лук и немного чесночка. Гото-

¹ Лапас – навес

вую за жарку, заливают водой и доводят её до кипения. В кипящее варево насыпают пшено, при наличии картофеля, добавляют и его. После готовности пшена, кулеш готов.

Когда хотелось разнообразия, с бреднем, вечером казаки ехали на озёра или Дон. Уху варили тройную. Сначала отварили плотву, затем в казан закладывалось много белорыбицы. Особенно любили казаки судака. Вынув в чашки рыбу и круто её посолив, в казан закладывалась стерлядка.

Рано утром по росе, казаки выстраивались в ряд. Атаман командовал на молитву и начинали звенеть косы. Тех, кто послабее, сзади не ставили, а наоборот пускали вперёд. Казаки им кричали:

— Пятки! Береги пятки! Подрежу пятки!

И те налегали на косьё, чтоб остаться с пятками.

Основание у косы тоже называется пятка. Когда казак видел, что спереди подросток пошёл сверху по траве, как говорится чубы сбивать, его поправляли окриком взрослые:

— Васютка, клади косу на пятку, налегай на пятку. Не режь чубы, подсеток подбивай, пяткой, пяткой.

Киндим с женой жили вдвоём. Детей им Господь не дал. К старости они чужих воспитывали. С худобы у них была корова, да телушка. И ещё, гуси в озере плавали, оттуда же и выводки приводили домой. Но сено заготавливали на ровне со всеми.

Вечером, поужинав у костра организовывали компании по интересам. Бабы, помыв посуду, под лапасом играли песни. Казаки у костра, покуривая, вспоминали службу. Молодёжь, распалив костёр на берегу Яика, затевали игрища. Только у кузнеца Лукича, работа была в разгаре. Он отбивал и правил косы под «летучую мышь». Молотобоец, выбивая клинья, отсоединял косу от косья и подавал их кузнецу. Готовые косы прилаживал к косью и ставил их к стожку.

Чтобы равномерно шли косари в загонке, свой запас сил они регулировали не шириной захваченной травы, а длиной

косы. Молодёжь начинала косить с семёрки (70 см), взрослые восьмёркой, редко кто девяткой. Киндим же косил десяткой (1 метр). И косу он никогда не отбивал. Силёнки хватало протянуть по траве и так, хотя на заливных лугах сено было очень набористое.

— Лукич, а давай Киндимычу поможем. Что он мучается, тупой косою косит, — предложил молотобоец.

Лукаво улыбнувшись, кузнец махнул головой:

— А давай, ещё и спасибо скажет.

Стан не спеша просыпался. Чем сильнее рассветало, тем гуще туман ложился на луговину. Косари не спеша вылезали со своих шалашей. Напившись с бочонка воды, разбирали косы.

— По делянкам! — раздалась команда атамана и все побрели на луг, исчезая в тумане. Киндимыч, возглавив свою команду, пошёл на делянку. Поудобней взявшись за косьё, он пустил косу со всего плеча в густую, мокрую от росы траву. Коса на удивление вошла легко, как в масло и срезав сноп травы, выскочила с рядка. А энергии в этот срез, Киндимыч вложил в разы больше и коса продолжила движение вокруг косаря, за малым, не подрезав ноги в след идущего Андрея. В недоумении он поднял своё орудие труда и попробовал пальцем лезвие.

— Твою мать, Лукич, зашибу, ведь чуть ноги Андрюшке не укоротил, — Киндимыч крутил головой, ища кузнеца.

Но всё было в тумане. И не найдя обидчика, казак стал по-маленьку принаравливать к острой косе.

Солнце над сенокосом уже поднялось высоко, дочиста съев туман. Косари, не разгибаясь, махали косами. Шаровары, по колено были захлустаны росой, рубахи парили от пота.

— На завтрак! — разнеслась команда атамана.

Взяв в руки по пучку скошенной травы, косари стали вытирать косы. За столом под лапасом, кузнеца не было. Оглянувшись, Киндимыч увидел Лукича у телеги, он поправлял чью-то

косу. Встав с лавки, направился к нему. Стан, уже узнавший об утрешнем происшествии, замер. Подойдя к кузнецу со спины, Дронов положил ему руку на плечо. Все с затаённым дыханием ждали развязки.

— Лукич, я тебя просил мою косу отбивать? — задал вопрос Киндимыч.

— Нет, — коротко ответил кузнец.

— А жаль, мне понравилось работать такой косою, спасибо тебе, — и косарь обнял мастера.

Такого оборота событий никто не ожидал, зная крутой нрав Дронова.

Скошенное сено, к вечеру ворошили в валки, чтоб оно не подгорело, не пересохло, не осыпалось. Затем казачки и подростки сгоняли валки в стожки и укладывали в копна. Буквально через неделю, копна увозили на арбах по дворам. Кто на лошадах, кто на волах.

У Николая Киндимовича ни лошадей, ни волов не было. Ну у него была сила в плечах и он, буквально на горбу, за несколько вёрст носил сено домой на гумно.

Было время обеда. Четверо молодых казаков, четыре брата, ехали с хутора Рубеженского домой, в хутор Матюшенский. Они отвели на продажу молодую корову и развалившись в арбе на сене, обсуждали предстоящий осенью отъезд на службу. Семён натянул вожжи и крикнул:

— Гля, братья, кто-то копну на дороге потерял. Утром её не было.

— Сеня, да она по дороге плывёт, твоя копна, — смеясь, заметил Афоня.

Обогнав копну, парни остановились. Остановилась и копна. Спрыгнув с арбы, братья подошли ближе. Из-под неё вышел Киндим.

— Здорово дневали казаки.

— Слава Богу, — ответили удивлённые братья.

— Киндимыч, можа тебе помочь. Давай мы твой вяхирь закинем в арбу, до гумна довезём.

— Ну если можно, помогите, — улыбаясь он отошёл в сторону.

Молодые казаки подбежали к поклаже и попытались её вкинуть в арбу. Но увы, они не смогли даже от земли оторвать.

— Киндимыч, можа помогёшь нам? — виновато попросили казачки.

— Да не парни, не будем лошадёнок надрывать. Батя заругая, — казак смеясь от души, потянул на себя вяхирь с сеном.

Сконфуженные парни, поскорее постарались удалиться.

Вяхирь у Киндимыча был особенный. По весне он надирал лыка с караича, кипятил его в казане. Затем распускал на нити, разминал. После с нитей вил верёвки. С них и был связан вяхирь. А размер его был, как невод. Так хуторяне утверждали.

Таким способом, плетёными неводами сомов ловили на Дону, на косах, когда они грелись на мелководье.

А ещё Николай плёл хорошо кошёлки, верши с лозы. За лозой он ездил всегда на тачке к хутору Рубежному, на Яик. Жена Вера, ему всегда помогала. Тачка у Киндимыча была немного меньше одноконной телеги, одноосной. Увязав краснотал, сверху казак усаживал свою милую, клал на плечо метров восьми осину и по пескам несколько вёрст волок эту ношу домой.

Так и жили казаки...

После неудачных попыток установить Советскую власть на Дону, весной 1919 года вспыхнуло верхнедонское восстание. Все, кто мог носить оружие, взялись за шашки. Среди них был Н. К. Дронов. Он не мог не участвовать в этой войне за свободу, за честь, за казачьи устои.

Во время восстания, в хуторах казаки поделились на белых и красных. Немного успокоившись к 1920 году и белые, и красные стали пахать землю. Заниматься единоличным хозяйством. Никто из новой власти Киндима не упрекнул за участие в восстании. Работал его авторитет, казака все побаивались.

Мужики в Воронежской губернии, забрав власть в свои руки, пытались по возможности попрятать казаков, с учётом того, что пришёл их черёд править.

Хутор Матюшенский, расположен практически на меже с Воронежской губернией.

Границы явной, нигде не было, но местные знали, кому принадлежит тот кустик или былинка. И иной раз нарушая эту неведомую линию, казаки или мужики нарочно провоцировали конфликт, чтобы выпустить в мирное время пар. Дрались хутором на село.

Киндим не любил такие бессмысленные разборки, но, если попадал на них, выдирали с корнем лесину и бил всех по кругу. Доставалось всем.

Казак, как и в старину пренебрегал мужицким сословием, запросто в лес по дрова ходил к соседям. На неоднократные угрозы лесных сторожей и объездчиков, дубки таскал из-за межи. А после того, как лесничего выбил лесиной из седла. Прорвало.

Лесники собрались со всех наделов. Пригласили друзей за магарыч, какие покрепче. Вместе решили проучить норовистого казака. Зная по каким дням Киндим ходит к ним в лес, пятеро здоровых мужиков, захватив с собой бечеву подлинше, сели в засаду. Как по часам, появился неугомонный казак. Облюбовал сухой дубок побольше, он ловко свалил дерево, обрубив сучья, увязал их. На одно плечо он взвалил дерево, на другое плечо примостил вязанку сучьев. Через кусты, как медведь, захрустел домой. Тут то и прозвучал сигнал к атаке, на захват. Пятеро здоровенных мужиков навалились на загруженного лесоруба.

Не торопясь, Киндим стал разруливать ситуацию. Самому горлатому на голову он опустил бревно, и тот, как подкошенный рухнул на землю. Ещё два лесника были погребены под кучей дров. А троих, Киндим так замесил, что не разберёшь, где лицо, а где задница. Подобрал налыгач, казак беспмятных своих соперников усадил вместе и связал так крепко, как только мог. Поправив вязанку с дровами, взвалил её с бревном на плечи и пошёл своей дорогой.

В селе Березняги был переполох. Двое суток не появлялись дома пять мужиков. Бабы собрались в сельсовете. Сорочиха, так кликали в народе жену лесничего, кричала на всю улицу:

— Опять казаки бунтуют. Это Киндим, хутор на наших мужиков поднял. Их уж давно в бурунах захоронили. Надо собирать мужиков и в лес, мужей искать.

Председатель сельсовета с активистами поехали в лес, не забыв прихватить винтовки и наганы. Полдня они блудили без-

результатно в поисках, отмахиваясь от полчищ комаров. Кто-то предложил:

— Мужики, а давайте вдоль межи проедем. Если казаки наших уложили, значит бойня на меже была.

В районе хутора Матюшина, вдруг заржала в лесу лошадь.
— Так это, Михалыча Орлик, — крикнул рыжий парень, по имени Семён.

На поляне, под дубом стояла телега. Орлик, отмахиваясь хвостом от комаров, грыз кору с веток.

Селяне, растянувшись цепью, начали прочёсывать лес. То, что они увидели, повергло в шок даже бывалых фронтовиков. Посреди поляны сидели спиной друг к другу их товарищи, все были увязаны одной верёвкой каким-то хитроумным способом, что лишало возможности двигаться. Лиц, пленённых было не угадать. Мало того, что они были измазаны кровью и грязью, ещё и искусаны комарами так, что не понять, кто где. Сами мужики не подавали признаков жизни. Над поляной вилось в воздухе столько комарья, что дышать трудно было. Разрезав верёвки, пострадавших погрузили в их же телегу, и Орлик с радостью заспешил домой в конюшню.

Через пару дней, председатель совета с уполномоченным, попытался мужикам учинить дознание.

— Это не казаки напали, а какие-то иногородние, человек десять, — твердили те в один голос, боясь, что всё село будет над ними смеяться.

Об этом случае хуторяне узнали не от своего знаменитого лесоруба, а от проболтавшихся по пьяне лесников.

Но Киндиму, такой позор мужики не простили. На Смоленскую, когда начиналась жара и дул астраханец, ночью они запаливали траву и ветер гнал огонь на хутор, пожирая подворья. И так было не раз...

Единоличная жизнь после гражданской войны у казаков была не долгой. В 1929 году казаков поголовно стали сгонять

Дронов Н. К. (второй справа) с женой Верой среди Матюшинских казаков

в колхоз. Кто отказывался вступать, вспоминали контрреволюционное прошлое и за это давали срок от трёх до десяти лет тюрьмы. В силу своего характера, Киндим не любил общества, особенно с его новыми порядками и отказался вступать в колхоз. Его тут же отправили на высылки на Урал. Жена категорически отказалась его бросать и её выселили тоже. Через несколько лет Николай Киндимович постаревший, с Верой появился на Верхнем Дону. Но это уже был другой человек. Всё-таки судьба надломила казака. В последствии рассказывала Вера своей родне: «Сбежали мы с выселок и пешком пришли с Сибири. Основную часть пути, Киндимыч нёс меня на руках».

В Матюшинском хату у них забрали и перебрались они жить в хутор Поповский. С тех пор стали кликать Николая Дронова – дед Киндим или просто Сибиряк.

Подарок от Шолохова

Поведал эту историю, мой легендарный земляк Симонов Георгий Рухович.

Сначала я услышал от него, как лопатинцы к Шолохову заезжали в гости и описал этот, практически документальный факт. Но забежав в очередной раз к Георгию Руховичу, в подарок получил тетрадь, где были записаны рассказы, услышанные в этой поездке от конюха Плигина Тихона Андреевича, которыми я решил поделиться с вами, уважаемые читатели.

Когда началась война Георгию Руховичу было 18 лет. На фронт он попал 17 октября 1941 года. Воевал на черноморском флоте, зенитчиком. Защищал важные объекты от фашистских самолётов.

Демобилизовался зимой 1949 года. В клешах, ботиночках и бушлате встретил моряка родной хутор Песковатско-Лопатинский. Отогревшись у печки три дня, не успев отдохнуть, как в дом заявился председатель колхоза Плигин Иван Назарович.

— Здорово дневал, герой. Отдохнуть у матери успел? Хватит на печке сидеть. Пора на работу – забубанил он с порога.

— Слава богу, – ответил служивый, вставая с лавки.

— А что надо делать в такой мороз, да по сугробам? – недоумённо спросил морячок.

— Да есть дело. Нужно с Плигиным Тихоном Андреевичем, съездить в Вёшки. На рынке забрать бочки из-под масла. В та-

кую непогоду грех Тихона «Косошеего», одного посылать в такую даль.

— Так куда мне в ботинках, в сугробы? Валенки-то нет, — оправдывался Георгий.

— Короче так, нынче вечером придёшь ко мне за валенками. Тулуп вон у двери висит. А завтра с утра пораньше заскочишь в правление, туда и Тихон подъедет, — отрезал председатель, закрывая за собой дверь.

Вечером, натянув бушлат, моряк пошёл к председателю, благо, что тот жил недалеко.

— Мать, дай парню валенки, — крикнул жене хозяин.

— Какие валенки? — удивилась вошедшая жена.

— Новые, что на печи! — повысил голос председатель.

Взяв валенки под мышки, Георгий пошёл готовиться к поездке. Утром, ни свет, ни заря, с первыми петухами он выскочил на улицу, умылся снегом и впрыгнув в новые валенки, пошёл в правление.

Когда организовывался колхоз «имени Калинина», подходящего под правление здания не было. И раскулачники¹ предложили семье Толокольниковых, в виду отсутствия имущества необходимого для сдачи в колхоз, отдать свой хороший дом. Поплакав, семья переселилась в халупу, а рубленый дубовый дом, перенесли в центр, ближе к церкви. Впоследствии, церковь сломали и сделали из неё клуб и новое правление. В старом организовали медпункт.

В кабинетах свет уже горел, колхозники просыпались рано. Не успел служивый подняться на крыльцо, как услышал конский топот и крик возницы:

— Тпру-у, треклятые. То не разгонишь, то не остановишь! Ити вашу в коромысло. О, матросик! Это тебя, приписали в мой экипаж?

¹ Раскулачники — активисты колхоза.

Георгий смотрел на здорового казака, который и боком шёл, и голова сидела боком, и взгляд его был косым. «Косошей» вспомнил, парень. А Тихон уже кричал в правлении на председателя:

— Назарыч, ты ж не душегуб? В степь, в сугробы, а постромки¹ тряпочные разлохматились, порвутся, сгинем в степи. Да и на голодных конях, мы не доедим. Обыденкой не обернёмся, чай 60 км по сугробам.

Бурча, председатель подмахнул накладную на постромки.

— Дай ещё мешок овса, председатель.

— Ну всё, уморил с утра. Уйди с глаз. Нет у меня овса. Вот тебе ведро зерна и езжай, — подписал накладную, Иван Назарович.

Забирая со стола ценные бумажки, Тихон кричал на попутчика:

— Ну чё стоишь, кидай тулуп в сани и поехали на склад!

Проезжая через МТФ, конюх натянул вожжи, схватив пустую торбу² побежал искать заведующего Зеленина М. И. Буквально тут же выскочил из амбара³ и прыгнул в сани с полной торбой. А вслед Зеленин кричал:

— Вот гад, с души вынул.

Кони по накатанной дороге перескочили хутор. Возница завернул коней на свинарник.

— Да я что, себе что ли, уважаемый. У меня кони в степи сдохнут. А им по весне в поле. Зерно тебе мироеду с твоими хрюшками же возить.

— Всё, больше ведра не дам, кишкомот! — выпроваживая не желанного гостя, кричал заведующий.

¹ Постромки — часть конской упряжи, прикрепляются к хомуту одним концом, а другим к валькам.

² Торба — мешок с овсом, который привязывают к морде лошади.

³ Амбар — складское помещение.

— Егор (так на хуторе по молодости звали Г. Р. Симонова), сегодня мы в Вёшки не едем. Едем завтра, рано утром, — подытожил Тихон Андреевич.

Звезды ещё и не собирались исчезать с морозного небосвода, а конюх уж стоял у Симоновых под воротами.

Укутавшись в тулуп, морячок дремал, слушая как Тихон балабонит всю дорогу. Пока ехали, он узнал про конюха всё: где родился, как крестился, на ком женился, ну кладёзь для шпиона.

В станицу Вешенскую заезжали на рассвете.

Базар находился около церкви. Остановились у ворот. Тихон приказав ждать, зашёл во двор. В течении получаса он выкатил три металлических клёпанных бочки. Вытащил из-под сена полозья и поперечены¹. Моментально собрал мини сани, прикрепив их к основным. На них вкатили и увязали бочки.

— Ну вот, управились. Теперь я схожу в гости к Шолохову. Выпрошу у него на бутылочку с мороза и по коням. Глядя на недоумённое лицо попутчика, похлопав кнутовищем по валенкам, заявил:

— Потом поясню, а ты от коней не отходи, а то сбрую снимут.

Ждать пришлось долго. Егор и вокруг саней бегал, и коней кормил, и закутавшись в тулуп дремал. Кони опустошив торбы, опустив головы, тоже дремали, готовясь в неблизкий путь.

Конюх появился после обеда. На присядках прошёлся вокруг саней. Он был весёлым, хмельным и счастливым. В руках держал свёрток.

— Так, Егор давай поедем к колодцу, напоим коней, перекусим и домой, — распорядился старший по подводе.

На краю Вёшек, у колодца, напоив коней, прямо в санях разложив на коленях нехитрую снедь, стали перекусывать.

¹ Поперечены — перекладины на сани.

— Вот чёрт, забыл тебе привет передать от Шолохова, — с этими словами Тихон из-за пазухи вытащил полбутылки водки и протянул попутчику.

— Так стакана нету, — нехотя беря бутылку, оправдывался Егор.

— А ты с горла, по-нашему. Шолохов сказал, мол угости товарища фронтовика.

После таких слов, грех было не отхлебнуть живительного напитка. Управившись с харчами и подарком, Тихон дёрнул вожжи и усевшись поудобней в санях, поведал о своихключениях:

— В зиму 1941 года нас призвал военкомат и пешим ходом мы пошли под Сталинград. Добрались до города Николаевска в ночь. Нас распределили в хату на окраине города. Хата была просторная, без мебели, только стол и лавка, а на полу настелена солома. Попав с мороза в тепло, новобранцы попадали вповалку и моментально уснули.

Утром, затемно, зашёл наш офицер и скомандовал на построение. На ходу справив нужду, строем пошли в военкомат на комиссию. Хирург отказался меня обследовать. Ведь я родился немного кривым. А на фронт очень хотелось. Комиссар, отозвав меня в сторону убедил, что в тылу я сгожусь больше.

На улице нас поставили опять в строй и повели выдавать обмундирование тому, кто прошёл комиссию. В колонне я шёл в крайнем правом ряду и думал о том, как мне попасть на фронт.

По пути сбоку дороги увидел машину и пару лошадей, запряжённых в сани. Рядом в полушубках стояло несколько человек. Когда мы проходили мимо, то военные обернулись в нашу сторону и среди них я узнал Шолохова М. А. Знаменитого писателя-земляка, знал по фотографиям из газет. Я во весь голос, из строя крикнул:

— Здравия желаю, Михаил Александрович!

Шолохов протянул мне руку и глянув на мой внешний вид, который не очень соответствовал здоровому, спросил:

— Что, земляк? Контужен? Ранен?

Я покинул строй, пожал руку Шолохову и рывкнул в ответ:

— Так точно, земляк, с Казанской, с хутора Каменного, не контужен, не ранен, такого мать родила.

В это время подбежал наш офицер и как заорёт:

— В строй, бегом марш!

Эта встреча продолжалась секунды, но мне она запомнилась на всю жизнь. И я решил, что после войны обязательно заеду к нему в гости при случае.

Когда я привозил бочки с маслом на базар, то заходил домой к Шолохову. Но охранник сказал, что хозяин за границей, скоро должен вернуться.

Сегодня, меня не пускали даже во двор. Я начал кричать на охранника, что его за бездушие уволят. На шум подошла женщина, попросила пропустить меня. Когда мы подошли к крыльцу, навстречу вышел молодой мужчина и поинтересовался по какому я вопросу к писателю. Я ответил, что мы старые знакомые, заехал вот поговорить с ним. В это время дверь на крыльце открылась и из дома вышел Михаил Александрович.

— Здравствуйте, мне кажется, что мы с вами где-то встречались?

— Так точно, в Николаеве! — громко отрапортовал я.

— Всё, вспомнил. Я ехал с городского партактива и встретил по дороге комдива, а мимо проходили новобранцы. Да, да всё вспомнил. Ну что ж, проходите в дом, поговорим.

Я проследовал в дом за хозяином, обив валенки от снега кнутом. Когда зашли, Шолохов говорит: «Раздевайтесь». А мне стыдно раздеваться. Пиджак латаный, перелатанный, но и это полбеды. Под пиджаком у меня жилетка с собачьей шкуры. Я Митькиного кабеля порешил, ободрал и выделал шкуру, при помощи кислого молока. Жилет очень тёплый на морозе. А вот

в хате беда. Как пригреет, он начинает вонять псиной и кислятиной. Но слава Богу обошлось, в доме было прохладно, как в церкви.

Хозяин оглядел меня кругом, посадил на стул и начал про всё спрашивать.

Про родителей моих, как жили, как я живу. Как колхозники выживают после войны. Сколько хлеба дали на трудодень. Ну я всю правду без утайки и рассказал. Очень он меня внимательно слушал и в блокнот что-то писал.

А на стол принесли бутылочку казённой водочки, хлеб серый, хороший поставили, а ещё — огурчики, с мой мизинчик. За такие, если у нас с грядки сорвёшь, баба заругает. И резаные вдоль на четыре части. У нас кольцами режут, а у них вдоль.

Взяли со стола рюмки, чокнулись, смотрю, а он пол рюмки выпил и всё. Ну и я как хозяин, половинку.

А он тогда и говорит: «Не дури, выпей всю, с дороги же и опять на мороз».

Я допил стопку, закусил огурчиком. А он по вкусу малосольный, у нас такие летом малосолят.

— Ну а теперь говори, с чем пожаловал?

А мне и крыть нечем, после такого приёма стыдно денег на самогонку просить. Ну я и ляпнул:

— Да вот решил проведать, да посмотреть, как живёте.

На что Шолохов от души рассмеялся, подлил мне водки. Себе не стал.

— Ты брат не скромничай, говори, как есть.

— Ну понимаете, Михаил Александрович, я работаю конюхом, а постромы ещё довоенные, да ещё не ремённые, а тряпочные. Вот боюсь порвутся в степи, в сугробе...

— Ну с этой бедой я тебе помогу.

Я обрадовался, ну думаю, денег на постромы даст. Ан нет, он взял блокнот и что-то там написал. Затем вырвал листок и говорит:

— Вот тебе записка, иди в хозмаг, там тебе выдадут постромы. И бутылку не выпросил, и денег не взял, аж камень с души упал. Как-будто, грех на душу не стал брать. А с другой стороны, обманул такого человека, ведь постромы председатель дал, хоть и тряпочные.

Я положил записку в карман, выпил рюмку и стал собираться.

— А где у тебя кони? — спрашивает Шолохов.

А я отвечаю, что мне в помощь дали фронтовика, он и охраняет подводу. Михаил Александрович взял бутылку со стола и говорит:

— Угости его, на морозе ведь человек целый день.

Я спустился с крыльца и пошёл по дорожке. Слышу в след, Шолохов кричит:

— Тихон Андреевич, Вы кнут забыли.

Вернувшись к крыльцу, я взял свой кнут. Михаил Александрович ещё раз пожал мне руку и улыбнувшись сказал попростому:

— Будешь в Вёшках, заходи. Гостям всегда рады.

Вот это человек! Вот это да! Таких людей, в мире, наверное, нет. Простой, смотрит на тебя с улыбкой, внимательно слушает. Вот таких людей надо ставить председателями колхозов и районными начальниками, тогда и будет толк во всём.

В прекрасном настроении, захожу в хозмаг и говорю продавцу, что мне надо. По карманам шарю, не могу найти эту чёртову бумажку. Хоть иди назад к Шолохову. И тут я в кармане штанов дыру нашёл. Я её сам сделал ножом, когда пшеницу на склад перевозил. Пшеница была отборная, а дома ни грамма муки нет. Что в карман положишь? Горсть? Другую? Я карманы и прорезал. Пшеничка засыпалась в карман, дальше просыпалась в валенок. Так, полтора — два кило принесёшь домой, на пышки и хватит.

Подошёл к продавцу и сказал, что приду сейчас. Выйдя за магазин, снял фуфайку, расстегнул ремень, приспустил по колено штаны и начал искать бумажку. В это время мимо проходила женщина и говорит мне:

— Мужчина, нужник у нас там, за углом.

Ну прям срамота, за срамотой. Нашёл я эту чёртову бумажку. Отдал продавцу. Он крутил в руках её, крутил, затем молча пошёл в подсобку и вынес мне кожаные постромы, до военного пошива. Гуталином пахнут. Ну прямо мысли, а не сбруя будет. Обернул продавец их в бумагу, перетянул шпагатом, протянул мне. Хотел я его поблагодарить, но продавец шархнул от меня, попросил только расписаться за товар. Расписался я и к тебе бегом, а то уж вечеряет, загостились мы тут.

За разговором, путники и не заметили, как въехали на окраину хутора Дударевского. Проезжая мимо старой, казачьей, хаты-связи¹ Егор спросил у Тихона:

— А что, тут люди плохо живут? Крыша раскрыта, окна дерюжками² заткнуты.

— А, да знаю я эту хозяйку. Огонь баба! Её любимая при- сказка «на черта он мне нужен, я сама проживу». Кто бы к ней не сватался, убегал от неё через неделю. Больно умная баба.

Вот в жизни бывает так, сходятся по любви люди. Рожают ребёнка, а то и двух. А потом разбегаются, не уживаются. А почему? Да потому, что в семье двое умных не уживутся. Надо чтоб один поумнее был, а другой поглупее. Тогда в семье лад будет и до смерти счастливо живут.

— Андреич, а кто у вас в семье умней и, кто глупей? — со смехом спросил Егор.

— А я тебе сейчас одну историю из своей жизни расскажу, а ты и пойми сам, кто глупее, моя баба или я?

А было это так. Мы с бабой встаём всегда вместе, она корову доит, в табун выгоняет. Я же на выгон иду за лошадьми, запрягаю их и на работу. Вот в одно прекрасное утро, я встал пораньше и пошёл за лошадьми. По дороге решил заглянуть до своей ухажёрки. Зашёл во двор, никто не видел, рано ещё. Тихо захожу в хату, она дверь никогда не закрывала и на печь к ней юркнул. Не успел её и разбудить, слышу дверь со скрипом открывается. Глядь, из-за шторы, а там жена стоит с колом, злющая. Я помаленьку слезаю с печи и говорю ей:

— Милая, не верь своим глазам, а поверь моей совести, ей Богу я с ней не был. Спит ещё баба.

Жена на меня колом замахнулась, но не ударила.

— А ну пошёл кобелина домой, там погударим.

¹ Казачья постройка в виде двухквартирного дома, соединённых одной крышей, с двумя выходами.

² Дерюжка — рядно, покрывало из грубой конопляной ткани.

Я пошёл к калитке, а она взяла терновую жердину, положила на плечо и идёт сзади. Весь хутор проснулся. Все скотину на выгон гонят, а меня как бычка, жена домой терниной погоняет. Да ещё ругает меня благим матом. Обзывает такими словами, каких нет ни в одной литературе, ни в советской, ни в кадетской. Я хотел в левады в проулок нырнуть, а она как заорёт, чтоб по дороге шёл. Первый раз я такую бабу видел, как умом тронулась. Решил не дразнить, подчиняюсь. А сам думаю, ну сука убью дома. По дороге прошу, иди рядом, люди же. А она ни в какую, грозит тернину, об горб обломать. Хуторяне идут, посмеиваются. В хуторе же как, все знают кто к кому бегаёт. И жёны знают. Какая поумней молчит. А моя дура прилюдно срамит.

Алешка Разогреев, гад, на всю улицу кричит:

— Гляньте, в табуне новый хуторской бугай объявился, полхлеще нашего Мамаю.

Я ему кулаком погрозил, сам же кобелина, хлеще меня.

Догоняют нас Семён с Маруськой, корову с телушкой в табун гонят, спрашивают, так ехидно:

— А вы что без коровы, отогнали уже? Какие ранние птахи.

Дальше Яков повис на прясле¹, подкашливает, типа вижу, вижу. И так всю дорогу до дома. Только зашли во двор, а меня как отпустило, как закрутил живот. Я бегом в нужник. Сижую, строю планы, как свою милую уничтожить сейчас буду за такой позор. Оправившись, натянул портки, засучил рукава и в хату, жену уму разуму учить. Захожу в сряпку, а её у печки нет. Я в залу, а там такое... жены нет, а на столе — сковорода с яичницей на сале, у нас то и сала в доме не было. Соления в чашке, пышки, молоко. А среди этого богатства и роскоши, стоит чекушка первача, наичистейшего. Бугая домой, а корову на выгон, рассуждал я наливая стопочку. Ладно думаю, живи. Ну ко-

¹ Прысло — изгородь из длинных жердей.

роче, подмёл я всё на столе, всё выпил. И такая блажь на меня напала, такая истома. А тут и жена заходит и говорит:

— Лошадей я там привела, а то на работу опоздаешь.

Думаю, не буду я пока её убивать, где ещё такую хозяйку найдёшь. Встал я из-за стола, обнял милую...

— И что? — не утерпел морячок.

А ничего. Бригадир шибко ругался. На работу я опоздал. Вот и скажи, кто из нас умнее?

Егор смеялся от души. Еле выдавил из себя:

— Тихон, у тебя баба не дура.

— Ну-ну. Так и скажи, Тиша, ты дурак в семье. И будете вместе жить долго и счастливо. Ведь что получается. У казаков так принято, прихватила жена своего милого у ухажёрки, надо окна бить. Моя не била. Знает, что мне стеклить, а денег в семье нету, да и стекла не сыщешь. Опять же лошадей с выгона привела, чтоб на работу не опоздал. Если с работы выгонят, где такую найдёшь. Ведь это транспорт, зернецо, сенцо и благополучие семьи. Вот и думай, умная у меня баба? Я считаю, что умная. Это я кобель. Она так и сказала мне:

— Ругать больше не буду, чёрного кабеля, не отмоешь до бела.

За разговором и дорога короче. Путники проехали хутор Быковский. Через Дубраву, выехали на буруны. Вдруг кони стали вести себя беспокойно, стали храпеть и крутить головами. Присмотревшись, Тихон показал рукой влево от дороги. По бурунам шла стая из пяти волков в сторону Городищ. Подгоняя коней, спустились к речке Песковатке, в районе хутора Гребеннековского.

Чтобы разрядить обстановку, неугомонный возникчий, опять начал рассказывать байки.

— А знаешь ли ты, Егор, что в этих местах, после восстания в 19-ом году орудовала банда Фомина? Он хоть и бандитом был, но половина казаков его поддерживала. Были време-

на, когда хрен поймёшь, кто прав, кто виноват. Фомин был лихой рубака и рубил с двух рук. Даже две сабли, к седлу были приторочены.

Когда вот здесь он переезжал речку, его увидели активисты и сообщили красным, которые квартировали в Шумилинке. Отряд в двенадцать сабель, пошёл в погоню. Когда он ехал по Третинскому шляху, его стали настигать красные. Фомин припустил коня и легко стал уходить. А конь у него был славный, в белых яблоках. Преследователи, имея под седлом разнопородных коней, вытянулись в одну линию. Фомин обнажил обе сабли, развернул коня и поскакал навстречу. В одно мгновение он как лозу, срубил всех всадников и поехал своей дорогой. Вроде и бандит был, а из наших. Да, были же лихие наши отцы и деды.

За этим рассказом, путники проехали станицу Шумилинскую и уже по тёмному подъехали на Пятый Лог, где до революции располагался одноимённый хутор. Сейчас в садах стояла одна хата, в которой проживала древняя старуха. Здесь была развилка дорог. Прямо по логу дорога шла на хутор Каменный, а влево по логу на Лопатино.

— Ну что морячок, поедem ко мне в гости, в Каменный, а завтра с утра привезу домой.

— Нет, нет. Только домой, — запротестовал уставший от собеседника Егор.

— Ну будь по-твоему — обиженно пробурчал возница, натягивая левую вожжину.

Проезжая по сгнувшему хутору, Тихон опять заговорил.

— А какой в старину хутор был, я немного захватил те времена. Всех выбили, остальные в нужде вымерли. А ты знаешь, как правильно нужно хоронить покойников? Надо их хоронить на третий день по канонам. Это было у нас в Каменном. Умер мужчина лет тридцати пяти. Вдовый был. Проживал с родителями. Все думали от тоски по милой помер. Ну склоти-

ли гроб, приготовили обед. На улице жара стояла и решили не ждать, похоронить его на второй день. Подогнали одноконку к хате, погрузили гроб и повезли. Хуторяне с родными пошли следом, проводить в последний путь. В хуторе кладбища не было. Ведь кладбища в старину разбивали только на освящённой земле, где храмы были. А у нас хоронили по садам. Наверное, чтоб место красивее было. Сады цветут, соловьи в них поют. А сад у семьи покойника, был за ереком¹. Нужно было ехать через мост. Доски в те времена не было и мост накатали кругляком. Он получился как рубель². Казаки говорили, грязью забьётся и трясти не будет.

Как только въехали на мост, телегу стало трясти, как будто лихоманка её била. На середине моста, покойник встал, проехал немного сидя и спрыгнул с телеги. Народ, бежал кто куда. Последний эту оказию, заметил возница. Он сиганул в ерик и по очереди заполз под мост. Оживший покойник не спеша пошёл домой. В этот день, чуть не похоронили пол хутора. Больше всех досталось трём поварихам. Ничего не подозревая, они уже приготовили обед и готовили посуду на поминки. В это время заходит покойник во двор и просит налить ему борща. Две бабы бухнулись на месте без памяти, а третья с диким рёвом перемахнула через плетень и не зацепилась. А было в ней пудов пять.

Покойник зашёл в хату, переоделся, налил себе борща и стал обедать. Казаки хоть и суеверный народ, но не из робкого десятка. Помаленьку они стали собираться ко двору. Отец покойника, на радостях выкатил бочонок вина, харчей бабы на хутор наготовили, не пропадать же. Песни под гармошку играли до утра. Таких поминок никто не помнил. А парень этот, уже во хмелю, рассказывал, что он всё слышал. И когда лежал

¹ Ерик – относительно узкая протока, соединяющая озёра, заливы, протоки и рукава рек между собой.

² Рубель – деревянная доска с вырубленными поперечными желобками.

на лавке, у него под носом пот выступил, а мать его платочком промокнула. Так вот, надо покойников хоронить на третий день, вдруг очнётся.

Ну вот и доехали. Слазь Егор. Мне ещё домой ехать.

Матрос выскочил с саней, как чёрт из табакерки. Хоть и прошёл всю войну, но от рассказов Тихона, аж в дрожь бросало.

На утро Тихон опять приехал к Симоновым. Егор вышел узнать, что случилось. Конюх, обняв морячка как родного, со словами: «Это тебе», – протянул две бутылки постного масла.

– Ты где это богатство умыкнул? – удивился Егор.

На что тот со смехом ответил:

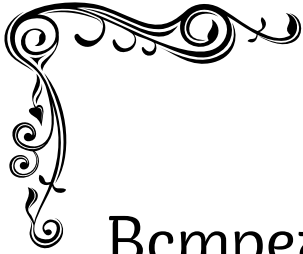
– Это не я, а моя жена, Ганя. Она умная у меня. Заставила в хату бочки закатить. Сама печь всю ночь топила. На утро с бочек на сливали ведро масла. А постромы Шолоховские, я отдал на правленских коней. Пусть председатель пошикует. Он у нас хороший.

На масленицу морозы спали, и Егор пошёл в правление устраиваться на работу. У прясла стояли правленские конидончаки. По два метра в холке. Конюхом на них был Коренюгин С. И. Фронтоники обнялись как родные, не смотря на разницу возраста. Егор, посмотрев на сбрую правленских коней, спросил:

– Подарок Шолохова, Тихон отдал?

– Ага, отдал. За литр водки. У нашего «косого» за просто так и дерьма с нужника не выпросишь, – засмеялся Сергей Иванович.

Так что, Шолоховский подарок не один год красовался в сбруе правленских коней. Бывалый конюх следил за их состоянием и при случае всем рассказывал про них, давно уже не жалея о литре водки.

Встреча с Шолоховым

Автором этого воспоминания является житель ст. Мигулинской Кузнецов Николай Павлович (царствие ему небесное).

Случилось это в 1960 году. Было время осенней охоты на перелётную птицу. Николаю исполнилось 18 лет, и он получил долгожданный охотничий билет.

Как-то вечером, снарядив патроны и собрав рюкзак, Николай отправился на охоту на утку. Переправившись через Дон, заночевал на берегу озера Большая Клешня. А рано утром, загрузив в каюк вещи, молодой охотник выплыл на середину озера, заякорился и решил позавтракать. Харчи были немудреные: хлеб, картошка в мундире, яйца, молоко в бутылке с кукурузным початком вместо пробки. Подкрепившись, повеселел.

Над водой клубился белый туман. Где-то рядом послышался всплеск весел. Зная правила охоты, Николай окликнул, что место занято. Но лодка направилась к нему и пришвартовалась к борту каюка.

— Чьих будете? — весело спросил мужчина, сидевший на корме с ружьём.

Кузнецов с гордостью вытащил новенький билет и передал непрошенному гостю, подумав, что это егерь. Место было пограничное с Вёшенским районом и охотника мог проверить кто угодно.

Уже буланело¹ и проверяющий без подсветки, изучил документы. Довольный, что бумаги вернули без замечаний, Николай смело спросил:

— А вы кто такие?

Мужчина с нагрудного кармана вынул удостоверение и передал любопытному юнцу. Когда тот раскрыл его, то обомлел. В удостоверении было написано, что это депутат Верховного Совета СССР Шолохов М. А.

— Шолохов? — недоверчиво спросил охотник. — Тот самый, который «Тихий Дон» написал?

Михаил Александрович улыбнулся:

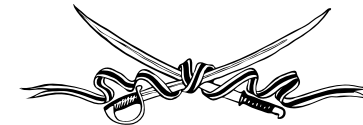
— Да, тот, самый.

И начал расспрашивать Николая: где живёт, какая семья, кто его дед, как дела идут в колхозе.

Простояли две лодки рядом несколько часов. Утка шла хорошо. Николай сбил с пяток, а Шолохов даже ружья не поднял. Только задавал вопросы и курил.

Расставались охотники, как давние друзья. Шолохов на прощанье подал молодому казаку руку, не погребовал².

Но больше в жизни им встретиться не довелось.

¹ Буланело — рассветало.

² Не погребовал — не побрезговал.

*Атаман ст. Казанской 1905 г.
Бурьянов Александр
Илларионович*

*Полный георгиевский кавалер,
казак х. Верхне-Чирского
Мигулинского юрта –
Абакумов Митрофан Кузьмич с
женой Евдокией*

*Проводы казаков станицы Казанской на передовую.
Верхнедонское восстание, апрель 1919 год*

*Группа казаков ст. Мигулинской.
Крайний справа в верхнем ряду Калмыков И. Т.*

Письмо казака хут. Сухой Лог Верхушкина Е. А. с фронта, 1914 год

Свидетельство о выполнении воинской повинности, 1893 год

Полынь трава казая

На улицах Санкт-Петербурга стояла середина осени. Снег выпал до Покрова дня, преобразив оголившийся от золотой листвы город. Он стоял чист и свеж, как невеста под венцом.

В Спасо-Преображенском соборе, как никогда, народа было битком.

Перекрестившись на выходе, два казака надели папахи и отошли в сторону.

У колонн, на ступенях, да и на соборной площади, сновало много нищих и детворы, просящих подаяния во славу Христа. На Руси считалось, что дать в этот день милостыню – благо. Ведь подаяние в этот праздник вернётся в многократном виде. И горожане не скупились.

Раздали медяки и служивые. Накануне, на очередной потехе при дворе, друзья лейб-гвардейцы, за джигитовку взяли первые призы, и сотник выписал им увольнительные записки на Покрова. Друзья любили в праздники ходить в Спасо-Преображенский собор. Это было место паломничества всей царской гвардии, и гвардейцы всегда от души жертвовали на храм.

Поправляя концы башлыка¹ у друга за спиной, казак спросил: — Куда теперь, Федя, мы пойдём? У нас весь день свободный ещё.

¹ Башлык – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора для предохранения «от холода, дождя и солнечного зноя».

— Давай, Захар, выйдем на Литейный и пойдём к мосту. Люблю я с высоты смотреть на реку. Она мне наш Дон напоминает. Такая спокойная, величавая, — задумчиво ответил товарищ.

И вдруг вся площадь пришла в движение, со всех сторон доносились крики ужаса.

Казачи оглянулись и обомлели.

Из-за храма вылетела пара лошадей, запряжённых в дорожные сани, в которых никого не было.

Мужчина в шубе, спасаясь от конских копыт, еле успел отскочить с дороги. Но сани пошли в занос и ударили его левым бортом. Паломника как ветром сдуло, он кубарем отлетел на обочину.

Кони бешено вытаращив глаза, шарахаясь из стороны в сторону, неслись на прихожан.

На раздумье времени не было. Фёдор, оттолкнув товарища в сторону, рванулся навстречу полыхнувшему животному. Он ловко схватил их за недоуздки и повис на них. Дышлина с медным набалдашником, ударила в грудь казака с такой силой, что товарищ услышал хруст ломающихся рёбер. Но с кровью на губах, Фёдор крепко держал коней за сбрую, и они, встав на дыбы, остановились, как вкопанные. Успокоившись, животные перестали вырываться из рук казака.

— Федя, браток, как ты? — подбежал товарищ и, с трудом оторвав от рук Фёдора сбрую, положил его на брусчатку, подсунув под голову папаху.

Товарищ с хрипом кашлял, выплёвывая сгустки крови.

— Захар, браток, приглянь за сынишкой, мне всю дыхалку разорвало, — прохрипел казак и обмяк.

— В лазарет его! К врачам нужно! — кричали горожане.

Ничего не понимающий от горя казак, провёл широкой ладонью по лицу товарища, закрывая глаза, молча перекрестился.

Люди сразу поняли этот жест, и вся площадь притихла.

Пыхтя и прихрамывая, подбежал возница, с ним хозяин лошадей в собольей шубе.

Отдышавшись, мужчина снял соболью шапку и, поклонившись толпе, стал просить прощения. Он пытался объяснить, что кони сами полыхнулись, испугавшись жестяного ведра, которое с грохотом свалилось им под ноги со встречной телеги.

С помощью горожан, ездовой положил тело казака в сани, туда же сели и хозяин с его товарищем. Возница повёл лошадей в поводу к казармам Атаманского полка. Следом поехал полицейский экипаж, для производства дознания.

Похоронили Фёдора на Смоленском кладбище, со всеми воинскими почестями, как героя. Отпевали в том же Преображенском соборе.

Через несколько недель Захара вызвали в штаб к сотнику.

Подъесаул посмотрел на казака и, перекладывая бумаги на столе, тихо заговорил:

— Что-то Киреев, ты сдал за последнее время. Вон лицо аж земляным стало, не похож на лихого рубаку. Тебе осталось три месяца до замены. Я не стал отписываться юртовому атаману, а вручу тебе пакет и собирайся домой. Возьмёшь вещи и коня Фёдора, получишь причитающееся жалование и свезёшь всё вдове. Да дома и оставайся. Хватит, навоевался. Ну, ступай, готовься к отъезду.

Киреев молча развернулся и вышел. За два дня казака собрали домой. Сотник договорился с начальником станции, выправив проездные документы.

Добравшись до станции Миллерово, Захар дальше поехал верхом. Зима ещё не вступила в свои полные права. Снег был неглубоким, морозец лёгким, метели не было. Казак не подгонял коней, они сами шли ходко, как будто понимая, что держат путь домой.

Захар дорогой ломал голову над тем, как он явится в курень к Топольсковым. Как он посмотрит его жене и сыну в глаза. Как объяснит, что не в бою пал казак, а в мирное время у него на глазах.

Захар с Фёдором были из одного хутора Солоновского. Только Захар жил в верхней части хутора, а его товарищ был низовцом. Это не просто было деление на верховцов и низовцов. Так было испокон веку. И не дай бог, ты приметил себе невесту с чужого кутка. Дорогу под венец жених тогда пробивал себе кулаками.

Так было и с Фёдором. Запала ему в душу Прасковья Сидорова. За дивчиной все парубки верховские увивались. А она к Фёдору потянулась. Он был тихий, спокойный, ласковый, но упёртый. Его смелость пугала всех соперников. И все с этим смирились. Топольсковы сосватали Прасковью.

У молодых через год родился сын. Отец Васютку безумно любил. Он вообще жил только для любимой жены и сына, не смея и глянуть в сторону какой-либо девицы.

Уже после, когда Захар с Фёдором призвались в одну сотню, они крепко сдружились и даже побратались. Товарищ так и не признался, что он тоже был влюблён в его жену.

Сам же Захар женился по велению родителей. Но ему не повезло. Его Наталья не разродилась. Повитуха не спасла и ребёнка. Он сильно переживал из-за смерти жены и зарёкся вообще не жениться.

При случае он не упускал момента пошастать¹ по жалмеркам². Не был монахом и на службе. Городские дамы были падкими на атаманцев. Ведь они были как один, под два метра, голубоглазые, с модными бородками и закрученными чубами. Форма сидела на них, как влитая.

¹ Шастать – ходить, бродить.

² Жалмерка – одно из слов казачьего диалекта, аналог общерусского «солдатка».

Пока был жив отец, Киреевы занимались хозяйством. После его смерти, Захар сдал свой пай в аренду. Только заливной луг выкашивал для коня и коровы. На речке за лето вырастали гуси да утки. Мать возле куреня обрабатывала огород и капустник¹.

Вообще-то вокруг хутора земли были никудышные. То песок, то белая глина, то солонцы. От этого и название хутора. Из-под меловой горы сочилась солоноватая вода, в которой после отстоя появлялся ржавый осадок. Сверху солончак от солнца аж лопался, а под низом бездна.

К Рождеству, с божьей помощью, казак прибыл в родной хутор. Ко двору он подъехал уже затемно. Привязав коней к пряслу², по прочищенной дорожке Захар подошёл к окну и заглянул.

Мать возилась у печи. Глядя на деревянное корыто на столе, понял, что она хлеб затевает.

Потихоньку поднявшись на крыльцо, толкнул дверь, которые в хуторе и на ночь не запирали. Когда Захар вошёл в хату, от неожиданности старуха села на лавку, протянув к гостю руки в муке.

— Сынок! Да как же так?! Ты же прописал, чтоб к Пасхе ждала, – со слезами на глазах лепетала мать.

— Да так уж вышло, маманя. Всё хорошо, – сын подошёл, обнял мать и троекратно расцеловал её.

— Ты пока накрой на стол, а я зараз с конями управлюсь и зайду.

Свет у Киреевых в горнице горел до полуночи. Сын всё расспрашивал о хуторских новостях, боясь признаться с какой вестью явился со службы раньше времени.

¹ Капустник – капустный огород.

² Прясла – изгородь.

Утром Захар проснулся не от шума, мать передвигалась по стряпке у печи в кожаных чириках¹, бесшумно. Он проснулся от до боли знакомого запаха. От которого ещё во сне у него начало урчать в животе.

Эта мать для сына готовила его любимые бублики в расоле.

Есть такая выпечка на Верхнем Дону. Это когда казачка за-тевает тесто на пироги, а часть теста вымешивает пораньше. В чугуна наливается вода и на таганке становится в печь. Хозяйка раскатывает тесто, делает бублики и кидает их в круто солёный кипяток. Сваренные бублики вылавливают и кладут на полотенце, для просушки. После этого чугуна убирают, а на его место ставят смазанную маслом сковороду. Отварные бублики запекают, как калачи в печи. Некоторые хозяйки смазывают их яйцом. А некоторые добавляют в тесто семена мака.

Этот запах готовых бубликов и разбудил служивого. Натянув шаровары, белые шерстяные носки на ноги, он зашёл в стряпку². На столе уже стояла корчажка парного молока и полная чашка бубликов, накрытых рушником.

— Что, вояка, выпался на родительских перинах? — улыбнулась счастливая мать.

Сын обнял её и на ушко прошептал:

— Здорово ночевала маманя, если, конечно, спать ложилась. Балуеть ты меня с первого дня.

— Да разве спит казачка, когда хлеба на подходе. Али домовою тесто подбивать будет? — отшутилась мать.

Сняв исподнюю рубашку, насмыкнув³ старые разбитые валенки, на ходу подпоясываясь рушником, гость выскочил на улицу.

¹ Чирики – низкая обувь с твёрдой подошвой.

² Стряпка – название кухни у казаков.

³ Насмыкнуть – обуть.

— Вот скаженный, как будто в рукомойнике воды нет, — пробурчала хозяйка.

Захар влетел в хату, запуская клубы холодного пара.

— А там, маманя, морозец крепчает!

— Так Рождество уж на дворе, Филипповка на исходе.

— Ну да. Давай, мамань, подъедем.

— Да не, сына. Ты служивый, тебе можно и молочка, и бублик на масле. А я пощусь, грех.

Перекрестившись, Захар уселся за стол, снял рушник с чашки, разломил бублик и стал с аппетитом есть, запивая молоком.

Мать искоса с улыбкой, поглядывала на своё чадо.

Сын же отрешённо уставился в окно, словно пытаясь разглядеть, что там творится во дворе.

— Сынок, тебя что-то гложет? — вывела из ступора его мать.

Не зная с чего начать разговор, он потянулся, зацепив рукой пучок травы на стене. Ему в руки свалилась полынь.

— Мать, а от чего ты полынь заготавливаешь? С мятой, душицей да чабрецом ты чай завариваешь, а полынь без дела висит.

— Да не скажи, сынок. Испокон веку считалось, что полынь-трава казачья, хоть её и называли царской. Она не только бережёт дом от холеры, да чумы, но и от всяких заговоров и бед. В старину в ладанке казаки увозили на чужбину, не только ладан из храма и щепоть родной земли, но и веточку родной полыни.

А ещё полынь — трава казачья оттого, что судьба наша горька, как эта полынь.

Вон отец твой, изрубанный пришёл с войны, да не долго и протянул. А его отец в турецкую на чужбине сгинул.

Ты-то хоть береги себя. Один у меня на белом свете остался. Господь пока внуков не даёт. А, может, ещё образумишься,

да наведёшь в дом унучат? – мать, смахнув завеской слезу, занялась своими делами у печи.

А сын ещё больше задумался, как нести такую поганую весть жене и сыну товарища.

– Ну, удружил сотник. Лучше бы ещё пару лет службы оттянуть.

Одевшись, Захар оседлал своего коня и дончака Фёдора. Увязав баулы, он сел в седло.

День с утра был морозным и ясным. Снег, до боли в глазах, играл на солнце всеми цветами радуги.

Проезжая мимо желобов, где в корытах казаки поили скот, служивый поздоровался с хуторянами, сняв папаху. Ничего непонимающие, те смотрели ему со страхом в след. Ведь на хуторе казаки знали не только всех коней, но и коров в морду. А вести в поводу чужого коня с баулами... Лишь одна горькая мысль закрадывалась в голову. Но это хутор. К вечеру секретов не будет.

Подъехав ко двору Топольсковых, незванный гость спешил, привязал своего коня к пряслу, а второго завёл во двор. Тот, узнав свой баз, потянув узду, пошёл под навес к яслям.

Казак поднялся на крыльцо. Нажав на щеколду, он толкнул дверь и зашёл в хату. Сняв папаху, перекрестился на образа, стараясь на ходу подобрать нужные слова для неприятного разговора:

– Здорово ночевала, Прасковья Силаевна.

– Это чего ты меня в старухи, Захар, записываешь? Я же на пять годков моложе тебя буду. На побывку прибыл, аль на совсем явился? – вытирая руки о завеску, хозяйка отошла от печи.

Парнишка раскрыв рот, сидел за столом и смотрел на гостя.

– Вот это тебе, Паша, – гость протянул казённую бумагу.

Думая, что это письмо от мужа, женщина развернула лист и начала читать вслух:

– Атаману Верхнедонского юрта... Это же не мне ...

– Да. Это письмо на атамана, извещение о гибели твоего мужа, – готовый провалиться сквозь землю, казак мял в руках папаху, как будто она должна была ему помочь.

– Что?! Федю убили?! – казачка сложила руки на груди и смотрела на вестника беды широко раскрытыми глазами.

Затем её прорвало. Она так заголосила, что весь куток понял, что беда пришла в дом. Соседки спешили во двор, утешить молодую вдову.

Выскочив на улицу, как ошпаренный, Захар подошёл к коню, стал его рассёдлывать и снимать баулы.

– Дядька Захар, а ты рядом был с отцом, когда он умирал?

Бросив седло, казак резко обернулся. От неожиданного вопроса, по спине пробежались холодные мурашки.

На дорожке стоял Васютка и смотрел на него. В детских глазах не было слёз, только лицо было бледным, до синевы.

– Да, Васютка, был рядом. И он просил, чтобы я за тобой приглядел и помог вам.

– А почему ты живой, а мой батяня помер? Почему он не приехал, а явился ты?

Не по-детски заданные вопросы, заставили Захара растеряться, и по спине опять прошёл холодок.

– Я тоже хотел бы, чтоб батя твой остался жив, а я погиб вместо него. Но господь распорядился по-своему.

Ты теперь в семье старший казак, тебе уже десять годков. Вот теперь Буян, твой конь боевой, и за ним нужен уход. Сена, смотрю, на коня и корову до весны хватит. А нет, так подкупим. Но коня продавать нельзя. А ещё в баулах батины шашка и карабин. Это тоже твоё. Я тебя научу стрелять и подготовлю к службе.

Этими словами, казак хотел отвлечь парня от навалившегося на него горя. Но парнишка, видать, «закусил удила» и записал дядьку в неприятели.

Через три дня Фёдор опять заглянул к Топольсковым. Васютка, как заправский хозяин, пытался со скирды скинуть снег и смёрзшуюся крыгу гнилой соломы, которой был накрыт стог.

Взяв вилы, казак поддел снизу крыгу и ловко освободил сено. Вместе со снегом, со стога съехал и хозяин.

— Здорово казачок! — протянул руку гость.

— Слава богу, — буркнул парень и, пожав руку, стал в вяхирь¹ накладывать сено.

Убедившись, что с хозяйством всё в порядке, Захар зашёл в курень.

Хозяйка стирала бельё в деревянном корыте.

— Здорово дневала, Прасковья, — несмело поздоровался гость.

— Слава богу, Захар. Пока жива.

— Ты это брось, Паша. Вон у тебя казак какой растёт.

— Ну да. Только это и держит.

— Я у атамана был, отдал ходатайство от полка и договорился, чтоб семью под шинель взяли. Ну, чтоб на Васютку пай отцов переписали, да жалование назначили.

— Спасибо тебе, Захар. Вроде ничего не должен, а помогаешь как родным.

— А вы и есть моя родня. Феде я обещал не оставлять вас одних. А мне и заботится больше не о ком. Мамаля ещё резво бегают. Я в запас ушёл. Так что буду всегда рядом, не обессудь.

Ко вдове казак зачастил, бескорыстно помогая по хозяйству. Он чистил снег, пилил с Васюткой дрова. Учил его как нужно хозяйничать по двору. Водил с молодым хозяином Буяна к кузнецу перетягивать подковы.

¹ Вяхирь — сетка для сена.

И его забота о семье друга, вызывала обоснованные слухи по хутору.

Зима подходила к концу. Хутор весело отгулял масленицу. Начался Великий пост.

Прасковья переживала горе тяжело, не снимая чёрного платка. Она больше боялась за судьбу малолетнего сына, чем за свою. Солдатка даже зарок перед образами дала и на своей судьбе поставила крест. Кому нужна вдова, да ещё с дитём. Только на чужих идти, а этого ей не хотелось. Нешто удариться во все тяжкие, да грехом обрасти.

Весна выдалась дружной, звеня ручьями по буеракам. Дни установились ясные и тёплые. В тени сараев ещё лежал снег, а дорога, где супесь, уже пылила.

Все птицы одним махом возвратились домой. Воробьи с громким хоровым чириканьем пытались выселить скворцов из дупел в старом саду. Но куда там устоишь против острого клюва. И они дружно занимали прошлогодние гнёзда, а то и откапывали себе новые в старых соломенных и камышовых крышах амбаров.

Управившись по хозяйству, немного обвыкнувшийся к Захару, Васютка, усевшись на солнышке под стену конюшни, попросил рассказать про отца.

Захар старался рассказывать про своего товарища только хорошее. Какой он был смелый, ловкий, лихой наездник и браваый казак.

И если что парню нравилось, он просил это рассказывать ещё и ещё. Иной раз на Захара накатывала к парню такая жалость, аж комок к горлу подкатывал. И он уж не мыслил и дня без этой дружной семьи.

Прасковья с горя исхудала, стала стройней и даже краше, как семнадцатка. Один её взгляд, вводил казака в ступор, ли-

шая воли. Он так терялся, что слов для разговора не находил. А она и внимания на это не обращала.

Когда вдова ходила в лавку или церковь, к ней пытались подкатить молодые парни. Но она резко ставила их на своё место. Да и побаивались на хуторе крутых Захаровых кулаков.

Как-то по весне, казак заехал на своём коне к Топольсковым и позвал парня, сидевшего без дела, на прясле:

— Васютка, подь сюды! Садись мне за спину и поехали в кузню съездим. Как думаешь, маманя не заругает?

Запрыгнув с прясла на коня, счастливый парень обрезал:

— Не. Не заругая. Я уж большой и в кузню мне можно. Да и с тобой же я.

У кузни по весне, как всегда, народу было много. Кто в телеге бороны привёз, кто плужок подладить, кто лемехи под мышкой принёс оттянуть.

В кузню на хуторе, ходили как в храм. С пустыми руками не принято было заявляться. В хозяине казаки души не чаяли. Хоть он и был иногородним, не казачьих кровей, но дело своё знал.

Если коня подковывает, то тот, как замороженный, стоит, не дёрнется. Топор так оттянет, закалит и заточит, бриться можно.

У стены стоял стол, где Михалыч отобедывал. Этим же столом пользовались и посетители. На столе всегда стояла бутылка с первачом и закусь. Как говорится, стаканы не просыхали. Ожидая своей очереди, казаки остограмливались и точили байки.

Толкнув дверь, Захар пропустил вперёд парня и, зайдя, прикрыл её. В кузне было человек десять. От гари и дыма махорки не продохнуть.

— Здорово дневали, казаки. Здорово, Михалыч, — отдельно поздоровался вошедший.

— Слава богу, — в разноречивой ответили те.

Васютка прямым ходом подошёл к кузнецу и, как заправский товарищ, поручкался с ним. Тот, в свою очередь, полез на полку и достал оттуда вырубленного из жести фигурку коня.

— Держи, брат. Прибьёшь на дверь Буяновой конюшни, чтоб мамка с коровником её не путала.

Счастливый парень схватил подарок и похвалился им Захару.

Тот, в свою очередь, поблагодарил кузнеца, вытащив из-за пазухи свёрток.

— Вот Михалыч, я тебе оставляю, а на днях зайду заберу. Откуй такую же.

Кузнец развернул тряпку и вытащил сломанную гребёнку от оглобли одно конки.

— Хорошо, Иосипыч, сделаю.

За столом компания весело засмеялась. Во главе застолья сидел здоровяк Борщёв Михаил. Лицо от самогонки у него раскраснелось, а сам он, видать, сидел с утра, дожидаясь своей очереди. А может, и просто зашёл позубоскалить.

— Захар, ты вот атаманец¹. Уважаемый казак, а ухватился за юбку, как телёнок до титьки. Сам не трогаешь жалмерку и другим не даёшь. Как та собака на сене. Сама не ест и корову не подпускает.

Казаки опять дружно засмеялись.

Подзадоренный товарищами казак встал из-за стола и заявил:

— Это мне не охота в гости зайти. А то ба я...

— Что ба ты, Михайло? — у Захара заходили желваки.

— А то! И на тебя не погляжу.

С этими словами он поднял с пола старую, стёртую подкову и потянул один край на себя, а другой от себя. Та выгнулась как змея.

¹ Атаманец — казак, служивший в одном из казачьих полков лейб-гвардии (в Российском государстве до 1917 г.).

— А ты попробуй, зайди, — спокойно возразил Захар и поднял с пола, недавно откованную заготовку, которая была раза в три толще старой. Он взял её в две руки и рванул в стороны. Подкова с хрустом лопнула пополам. Половинки со звоном упали к ногам забияки. У того лицо поменяло цвет на белый. Он молча стоял, раскрыв рот.

— Ты, это, Михалыч, включи подкову мне в стоимость гребёнки.

Кузнец с довольным видом заявил:

— Я тебе, Захар Иосипыч, и гребёнку за так сделаю. Удивил ты меня. Чтоб мою подкову пополам... Даже я так не смогу.

Компания за столом притихла в ожидании развязки.

Захар же спокойно взял Васютку за руку и вышел из кузни.

Молчавший всю дорогу парень, спрыгнул у своих ворот, крепко держа в руке подарок кузнеца.

— Дядька Захар, а мой батяня так смог бы, как ты?

— О, брат! Твой отец был круче меня намного. У него в плечах силы, может, и столько же было, а вот душой он был намного крепче.

Счастливый мальчуган побежал домой, хвалиться матери подарком.

До Пасхи оставалось меньше недели. Зелень во дворе буйствовала вовсю. Даже берёза серёжки выбросила. Детвора была, буквально, на попасе¹. Они объедали китушки² с верб, ели жёлтенькие цветочки козёликов³, копали по левадам перезимовавшую под снегом репу-дичку.

Ко двору Топольсковых подъехала пролётка. С неё лихо спрыгнул Захар и, поправив фуражку, вошёл во двор. Хозяйка развешивала бельё на просушку.

¹ Попас (мест.) — пастьба.

² Китушки — молодые, едва распустившиеся, почки вербы.

³ Козелики (мест) — птичий лук или гусиный лук, род травянистых луковичных растений семейства Лилейные.

— Что, Паша, к Пасхе готовишься? Порядок наводишь в хате?

— Ага. Побелила, выстирала все занавески, выбила все дёрюжки. Рук не чую, — отозвалась казачка.

И только тут казак заметил, что вместо чёрного платка на голове девицы красовалась новая шлычка¹.

— Паша, ты прям вместе с весной вся цветёшь. Что-то произошло? — удивился гость.

— Да всё хорошо, Захар. Фёдор мне сегодня приснился. В форме, нарядный, красивый, подтянутый, а мне говорит:

— Не нравишься ты мне, Паша. Не по-людски ты живёшь. Как монашка в келье, запёрла себя в хату. Надо жить среди людей и жизни радоваться.

Проснулась я, сердце выскакивает с груди от страха, а на душе светло и легко. Я посодрала все шторы и решила выгнать эту чёрную тоску с куреня.

Захар с затаённым дыханием смотрел на дивчину, боясь её спугнуть, как счастливого соловья.

— Прасковья Силаевна, может вот, на пролётке в церковь на Пасху поедем? Я вьючного коня переобучил на выездного. В хомуте идёт смирно.

— А почему же и не поехать? Втроём и поедем в храм.

— Ну, это... я Васютке пообещал поговорить с тобой, чтобы ты разрешила ему рядом ехать под седлом на Буяне. Застоялся конь.

— Да пуцай промнёт коня. Он у меня вырос. Помощник во всём.

На том и порешили.

В субботу перед Пасхой денёк выдался отменным. Хутор кипел, как муравейник. Все готовились к великому празднику.

¹ Шлычка — головной убор замужних женщин в виде небольшой шапочки, которая надевается на волосы.

С обеда, управившись по хозяйству, Захар начал готовить пролётку и сбрую для поездки в храм. На крыльцо вышла мать и залюбовалась, как сын ловко один снимал колёса, смазывал их коломазью¹ и легко ставил на место.

— Да, вошёл парень в тело. Пора бы и обженить. А то маётся кругом солдатки. Так и внуков не увидишь, бог приберёт к себе, — подумала казачка.

— Маманя, а может, и ты с нами в храм поедешь? — отозвался сын.

— Да бог с вами. Я ещё не управилась. Сейчас яички докрашу, пасочки допеку. Да в хате убраться надо. Я и перед образами минею² почитаю.

— Ну как знаешь. Я то аж к обеду завтра заявлюсь. На все-нощную службу пойдём. Да потом и с батюшкой погутарить³ надобно. По Фёдору сорокоуст за упокой заказать. Паша так решила.

— Доброе дело. Поезжайте, свечки поставьте за здравие, да и за упокой отца своего.

— Конечно, мать, всё исполню.

— С богом, — с этими словами старуха положив крест в сторону сына, зашла в хату.

Ко двору казак, при форме, в наградах, подъехал пораньше, чтоб Васютке помочь оседлать коня.

Да куда там. Буян стоял во дворе уже под седлом, уздечка разукрашена медной кониной, шерсть лоснилась и переливалась даже на вечернем солнце.

На крыльцо вышла Прасковья и, глянув на гостя, ойкнула, ухватившись за сердце.

— Что не так, Паша? — заботливо спросил казак, поднимаясь на крыльцо.

¹ Коломазь — мазь для смазывания колес из дегтя, смолы и соли

² Миня — церковная книга.

³ Погутарить — поговорить.

— Ох, прости, Захар. Почудилось, что Фёдор во дворе, царствие ему небесное.

— Дык, мы росту одного, форма одинашная у нас, атаманцев. Да и награды на японской мы одинаковые заслужили. Бок о бок в атаки ходили.

— Ну и ладно. Проходи пока в горницу. Я ещё корзину со снедью на освящение не собрала.

Зайдя в хату и перекрестившись на образа, гость рассмеялся от души. Васютка в новенькой казачьей форме, крутился возле зеркала, пытается плойкой закрутить непокорный чуб, который торчал у него, как ржаная солома.

— Ты чего ржёшь, как мой Буян? Грех так над младшим товарищем потешиться.

Васютка в последнее время Захара дядькой старался не называть, а говорил:

— Будь моим старшим товарищем, как батя.

— Ну, прости, брат. Плойку нужно хорошо прогреть, а потом уж и чуб крутить. Казак ловко воткнул её в ещё горячий паровой утюг и стал размахивать им, раздувая угли.

— Эй, казаки, может мне и кофту заодно погладите? — весело смеялась хозяйка.

После третьей попытки, из-под фуражки у парня закудрявился чуб, чем тот был очень доволен.

Так, со смехом и прибаутками, семья собралась в церковь.

В своём хуторе храма не было, и они за десять вёрст ездили в приходскую церковь хутора Морозова.

В пролётке Прасковья сидела рядышком с Захаром. Казалось, она только сейчас заметила его, как мужчину. Казачка сразу зарделась, и разговор у них не клеился. Но ей не хотелось оказаться в другом месте, а тем более чтоб рядом с ним сидела другая девушка. От этой мысли Прасковью аж передёрнуло. Тарантас покачивало дорогой, и молодые, прижавшись боком

друг к дружке, были как одно целое. А когда по буераку переезжали косогор, Прасковья ойкнула и ухватилась за руку возницы. Захар нежно обнял её, прижав к себе. Та успокоилась и притихла в его крепких и надёжных объятиях. Ей было очень уютно рядом с этим здоровяком. Если бы не сердце, которое, буквально, выскакивало у неё из груди. Ей казалось, оно так громко стучит, что его слышит не только Захар, но и вся округа.

Васютке было не до них. Он то уходил галопом вперёд, то шёл рысью рядом с конём Захара. В левой руке у него были поводья, а правая красовалась на поясе.

Буян настолько привык к новому хозяину, что понимал его, буквально, с полуслова или движения колена. На рысях он перебирал ногами, как на параде, что очень забавляло седока.

В хутор заехали, когда уже солнце стояло на закате.

— Паша, давай коней оставим у односума, Семёна Рябухина, на базу. Он рядом с церковью живёт.

— Давай. Как знаешь, — промурлыкала попутчица, сквозь дрему, в объятиях желанного.

Обнявшись с товарищем, Семён под уздцы завёл коня на баз. Васютка заехал следом. Коней распрягли, задали сена и Захар из торбы насыпал им овса.

— Глянь, как мирно стоят, как будто в паре ходили, — удивился товарищ.

А они и ходили. Раньше Орлик вьючным со мной служил. А это — Федин боевой конь. Не один год вместе пробыли.

Зная ситуацию с другом и глядя на молодую казачку, он шепнул ему:

— Надеюсь, они ещё не один год в одной конюшне постанут.

Не ожидая такого подвоха, Захар толкнул товарища в плечо, и они ещё один раз обнялись.

К церкви подходили парами. Семён со своей супругой, а Прасковья держала Захара под руку. Васютка, встретив товарищей, убежал вперёд.

Казачки из одного прихода хорошо знали друг друга. Вот у изгороди появились две молодые пары. Казачки под два метра ростом, в форме атаманцев и с наградами. Им под стать и казачки — высокие, стройные красавицы. Все притихли и, поздоровавшись, тихо стали их обсуждать.

Ближе к полуночи началась служба. Прихожан было так много, что в церкви поместились не все, молодёжь стояла на улице и крестилась.

В храме, как говорится, яблоку негде было упасть. Прасковью, буквально, прижали к Захару. Она чаще остальных крестилась, дабы отогнать крамольные мысли, которые ей весь день лезли в голову. А может, это просто весна.

После обхождения храма крестным ходом, девушка потянула Захара за руку и шепнула:

— Давай в храм не пойдём. На улице помолимся.

Тот молча кивнул головой и отошёл в сторону от входа. Увидев Васютку, мать поманила его пальцем и попросила бежать за корзиной. Дело уже шло к рассвету, и пасхальная заутреня подходила к концу.

По окончании литургии верующие стали цепочкой вокруг церкви и разложили перед собой снедь для освящения. Васютка пристроился рядом с матерью. Из двери храма вышел батюшка и прочитал молитву по случаю окончания поста.

Со словами «Христос Воскресе!» он стал освящать снедь, обильно поливая её и прихожан святой водой. Прихожане утирали лица, крестились с ответным «Воистину Воскресе!»

К отцу Никифору было целое паломничество. Каждый старался с ним поговорить и посоветоваться. Батюшка был добрейшей души и старался принять участие в семье каждого прихожанина.

— Христос Воскресе, Захар Иосипович.

— Воистину Воскресе, отец Никифор.

— Что у вас, молодых, за дела ко мне? — с этими словами он склонил голову в сторону Прасковьи.

Та скромно поздоровалась.

— Да хотели бы заказать по Фёдору Пантелеевичу сорокоуст за упокой души раба божьего.

— Наслышан я за его погибель. Большой души был человек, царствие ему небесное. Священник записал что-то в тетрадь.

Фёдор прикупил ещё свечей, рассчитавшись, собрался поставить их за здравие и упокой близких.

Пока Прасковья ставила свечи перед ликом Николая Угодника, батюшка прошептал на ухо казаку:

— Ты бы, Иосипович, не тянул, а просвятил дивчину. Ты-то казак с честью, до греха не доведёшь. Но все языки уж об вас побили.

Опешивший казак молча кивнул головой.

Пока молодые вышли за порог храма, по хутору уже пели песни разговевшиеся¹ казаки. В одном краю играла гармошка, в другом — дишканили² в трёхголосье. Казаки три дня со двора на двор будут христосоваться.

Захар пропустил Прасковью вперёд, а сам вытащил платочек и начал начищать с бок дороги сапоги, по служивой привычке. Не успев навести блеск на втором сапоге, парень услышал шум впереди себя. Подняв голову, он замер. Ко вдове приставала пьяная компания из трёх парубков. Заводилой был, конечно же, Михаил.

— Пашенька, а не желаешь ли с нами, уважаемыми казаками, разговеться? Али тебе компания не подходит? — издевался он.

Испуганная девушка прижалась к плетню и стояла молча, скрестив руки на груди.

¹ Разговляться — есть скоромную пищу в первый раз после поста.

² Дишканиль — петь высоким голосом.

Быстро подошедший Захар предложил компании пройти дальше.

Но разгорячённый спиртным Михаил возразил;

— А ты нам, Захарушка, не указ. И дивчина, чай не твоя жинка. Прошёл бы ты мимо, милейший. А то мы ненароком можем и зашибить тебя!

С этими словами, чувствуя поддержку товарищей, он, сжав кулаки, пошёл напролом.

Казак больше терпеть не стал. Резко выброшенный кулак зашёл под рёбра, заставив обидчика согнуться пополам и без памяти упасть на дорогу.

Не долго думая, товарищи бросились на подмогу. Но достаточно было ещё двух ударов, чтобы те улеглись рядом с горе-женихом, пачкая в пыли новую одежду.

Захар спокойно подошёл к девушке, обнял её и повёл к пролётке.

— Что-то ты, брат задержался, — молвил Семен, встречая у ворот односума.

— Давай зайдём разговеемся, похристосываемся, — не унимался хозяин.

Но, взглянув на ещё не пришедшую в себя девушку, казак учтиво отказался, сославшись на то, что мать не разговляется в ожидании освящённой снеди.

— Ну, мать, это святое. Ты, брат, забегай, коль будешь в наших краях, — пригласил Семен, помогая запрячь коня.

Васютка, уже умаявшись, сидел в седле, поджидая своих у ворот.

Выскочив за хутор на бугор, Прасковья развязала платок и сбросила его на плечи.

— Что-то подпаривает не по-весеннему, — пояснила она, искоса поглядывая на возницу.

В поддержку ей, казак снял с головы фуражку и положил на колени. Девушка мило улыбнулась.

— Паша, ты пожалуйста не руби с плеча. Но я хочу тебе сказать, что я так больше не могу.

— Как не можешь?

— Ну ходить в пристяжных¹, возле тебя.

— А что, хочешь быть коренным? – весело засмеялась казачка.

— Да, хочу! Хочу, чтобы ты стала мне женой. Чтоб по-людски и по совести.

— А что так сразу? – не унималась зардевшаяся девушка.

— Это не сразу, ты мне любя была ещё до Фёдора. А сейчас ты мне безумно любя. Я уже не мыслю себе жизни без тебя с Васюткой.

— Да я что? Я не супротив, Захарушка, если всё по чести. Прикипел и ты мне к сердцу. Сама уж, как день не увижу, выглядяю за тын. Не идёшь ли? – казачка положила голову милому на плечо и теснее прижалась к нему.

— Вот и ладно. Сегодня благой день. Заедем к нам и попросим благословения у мамани.

— Я не против. У меня уж и родных, кроме вас никого не осталось.

Подъезжая к хутору, Захар крикнул:

— Васютка, ты поедешь к бабе Фросе разговляться?!

— Не! Я Буяна в стойло погоню. А то занудился он. Я у дядьки Семена с ребятами разговелся, – с этими словами парень галопом поскакал вперёд.

Остановившись у своего двора, казак приторочил коню на морду торбу с овсом, привязав его вожжами к пряслу. В одну руку он взял корзину с освещённой снедью, а вторую подал девушке, приглашая пройти в курень.

¹ Ходить в пристяжке – ходить сбоку.

Мать, слышав подъезжающий ко двору тарантас, накрывала в горнице стол.

Но когда она увидела гостью, рухнула на лавку и сложив руки на груди, сквозь слёзы запричитала:

— Захарушка, оболтус ты мой, неужто одумался? Неужели я дождалась, что привёл хозяйку ты в дом. У меня уж вся душа изболелась.

— Христос Воскресе! – поздоровалась с улыбкой казачка и трижды расцеловала старуху.

Молодуха быстро накрывала на стол, а хозяин разлив по рюмкам наливку, предложил выпить за молодую семью и за праздник.

— Погодь, сынок. А то, как не у людей получается, – мать встала и сняла с иконостаса небольшую иконку Казанской Божьей Матери.

— Вот этой иконой нас с отцом благословляли. Благословляю и я вас, на долгую и счастливую жизнь.

Чтобы не бросать без присмотра поместье, решили пожить пока у Топольсковых, а там как сложится. Затягивать не стали, по-тихому после Красной Горки, молодые обвенчались.

Прасковья расцвела и похорошела. По двору порхала, как бабочка. Всё у неё в руках горело.

Сам того не ведая, Захар стал домовитым хозяином и хорошим семьянином.

Всё чинил, подправлял, строил планы на будущее.

Как-то за ужином он заявил:

— Нужно свои паи с аренды забрать и самому землю обрабатывать, продавая излишки зерна.

— А ты что, на Буяне пахать будешь? Люди засмеют. Строевого коня в хомут! Волы нужны. А купил бы вола, да жопа гола, – не злобно заворчала хозяйка.

Захар хитро улыбнулся в усы.

— Я, Пашенька, ждал удобного момента, когда ты после смерти Феда к уму придёшь. И на этот случай приберёг кое-что. Купец, чьи кони сбили мужа твоего, сунул мне тогда в карман монеты. Я думал, мелочится купец, на мелкие расходы серебра дал. А когда в казарме глянул, оценил его. Он мне жмению золотых червонцев дал. Нам на обзаведение хозяйства через глаза хватит. Ещё и Васютке на справу останется.

Весна пролетела мигом. Вроде, вчера под окном зацвел азовский цветок¹, а нынче уж Васютка полную махотку² ягод по бугру нарвал. Время подошло травы на сено валить.

Захар отбивал косу, усевшись на треногий стульчик. Васютка, напоив худобу, лёг в холодок под стену амбара и пытался рассмотреть в бездонном голубом небе жаворонка, который разливал трель на всю округу.

— Сынок, ты не жаворонков считай, а за коршуном смотри. Как закружит над двором, возьми со стены берданку, да пальни. Чтoб не поваживался к нам на баз. Первых цыплят квочки вывели.

Казак, как стал жить семьёй, старался угодить парню. Разрешал на коне на речку ездить, в ночное с табуном ходить, дома из берданки стрелять. Не иначе как сыном он его не называл.

Васютка же узнав, что Захар будет жить с матерью, как батяня, перестал называть его товарищем. А величал только дядькой Захаром, считая, что как товарищ, тот его предал. А звать батяней он, кроме отца, никого не будет и старался всё делать назло отчиму.

Но у казака терпения было много. Он старался лаской и доверием растопить сердце парня. Или же, как говорят, мог помочь его величество случай.

¹ Азовский цветок – сирень.

² Махотка – глиняный горшок.

— Захарушка, завтра ехать на сенокос, ты бы словил курицу, я её сварю в поле. На бульоне с утра лапшички приготовлю. Да, гляди, кочета не руби, он один остался на весь курятник, – с улыбкой, подтянув завеску¹, хозяйка зашла в хату.

Крутнув головой, и не увидев ни одной куриной души во дворе, казак позвал парня.

— Сынок, только ты знаешь, где у нас куры от жары прячутся. Слови пожалуйста, а я голову отсеку.

Сначала казачок и бровью не повёл. Затем вскочил и, хитро улыбаясь, пошёл к амбару. В одно мгновение он словил курицу и потащил на дровосеку. Даже топор приготoвил.

Отложив молоток и косу в сторону, взяв курицу за крылья, хозяин ловко отрубил ей голову. Обезглавленная, та ещё прыгала, когда хозяйка пришла за ней.

— Захар! Ты что наделал? Ты же квочку зарубил. Мало того, что пропадут два десятка яиц и не вылупятся цыплята. В ней же есть нечего! Она же третью неделю сидит на яйцах.

Взглянув из-под лобья на озорника, казак в оправданье сказать ничего не мог.

— Ну, прости милая, я же не знал, что это квочка. Что поймал, то и зарубил. Ты же только кочета, не велела рубить.

— Сам не знаешь, спроси у Васютки, он всех курей наперечёт знает.

Парень ещё ниже опустив голову, шмыгнул за конюшню.

— Да у тож, – буркнул казак, усаживаясь за прерванное занятие.

За ужином, похлебав тюрю² с молоком, Васютка заявил:

— Я не смогу с вами поехать на сенокос. Завтра наша черга³ косяк пасти. Я с Михой Сетраковым погоню. А потом грести сено помогу.

¹ Завеска – передник, фартук.

² Тюря – традиционное блюдо русской кухни, представляющее собой холодный хлебный суп.

³ Черга – очередь.

Захар промолчал, уткнувшись в чашку. А мать, потрепав парня за чуб, согласилась.

На базу у Топольсковых работа закипела с утра пораньше. Накинув узду на Буяна, парень пытался забросить седло на спину. С первого раза у него не получилось. Захар молча накинул седло на коня и подтянул подпруги. Не проронив ни слова, Васютка выехал со двора.

Пастухи после ночного должны были пригнать косяк на водопой, где и производили смену табунщики. Пасли в хуторе табуны только подростки. И если в семье таковых не было, всегда можно было нанять. Казачата с удовольствием пасли и без оплаты, абы харчей принесли на стойло.

Захар запряг Ветерка в арбу, уложив в неё косу, вилы, грабли, топорик, небольшой дубовый бочонок с водой.

Прасковья управившись по хозяйству, умостила корзину с харчами.

За ужином решили первый день косить без ночёвки, чтоб хозяйство управлять. А потом Васютка добежит на Буяне, подомоседует. Да и наделы были недалеко, в вершине Белой балки.

Усевшись на возницы, казак подождал, пока жена откроет ворота и выехал на проулок. Закрыв двор, казачка ловко вскочила на арбу и уселась рядом с мужем. Она прижалась к милому и, обняв его, промурлыкала:

— Захарушка, да чёрт с ней, с этой квочкой. Я и яйца уже под других квочек подсыпала. Ну прости, не сдержалась.

— Да я на тебя не обижаюсь. За Васютку я переживаю. Ведь стервец специально подsunул мне эту треклятую квочку, чтоб мы поругались. Не найду я к нему подхода и всё тут. Ведь я для него готов на всё, а он, пострел, только пакостничает. Знаю же, хочет со мной на мировую, но гордость ему не позволяет.

— Милый, да ты на него не серчай. Время всё перетрёт. Больно он отца любил. Да и тот его баловал. Ты вот что, по-

пробуй не заискивать перед ним и не обращай на него внимания. Будто обиделся за эту чёртову курицу, будь она неладная.

Конь шёл по утренней прохладе ходко. Арбу по песчаной дороге даже не трясло. Молодая пара, обнявшись, ехала и планировала свою счастливую жизнь.

Васютка лихо выскочил на стойло, круто осадив Буяна. Михаила ещё не было. Он с вечера отцова коня забирать с табуна не стал. Решил зануздать его по приходу. Близнецы Коля и Петр Щепелевы табун пасли одним двором. Поэтому черга им попадала через раз. Подростки очень завидовали Васютке. Ведь у него был свой конь, хоть и бати он лишился. Чтобы промять коня, не нужно было разрешения у старших спрашивать. Дядька Захар, хоть и строгий был казак, на хуторе его все побавивались, но он пасынку ничего не запрещал.

— Здорово ночевали, братаны, – поздоровался Василий.

— Слава богу, – ответили те сонно.

— Что, не выспались? Кони спать не дали?

— Да не. Сокол после полуночи сбил табун в кучу, и они почти до утра простояли.

А нас комары съели. Даже костёр не помог.

— Ну да, Сокол – жеребчик хороший, помогает нам пасти табун. А комары дыма от полыни боятся. Полынь она и на вкус горькая и дым глаза выедаёт. Батяня у меня любил в стряпке ею полы присыпать. Говорил, блоха земляная убегаёт сразу. А лучше надо было коней напоить и на гору, за клин. В степи комара нет. Да и ветерок продувает.

— Да мы ночью побоялись через солонец гнать, а то перетопли бы кони, али ноги переломали.

— Ну это да. О! Миха, привет! Что-то у тебя котомка большая? Харчей на неделю набрал? – веселился Васютка.

— Да не. Там жилетка стёганная у меня. Вместо седла будет, а то прошлый раз ахлюпкой¹ себе зад разбил. Холка большая у нашего Ястреба.

Пересчитав коней, табунщики отпустили близнецов домой.

Это со стороны табун голов в восемьдесят и одной масти казался большим косяком. Но казачата знали каждого коня в морду, по кличке и его хозяина. Кто коня забрал, у кого заболел, у кого подкова разболталась.

После смены искали хозяина, чтоб гукнуть ему в надобности свести худобину до кузнеца, али до коновала.

Такова была жизнь казачья. Детство у казачонка заканчивалось, когда его в три года сажали на коня и давали в руки оружие. Если ребёнок крепко хватался за гриву, добрый вырастет казак, говорили старики и крёстный одевал на него портупею. С этого времени в парнишку вбивали казачий дух, начинали готовить к ратной службе. В 10 лет уже доверяли табун. По двое и в ночное ходили. Степи дети с детства не боялись, это был их дом.

Направив табун вдоль речки, парни ехали рядом, болтая о своих детских заботах.

Кони шли по низине. Мотая мордами, отбиваясь хвостами от мошки и оводов.

Под белой горой начались солончаки. По весне вода маленькими ручейками из-под меловой горы пробивалась к речке, но метров за сто пропадала в песке. Как только начиналась летняя жара, ручейки пересыхали, а солончак лопался на плиты, как в пустыне Сахара.

Но это только сверху была такая картина, снизу жижа из белой глины никогда не пересыхала, подпитываемая паникой².

¹ Ахлюпкой – при езде на коне верхом без седла.

² Паника – река, которая прячется под землей.

Сокол, став поперёк дороги, завернул табун на гору, и кони попасом начали подниматься вверх.

Табунщики не обращая внимания на косяк, ехали вдоль речки. Заехав под разлапистую вербу, они остановились и обратили внимание, что кони пошли верхом. Не спеша парни повернули в гору.

— Васютка! О, Боже! Там же клин Фрол Асташов распахал и рожь засеял. Кони в потраву пойдут!

С места табунщики поскакали галопом. Они неслись в обратную сторону, чтобы объехать солончак. Понимая, что не успевают, Васютка рванул левый повод, срезая путь по краю гиблого места. Михаил поскакал дальше, а Буян галопом летел по выгоревшей, полопавшейся на жаре белой глине. Казалось, что солончак закончился, и конь уже скакал в гору.

Но вдруг, на косогоре передние ноги Буяна ушли в преисподнюю, оттуда со зловонием брызнула белая жижа. Наездник полетел через голову коня, содрав себе всё лицо, грудь и локти. Вскочив на ноги, парень замер. Конь практически весь, провалился в солончак. Торчал только круп, да морда. Оглянувшись, Васютка не увидел напарника, вероятно тот, уже на горе заворачивал косяк.

Парнишка подбежал к животному и со слезами просил его вылезти из этого болота, натягивая со всех сил поводья. Но конь храпел, бешено вращая налитыми кровью глазами и проваливался ещё глубже.

Оглянувшись по сторонам в поисках подмоги, Васютка сообразил, что косари, косят сено в версте выше, в лощине, которая выходит к речке.

Со слезами, казачок поцеловав своего товарища в морду, со всей прыти полетел за помощью. Он бежал босиком, в одних шароварах, весь в белой глине вперемешку с кровью. Неужели он, лишившись отца, потеряет и его коня по своей же

глупости? Дядьку Захара корил, что батяне не помог, а сам ещё хуже его.

Потом заливало глаза и всё расцарапанное тело разъедала соль. Но парень не обращал на это внимание и с рыданиями летел по степи.

Захар, приехав на луговину, выбрал место под одинокой вербой. Он по-хозяйски загнал арбу под густые ветви дерева. Распряг коня и, заведя за кусты, спутал, пустив на попас, чтобы тот не портил сенокос.

Прасковья стала оборудовать становище.

Казак, сняв ремень, взял косу и пошёл в делянку, пока ещё туман путался в густой траве, удерживая росу. Положив по меже двойной рядок, размеренно стал сбивать траву в валки, налегая на пятку косы. Сено было набористым.

Жена поглядывала за косарём. И как только он становился править косу оселком, она в кубышке приносила ему воды. Напившись, казак вытирал ладонью губы и нежно целовал любимую.

— Дядька Захар! Дядька Захар! — пронеслось над покосом.

Казак налегая на косу, не обращал внимания на крики.

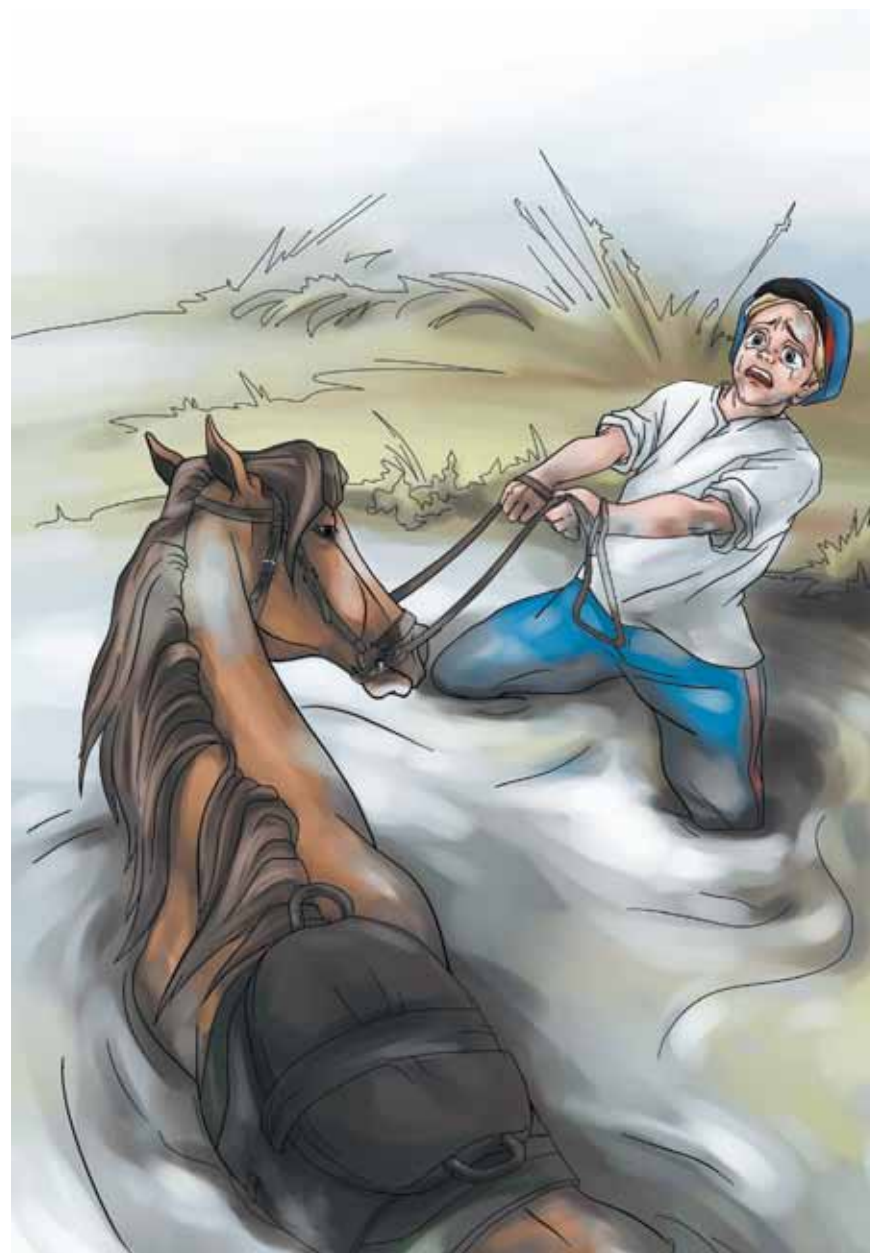
— Дядька Захар! Беда приключилась! — кричал на ходу, всхлипывая парень.

Коса врезалась в густую траву, выбрасывая в валок очередную охапку сена.

— Дядька Захар! — подбежав, парень кричал со спины. Там мой Буян в беде!

— Вжик! Вжик! — пела коса. Казак сжав челюсти, аж желваки посинели, не оборачиваясь, с удвоенной силой налегал на косу.

Прасковья посреди луга, стояла ни живая, ни мёртвая, белее платка. Она понимала, что у сына стряслась беда, но ведь сама же подучила мужа.

Заревев навзрыд ещё громче, Васютка подбежал к Захару и, схватив его за подол рубахи, потянул на себя, еле выговаривая слова сквозь рыдания:

— Папаня! Папаня! Там Буян в трясине тонет! Помоги Христа ради, батяня!

Бросив косу, Захар сгрёб парня в охапку и как волк с ягнёнком, метнулся в леваду к коню. Пока казак развязывал путы, Васютка зануздал Ветерка, перекинув повод через голову. Запрыгнув на коня, отчим помог парню взобраться на круп. На ходу он сдёрнул с арбы сыромятные вожжи и дотянулся до топора. Ветерок, чувствуя настроение всадников, летел по степи, как на пожар.

Содрав с головы платок, женщина стояла и крестилась среди степи:

— Слава богу, свершилось, слава богу, сын себе отца нашёл...

Издали казак заметил, что попавшему в беду коню пытаются помочь.

Выломав толстую жердину, Мишка Борщёв подкопав глину, подсунул её под живот, удерживая животное, чтобы его глубже не засосало.

Оценив обстановку, Захар объехал солонец и оставил Ветерка на полгоры.

Он спустился вниз, потрепал гриву выбившемуся из сил животному и привязал ремень к передней луке седла. Второй конец завязал кольцом и, как хомут, накинул на шею Ветерка. Затем взял топор и начал остервенело впереди Буяна рубить ссохшуюся глину, откидывая куски в сторону. Продолав дорожку до конца солончака, Захар вернулся к коню. Он лёг рядом с ним, обнял его за шею и стал нашёптывать что-то на ухо. Буян перестал храпеть и немного успокоился.

— Ну, сынок, веди Ветерка в гору в поводу, да понукай его. А ты, Михаил, помогай снизу, вываживай.

Хорошо обученный конь, стал натягивать вожжи. Михаил пытался рычагом раскачать коня. Захар же хлопнув по крупу Буяна, закричал:

— Ну давай, давай браток! — а сам ухватившись за две луки, стал раскачивать коня.

Словно поняв, что от него хотят, Буян рванулся вперёд с последних сил. Из глины показалось сначала одно колено, затем другое. Упёршись на них, он рванул вперёд, затем стоя на коленях, стал перебирать передними ногами, отталкиваясь задними. Через минуту конь уже завалился на правый бок, на твёрдую глину. Немного полежав, он встал на ноги. Но его была мелкая дрожь и он всё ещё похрапывал, дико озираясь назад.

Пробитую канаву моментально заполнила с белой мутью вода.

Васютка, бросив Ветерка, сбежал с бугра и кинулся в объятья Захару.

— Спасибо тебе, папаня, за Буяна. Я тебе это никогда не забуду, — плача парень уткнулся в грудь казака.

Тот в свою очередь прижал пасынка к себе, счастливо улыбался, а у самого по грязному лицу текли слёзы. Никогда казак в жизни не плакал, а сейчас слёзы просто бежали у него по щекам.

— Всё хорошо, сынок. Ты сведи коня к речке, расседлай и обмой его. Седло помоешь, а дома как просохнет, смажь гуталином. А то закожанеет и полопается упряжь. Он подтолкнул сына к коню.

И только теперь Захар увидел Михаила, который пытался отмыть в грязной луже руки. Он обтирая их о подол рубахи, подошёл ближе.

— Я тут недалече, в левадах сенокос смотрел, а тут такое. Ну, и прибежал. Ты это, Захар, не держи на меня, на дурака, зла. Я вижу тут у вас всё по-взрослому. Казак пожал протянутую руку и уже без эмоций сказал:

— Нам казакам, Миша, никак нельзя зло в душе держать друг на друга. А если завтра в бой бок о бок?

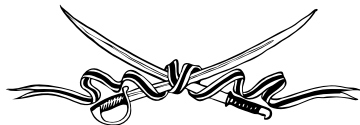
— Да не. Ты это брось. Я за своих любому глотку порву.

Казаки обнялись и разошлись.

Подъезжая к стану, Захар увидел жену, которая стояла на коленях и крестилась. Спешившись, казак за плечи поднял любимую и прижал к себе.

— Милая, всё хорошо. Видать, Фёдор видя разлад в своей семье, попросил Буяна примирить меня с Васюткой. Я только что стал отцом и у меня растёт славный сын. Надеюсь и дочку мне, Пашенька, скоро подаришь. Не права была моя маманя, говоря о том, что горька судьба казачья, как полынь. Есть у нас в жизни и сладкие моменты.

Счастливая казачка ещё сильнее прижалась к мужу.

Хомут

Эти события происходили на Верхнем Дону в начале XX века.

Семья Акалеловых проживала на левом берегу славной реки Дон, в небольшом хуторке. У Терентия народилось два сына, Архип и Михай. Старшему построили курень, и он с семьёй справил новоселье. А младший по обычаю должен был с женой остаться в отчем доме, обеспечивая достойную старость родителям. Но, на удивление всем, жена Терентия, Лукерья забеременела и родила последышка – сына.

Михей сразу отцу заявил:

— Батя, я сын теперь не младший, и давайте всем миром построить мне хату. Я с семьёй отделяюсь.

Жил Терентий Михайлович небедно. В своё время немало погонял за турком, поднакопив золотишка. Курень¹ срубили справный. Закупили живность, инвентарь, справив и среднему сыну новоселье.

Отец был ещё при силе, и воспитание последышка давалось ему легко.

Иван, так звали младшего сына, рос очень старательным и дотошным мальчуганом. Он хорошо учился в гимназии, много читал, был аккуратен и прилежен. Бывало, прибежит вечером с выгона, пригонит овец, забьётся в угол и штопает шаровары.

Мать ему:

¹ Курень – (казачье) жилище, дом.

— Да брось ты их, сына, возьми другие.

А он:

— Нет, маманя, что же они будут рваные, а ты у меня уже старенькая, плохо видишь.

Отец столярничает, разбрасает инструмент под навесом, устанет к вечеру, махнёт рукой:

— Да, чёрт с ним, завтра соберу.

Мальчуган забежит посмотреть, что отец мастерил. Инструмент соберёт, разложит, стружку подметёт и снесёт её порсятам на подстилку.

Иной раз старик аж рассердится:

— В кого ты у нас уродился такой дотошный? Братья, вон, оболтусы, абы чего чужое урвать, а своё добро под ногами будет валяться, не подымут.

А братья Ивана никак не воспринимали. По возрасту им в дети гож и поговорить-то не о чем. Так и жили не тужили.

Ивану уж двадцать годков исполнилось, когда он на улицу стал ходить. Друзей близких не было, так, товарищи по кутку да по гимназии. Его они уважали чисто за ум и сообразительность.

На троицу молодёжь на майдане устроила игрища, на всю ночь. Два гармониста мехи рвали от души, а казаки плясали, сапог не жалея, перед девками. Ведь венки, под рюмку, завивали весь день.

Непьющему Ивану было скучно в этом пьяном хороводе, и он пошёл прогуляться по улице.

Ночь была лунной, тихой и тёплой. С левад тянуло какой-то пьянящей сыростью вперемешку с набравшим к троице силу запахом луговых трав. Соловьи свою песню спели, вывелись птенцы, и теперь не до веселья. Только лягушки в низине выводили свои мелодии.

Казак вздохнул полной грудью и, не торопясь, пошёл по улице, стараясь не ступать на траву. К полуночи выпала обильная роса, и капельки влаги отражали в себе полно ликую луну, придавая улице сказочный вид.

Впереди, у общественного колодца, парень увидел несколько фигур. Подойдя ближе, стал различать голоса.

— Красавица, ну чего ты ломаешься, дай я тебя обниму.

— А я обнимать не буду, я тебя сразу расцелую. Ха-ха-ха!

— Прошу вас, отойдите! Я сейчас кричать буду!

— Не, не надо. А то лягушек распугаешь! Ха-ха-ха!

Иван, хоть и был парнем небуйного характера, но к своим годам, готовясь к службе, имел крепкую фигуру и тугие мышцы. Да и не из робкого десятка он был.

— А ну, казачки, отстаньте от моей девушки! Идите на майдан¹ себе поищите.

— Во! Петруха, ты глянь, а у тихони и невеста есть!

— Ты, это, Вань, не гоношись. Мы не знали, что это твоя дивчина. Мы пойдём дальше гулять.

Парни обнялись и пошли к майдану, затянув песню.

Иван же, как голый на прицерковной площади, остался наедине с незнакомой девушкой. Что прикрывать в первую очередь, чёрт его знает. То ли молча идти дальше, то ли заговорить с ней? А о чём?

— Здравствуйте, — выдавил он.

На удивление, девушка оказалась словоохотливой, добродушной и приятной.

— Здравствуй, Ваня, меня Дуней кличут, — скромно ответила она.

— А откуда ты меня знаешь?

— Так друзья твои только что тебя представили.

— Да не друзья они мне. Знакомые хуторяне.

¹ Майдан – место собраний у казаков; станичный круг.

— А ты тогда смелый парень. Их двое было, а ты один.
— Так и нас же двое было, — улыбнулся парень.
— Ну да. За себя я смогу тоже постоять. Глаза выцарапаю любому, жизнь научила.

— А что так круто она тебя учила?
— Да сирота я. У тётки в соседнем хуторе до семнадцати лет жила. А теперь уж как полгода перешла в родительский дом. Надоело батрачить на людей.

Не спеша, за душевной беседой, они подошли к куреню Акалеловых не замечая того.

Казак опомнился только после того, как предложил приступить Дуняше на лавку, возле своих ворот.

— Ой, прости! Я тебя домой привёл. А тебе куда?
Девушка звонко рассмеялась, рассмешив и парня.
— Да я поняла, что это твой курень. Мой через левую, по кладке на той стороне. Я эти места помню. И тебя помню, ты же последышек у Акалеловых.

— Так ты — Панфиловых дочка? Ну да, родители у тебя поумирали.

Молодые проболтали ни о чём до зари. К утру стало зябко и сыро. Девушка стала растирать плечи. Иван её просто обнял и прижал к себе. В ответ казачка положила ему голову на плечо.

Им казалось, что знакомы они целую вечность. Они без утайки раскрывали свои секреты. Что любят, чего боятся, чего хотят от жизни.

— Вань, прости, но мне пора идти. Я через кладку мигом до дома добегу.

— Да ты что! Пойдём провожу.

Когда дошли до узкой кладки, а это было два бревна, сбитые поперечинами, Иван пошёл первым, подав руку девушке.

На пол пути девушка вскрикнула, споткнувшись о поперечину, и угодила прямо в объятия резко обернувшегося парню.

Иван её подхватил и нежно обнял.

— Ваня, а так бывает, что люди знакомы один вечер, а как будто знакомы уже сто лет?

— Бывает, Дуняша. Вот я же тебя знаю сто лет.

Он взял в ладони горячее девичье лицо и нежно поцеловал. Девушка обвила руками его за шею и крепко впиалась в его губы.

Видать, жизнь очень мало отмерила этой сироте любви и счастья. А встретив родную душу, она готова была утопить её в нежности и ласке.

В левадах зацепился густо молочный туман, под кладкой журчал ручей. Утром, лягушки усилили своё хоровое пение. Воздух стал наполняться гомоном и пением проснувшихся птиц. Солнышко, с трудом пробив туманное покрывало, выглянуло из — за верб.

И только громкое «ку-ку, ку-ку» над головой, опустило молодых с небес на землю.

— Ух! Милый, иди домой, я теперь добегу.

— Дуняша, я вечером загляну к тебе?

— Я тебе загляну! Я загляну... заглядает хозяйка, не отелилась ли корова. А ты мне сердце за вечер разбил и собрался заглянуть. Теперь я точно знаю, что ты моя судьба. Приходи вечером в гости.

Чмокнув казака в щёку, не оглядываясь, девушка смело пошла по кладке.

Смущённый таким девичьим напором, парень в припрыжку, как зайчик, побежал домой.

День показался неделей. Иван переделал по хозяйству все свои дела и отцу помог. Солнце ещё не село, а он уже в начищенных сапогах вымерял двор.

— Сына, чавой-то тебя так изнутри грызёт? Аль зазнобу себе какову нашёл?

Смущённый парень сел рядом с отцом на лавку под лопа-сом¹ и потеряв руки о колени, не зная с чего начать, выдал:

— Я не зазнобу нашёл, я вам невестку нашёл.

— И чьих она будет? — не унимался старик.

— Да сирота, Дуняша Панфилова, что за левадами живёт.

Помолчав, старик покачав головой, рассудил:

— Да, досталось лиха девке. Родители хорошие были. Рано преставились. Тётку её, профуру, знаю. А Дуняшка — дитё такое учтливое. Видел я её надысь в лавке. Ладная казачка выросла.

— Бать, я побегу, а то солнце уж село.

— Да иди уж. Жанишок...

Отец перекрестил сына в спину.

— Ну, и слава Богу. И последышек уж подрос.

Девушка весь день провела в хлопотах. Навела порядок в курене, перемыла полы. Даже листья на фикусе протёрла тряпичей. Подмела двор. Застелила выбитые дерюжки². Затем принялась за себя.

Солнце ещё не скрылось за разлапистые вербы, а девушка уже во всей красе у окна поджидала суженного.

И только в сумерках скрипнула калитка, девушка выскочила на крыльцо и прямо с порожков бросилась в объятия своего милого. Тот, в свою очередь, подхватил её на руки и занёс в курень.

Утром, бурча по-доброму в свои густые усы, старик всю худобу впервые за последние годы управлял сам.

Старуха, ничего не понимая, поглядывала то на ворота, то на хозяина.

Сын заявился к обеду, когда отец хлебал молочную тюрю, а мать хлопотала у печи.

¹ Лопас — хозяйственная постройка.

² Дерюжка — грубая ткань из низкосортной льняной пряжи.

Перекрестившись на образа, Иван подсел к отцу и, не дожидаясь, когда тот доест, сказал:

— Батяня, надобно сватов засылать. А то в осень загребут на службу, а я и не женатый.

— Жанить — не снопы молотить. Дело не хитрое. Да только сватов некуды посылать. Пушай девка монатки в узел вяжет, да приводи её к вечерне в дом. Мы благословим да сосватаемся, нечего грехи наматывать. На службе их нахватаешься.

О том, что у Акалеловых Дуняша живёт в снохах, хутор узнал только через месяц. Видать, не до того, сенокос был. Что молодые до Покровов будут жить невенчанные, хуторяне списали на сиротство невесты, на том все и успокоились.

Осенью по спискам Иван должен идти на службу. Но после Рождества Христова, в 1904 году, началась с японцами заваруха и казаков не по сроку стали отправлять на службу, а затем перебрасывать на Дальний Восток.

Молодые месяц всего и помиловались. Прямо с утра пораньше от атамана прискакал сиделец¹ и сообщил, что на завтра готовят отправку, Иван включён в списки.

Мать, запричитав, вытирая завеской слёзы, со снохой пошли в пекарку готовить праздничный ужин.

Вечером, нацепив любимому цветок на грудь, Дуняша от служивого не отходила.

После пятой рюмки, выпив здравицу за всех казаков и Тихий Дон, Архип с Михеем подошли к отцу, обняли его, и старший сын выдал:

— Да, батя, сдал ты у нас. Мы уж пятый десяток разменяли, а тебе и вовсе года не ходят.

— Отец, вот ты развёл такое хозяйство, Иван на службу уходит, не управишься ведь один.

¹ Сиделец — человек, работающий где-нибудь в качестве дежурного, посыльного, сторожа и т.п.

— А вы мне на что, аль не подмогнёте сена накосить, али жито смахнуть?

— Да разве, бать, набегаешься на два хозяйства? Ты бы нам раздал быков да лошадей, а после службы мы бы брату подсобили хозяйство поднять.

— А ну идите вы к чёрту! Али мало я вам дал, когда отделил? Ух, стервятники! С Дуняшей управимся! — рассердился на сыновей отец.

— Ну, ну. Посмотрим. Пошли, братка, ещё выпьем за здоровье родителей, — съёрничал Архип.

Проплакав всю ночь у мужа на груди, Дуняша не хотела отпустить любимого, боясь потерять свалившееся на неё счастье.

— Ну всё, прекрати, милая. Дурная это примета у казаков оплакивать служивого. Я вернусь, и всё будет у нас хорошо. Я тебе обещаю, а ты мне верь.

— Да верим мы тебе Ванюша.

— Это кто — мы?

— Я и твой сынишка, которого я ношу под сердцем.

Казак нежно обнял девушку и поцеловал в висок.

— Ну, тем более вернусь, сына попестать¹.

После проводов, туго пришлось Акалеловым.

Надрываясь, дед заявил, что хозяйство не попустит и не сократит. На заготовку сена и уборку хлеба, нанимали работников, и сами проливали по семь потов.

Терентий Михайлович, узнав, что у него будет внук, старался прижелевать сноху.

Долго тряслись казаки в теплушках, пока добрались до места назначения в Маньчжурию.

Сотня свела по трапам коней, стащила телеги и загрузив их продовольствием, боеприпасами и фуражом, выдвинулась на передовую.

¹ Пестать — нянчить.

Прямых столкновений казаков с неприятелем пока не было. Части доукомплектовывали. Нарращивали ударную группировку.

Сотник попросил Ивана, как самого грамотного, подготовить список личного состава в штаб.

Через три дня есаул опять вызвал Акалелова к себе.

— Ты что там, братец, напортачил со списком? Тебя сам Куропаткин запросил доставить в штаб!

— Да вроде всё по чести расписал, без помарок.

— Рысью с вестовым скачи. Явишься, доложишь в чём дело.

Когда Иван явился перед генералом, тот показал ему списки сотни.

— Ты, братец, писал сии списки?

— Так точно, Ваше превосходительство!

— Ну, милейший, ты меня удивил. У тебя почерк, как у монаха, который минеи¹ переписывает. Откомандирую я тебя в штаб на недельку, порядок с бумагами навести. Больно много писанины. Части формируются.

Отработав на совесть две недели, Иван прибыл в сотню в чине младшего урядника.

— Ну, вот! Молодец, Акалелов. Будет кого в дозор, да разъезды старшим ставить. Карты читаешь?

— Так точно! В штабе научился.

Противник активизировал конную разведку, пытаюсь выяснить какое пополнение получила Русская армия. Через неделю сотник вызвал Ивана в штаб и поставил задачу.

— Вот на этой сопке, сходятся три дороги, других путей здесь нет. Местность каменистая, коням ноги переломаешь. Эта дорога идёт со стороны противника, а эти — вдоль линии фронта, по нашей стороне. Займите позицию выше на сопке

¹ Минейя — божественная книга.

и ведите наблюдение. Возьмёшь десяток казаков из первого взвода. В ночь и выезжайте.

Наскоро приготовившись, казаки выехали к месту пикета.

Ночь выдалась ветряной и холодной. На вершине сопки хоть и был лесок, но очень редкий и продувался насквозь. Вместе с конями устроились за скалой, по очереди ведя наблюдение за перекрёстком. До рассвета на дороге движения не было. С утра проехала гружёная телега, да с дюжину казаков проскакало вдоль фронта.

— Видать, разъезд с другого подразделения, — заключил Иван.

— Терентич, глянь пролётка наша, да ещё и с охраной, — позвал наблюдатель.

По правой дороге в сопку поднималась пролётка, запряженная парой лысых лошадей, а следом, верхом, ехали три казака с пиками.

— Никак генерал в папaxe сидит? Твою мать, прости мою душу грешную! Глянь, слева поднимаются конники поболее дюжины. Самураи, чёрт их побери. Как это они с разъездом нашим разминулись? И прям на генерала!

Оценив быстро ситуацию, Акалелов уже дал команду «по коням».

Увидев вывернувшегося из-за горы противника, казаки понимали, что не уйдут с пролёткой. Ощерив пики, они поскакали вперёд на врага.

Тем временем, японцы, развернув боевой порядок пошли на казаков. Три кавалериста, вышибленные с сёдел казачьими пиками, упали на дорогу.

В это время во фланг противника, как гром среди ясного неба, с вершины сопки, свалился казачий пикет. Без пик с шашками наголо они завязали такую мясорубку, что генерал так и не смог из нагана выстрелить в японцев.

Не ожидая такого поворота событий, японцы стали пятиться и потеряв половину своих воинов, поскакали вниз, к линии фронта.

Казаки преследовать не стали. Конвойные вернулись к охраняемому лицу, а казаки спешили у командира. Иван, истекая кровью, угасал на глазах.

Спрыгнув с пролётки, подошёл генерал и взглянув на раненого, скомандовал погрузить его рядом с собой.

— Молодцы, казачки. Спасибо за помощь. Раненого если довезём, сдадим в госпиталь. Если не успеем, похороним с почестями. Доложите сотнику о случившемся.

Взяв в повод Иванова коня, пикет поехал к месту дислокации, а пролётка запыхала своей дорогой.

Не дождавшись никаких известий, через неделю сотник снял с довольствия Акалелова и отослал депешу юртовому атаману о героической гибели казака.

К Крещению Господнему, вестовой привёз Терентию Михайловичу из управы уведомление о гибели сына.

Сказать, что в казачий курень пришла беда, значит ничего не сказать.

Старуха слегла в одночасье. Не протянув и недели, преставилась.

Старик сник, ходил по базу сам не свой. Дуняша хоть и рыдала в подушку по ночам, но закалённый сиротский характер, держал девушку в здравом уме. Управляясь по хозяйству, она присматривала и за стариком, чтобы с горя руки на себя не наложил.

Однажды он взял вожжи и пошёл под лопас. Немного погодя, казачка пошла следом. Старик сидел на пеньке и держал старый хомут в руках.

— Папаня, вы что это удумали?

— Да вот, как родился Иван, купил я лошадку рабочую. Это должен был быть конь боевой, с атаманского табуна, да комиссия забрала его. Поэтому и хомут такой большой я на него купил. Простые лошадки вдвое меньше. На груди у него белое пятно было, Чибисом и назвали. Уж более двадцати годов он его на шее тягает. Я его выброшу, а Иван подберёт и починит. Дотошный он у тебя. Вот я не верю, что он погиб. Придёт домой, дел много, а он опять хомут чинить будет.

— У меня пока дел нету, я хомут и почию. А ты иди в хату, озябнешь.

Молча вытирая платком слёзы, Дуняша ушла в курень.

Целый день свёкор не заходил в курень. Когда уже стали опускаться сумерки во дворе, девушка решила загнать хозяина в тёплую хату.

Но зайдя под хозяйственный лопас, она ахнула. Старик, уже остывший, сидел на пеньке, привалившись спиной к старому кошелю. В посиневших руках был зажат старый хомут Чибиса, который хозяин до конца так и не дочинил.

Схоронили Терентия Михайловича тихо. Помянув, разошлись все соседи. Остались только снохи посуду перемывать, да два его сына.

Помявшись, Архип заявил:

— Мы вот что решили Дуняша, с отцова дома тебя гнать не будем, хоть ты тут и никто. Не венчана была с Иваном. Но раз под сердцем носишь его сына, живи пока. Оставим тебе мы коровку для пропитания, пару овечек, птицы немного. Ну и Чибиса по хозяйству. А остальное, как законные наследники, с братом всё заберём.

Два дня со двора братья вывозили отцовское добро. Зашла казачка в хозяйственный двор и ахнула. Из инвентаря остался только старый сломанный плуг. Из животины, старая корова

Милка, да Чибис, который уже не стоял в стойле, а лежал покрахтывая. В углу валялся старый хомут.

Девушка подняла его аккуратно и потянулась, чтобы повесить на шкворень, который торчал из стены, и в это время её словно ножом резануло по низу живота. С трудом она вышла на улицу и повиснув на прясло, крикнула соседке:

— Петровна, а Петровна, покличь мне повитуху. Наверное началось...

Парнишка родился хоть не по сроку, но крепеньким и здоровым. Ни у кого не спросясь, мать назвала его Терентием. Хорошим был человеком свёкор. Её, сироту, никому в обиду не давал. Да кроме деверей, ей никто и слова обидного в последнее время не говорил.

Очнувшись, Иван хотел привстать с кровати, но резкая боль под ребром отбила у него эту охоту. Осмотревшись, он понял, что находится в госпитальной палате, точнее, это было приспособленное здание. Подбежавшая сестра милосердия предложила глоток воды. Жадно хлебнув освежающей влаги и смочив язык, он спросил:

— Я здесь долго?

— Да уж пару недель лежите. Много крови потеряли.

— Милая, а письмо поможешь домой отписать?

— Конечно, казачок, но вечером, как управлюсь.

Через неделю в палату заскочили медсёстры, быстро навели порядок. После них зашёл генерал Куропаткин со свитой.

— Ну, Акалелов, ну, молодчина! Мало того, что выручил меня с писаниной, порядок навёл. Так он ещё и представителя штаба с ценными бумагами спас. Вот тебе за заслуги перед Отечеством новые погоны и Георгий, и ездай-ка ты батенька домой, долечивайся. Я уже распорядился.

С полученным письмом, схватив сына в охапку, Дуняша кружилась по горнице, не забывая ежеминутно креститься на образа и благодарить Господа Бога за спасение мужа.

Вернулся служивый казак домой на Пасху. При звании и при награде. Зашёл домой, обнял жену, поцеловал сына, вышел в хозяйственный двор и схватился за голову. Во дворе была разруха, как после Мамая. Братья даже зерно вывезли, вместе с кошельками.

И пошёл он их навестить, да посрамить. А они ему в ответ:

— Нам батяня всё завещал, а завещанному возврата нет.

Вернулся служивый домой, опять обнял жену и говорит:

— Вот если братья кужухи, то батяня не мог меня по белу свету босым пустить. Ну ничего, милая, всё мы наживём.

Надел непаханый. Взаялся казак и отремонтировал плуг. Прикормил Чибиса овсом, не на боевом же коне пахать. Засмеют хуторяне, да и атаман заругает.

Смазал Иван колёса у старой телеги, погрузил в неё плуг, накиннул старый хомут на коня и поехал в поле. Надел его был в пору возле межи мужичьей. За балкой начиналась Воронежская губерния.

До обеда, Чибис, вроде плужок тягал, а как припекло солнце, стала с боков у него пена хлопьями падать, да прямо в борозде и воткнулся мордой в землю кормилец. Двадцать лет служил справно хозяину, тот помер и лошадь в пахоте издохла.

Затужил казак, стащил хомут с трупа, погрузил его с плугом в телегу и пошёл домой за конём, чтоб телегу приволочь, да за лопатой, чтоб похоронить верное животное.

Пока обернулся Иван на надел, а там лошадь дохлая и хомут старый у пахоты валяется.

Видать, мужики приглядели телегу, да украли вместе с плугом, а хомутом побрезговали.

Оттащил казак животину к балке и прикопал. Забрал он хомут и вернулся домой. Поставив коня в конюшню, Иван взял хомут и хотел повесить на стену, да вспомнил рассказ жены про отца перед смертью.

— Ах ты, старый, прошил как вареник слепил. Здесь нужно было бы обмёточным швом пройтись. И крепче, и красивее.

Увлёкшийся Иван выдернул с веревки подрезной нож и разрезал отцов шов, чтобы перешить по-своему.

От картины, которую увидел сын, по щекам потекли слёзы. Из разрезанного хомута на землю падали золотые монеты.

— Ах ты, батяня, и после смерти за мою семью беспокоишься. А хомут-то и братья, и мужики выкинули, чтобы он мне в руки попал.

— Иван, ты что по Чибису так затосковался, что сам с собой разговариваешь?

— Да нет, Дуняша. Я от батяни наследство принимаю.

С этими словами он встал с колен и показал жене полную пригоршню золотых монет.

Чужої обызай

Казак на Верхнем Дону до Первой Мировой войны жили одной семьёй. На службу уходили сотнями, если не из хутора, то из одного юрта, считая себя односумами и братьями.

Хутор Провальный был основан за много вёрст от Дона. Первые поселенцы после получения земельных паёв, обустроились в балке возле ручья Кипучего. Со степи хутор было не видать, будто он провалился в преисподнюю.

Родников по балке было немерено. Вода в них закипала промытым до белизны песком, как будто молоко в чугуне. Родник просто углубляли, выкладывали стенки камнем и колодец готов. Казачки прямо с коромысел, не снимая вёдер, набирали воду.

С годами хутор растянулся на несколько вёрст. На косогоре прихожане построили церквушку с колокольней, да и жили не тужили, почитая царя, атамана и молясь Господу Богу.

После Японской войны казак Рябухин, наняв колодезную артель, выкопал колодец выше храма. Рядом он срубил себе и курень.

С тех пор зажиточные казаки стали отстраивать себе дома по вершине лога. И хутор поделился на верховцов и низовцов.

Так повелось, что хуторские невесты жили в низине. Поэтому верховцам проще было, оседлав коня, найти милку в соседнем хуторе, чем с боем ухаживать за своими низовскими

девчатами. Молодёжь на игрищах дралась в кровь, но знала меру, ведь завтра вместе на службу. И не дай бог, кто в соседнем хуторе обижал провальца, казачата сотней шли на защиту. Иной раз улаживать ситуацию приходилось атаманам. Но будущий воин таким и должен быть. Горячим, но с холодной головой.

Щебуняева Лукерья расцвела, всем на зависть, как лазоревый цветок. Стройная осанка, глаза голубые, как синь небесная, а волосы цвета воронова крыла. А уж хохотушкой и певуньей была первой среди девчат на игрищах.

Приглянулась эта краса, единственному сыну хуторского атамана, Поликарпу. Он тоже был парнем видным, уже стоял в подготовительном разряде и готовился на службу. Но, видать, не столько крутые кулаки парня, сколько уважительное отношение к его отцу, убедило всех, что самая красивая дивчина будет его.

Свадьбу, как и водится, сыграли на Покрова. Отец за 10 золотых червонцев заказал дубовый сруб слободским лесникам. И стала наша Лушка – хохотушка не жить, а кататься как сыр в масле.

Поликарп оказался казаком покладистым, угождал молодой жене во всём. А после того, как она ему родила сына, стал её на руках носить.

Счастье молодой семьи, как и многих других, разбила война.

Атаман был человеком чести и, не взирая ни на что, внёс сына в первые списки на отправку. На майдане у церкви собрался весь хутор, обливая слезами своих детей и мужей. Бывалые казаки скупно шмурыгая носами, давали напутствия новобранцам. Они прекрасно знали, что казаки только к тридцати годам чувствовали себя на войне, как рыба в воде. До этого они лихи, да глупы. Лишний раз пулям не кланяются.

Лукерья, вцепившись в мужа, не отпускала его. Атаман взял сноху за руку и отвёл в сторон. Служивые зашли в храм для благословения на ратный труд.

Уже улеглась пыль за отрядом, а молодая казачка, скрестив руки на груди, читала молитву.

Хутор притих. Без надобности на улицу никто не выходил, словно боясь спугнуть судьбу, чтобы она не направила плохую весть в куреня.

Ровно через сорок дней после первой отправки почтальон принёс пачку писем. Все их боялись вскрывать, пугаясь сакральной цифры. Но на этот раз всё обошлось. Казаки писали, что эшелон доставил их на фронт без происшествий, идёт комплектация войск.

Хутор вздохнул и загулял. Родня носила со двора на двор письма, передавая приветы от служивых и крепко их обмывая.

Получив хорошую весть, Лукерья, схватив сына в охапку, кружилась с ним по залу. Скупой на слово свёкор пригласил отужинать семейно.

Радовалась молодуха недолго. В первой же атаке под ноги коня Поликарпа угодил снаряд со шрапнелью. Хуторяне писали, что и хоронить - то было некого.

Узнав дурную весть, молодая жена голосила днями напролёт.

Пришедший к памяти свёкор от греха подальше забрал внука к себе, опасаясь, как бы чего с собой и парнишкой не наделала баба.

Хутор после первых похоронок притих, сник, как будто вымер. Даже собаки по ночам брехать перестали.

...После войны с германцем, сразу вспыхнула Гражданская война.

Казаки то приходили, то уходили на фронт, а то и принудительно их куда – то отправляли. Вроде, пришла и Советская власть, а правил всё тот же атаман. Многим казакам такая си-

туация стала нравиться. Земли можно было прихватить сколько обработаешь.

Всё резко поменялось после Рождества 1919 года. В хутор пришёл отряд красных. Они из низовцов выбрали председателя совета. И тут началось! Казаков разоружали, по ночам неведомо куда увозили, уводили, а после и вовсе за тыном стали расстреливать. К прощённому воскресенью обстановка в хуторе так накалилась, что гавкнет кобель невпопад на задворках, и все схватятся за вилы и топоры.

Как-то в начале марта по улицам проскакали три вооружённых казака и прокричали «Сполох». Буквально в течении часа хутор разделился на две половины. Линия чётко прошла мимо храма.

Верховцы встали за старые порядки, низовцы за новые. И без разницы, что один брат жил внизу, второй на бугру. В хуторе началась пальба, красные, потеряв своих активистов, оседлав коней, ушли в степь.

В правлении вновь восседал атаман с есаульцем, готовя списки на строевых казаков. Всех казаков, кто был в хуторе, поставили в строй, ведь они давали присягу царю.

Лукерья на улицу и носа не казала. Свёкор, видя такую ситуацию, согнал всю ходобу себе на двор. Соседи говорили:

— Лушку либо «младенческая» вдарила, либо совсем умом тронулась на почве горя. Да-а-а, такова вдовья доля.

Восстание на Верхнем Дону полыхало всю весну. Казаки бились за каждый хутор, за каждый курень. Только к Троице, сдав последний юрт, стали пробиваться отрядами на юг, к Черкасску.

С вечера в хутор зашёл отряд красных конников. Они расположились в управе, затащив пулемёт на колокольню. В отряде были почти все хуторяне. В ночь низовцы загуляли. Верховцы притихли, впотьмах обсуждая ситуацию. До утра не было ни погромов, ни расстрелов. К обедне вояки стали съезжаться к правлению.

И тут, как гром среди ясного неба, по центральной улице с гиканьем и свистом, пошла в атаку полусотня. Это были верховцы. Они, расстреляв по обойме, выхватили шашки. Красные разбежались кто куда. Но вдруг с колокольни, как сорока, застрекотал пулемёт. Кони атакующих полетели через голову. С ходу, на две стороны, казаки стали уходить в проулки, скрываясь от ливня пуль. Завязался ожесточённый бой. Убитые казаки с обеих сторон уже лежали в пыли, истекая кровью.

Весь хутор, и стар и млад, стали дворами пробираться на майдан, понимая, что их дети и мужья на глазах гибнут возле родных куреней.

Не выдержав, дед Алистарх, у которого была дюжина сыновей и несчитанное количество внуков, кои были по обе стороны фронта, вышел на площадь, размахивая посохом. Со всех сторон ему кричали:

— Дед, уймись!

Но он упорно шкрябал на середину площади. Шальная пуля подкосила старика, и он, хватаясь обеими руками за костыль, рухнул на брусчатку.

Стрельба на мгновение прекратилась, а затем вспыхнула с удвоенной силой. И тут случилось такое, чего никто не ожидал. Из ворот своего куреня, во всём чёрном, вышла Лукерья. Ни на кого и ни на что не обращая внимания, она шла по площади. Дойдя до середины, где от боли корчился старик, она развязала платок и, высоко подняв его в правой руке, бросила на землю. Это ошарашило весь хутор.

Все заговорили о том, что на Кавказе у черкесов есть такой обычай, и его чтут беспрекословно, прекращая братоубийство, кровную месть. А здесь Дон. У казаков другие обычаи. Но и не было никогда в этой, политой их кровью, степи того времени, когда брат убивал брата, сын шёл с шашкой на отца.

— Эй, низовцы! — крикнул Насонов Митро. Кончай палить! Не будем мы нынче забирать вашу власть. Давай по-людски, простимся с родными да разойдёмся. Может, в последний раз и видимся. Сделаем это ради памяти наших предков. Итак греха на души уж намотали.

— Ну, что ж, давай по совести! Лукерья права! Хватит крови хуторской лить. До зори, чтоб ни выстрела и шашки в ножны! — выкрикнул из-за угла правления в перетянутом ремнями френче и кожаной шапке с красной звездой Петр Сосков.

Посматривая с недоверием друг на друга, казаки разошлись. Кто на низ, кто потянул к верховым дворам.

Лукерья, встав на колени, пыталась поднять раненого старика. К ней на помощь пришёл Федот с казаками.

— Лукерья Петровна, давай мы деда Алистарха домой снесём.

— Это что ж, Федот Семёныч, ты меня в двадцать лет в тётки произвёл, по отчеству кличешь?

— Так среди нас сегодня ты, Лукерья Петровна, получается самая умная, не смотря на возраст. Чего уж там... Да глянь на свою чернявую косу, — робко проговорил казак.

Лукерья, наклонив голову вправо, стащила с волос шлычку¹. Тугая коса упала на плечо. Казачка ахнула. Коса была цвета уж не воронова крыла, а как будто её припорошили белым снегом. Откинув назад косу, Лукерья заявила:

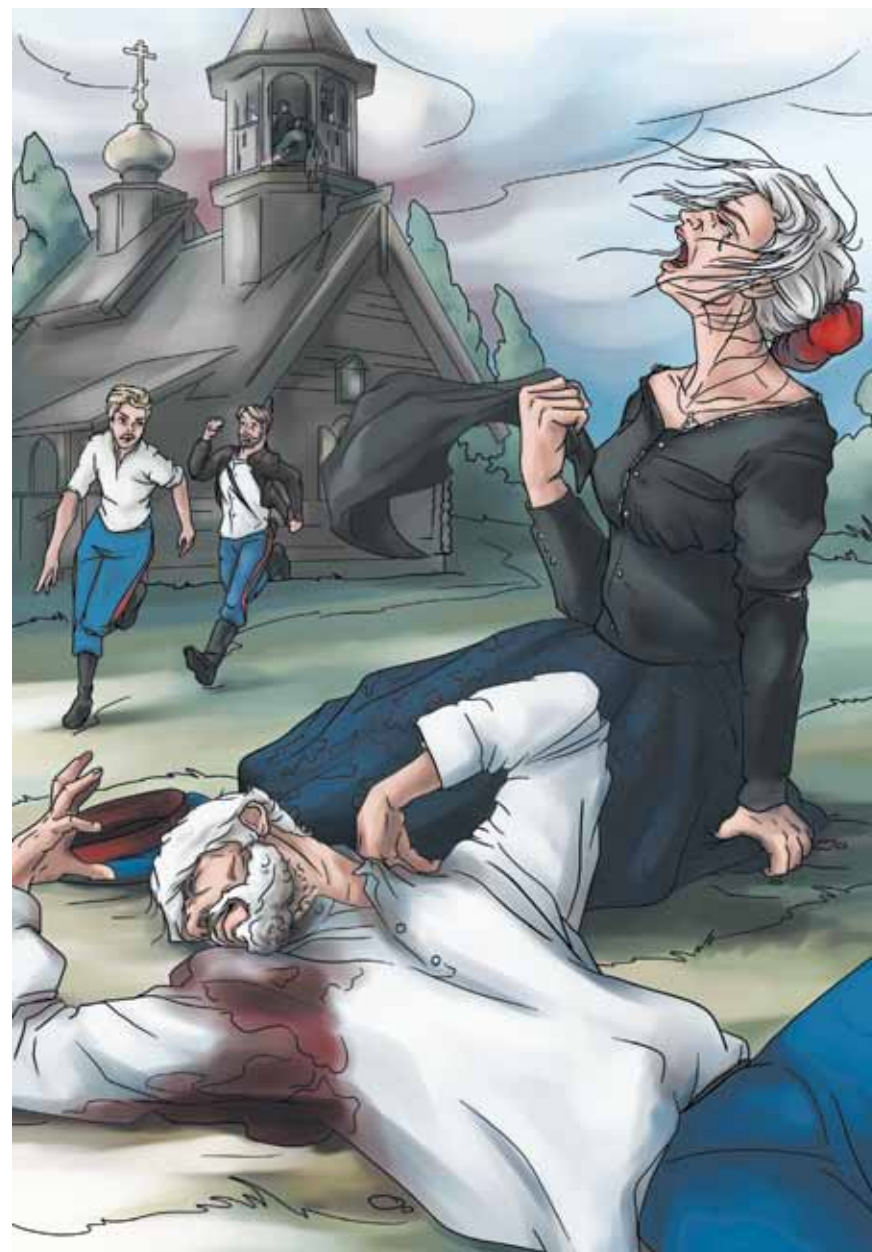
— Ну да, не у каждой тётки волосы такой белизны, скорее я в бабки гожа.

— Да брось ты печалиться, Луша. Ты для нас сегодня самая красивая. Ты нам пол хутора спасла.

За ночь в Провальном не прозвучало ни одного выстрела. Чуть забуланело², и верховские казаки, простившись с родными, галопом ушли за околицу. А низовцы вывесили на управе красный флаг, предрекая новую, непонятную жизнь.

¹ Шлычка – головной убор казачки.

² Забуланело – начало рассвета

Байки про гедга Гаврила

Озерской – хутор Казанской станицы Усть-Медведицкого (Донецкого) округа Области войска Донского, расположен при озере Почтовом (на реке Дон) в 1 версте от своей станицы.

По сведениям за 1915 год, в хуторе было 87 дворов, в них проживало 308 лиц мужского пола и 303 женского пола. Земельное довольствие казаков хутора составляло 2618 десятин.

Для удовлетворения религиозных потребностей населения в 1882 году в хуторе была построена каменная Николаевская церковь. Клировый штат церкви состоял из 1 священника, 1 дьякона и 1 псаломщика.

В хуторе было правление, которое возглавлял выборный атаман.

С 1890 года обучение детей осуществляла школа грамоты (церковно – приходская школа)¹.

На Верхнем Дону проводы казака на службу это целая традиция, складывавшаяся практически, столетиями.

Ратному делу казак до 20 лет учился по месту жительства. Он должен был к призыву в совершенстве владеть приемами джигитовки, шашкой, пикой, рукопашным боем, стрельбой из винтовки. Для проведения учебных стрельб в атаманской оружейке имелось 10 винтовок. Семья справляла казака как амуницию, так и коня, которого приобретали в атаман-

ских табунах в х. Гусынском. В случае какой нужды атаман помогал деньгами из казны. Но казаки выращивали коней и сами, скрещивая кобыл с именитыми жеребцами. У казаков бытовала поговорка: «Вся родня не дороже коня».

Коня в строевые или боевые переводила специальная комиссия. Проверялась и его родословная, и выносливость, и стать, и выучка. Боевого коня ставили на специальный учёт, после чего он не должен был привлекаться на хозяйственные работы, за чем строго следил атаман.

Старый конь просто умирал от старости в стойле, как боевой друг казака. Посему говорили «старый конь борозды не испортит», его в эту борозду никто не ставил. Конь стоил очень дорого и редко кто дарил его.

В станице Казанской шутили:

– А знаете почему дарёному коню в зубы не заглядывают? – глядя на недоумённый вид гостя, сами и отвечали:

– Да если б у коня хоч один зуб был, хтоб табе яво подарил!!!

После 1913 года, согласно устава, общий срок службы казака составлял 18 лет.

Первый год, это год «приготовительной службы», после – 12 лет строевой службы. А последние пять лет – «в запасном разряде». Запасники и помогали атаману в обучении молодежи военному ремеслу. В первую мировую войну уже мало придерживались устава, хороших воинов на передовой не хватало.

Ради продолжения казачьего рода, родители старались оженить до призыва казака. На побывку явится, а уже и сын в люльке будет.

Получив уведомление о призыве, хутор Озерской закипел. Заюжели недорезанные свиньи, кудахтали куры, которых каза-

¹ С. И. Рябов. Верховое Донское казачество.

чата отлавливали и тащили на дровосеку, с озера гнали на убой гусей. Блеяли встревоженные в катухах¹ овцы.

В общем, это была знакомая хуторскому обывателю картина.

Во дворах ставили столы и лавки для гостей. Натягивали шатры на случай непогоды. Казаки начинали гулять в ночь, управив хозяйство.

Приглашались только близкие, чтоб пересудов меньше было, если что не так. На казачьих гулянках всякое бывало.

Каждая пара несла с собой бутылку, в помощь хозяину, так было заведено. А ещё каждый приглашённый, по возможности, дарил деньги «на дорожку» и вещи, которые могли пригодиться на службе - платочки, бритву, мыло...

Служивый на проводах за столом сидел с молодой женой или невестой, которая должна ждать казака со службы. По бокам садились родители. Девушка на грудь любимому крепила цветок.

Стол для молодёжи и взрослых ставили отдельно. Гармониста приглашали заранее, дав задаток.

На одну из таких гулянок пришёл и наш герой, дед Гаврил, со своей бабкой Клавой.

Зайдя в открытые ворота, дед перекрестился, затем обнялся с хозяином подворья и со служивым Поликарпом.

— Ну, Карпуша, вот и твоя очередь пришла Отечеству послужить, ты же не посрами Дон-Батюшку. Господи, да чаво я горожу. Знаю, героем будешь, как твой батя и дед.

— Гаврил Иваныч, ты проходи ближе к служивому, садись, — захопотал хозяин.

— Да не, Петрович, я с краюшку, ушицы похлебаю, да пойду за двор кагалу² поразвлекаю.

¹ Катух — хлев для мелкой скотины.

² Кагала — дети

— А стопочку на стремя никак, дедунь? — лукаво улыбнулся хозяин.

— Не, не гневи господу, я и на трезвую дюжа весёлый, — отшучивался дед, понимая подвох.

А суть заключалась в том, что дед Гаврила в своё время был заядлым на хуторе рыбаком и гулякой.

Женился Гаврила по безумной любви. Жену он чтит, но по пьяни всегда поколачивал, для профилактики, чтоб, не дай бог, на другого казака глянула. И к старости эти две привычки с годами не ушли, как сила у деда и красота у бабки.

Старость на Дону всегда уважали, а посему угостить Гаврилу Иваныча желал каждый, дабы послушать его байки про рыбалку.

Особенно дед любил к обеду спуститься к Дону, где родственную душу завсегда встретишь.

Однажды на берегу именитой реки, казак встретил старых друзей, у которых уже и ушица подошла. В чашке горкой лежала белорыбица, густо посоленная крупной солью и посыпанная резаным укропчиком. В казане плавали жирные куски стерлядки, украшая знатную ушицу. На постеленном холсте лежал зеленый лук, чеснок, сало и вареные яички. А у берега из воды торчала кукурузина, которой была заткнута четверть с самогоном.

— О, Иваныч, подгребай к нашему биваку! — обрадовалась компания, предвкушая услышать занимательную историю.

— Нет! Нет! — глядя на удивлённые лица казаков, съёрничал дед, — Я не против, отведасть ушицы с рюмашкой дымочки.

Под разлапистой вербиной, после трех рюмок, похлебав уху, компания надела на деда Гаврила с просьбой окунуться в его лихую молодость.

Обтерев бороду и поправив усы, дед усевшись поудобнее, начал свой рассказ.

По молодости Гаврила Иванович был оторви и выкинь. Ничего в этой жизни не боялся. И с турком навоевался, и европейцам от него досталось. Крестами был не обижен. И в мирной жизни его черти побаивались.

Наловчился он с казаками сомов из Дона тягать. Что продавали сразу в трактир, что на балыки пускали. А ловили сомов особым образом.

С караича¹ надирали лыка. Запаривали его и отслаивали потом нитки. Из них плели верёвочки, из которых изготовляли бредень особой конструкции. Крылья были аршин до десяти, а мотня аж локтей на двадцать. К камлам были приторочены верёвки.

Суть рыбалки была в том, что сом не любит на быстрине отдыхать, а старается в крутой берег в ямы залезть и чухаться там о корневища, сдирая с себя надоедливых пиявок.

На поворотах быстрина бьётся о берег подмывая его. Но если на берегу лес нависает над рекой, то вода вымывает ямы и берег не обваливается, земля держится на корневищах. Это и есть любимое место хозяина Дона.

Рыбаки подводят камлы под берег, удерживая бредень на верёвках с берега. Мотню течение относит на быстрину. И тут самый ответственный момент. Кто полезет под воду в нору к хозяину пинать его ногой по бокам, чтобы тот выплыл и по мотне дошёл до конца, закрутившись в своей ловушке? Так за день ловили до дюжины сомов.

Никто! Никто кроме Гаврилы на роль загонщика не соглашался. А соглашался не он, а его душа, которой требовался целый штоф дымки в день. И рыбалка начиналась с того, что казаки, упивались первачом, а потом начиналась не рыбалка, а дикая охота на сома.

Всегда всё сходило с рук.

¹ Караич – вид дерева

Однажды хуторской атаман пригласил рыбацкую артель и попросил на подарок поймать хорошего сома. Зная их слабость, вручил ведерный бочонок казёнки. От такого аргумента сомятники отказаться не смогли.

Помолчав, атаман заявил:

— Вот что ещё, казачки, вам хочу сказать. Гаврила, ты это будь там поосторожней, наглядился я на тебя в совместных походах. Оторви и выбрось, да и только. А бывалый сом он плеще басурмана будя. И не пяль ты на меня глаза, как на образа!

— Атаман, как моя Клава говорила: «Была бы осторожной, не стала бы матерью». Ну а я отцом. Га, га, га...

— Тфу на тебя! Всё бестолку. Идите уж.

Собрав снасти, взяв харчишек, они выдвинулись за Демидовский к Ореховой балке. Там ситуация была такой, правый берег ещё казачий, а левый уже Воронежской губернии. Телегу оставляли на своей стороне. На каюке переплыли на левый обрывистый берег, где обитали сомы.

Причалив к берегу, каюк привязали к корневищу, взобрались на обрыв и разложили на траве припасы. Пообедав хорошо, пока река не стала по колено, вода как парное молоко, а сом размером с пескаря, приступили к рыбалке.

Раскрутили бредень, распушили его в воде, подтянув камлы к обрыву, и Гаврила нагишом прыгнул в реку. Пару раз нырнув, он обнаружил яму и стал усиленно болтать в ней ногами. Вскоре казак почувствовал, как под ним прошёл сом.

Пока выбирался на берег, артель дружно вытащила улов. Это был сом весом фунтов¹ шестьдесят. Начало было удачным, но на атаманский магарыч улов не тянул.

— Братцы, сомы тоже по чину живут. В маленьких ямах молодь, а в больших живёт хозяин реки. Есть у меня одна любимая яма, там всегда великанов спугивал. Айда вон до той

¹ Фунт – 0,45 кг.

вербы, – предложил отважный рыбак, опрокидывая стакан для сугрева.

Никто возражать не стал. Выпив ещё по чарке, пошли вниз по течению. Михай с Фёдором поплыли на каюке, чтоб оттянуть мотню на быстрину.

Осмотревшись, раскрутили бредень и запустили его в воду.

– Греби на струю, да старайся против течения, а то хвост прибьёт к крылу.

Матерясь, рыбак став на одно колено, наяривал веслом, аж спина сразу взмокла.

Растянув крылья, рыбаки на верёвках подтянули камлы к обрыву. Все надрывали пузо по совести. Один Гаврила нагишом ходил по луговине разминаясь, чтоб не сразу замёрзнуть в воде. Под обрывом глубина была немереная и течение постоянно выворачивало со дна холодную родниковую воду.

Когда пришло время действий, на солнышке Гаврилу так разморило, что ему по барабану была и рыбалка.

Надрываясь от натуги, еле удерживая за верёвку бредень, Силантий с надрывом прорычал:

– Будя тебе взбрыкивать по лужку, как бычок, сигай в воду, гони рыбину!

Нетвёрдой походкой Гаврила подошёл к обрыву и солдатиком ушёл под воду.

– Ох, Матвей, зря мы его пустили в реку в таком виде. Вытащим в мотне вместо сома, души нету, – проворчал Силантий.

– Сплюнь, дурень, – прицыкнул товарищ.

Набрав побольше воздуха и очутившись на глубине, Гаврила перебирал руками, цепляясь за корни, а когда головой упёрся в потолок, то понял, что угодил в яму. Второй раз нырять резона не было, на берегу земля обвалилась, образовав купол. Вынырнув из воды, рыбак глубоко вздохнул и став нога-

ми на дно, решил передохнуть. Воздух пах гнилью, но был свеж и легко дышалось. Вода в норе к удивлению была тёплой.

– Неплохое убежище выболтал себе гад. Но домой ещё видать не заявился. Вон как пол глиняный в норе укатал, скользко, – рассуждал про себя казак.

Он скорее загравком почувствовал, чем понял, что происходит. Земля под ним уходила из-под ног. Схватившись за толстые корневища, Гаврила подтянулся, подобрав ноги. Вода с шумом стала уходить из норы, затем, захлопав, вернулась назад. Подождав немного, рыбак опустил ноги и ахнул. Чудище, на котором он стоял, было толщиной немногим меньше аршина¹.

– Ну, это атаманский заказ. Вылезать следом не буду, а то попаду в тот же невод. Передохну немного здесь, – подумал удачливый сомятник.

Он упёрся спиной в стену, подсунул под мышки корневища и довольный удобствами, стал представлять, как его друзья тянут этого водяного быка.

Отбуксировав конец бредня на быстрину, казаки подплыли к берегу выше снасти, привязали каюк к коряжине и стали карабкаться по обрыву на помощь товарищам.

– Михай! Подмагните! Не удержим! – взревели в один голос артельщики.

Но те уже, выскочив на обрыв, мчались на помощь.

После долгих усилий казаки смогли подтянуть закрутившуюся рыбину к обрыву, и дальше дело стало. Сведя камлы, друзья перевели дух.

– Казаки, на бугор мы это чудо не вытянем. Нужно налыгачем перехватить мотню, чтоб запереть там сома. Свяжем камлы, одну верёвку отвяжем и соединим со второй, как раз через Дон хватит. На каюке двое перевезут край бечевы и привяжут к

¹ Аршин – мера длины, 0,7112 м.

телеге. Мы с кумом переплывём реку и с помощью Орлика вытащим монстра на берег.

Так рыбаки и сделали. А когда они стали мерить шагами сома, уместится ли тот в телеге, Силантий, видать он был трезвее всех, во всю глотку как заорёт:

— Братцы! А где наш Гаврила?

Казаки сбегались по берегу в его поисках. Затем переплыли на левый берег, собрали свои вещи. Походили, покричали и выпив остатки казёнки, решили, что сом утопил товарища.

Загрузившись, траурная процессия тронулась к хутору.

Рыбаки шли за телегой и обсуждали, как они преподнесут эту ситуацию жене и атаману.

Ко двору Гаврилы отрезвевшие казаки подъехали затемно. Они выгрузили посреди двора сома поменьше, рядом положили чебака. В это время вышла из куреня жена.

— Что, наловились и опохмелились, бездельники! А где мой хозяин? Что с телеги не вылезет? – разбушевалась хозяйка.

— Ты это, не шуми Клавдия. Потеряли мы твоего милого. Ну, утонул он в Дону.

— Да вы, что, вообще ужо от самогона умом тронулись так шутить!

Казаки, снимав шапки, молча стояли посреди двора.

И тут казачку прорвало. Она так заголосила, что видавших виды казаков, как ветром сдуло со двора.

Сгружая виновника происшествия во дворе атамана, рыбаки наперебой объясняли трагедию. В конце концов атаман понял, что он повинен в смерти казака, так как сам послал их за сомом.

Матвей Федотьевич их ругать не стал а, одевшись, пошёл распорядиться о подготовке поминок, так как хоронить было некого.

— А может всплывёт, вода тёплая, мертвяка раздует и выдавит наружу. Нужно берега прочесать, – подумал атаман.

Очнулся Гаврила от озноба. Его колотило от холода так, аж зубы стучали.

— Твою мать, где я? – шаря вокруг руками, недоумевал казак.

Сначала ему в голову закралась жуткая мысль, что он помер и находится в преисподней. Но холод выдавил из него всю хмель до капли, и он стал вспоминать рыбалку.

— Видать, приснул. Товарищи уже и сома вытащили, ожидают меня под казёнку.

Набрав побольше воздуха в лёгкие, рыбак начал пробираться на свет божий. Вынырнув на поверхность, он опешил. На улице была темень, над головой ярко светили звёзды. Переплыв на казачий берег, казак обнаружил что телеги и товарищей нет.

Идти нагишом по дороге степью было не резон. Встретит кто, срамы не оберёшься. И решил он домой пробираться понад Доном. Если что, он в воду сиг и концы туда же.

Так он добрался до родных левад¹. Собрав тины, навесил её на ивовые прутья и повязал всё это на пояс, прикрыв свою срамоту. А чтобы, не дай бог, встречный не угадал, примостил на голову парик из той же тины. Хозяин впервые в жизни заходил к себе домой с огородов, скрывая лицо, на цыпочках.

Подкравшись к куреню, казак заглянул в окно. В комнате по лавкам сидело около дюжины женщин в чёрных платках. У иконостаса ещё одна читала молитвы и крестилась. Горела лампадка и несколько свечей.

— Ты погляди, погань² какая, втихаря чернокнижницей стала.

¹ Левада – приусадебный участок земли с сенокосом, огородом и плодовым садом или другими деревьями.

² Погань – в переводе с латинского, поган человек изменивший или предавший веру.

Но заходить в таком виде и разогнать это собрание казак не решился.

— Господи, в пекарке же старой одежды целый сундук!

Хозяин ломанулся через двор, но у двери остановился. В окне горел свет.

— Да что это за проходной двор! Отбились все от рук! — пробурчал Гаврил.

Заглянув в окно, он аж зарычал. В хате его ненавистный сосед, к которому Гаврила всё время ревновал Клавдию, разделывал на столе сома. Но совсем вывело из себя рыбака то, что сосед куски получше, оглядываясь на дверь, засовывал в торбу.

Дверь резко распахнулась. Илья от неожиданности аж присел, но когда он обернулся и глянул на вошедшего, рухнул на пол без памяти. Разъярённый ревнивец забыл, что он не в шароварах с лампасами, а в одежде водяного. Или, как подумал сосед:

— Утопленник собственной персоной.

Не обращая внимания на соперника, Гаврила ринулся к сундуку и начал в нем рыться. Найдя нужную вещь, содрал с себя повязку и тут на пороге появилась соседка. Видать, втихоря через прясла¹ за сомятиной пришла. Выпрямившись во весь рост, нагой с тинной на голове, хозяин рявкнул:

— Да вы мне дадите покоя нынче али нет!

Со словами:

— О господи! Сам пришёл. Она рухнула рядом с мужем.

Кое-как обрядившись, казак с твёрдым намерением разогнать ночную сходку, направился в курень. Распахнув дверь, казак услышал резанувшие его слух слова:

— Рабу твоему усопшему Гавриилу прощение от прегрешения...

Не веря своим ушам, хозяин как гаркнет:

— Я ещё у вас на поминках спляшу, ведьмы старые!

¹ Прясла – изгородь

То, что сотворилось в курене, описанию не подлежит... Кого водой отливали, кого прямо во двор на воздух вынесли. Как покидали двор соседи, никто не видел. Но торба с сомятиной осталась под столом.

На другой день Гаврилу Ивановичу пришлось долго в правлении оправдываться перед атаманом.

Чернокнижники и гадалки в начале двадцатого столетия предрекали на Дону конец света. Никто в это не верил, но для многих казаков их жизненный век, оказался очень коротким. Волнения рабочих по городам, Японская и Первая мировая войны, про революцию можно и не говорить, сделали своё дело.

Вековые устои в казачьем укладе стали рушиться. В хуторах появилось много вдов, так называемых жалмерок и редко какой казак, явившийся на побывку, не заглядывал к ним на поздний огонёк.

Но наш Гаврила Иванович был исключением. По любви венчаному, ему даже и в голову не приходили такие прегрешения. Казаки в кузне или на мельнице подшучивали:

— Гаврила, ты же ещё молодой, здоровый, красавец казак, а до бабьего дела не мастак.

— Я то мастак, но не ходок. И за вами, кабелями, жабури-нья собирать не буду. Лучше налейте, я выпью за ваше здоровье.

Казаки, народ лихой на поле брани, а в быту без колкостей, без подковырок, шуток и прибауток жить не могут. И если они у кого слабинку почувствуют, заклюют. Гаврил был всем хорош, но не гуляка и поэтому не слезал с языков друзей. И вот поползли слухи зимой, что Гаврила стал похаживать по ночам на гульки. Хутор, это одна дружная семья, и чтобы какой в ней секрет... Быть того не могло. А к кому шастает по ночам казак, никто не знал. Клавдия не раз кумушкам жаловалась:

— Наканится¹ с вечера кобелина, диколоном надушится, бутылку за пазуху и был таков. К утру явится под хмельком. Если слово, он «цыц» и замахивается, а кулак у него тяжёлый. Лучше помолчать. Перебесится.

Казакам же теперь предъявить было нечего, но и в неведении они жить не могли. Подумали они и послали пару молодых юрких парней проследить за гулякой.

Как только затемнело на дворе, Гаврила нарядился, надел полушубок, валенки, напялил на голову папаху, взял бутылку и собрался на улицу.

— Милый, ты куда? — заикнулась жена.

— Скрость, — буркнул муж.

— А когда будешь?

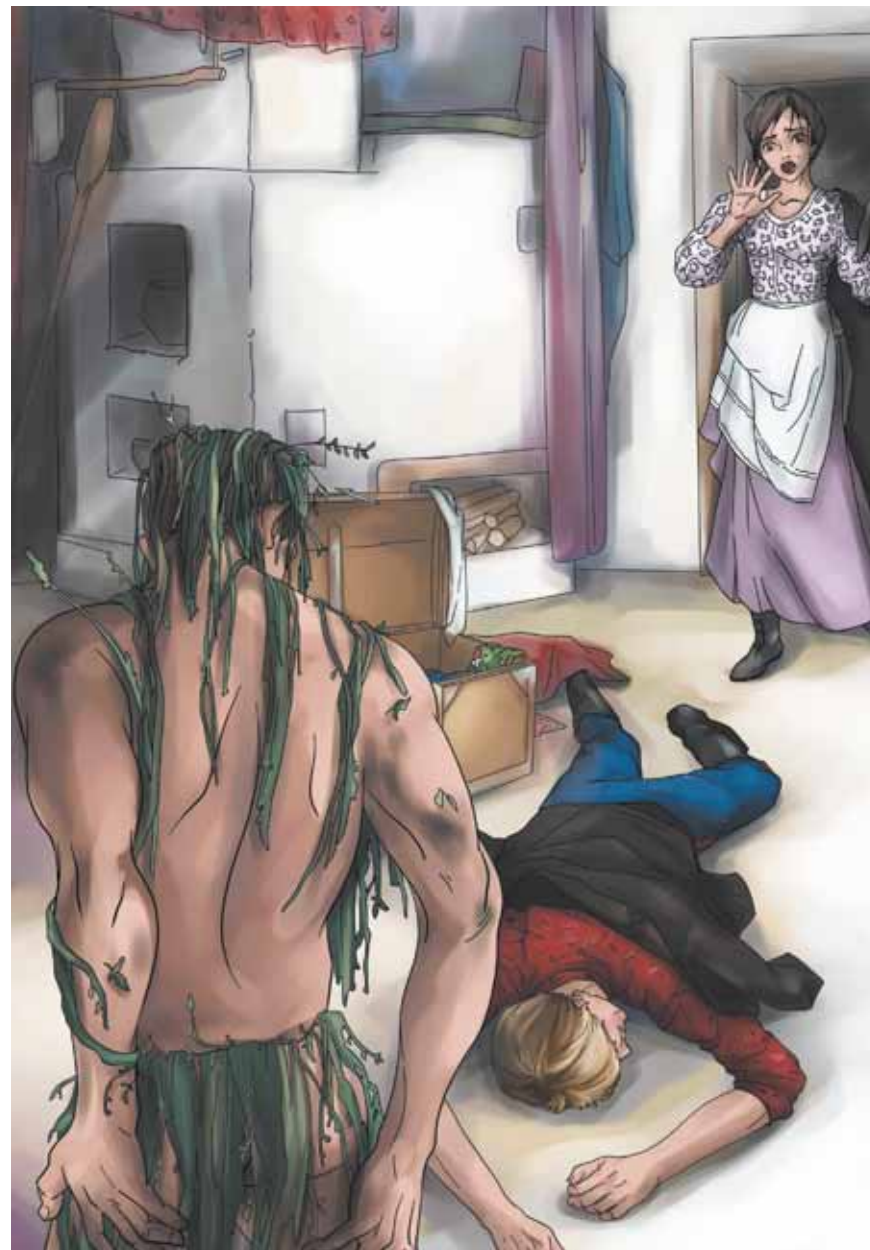
— Нынче! — рявкнул казак и хлопнул дверью.

Казачата проследили за гулякой до места назначения. А утром в кузне, ожидая своей очереди, казаки рвали животы от доклада разведчиков. И решили они жестоко проучить обманщика.

На следующий вечер, в семье всё повторилось. Хлопнув дверью, горе ухажёр, захрустел по морозцу. Дойдя до середины хутора, он повернул вправо по дороге. Поднявшись на Задонскую гору и не доходя до ветряной мельницы, он свернул в заснеженную степь. Еле заметная тропка, привела его к скирде ржаной соломы. Немного постояв и отдышавшись, Гаврила крихтя, в тяжёлой амуниции полез наверх. На вершине снег был расчищен, и казак спрыгнул в готовое логово.

Немного посидев, достал бутылку, зубами вынул пробку, скрученную из газеты и с наслаждением сделал три больших глотка. По жилам побежала благодать. Глубоко вздохнув, казак, отломив кусочек снега, пожевал его.

¹ Наканится — нарядится

В течении часа он опорожнил бутылку и откинувшись на спину, провалился в царствие Бахуса¹, смачно похрапывая. Снился казаку тревожный сон. Будто бы вся степь полыхала огнём, трещало и горело всё кругом. А среди пламени метался старый, матёрый волк, выискивая прогалину, чтобы скрыться в глубоком буераке. А где степь не горела, стояли охотники с ружьями и кричали:

— Ату его, ату.

Сквозь сон пьяный казак почувствовал явственный запах гари. Он проснулся и резко поднялся на ноги. Скирда, где он спрятался от посторонних глаз, со всех сторон полыхала пламенем. Ничего с похмелья не понимая, перепутав явь и сон, Гаврила с широко раскрытыми глазами крутил головой, ища выход. Определив, где меньше полыхало пламя, рванул в ту сторону так, что с его ноги соскочил валенок, который был привязан к большому камню, не весть откуда взявшемуся на скирде. Оторвав со злостью верёвку, Гаврила схватил валенок и, как заяц, скачками пробежал на край скирды и прыгнул вниз на землю. Затем перевернулся через голову и пополз в степь, подальше от опасного места.

Сквозь хруст снега, Гаврила услышал дикий смех и свист толпы. Подняв голову, в свете огня он увидел с дюжину казаков, которые буквально валились с ног от увиденного.

Поняв, что его разыграли товарищи, он встал, отряхнулся и заявил им:

— Я от Клавы не гулял, не гуляю и гулять не буду! Люба она мне! Гордо подняв голову, он пошёл дозарёвывать к милой домой.

На другой день, с утра пораньше, узнав от кумушек куда по ночам шастал муженёк, казачка запорхала как мотылёк над лампой. Состряпала жаркое, запекла рыбки, достала разносо-

¹ Бахус – бог виноградарства и пьяного веселья.

лов из погреба, поставила на стол бутылку и заявила, проснувшись к обеду мужу:

— Милый, ты у меня лучше всех!

Спросонья, ничего не понимающий муж, осторожно потянулся за стаканом. Возражений не последовало. Гаврила выпил и, не успев закусить, был зацелован любимой женой.

На улице казаки больше не подначивали товарища, поверив в его истинную любовь.

Так, помаленьку, жили и не тужили Гаврил Иванович с Клавдией Петровной. Муж, конечно, поменьше тужил, а жена всё больше маялась. Не знала она, как отвадить милого от чёртова зелья.

Прослышала Петровна, что для отворота от зелья, нужно самогон в течении месяца настаивать на курином помёте. Пошла хозяйка в курятник яйца снимать, да и захватила в завеску куриных отходов. Взяла в займы у соседки литр первача, замутила отговорную настойку.

Но больше двух недель не выдержала казачка. Что-то муж зачастил с загулами. Видит, сидят на завалинке Гаврила с соседом Панфилом, маются с похмелья. Пошла, процедила Клавдия настой, выходит из куреня и говорит:

— Чем мне вам, казаки, помочь? Лица на вас нету. И когда вы бросите пить эту гадость?

— Не бурчи, мать, лучше бы опохмелила. Ведь, вроде, весь курень пролезешь, ан нету. А бах, и ты нальёшь. Как будто под подолом ты её прячешь?

— Да бог с тобой, милый. Я то могу опохмелить, если вы пообещаете, что потом не будете хлестать горькую. Стоит у меня за божницей ваше лекарство, намоленное.

— Тю! Мы и сами с соседом подумываем, как же нам бросить пить. Мы на всё согласные.

— Да, да! – поддакнул товарищ.

Не долго думая, зашла Клавдия в курень, вынесла чуть ли не пол четверти «лекарства», но, видать, не первак, мутноватый, и поставила в летнице на стол.

Спустилась в погреб, достала солений, подала краюху хлеба, сало, яичек, луковицу и заявила:

— Похмеляйтесь, лечитесь, а завтра со здоровым видом в новую трезвую жизнь!

Ничего не понимающие товарищи с опаской прошли в летницу за стол и уселись на лавку. Хозяин осторожно вытащил початок и понюхал зелье.

— Ну чё? — не выдержал сосед.

— Да вроде оно. Но почему добровольно и так много, не пойму?

— Бог ей судья. Хорошая у тебя баба. Моя бы нас коромыслом вылечила. Наливай.

Товарищи не встали из-за стола, пока не осушили бутыль. Панфил попробовал уйти домой напрямую, через перелаз. Не получилось. Пришлось не спеша, вкруговую, вдоль забора. Гаврила в хату залез кряхтя на карачках и рухнул на брошенную женой шубу.

— Клава! Клавушка! Проснись, радость, меня контузило. У меня так башку рвёт, аж шрапнель с глаз сыплется.

— Ну, слава богу! Господь услышал, а добрые люди подсказали, как идола от заразы избавить. Теперь в рот не возьмёт и рюмки. Проболеет, да всё наладится, — рассудила счастливая хозяйка.

Пока казачка управлялась по хозяйству, больного как ветром сдуло из дома. Не было его весь день, под вечер явился, ничего не разумея.

— Вылечила мужа! Видать, не настоялось зелье. Правду говорил Михалыч, что выдержка вина, зависит от выдержки винодела.

И опять пошли в семье скандалы.

Подсказала, как-то кума, что в хуторе Демидовском есть бабка Настя. Мимо её куреня хуторяне и скотину-то не гоняют. Лечит от сглаза, комчуг¹, живот вправляет, а ещё она славится заговорами. И если наговорит самогон, то выпивший его раз, больше и рюмки в руки не возьмёт.

Как-то поутру, управляя хозяйство, Гаврил ходил по двору хмурый. Жена смотрела, смотрела на него и напрямую говорит:

— Гаврюша, может, ну их к ляду эти пьянки? Давай я тебя сведу к бабке Насте, она тебя и отвадит.

— Да ты что, милая!? Это жестоко. Ведь она глянет на корову, а у той молоко отбивает. А вдруг она не то заговорит?

Немного подумав, с хитрой улыбкой добавляет:

— Я один боюсь. Отвадь мя вместе с соседом от этого порока.

Жена махнула рукой, пошла принарядилась, взяла у соседки целый штоф первача и пошла в Демидовский, наговаривать его.

Полдня, маялись товарищи в ожидании хозяйки. Только к обеду, как раз пальнула пушка к обедне у Казанской управы, лекарша зашла в калитку.

Увидев исстрадавшихся казаков, заявила:

— Ну что, готовы на жертву?

— Намаялись мы, Клавушка, за всю жизнь с этим пороком. Вылечи нас раз и навсегда. Хотим с трезвыми глазами встретить старость. Да пора и о душе грешной подумать.

Казачка со слезами на глазах, опять выставила бутыль, сбегала за закуской и заявила:

— Пейте от пуза, но в последний раз.

Те переглянулись, хитро улыбнулись, но с серьёзным видом, выдали:

---

¹ Комчуг — недуг

— Клавушка, только на это и надеемся. А чагой-то она с краснинкой?

— У соседки чистой не было, она и дала настоя на зверобое, — улыбаясь заявила Клавдия, зная, что знахарка в самогонку чего-то плеснула.

Веселей застолья, чем это, у товарищей давно не было. Потому что зашёл на шум-гам ещё один сосед, с гармошкой и бутылкой казёнки. От души навеселившись, на вспоминаясь службу и молодость, казаки затемно разошлись по домам.

Зайдя в курень, счастливо улыбаясь, Гаврила обнял жену и поцеловав в щёку, прошептал ей на ушко:

— Какая ты у меня, милая, понимающая. Подлечила, товарищей угостила и слова компании плохого не сказала. За это ты мне и любя.

— Хватит уж расхваливать, попей молочка и спать иди.

Средь ночи с нечеловеческим рёвом Гаврила вскочил с кровати и в одних портках вылетел на улицу. Вернувшись в хату, казак сел на лавку возле двери.

— Что с тобой? Не заболел ли?

— Клава, мне всю ночь ведьмы снились. Поймали они меня, и ну ножом живот резать. Проснулся, а у меня такая боль в животе, как будто турок пику засадил. Я до ветру...

— И чего?

— Да ничего! До нужника не успел добежать.

— Это ты ел, чёрт-те чё, а потом на ночь молока попил.

— Не знаю! — с рёвом казак опять выскочил на улицу.

Махнув рукой, жена пошла спать. Утром, взяв подойник, она вышла на крыльцо. Муж, сгорбившись, в одних подштаниках сидел на порошках.

— Гаврила, ты чего в такую рань?

— А ни хрена ничего! Как только смогу, зайду в леваду, вырублю осиновый кол и в Демидов пойду. А пока я и до нужника не успеваю добежать. Ты там по тропке осторожней.

Три дня три соседа маялись животами. Об одном упоминании о похмелье, они уже летели в лопухи, какие поближе. У Гаврилы не только живот до спины провалился, у него и глаза завалились так, что за насунувшимися бровями их было не видеть. Уже напуганная Клавдия чего только не делала. И яйца в крутую варила и кору дуба оттапливала. Но, чтоб больной ни съел или ни выпил, всё было против него.

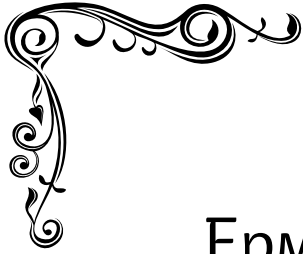
Клавдия лишь посоветовала:

— Милый, может стопочку самогона с солью и всё завяжется?

От одного только упоминания о зелье казак галопом, как конь, поскакал за амбар, куда поближе.

Кое-как Гаврила пришёл в себя. Но на улицу ещё боялся выходить, дабы не осрамиться. С тех пор три соседа зажили новой жизнью, увидев в этом свою прелесть. Трижды проклятую бабку Настю решили не убивать. Уже смеясь над собой, говорили:

— Сами виноваты, не нужно было наговоренную самогонку с казёнкой мешать.

Ермоха гушегуб

А началась эта история с прялки...

Прялки знакомы человечеству со времен Древнего Рима, но такой глубокий и местами мифический смысл приобрели они только в России. В давние времена каждая женщина должна была уметь прясть – неважно, в бедной или богатой семье она родилась. С осени до Великого Поста при лучине с тихой песней пряжи сидели за работой до полуночи, называя своих кормилец ласково – «пряслице».

Вырезанные настоящим мастером, прялки никогда не повторяли друг дружку. Каждая из них – это эксклюзивное изделие, украшенное различными узорами. Донца вырезали из осины или липы, гребень делали из твёрдых пород, чаще всего из клёна, ну а веретено было берёзовым.

В 1530 году Юргенс из Брауншвейга изобрёл прялку с ножным приводом, при котором обе руки могли заниматься пряжей. Прялку стали называть самопрялкой. Она позволяла сделать вытягивание, скручивание и наматывание нити. Последние две операции были в какой-то степени механизированы, но всё-таки вручную приходилось делать частичное закручивание. И только в 1735 году механик Диллиант Уайт изобрёл вытяжной механизм который, наконец, заменил женские руки.

Жизнь донских казачек с ранних лет связывалась с прядением и его атрибутами. С 5–6 лет девочку начинали учить прясть и ей впервые разрешали спрясть нитку из грубой шерсти или очёсов. К моменту достижения совершеннолетия девушки полностью осваивали это мастерство и становились ис-

кусными пряжами, что, по народным представлениям, предсказывало счастливую любовь и замужество. Нарядную прялку мастерил добрый молодец в подарок своей невесте, дарил на память муж жене, отец дочери. Каждый мастер вносил свою неповторимую изюминку в изделие. На Верхнем Дону таких мастеров было мало. Ведь казак не сеял не пахал, а только шашкою махал. А уж до изготовления прялок руки у него никогда не доходили.

Ближайшее место, где можно было купить хорошую прялку в конце XIX века в этих местах, была Калачеевская слобода Воронежской губернии.

К 1880 году в станицу Казанскую стали возвращаться казаки с последней Турецкой войны. Все они были при орденах и медалях с нашивками на папахах за боевые заслуги в баталиях. Царь на награды не скупился.

Среди вернувшихся служивых был и Захар Щербуняев, по кличке «Коловерть». Он был роста не великого, чуть более двух аршин¹. Но в бою успевал как своих турок порубать, так и товарищам помочь, больно был гибким и вертлявым.

А ещё его товарищи любили за то, что он мог любого уболтать, заговорить, как говорится раздобыть даже у чёрта в преисподней кипятка на чай.

Золотишка привёз с войны Захар в достатке. Прямо над Доном срубил себе курень.

Как-то сели они с матерью на крыльцо полудновать², чай погонять, Прасковья Ивановна и ну сына пилить:

— Захарушка, а Захарушка, не любишь ты свою мать. Не даёшь ты ей на старости лет унуков попестать, да со снохой по бабским делам посекретничать. Может быть, мне это и годы бы продлило. А то уж и мочи нету так жить.

¹ Аршин – старорусская единица измерения длины. 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

² Полудновать-поест в полдень.

— Маманя, да я же с радостью, да никто мне не люб.

— Да как можно Пашу – дочку Зотовых не полюбить!? Чисто лазоревый цветок. А хозяйка-то какая! Всё у неё под руками горит. Куличом вон угостит, и я с пальцами готова его съесть.

— Маманя, да ты что? Ведь мала она ещё. А мне вон три десятка годков.

— Вот, дурень! Казаку только тридцать, а казачке – уже семнадцать. В самый раз, а то пересидит в девках.

— Да она меня выше на полголовы.

— Ничего, кровать обоих подравняет, – рубанула казачка.

Девушка давно приглянулась Захару, поэтому он отнекивался неохотно:

— Из уважения к тебе маманя, я бы, конечно, женился. Так Прасковья на улице не ходит. А в церкви, как-то не с руки начать ухаживать.

— Эх ты, вояка. Хороший ухажёр её давно бы из куреня спёр. Ладно, я сама с Никитичной всё обстрипаю. С казачатами Зотовым не повезло, одни девки народились. Всем надо сундук на выдан собрать. А нам их приданное не надобно. Нам хозяйка в дом нужна, своего добра хватает.

На самом деле, всё оказалось проще пареной репы.

Прасковье давно приглянулся ухватистый, вертлявый казак, у которого всё в руках горело. Да и в почёте он был в станице. Никто дурного слова в его адрес молвить не мог. И Ольга Никитична вздохнула с облегчением, когда соседка намекнула, что невесту готовы забрать, хоть в исподней рубахе, на первой же ярмарке всё справиться, не хуже чем у людей.

Хозяин, Яков Петрович, в бабьи дела не лез. Мол сама, девок навела в дом, сама их и определяй по людям.

До Покрова дня со свадьбой решили не тянуть. Сразу после третьего Спаса венчали молодых в храме во имя Архистратига Михаила в станице Казанской. Всё прошло торжественно

и помпезно. После, как водится, три дня гуляли разудалую казачью свадьбу с бурным похмельем прямо на берегу Дона.

Немного насытившись счастьем, и придя в себя после сладких медовых ночей, счастливый казак заявил:

— Пашенька, в первое же воскресенье идём на ярмарку, я тебя разодену, как царицу, в парчу и бархат.

— Нет, Захарушка, не нужны мне ни шелка, ни бархат. Мне милее ситец и сатин. Купи мне, пожалуйста, на свадебный подарок прялку новомодную, которая сама и прядёт, и пряжу сучит. Такие сейчас в слободе на ярмарке продаются. Я к зиме пряжи напяду, да вам с маменькой варежки и носочки свяжу, чтоб не застудились.

Убила наповал казака жены простота и забота о нём, а не о себе. Другая бы верхом села на мужа, и ну галопом в торговые ряды, прибарахлиться.

Вечером в субботу засобирался казак на ярмарку.

— Пашенька, ты мне отвари картошечки, да яичек в харчишки. Луковицу положи, сальца поболе. Я хоть и мал как золотник, но люблю поесть, как бык.

— Да на твою дневную колготу, милый, иному и быка мало будет на обед. Неуёмный ты у меня во всём, – зардевшись проронила жена.

Довольный похвалой, Захар пошёл готовить коня и сбрую. Оружие он решил не брать. Времена были тихие. Да и редко кто на казачье добро мог позариться.хлопотно это. Станичники потом обидчика из-под земли достанут, чтоб другим неповадно было.

Запахнув снедь в перемётную суму, решил казак ехать в ночь. Дорогу он знал хорошо, не раз езживал и верхом, и на телеге. Тракт из Москвы на Кавказ через станицу Казанскую был проторен давно. Дорога была накатана, наезжена, местами брусчатка, мосты исправны.

— Хотя в один край вёрст семьдесят будет, обыденкой¹ вернусь, — подумал Захар.

— Милый, раз тебе не терпится ехать, будь аккуратен. Береги себя. Я уж и не рада, что обременила тебя своим капризом. Уж руки чешутся напрясть себе пряжи на пуховую шаль. Да и окупит ли она себя, дороговизна-то какая.

— Любимая, всё будет хорошо, а за деньги не беспокойся, это тебе мой подарок.

Расцеловав жену, Захар легко вскочил в седло. Дончак, перемахнув через прясло², полетел к Кукуевой балке на шлях.

Прогрев коня, казак перевёл его на рысь. Он сильно не то-ропился, знал, что поспекает. Ехал, рассуждая об удачной женитьбе, о жизни и о том, как ему сделать её ещё слаще. В лицо повеяло холодком и потянуло сыростью.

— О, господи! Да это же Ермохина падина.

Казак похлопал себе по боку, шашка осталась дома. Станичник покрепче сжал нагайку и, пригнувшись к гриве, пустил коня галопом. Кованные копыта застучали по настилу моста, через гать.

Это была уже не Донская степь, не казацкая земля, а Воронежская Губерния. Эти земли Пётр I отжал у казаков во времена Булавинского восстания.

— Ну, кто старое помянет, тому одноглазым ходить, — одной стремительной мыслью промелькнуло в голове казака.

Проскочив мост, конь прошёлся с версту галопом и пошёл рысью по песку.

— Вот и славно, проскочил гиблое место. Это мужики страху нагнали про Ермоху, который их на мосту потрошил. Правда ни разу казаков не трогал разбойник, побаивался, — размышлял Захар.

¹ Обыденкой — одним днём.

² Прясло — изгородь.

Кликать Ермоху «душегубом» стали, когда он зарезал возвращающегося с Казанской ярмарки купчишку, прихватив всё его добро. Тогда власти и объявили за поимку разбойника награду серебром. Денег этих никто не хотел, так как Ермоха был роста невероятного, а ума копеечного. Мог любого зашибить за понюшку¹ табака.

Отшельники, жившие в дремучих лесах вдоль Дона, прятали разбойника, поэтому был он и неуловим. А казакам не к чему его было ловить. Не их это была земля, и пакости разбойник творил не у них.

Солнце уже припекало в спину, когда Захар, через Заброд въехал в Калачеевскую слободу. Ярмарка была в разгаре. Спешившись, и ведя коня в поводу, он пошёл к ремесленным рядам.

Прялок на прилавке стояло с дюжину². Товар был ходовой. Бабы тут же натягивали струны, пряли пряжу и ухватив подмышку, уносили домой. Мужики степенно рассчитывались.

Окрашены изделия были в основном в коричневый цвет. Были и не окрашенные, но дешевле. Захару же бросилась в глаза прялка, разукрашенная всеми цветами радуги, с резным колесом и фигурным винтом. Это была мечта любой женщины, но она была несбыточной. За эту прялку мастер просил на пол цены выше других.

Заметив жадный взгляд казака, ремесленник насел на покупателя.

— Бери, казак, не прогадаешь. И настроена она, и налажена. И тонкую нить тянет. Запасную цевку дам в придачу.

— Вот ты интересный, мил-человек. Зачем в доме три прялки? У матери есть, жена приволокла с приданным. Купить да на полати забросить. Пусть себе мыши прядут да варежки вяжут? Да и цена!? От её красоты теплее чулки не станут.

— Да ты прав, казак. Её я дочке своей любимой мастерил, да съела её чахотка. Вот и вынес, чтоб не напоминала она о

¹ Понюшка — щепотка.

² Дюжина — это мера, равная 12.

ней. Давай я скину тебе до цены хорошей прялки и бери не торгуясь. Не пожалеешь, поверь старику.

— Ну раз для себя делал, возьму.

Казак вытащил гаманок¹ с монетами и, отсчитав запрашиваемую цену, протянул мастеру. Взяв прялку в руки, он ошарашенно глянул на старика:

— А из чего она стругана? Весу в ней нету!

— Да у тож. Липу морил, да сушил не один год.

— И вправду, ладная вещь для жены, — обрадовался Захар.

Упрятал казак прялку в чувал, приторочил к седлу и поехал домой.

К обеду путника совсем сморило. Свернул он к речке Толучеевке, напоил коня, сам немного перекусил и улёгся в лодке придремнуть. И снится ему сон, как его жена обнимает и целует за знатный подарок. Нежно дышит в ушко и шёпотом объясняется в любви. Потянулся Захар, обнял крепко жену, а она как захрапит. Открыл глаза Захар и засмеялся. Обнимал он за морду своего коня, который пытался его разбудить. Оглянулся он вокруг, а солнце уж на закат катилось. Чертыхнулся усы казак, перекрестился и вскочив на коня, поскакал на родную сторонку.

Подъезжал путник к проклятому мосту уже за полночь. Луна еле-еле пробивала сквозь тучи. Но Захар рассмотрел посреди моста коня без всадника. Сжав покрепче нагайку, он поехал не спеша вперёд. Только конь вступил на мост, тут же казака прошибла боль в затылке. Отключилась у него память напрочь. Провалился он в преисподнюю, и заволочла глаза тьма кромешная.

Долго ли, коротко ли был Захар без памяти, бог его знает. А когда пришло к нему сознание, то увидел он в густом лесу костёр яркий, а рядом сидит чудище огромное и смотрит на него.

¹ Гаманок - кошелек.

— Что казак смотришь, аль не признал гость, хозяина? — засмеялся мужик.

— Да как мне тебя не признать, Ермоха? Слух о тебе прошёл и по степи Донской. Да только нарушил ты завет, тронул казака. Теперь мои братья, будут тебя искать днём и ночью. На земле и под землёй. На воде и под водой. И не будет тебе спасу.

— А ты меня, казак, не пугай. Пуганый я. Мне твой конь нужен. Решил я покинуть эти края, а добра много набралось. Вон, баулов сколько. На одного коня не увяжешь. Вот тебя здесь прикопаю и в путь тронусь на Рязанщину. Зазноба у меня там живёт.

— Это хорошо, что тебя кто-то ждёт. Вот меня молодая жена ждёт. Харчей мне в дорогу собрала. А мне так хочется перед смертью поесть, аж мочи нету. Что тебе стоит исполнить последнюю волю, это ж святое. Там, в перемётной суме, узелок. Подай его мне. Руки ноги у меня связаны, куда ж я денусь?

Позабавила душегуба просьба казака. Достал он узелок и подал пленнику.

Тот зубами развязал узел. Руки были связаны спереди. Разложил он снедь и стал с аппетитом есть. А сало было в четыре пальца, с прослойками, порезано большими кусками.

— Ох, и вкусное сало! Как мёд. Мамаля его в луковой шелухе с чесночком отварила, чтоб помягче было. А ещё в рассол добавила немного семян укропа. Ох и сало вкусное! — приговаривал Захар.

Разбойник сидел у костра, большим ножом подвигая головешки. От соблазна у него аж кадык заходил.

— А вот ты такого сала не ел. Его мужики так готовить не могут. На Дону этот рецепт в секрете держат. Такое сало придаёт путнику и воину двойную силу. Да и потом два дня есть не хочется. А в рассол ещё особые корешки кидаются, девясилом называются. Девять сил. Да ты не скромничай, угостись, я не жадный. Да одному и много. Да и не к чему мне на том свете и сила, и выносливость.

Не выдержал Ермоха, присел на колени возле казачьего стола. Наштрыкнул кусок побольше, раскрыл свой поганый рот, и хотел зубами с ножа сало снять. Но не тут-то было. Захар сжался, как пружина и резко выпрямился, как струна. Его две связанные руки, так ударили по руке с ножом злодея, что лезвие вместе с салом по рукоять вошло в рот. Душегуб посмотрел выпученными глазами на казака и рухнул лицом на нарезанные куски сала. Лезвие ножа вышло из затылка на четверть. Протянув руки, казак о нос ножа разрезал верёвку и развязал свои ноги.

— Ну что, Ермоха? Напакостил Феофану, аж самому стало погано? — повторил в очередной раз свою любимую поговорку Захар.

Он не спеша увязал баулы и труп разбойника на коней, по звёздам определил, в каком направлении ехать, и тронулся в путь.

С утра у атаманской управы народу собралось невидимо. По станице разнеслась весть: «Захар «Коловерть» избавил люд честной от разбойника и душегуба».

В это время на своём подворье Прасковья, обнимая любимого мужа, приговаривала:

— Захарушка! Как хорошо, что ты меня не послушал. Не стал эту дурацкую прялку покупать, а купил ещё одну лошадь в хозяйство.

Захар улыбнувшись, достал поклажу и вытащил из мешка прялку.

Казачка ахнула и ухватилось за сердце:

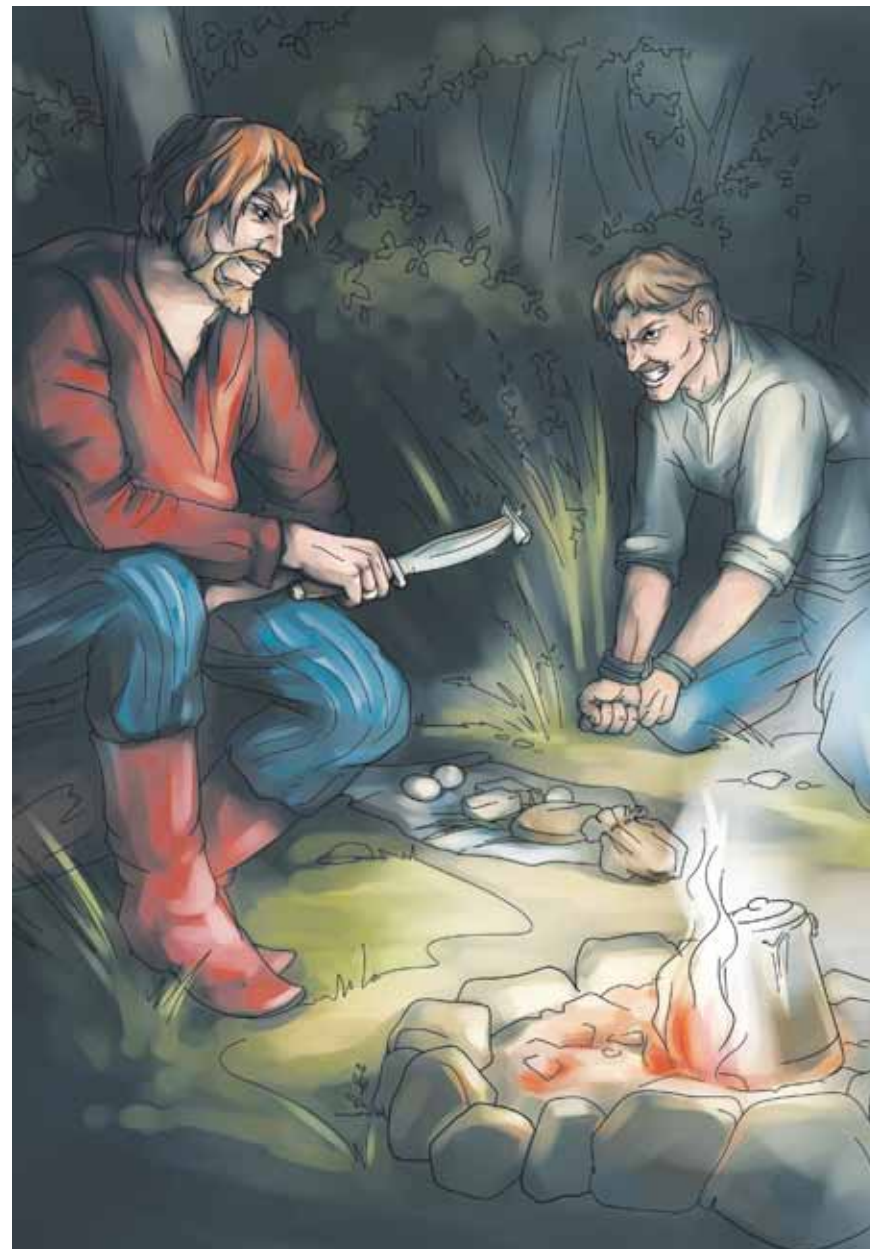
— О, боже! Какое чудо! Во всём юрту похожей и не сыщешь. Как ты истратился?!

— Да не сеяты¹ ты, милая. Лошадь я не покупал. Атаман мне отдал её в виде трофея. Да ещё серебра в придачу.

— За что!?

— За Ермоху-разбойника! Хватит меня расспросами кормить, пошли лучше мне шей нальёшь, а то два дня одним салом питаюсь, уж поперёк горла оно стоит.

¹ Не сеяты — не спеши.

Дикое поле

Суть этой байки мне рассказал любитель «старины глубокой» Шкурин Геннадий. Как она дошла до наших дней с Ордынского периода, непонятно. А может её кто-то уже записывал? Но я тогда попытаюсь ей создать свой художественный образ.

Так вот, в начале XIII века в Донскую степь вторглись кочевые племена монголо-татар. Сильных племён степняков в те времена не было и кочевавшие по степи воины влились в войско Великого хана.

Казаки же жили разрозненно, в основном охраняя броды на реках. Но татары заранее изучили казачью натуру и знали, что если обидеть хоть одного казака, то получишь большие неприятности от них по всей степи. Короче, спать тогда не придётся. Посему казаки жили мирно, занимаясь охотой, рыбалкой. Но основное их призвание было – помахать сабелькой в чистом поле. Разумеется, они это делали небескорыстно.

В те золотые для Орды времена возвращался из похода на Русь хан Хусан. Шел он Кальмиусской сакмой¹ через Дон, на юг. Переправив войско на Кукуевом броде, хан разбил свой стан на высоком правом берегу великой реки. Вышел он на кручу, и открылась ему завораживающая душу картина.

По берегам полноводной реки были густые дубравы, а дальше раскинула свои крылья степь бескрайняя. У этой сте-

¹ Кальмиусская сакма — один из основных путей (шлях, сакма), использовавшийся преимущественно ногайцами при набегах на Русь.

пи чувствовалась живая, обворожительная душа. Она не стояла на месте, а колыхалась ковылями на ветру под звон кузнечиков да песнь жаворонков. Запах в степи стоял терпкий, горьковато-сладкий. Здесь, бередя сердце, даже полынь пахла, словно роза. А за чабрец и говорить не приходилось.

И принял хан решение остаться в этом раю. Наложённый им в походе ясак¹, давал возможность его роду безбедно радоваться жизни. А нукеры² будут заниматься скотоводством и торговать лошадьми.

У хана был сын, восьми лет от роду, Азат. Парнишка, как узнал, что они остаются на берегу великой реки, кинулся отцу на шею и расцеловал его, нарушая все рамки приличия. Он пропадал в степи или на Дону целыми днями.

На Кукуевом броде жило несколько казачьих семей, которые на каюках и плотах, за умеренную плату, переправляли странников.

У лихого казака Ивана Разгуляя был единственный сын Митяй, ровесник ханскому наследнику.

На дворе был полдень. Стояла звенящая, июльская жара. На улице не было ни души. Иван, закрывая оболонки куреня, крикнул:

— Митька!? А Митька!? Ты куды, пастрел, сгинул? А ну, подь сюды, немедля.

Нехотя, из-под амбара задом, как жук, выполз малец. Из одежды на нём были только большие не по росту, старые, затёртые шаровары.

Он больше был бы похож на бродягу, чем на казачонка, если бы не залихватский кудрявый чуб, да голубые глаза с хитрым прищуром.

¹ Ясак – на языке монгольских и тюркских племён обозначает дань.

² Нукер – дружинник.

— Ну чего тебе, батяня, надобно? Сам вон оболонки закрываешь, да пол небось побрызгал студёной водичкой и завалишься спать, а меня в пекло куда-то посылаешь.

— Ах, ты жа аболтус! Отца вздумал в лежебокстве попрекнуть!

Иван безумно любил сынишку, растил его без жены, многое позволяя.

— А ну, подь на переправу, да поглядай там. Вдруг путник от русичей будет ехать, деньгу с тобой зашибём.

— Ладно, пойду, хочь искупаюсь маленько.

До черноты обгорелый парнишка, нырнув под руку отца, побежал под гору, к реке. Дон в этом месте был мелким, коню пузо не намочишь, лишь посреди реки было глубоко, быстрина повыбила ямы. И, не зная брода, никто здесь не совался без Разгуляя в воду.

Скорее для порядка, чем из боязни кого-то увидеть, парень огляделся по сторонам и, на ходу сбрасывая шаровары, как чирок нырнул под воду.

Иван хвалился умением сына, плавать как рыба:

— У меня Аксютка Митяя прям в Дону родила, он сразу и поплыл.

Вынырнув в очередной раз из воды, парень с криком отпрыгнул в сторону. С горы на всём скаку в воду залетел полыхнувшийся конь с юным седоком на спине, крепко вцепившимся в гриву. Прыжками конь доскакал до середины Дона и, попав в промоину, с головой ушёл под воду.

Испугавшись глубины, наездник отпустил гриву и выплыл на поверхность. Стёганый халат, набравшись водой, стал его тянуть назад, на дно. С широко раскрытыми, не по-татарски, глазами он кричал и барахтался в воде, жадно глотая пополам с водою воздух.

Не раздумывая, Митяй ринулся на помощь. Подплыв, первое что он сделал, это поднырнул, развязал пояс на халате и помог его стянуть. Шаровары, наоборот, не выпускали воздух и держали парня на плаву. Схватив сзади за исподнюю рубашку, Митяй изо всех сил старался выплыть на отмель. Накупавшись до синевы губ, дети выбрались на песчаный берег и попадали, обессилев. Только теперь они стали рассматривать друг друга.

— Ты кто? — придя в себя первым, спросил казачок.

— Я, Азат! Старший сын хана Хусана, который повелевает этими землями. И тобой тоже!

— Может, хан и повелевает какими-нибудь землями, но мною точно нет. Я вольный казак, Митяй Разгуляй! Отец говорит, что ветром в поле нельзя повелевать и управлять им. От него можно только прятаться. А казак — это вольный ветер в Диком поле.

— Так ты — казак? Ну тогда точно он тобой не повелевает. Это и хорошо. С тобой можно будет дружить, а то у меня нет друзей. А ты верным другом будешь. Не испугался реки, вытащил меня.

— Да ладно тебе. Так бы сделал каждый. Ведь ты живая душа.

— Не знаю. Я бы не смог. Ведь я плавать не умею.

— А я тебя научу.

Успокоившийся конь стоял на мелководе, лениво отмахиваясь хвостом от назойливых оводов. Митяй взял коня под уздцы и помог своему новому товарищу взобраться на него.

Вечером Иван, сидя на пеньке под навесом, менял порвавшуюся подпругу на седле. Митяй строгал себе новое кнутовище. Коня отец ему давал только к речке свести попить да покупать его. Так что кнутом приходилось хлопать только по лопухам.

За двором раздался конский топот и блеяние овец. Ханский табунщик верхом въехал во двор и, обращаясь к хозяину, склонив голову, произнёс неспешно речь:

— Уважаемый Иван! Хан прислал тебе подарок и велел поблагодарить за сына.

С этими словами он махнул рукой, и во двор загнали с дюжину овец и завели молодого жеребчика. Слуга к порогу положил новое седло и уздечку, разукрашенную медной кониной.

— Эй, брат, ты, наверное, хатой ошибся? У меня сын, конечно, хороший, но не до такой же степени, чтобы хан его уважал.

Но непрощенные гости, откланявшись, вышли со двора.

— Митяй, а ну, поведай отцу, что ты ещё натворил?

— Да ничего, батя, я не делал. Ты же сам меня на брод послал, а там я ханского сына из воды вытащил. Давай лучше подарки делить. Тебе отару овец, а мне коня со сбруей.

— Ну нет, сынок! Тебе овец подарили, вот ты их и паси на своём коне, а у отца седло состарилось, вот чиню.

— Ну, хорошо. Мне коня и узду, тебе седло взамен старого, а овец поровну.

Довольный сделкой, отец обнял сына.

— Умным ты, однако, казаком растёшь, сын.

У Митяя началась новая жизнь. Он под предлогом, что пасёт овец, скакал по степи наперегонки с Азатом. А ещё они просто падали в ковыль и мечтали, как вырастут и пойдут вместе воевать.

Степь для них стала и колыбелью, и периной, и матерью родной, которая всегда своего сына и предупредит об опасности, и укроет, и накормит, и спать уложит.

Хану было не до Азата, у него родился последушек от любимой молодой жены.

Если старшего звали Азатом, что означает – благородный, то младшего нарекли Сагитом, что подразумевает – счастье.

Счастье на излёте лет – дар божий. Ведь, с годами многие прелести жизни уходят. Ты не можешь наравне с молодыми сражаться в бою и лихо на скаку сорвать цветок для любимой. Годы пролетели, как вольный ветер по степи. У кого забрав последние силы, а кого наградив могучим здоровьем.

Минуло пятнадцать лет. Как бы ни старался старый хан держать Сагита возле себя, парень убежал к старшему брату и буквально путался у него под ногами. Азат безумно любил своего брата. Баловал его, хотя у самого уже рос сын.

Однажды, когда дети прискакали из степи с прогулки, отец пригласил старшего сына к себе в юрту.

— Азат, ты уже у меня взрослый джигит и пора тебе жить самостоятельно. Сагит подрастает, скоро заменит меня, не мощного старика. Ты же бери с собой нукеров, семью и поезжай в моё ханство, которое расположено возле гор, на юге. Там у меня есть и табуны лошадей, и другой много живности. За всем присматривает наместник.

Оборвалось что-то в груди у парня, появилась в душе сильная злость на всех и обида. Не хотел он уезжать из любимой степи на чужбину. Но воля отца превыше всего. В тот же день собрался он и, не попрощавшись ни с кем, уехал.

На другой день Сагит зашёл к отцу и, склонив голову, поздоровавшись спросил:

— Отец, а куда ты отослал брата? Надолго он уехал, почему ничего мне не сказал?

— Сын, ты у меня уже взрослый, тебе скоро исполнится шестнадцать лет. Ты меня сменишь и будешь управлять моим войском и народам.

— Отец, а почему ты не оставил наследником старшего сына? Он взрослее и умнее меня.

— Азату я отдал другое ханство, он будет править там!

Вышел парень из юрты со слезами на глазах. Не хотел он ни власти, ни славы. Он хотел, чтобы брат был рядом, как раньше. А сейчас некому доверять свои секреты, не у кого спросить совета. Никто тебя по братски за плечи не обнимет. Затосковал Сагит не на шутку.

Прошло несколько месяцев, а парень по брату скучал и тосковал всё сильнее. Перестал он в степь выезжать, не выходил из своей юрты. Понял хан, что неправильно он поступил, и решил сделать подарок любимому сыну. Послал Хусан гонца за старшим братом. Но обиженный сын не принял приглашение, разорвал он письмо, не прочитав, и выгнал гонцов прочь. Теперь уже затаил обиду на сына и отца.

Так минул год. Хотя и прекрасна была предгорная степь, но не ложилась она на душу Азата. Птицы пели не так, травы пахли по-другому, не ассоциируя с воспоминаниями из его детства и юности. Но он твёрдо решил остаться жить здесь.

Ушла и из жизни хана вся её радость и прелесть. Не радовала его глаз ни степь Донская, ни жена молодая. И к последышу он охладел. Принял свою смерть хан без особого сожаления.

Сменил на троне Сагит своего отца, но его жизнь не стала от этого краше. Тоска по брату и несправедливость отца съедали его душу.

К семнадцати годам у молодого хана была жена и несколько наложниц. Но и они не радовали его своей красотой. Стали в стане поговаривать, что из земель русичей какой-то князь отдаёт в жёны молодому хану свою дочь, в знак примирения.

В степи стоял знойный полдень. В ушах звенело от нестерпимой жары. Лишь слабое дуновение ветерка колыhalo и переливало золотистыми волнами просторы ковыля. Но от этого было ещё неуютней. Словно из раскалённой печи тебя обдавало жаром.

Округа стала наполняться гулом. Это большой ханский табун лошадей гнали на водопой. Заворачивая лошадей на стойло, молодой отарщик в казачьей одежде лихо гарцевал на вороном коне.

Так повелось в степи, если табуны пасли казаки, то это отарщики, а если степняки, то это табунщики.

С косогора кони лавой вошли в воду, подталкивая грудью передних, чтобы поглубже окунуться в живительную прохладу. Попустив поводья, казак, а это был никто иной как Митяй Разгуляй, позволил коню напиться.

По пологому левому берегу к броду, который был рядом со стойлом, ехала карета, запряжённая четырьмя лошадьми, с сопровождающим эскортом. Карета была сделана на русский лад, а вот охрана была из татар. Подъехав ближе, грузный воин стал объяснять вознице, как подъехать к броду, и где нужно подождать бродника¹.

Но загнанные лошади, не дождавшись команды, рванулись в воду. Высоко поднимая брызги, они шли на прямую, не слушаясь вожжей. Вот уже коренные, подталкиваемые ведомыми лошадьми, поплыли по реке.

Карета стала заваливаться на левый бок и поплыла по течению вслед за лошадьми. Правая дверь кареты распахнулась, и из неё попыталась выбраться женщина зрелого возраста. Она буквально вывалилась, подталкиваемая кем-то сзади, прямо в воду.

Спутница, молодая, красивая и статная девушка сама высочила из кареты и прыгнула в воду. Она вертела головой разыскивая женщину, которая верещала и держалась на плаву, только благодаря широким юбкам, но постепенно уходила под

¹ Бродники – или "бродницы" и "бронники" (в летописи) – по толкованию В. Н. Татищева, люди поселенные на Дону для показания бродов и переходов, принадлежащие к русскому племени и исповедующие христианскую религию.

воду. Девушка же, наоборот, хорошо держалась на воде, но намокший наряд затруднял её движения.

Не раздумывая, Митяй прыгнул в воду, подплыл к девушке и, ухватив её сзади за талию, поплыл к берегу.

— Дурень! Да не меня спасай, а плыви за тётушкой Марфой, она плавать не умеет.

Но, не слушая, казак вытащил девушку на отмель, затем нырнул в быстрину. С тётушкой пришлось повозиться подольше. Болтая руками и ногами, она не столько помогала, сколько мешала спасителю.

Причалить пришлось в заросли чакана¹. Митяй одной рукой прокладывал путь в зелёных дебрях, а второй буквально тащил «тётушку». Выбравшись на берег, парень стащил с себя рубаху и стал её отжимать.

Женщина не могла нарадоваться своему спасению. Как из рога изобилия, лились слова благодарности из её уст.

— Тётушка, вы живы!? Слава богу! А то я думала, что в одиночестве буду век вековать среди этих дикарей.

С этими словами она посмотрела на спасителя. На медной от загара спине парня заиграли мышцы, и он обернулся. От взгляда его голубых глаз ноги у девушки подкосились, и она, ища опоры рукой, присела на траву рядом с «тётушкой».

— Меня ещё никто в жизни не называл дикарём, я – вольный казак!

— Казак!? Мне придворные говорили, что кочевники – дикари, а казаки на Дону – кровожадные. А ты нас обеих спас...

Она не могла подобрать слов. Перед ней по пояс голый стоял настоящий казак. Грудь, словно точёная из камня, буйный чуб свисал на левый бок. Глаза, синь небесная, молодецкие усы прятали ехидную, не злую улыбку.

У девушки подкатил ком к горлу, ей стало трудно дышать, а сердце выпрыгивало из груди. Но самое страшное и постыд-

¹ Чакан – многолетнее земноводное травянистое растение; вид рода Рогоз.

ное было то, что она хотела оказаться в безграничной власти этого красавца.

— Да..., хороша, — нагло заявил казак.

— Хороша Маша, да не ваша, — резанула та в ответ.

— Ну это на Руси так, а у нас тут всё по-другому. Вы куда путь держите?

— К хану Сагиту... В жёны меня нарекли ему. Через пару месяцев, как обычаи да язык выучу, так и пройдёт обряд. А пока я буду гостьей его.

— Ну, что ж. Учи обряды, язык. Тебе это пригодится. А женой ты моей будешь. Больно любя ты мне.

От таких слов девушку с головы до ног обдало жаром. Она и слова не смогла сказать.

— Вот и хорошо. Вижу, что согласная.

С этими словами казак надел рубаху и лихо свистнул. Перед ним явился невесть откуда конь, на которого он взлетел, не касаясь стремян.

— До встречи, красавица!

За день до этого случая, хан объявил по степи, что тот, кто ему вернёт брата, получит столько злата, сколько унесёт. Но смельчаков не нашлось, зная крутой нором Азата.

Хан отказался от обеда и пил только чай. В семье было принято пить зелёный китайский чай, с молоком и солью. Но брат научил его пить степной чай с чабрецом, душицей, липой, сдобренного сушёными ягодами земляники. Причём чабрец должен быть не с песков, не из подлесков, а с меловых гор, которые шли по правому берегу Дона. Эта трава питалась только утренней росой и приятно отдавала лимонником.

— Ваша светлость, к Вам посетитель пришёл, — низко кланяясь, зашёл слуга в юрту.

— Я никого не хочу видеть!

Пятясь в поклоне к выходу, слуга набравшись смелости, добавил:

— Он собрался к Вашему брату.

Резко поставив на низкий столик пиалу, хан рявкнул:

— Впустите!

Откинув ковёр, в юрту без поклонов зашёл казак:

— Здорово дневал, Сагит!

— О! Митяй! Я рад тебя видеть! — с этими словами хан вскочил с ковра и пошёл навстречу гостю.

Не по канонам они обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

— Мне сказали, что ты мне брата вернёшь. И он тебя послушает простого отарщика? Какие слова ты подберёшь для него, чтобы вытравить из души обиду, а из сердца горечь?

— А я ему и слова не скажу, мы же друзья. Он меня без слов поймёт и вернётся в Дикое поле к тебе.

— Ты меня обнадёжил, Разгуляй, проси злата сколько хочешь.

— Не, мне злата и серебра не надобно. Я в достатке живу.

— А чем я смогу тебя отблагодарить?

— Ну, не знаю. Дашь мне чего-нибудь.

— А это «чего-нибудь» дороже злата?

— Для меня это дороже всего на свете.

— Хорошо. Вернёшь брата, не задумываясь отдам тебе это твоё «чего-нибудь».

Казак пожал протянутою руку и быстро вышел на улицу.

Сборы были недолгими. Перекинув сакву¹ с водой, пшеном и сухарями через коня, закинув за спину колчан и подвесив саблю, казак тут же пустился в путь.

Выскочив на Задонскую гору, Митяй обернулся назад. Он глубоко вдохнул степной воздух, перекрестился на восток и молвил:

¹ Саква — предмет снаряжения.

— Дон Батюшка, отец мой родной, дай силы и удачи казаку на чужбине. Дай сил вернуться на берега твои и вразуми моего друга Азата. Пробуди в нём чувство любви к тебе.

С этими словами он дал волю коню, который полетел по степи, как на крыльях. А сам на ходу, свесившись с седла, сорвал сначала куст чабреца, а затем ветку полыни. Это богатство он спрятал за начку¹.

Уже через две недели на горизонте засинели горы. Заметив бравших его в клещи воинов, казак не обращая внимания, последовал вперёд.

— Эй, казак, куда путь держишь? — попытались всадники перегородить путь. Резко стегнув нагайкой коня, который шахрахнулся в сторону, чуть не потеряв всадника, парень заявил:

— Я, казак Митяй Разгуляй, а еду к вашему хану в гости. Завтра мы с ним поедим на Дон.

Воины смеялись и шутили над путником, но дорогу больше не перегораживали.

Среди становища возвышалась большая белая юрта, к ней и подъехал казак.

— А ну, нукеры, доложите хану, что приехал к нему в гости Митяй Разгуляй.

Азат был рад товарищу детства и своему спасителю. Они пировали всю ночь, а наутро, когда первые лучи солнца озарили степь, мужчины вышли на улицу. Глубоко вздохнув всей грудью, Митяй молвил:

— Хорошо тут у тебя, Азат, но дома лучше.

— Это чем лучше, — оправдывался хан.

— А дышится на Дону вольнее, да любят и ждут тебя дома. Брат ни в чём не виновен. Отец признал свою ошибку, от того

¹ Начка — широкий пояс, за которым казак носил нож, кресало и другие полезные предметы

и отдал богу душу раньше времени. И не гоже на свою родную сторонку зла держать.

— Прости меня, брат, но не могу я поехать с тобой. Душа меня уже не зовёт в Дикое поле.

— Ну, что ж, давай прощаться.

Они крепко обнялись и попрощались. Подходя к своему коню, Митяй остановился:

— Прости Азат, от Дона-батюшки забыл тебе привет передать.

С этими словами он сунул руку за начку и вытащил пучок сушёной травы.

Придворные, провожающие гостя, стали переглядываться и улыбаться, а хан бережно взял траву в ладони и поднёс к лицу. Никто не понимал, что стало твориться с их правителем. Он вдыхал запахи пряного чабреца и терпкой полыни, а по его щекам текли слёзы. Это были слёзы счастья.

— Ах ты, Митяй! Ну, Разгуляй! Погости у меня ещё денёк, пока я соберусь домой, в родную степь.

Посланные вперёд гонцы оповестили молодого хана о дорогом госте. Братья пировали всю ночь. Под утро Сагит снял с пальца отцовскую родовую печатку и передал брату со словами:

— Не нужна мне, брат, власть без тебя, будь ты ханом на правах старшего.

Но Азат вернул печатку:

— Сагит, счастье не во власти и роскоши, это я уже понял. А в любви к ближнему и краю, в котором ты живёшь. Будем править ханством вдвоём, помогая друг другу.

Братья со слезами обнялись.

— Любо! Любо! Мои друзья, а где же моя обещанная награда?

Спohватившись молодой хан протянул казаку ключи от сундуков, которые стояли тут же в юрте.

— Выбирай своё «чего-нибудь» и будь счастлив тоже.
— А моё счастье не в этих сундуках, оно в соседней юрте. Это невеста твоя, которая приехала месяц назад к тебе с Руси.
— Ах, княжна!? А я её ещё и не видел. Она у тётушек изучает наш язык и обычаи.
— Ну мы, казаки, понимаем и русичей, и степняков, поэтому мне в жёны она готова хоть сейчас.
— Так это и есть твоё «чего-нибудь»? — со смехом спросил хан.

— Да. Это оно и есть.
— Ну, что ж, ханское слово крепкое. Приведите княжну!
Слуги ввели в юрту девушку, которая растерялась, увидев столько важных гостей.

Встав с ковра и взяв девушку за руку, Сагит подвёл её к казаку и со словами «а сейчас и свадебку сыграем» передал в руки Митяю. От счастья княжна чуть не лишилась чувств.

— Степь гуляла три дня и три ночи. На берег Дона съехались и казаки, и татары. И эта история разлетелась по Дикому полю и по Руси.

Многих, за тысячи лет осчастливил Дон-Батюшка. Если его полюбишь всей душой, и он в долгу не останется.

Козлиный брод

Донское казачье государство представляло из себя в XVI–XVII веках совершенно отдельную от Москвы военно-демократическую республику, имевшую свою территорию, свой народ и свою власть.

За беспримерный героизм во время штурма Казани в 1552 году Иван Грозный пожаловал казакам Тихий Дон в вечное владение. Дикое поле приобрело законного хозяина. Казаки стали постоянно фигурировать в дипломатической переписке.

Доктрина развития государства звучала так, «каждый казак должен внести свою лепту в прославление казачьей шашки».

Для чего это было нужно? А для того, чтобы подороже продать эту шашку Российскому царю за золото. Ведь казак ни сеял, ни пахал, а только шашкою махал. Но махал он ею только за свою земельку и Российскую сторонку. И слава о казачьей шашке летела стрелой по всему свету.

Совершенно иное, новое стало происходить на Дону при Петре I. Царь после двух неудачных походов под Азов, наконец, и то исключительно при участии только одних донских казаков с атаманом Кумшатским, взял Азов и с суши, и с моря. Убедившись в высоких качествах донцов как боевого элемента, Петр I решил использовать казаков как природную степную конницу, в которой он так тогда нуждался.

ся. Нашим дедам это было не впервой, и с этих земель казаки помогли выбить турок, расширив земли империи.

Получились Войсковые земли внутри государства Российского. Стали атаманы голову ломать, как им теперь быть. А для казаков настали мирные времена. Внутри русской земли они стали жить, как у Христа за пазухой, не вскакивая по ночам, боясь нападения. Свободные, отставные казаки и иногородние стали заниматься скотоводством, коневодством, овцеводством. Сам Господь был в этом на их стороне. Степь привольная, травы в пояс. Вода в каждой балке. Луга заливные, коси не хочу.

Осенью стада бычков, табуны лошадей, отары овец гнали по скотопрогонным трактам на север в сторону Москвы, где их с наваром и продавали.

Выше Казанского городка, который в те времена располагался на острове, образуемом реками Дон, Песковатка и Варгунка, было два перегона – один выше меловых Стогов, другой на Кукуевом броде. Приглядывали за ними казачки – старички, имея за это звонкую монету.

Переправившись на верхнем Кукуевом броде, отарщики гнали свои стада на излучину речки Казанки, что выше Бударки¹.

У излучины был колодец и постоялый двор. За переправой через речку Казанку в этом месте присматривал Степан Лиходей.

По молодости это был лихой казак. Он до преклонного возраста прогарцевал на коне с шашкой, а добра себе так и не нажил. Неведомо как он попал на этот брод да так и остался на нём.

В качестве отступления хочу пояснить, как через речку переправляли скот. Бытует на Дону такая поговорка «установился, как баран на новые ворота». Это значит, отару овец в чужой или новый баз трудно загнать. Животные шарахаются в сто-

¹ Бударка – глубокий затон, где в былые лихие времена, казаки прятали свои лодки – будары, недалеко от Дона.

роны, но в катух¹ не идут, хоть убей их и всё. Также они ведут себя и на бродах. В незнакомую реку животные, особенно молодняк, никогда не пойдут. Нужен вожак, который не раз ходил через этот брод.

А где ты возьмёшь такого вожака у бычков, гонимых на забой, или в табуне молодых лошадей? И купцы пользовались услугами местных старожилов, точнее их профессиональными жожаками.

У Степана на подворье был одноглазый бык по кличке Сабудай, да здоровенный козёл с не менее знаменитым именем Чингиз. Козёл своё татарское имя получил естественно за длинную узкую бородку. Ну а бык – за схожесть с великим татарским воеводой, одноглазым Сабудаем.

Быка несколько лет назад оставили подышать на броде погонщики. Заболел он на перегоне какой-то неведомой хворью. Остались кожа, да кости. Лежал у воды, подышал, вороньё уж и глаз выклевало.

Взялся за него Степан, отпоил травами. А козла гнали вместе с овцами, но он так привязался к быку, что сбежал из отары и прибился на постоялый двор.

С тех пор и работали бык с козлом в паре. Ели из одних яслей, пили из одного корыта. А задача их состояла в следующем.

Как только к речке пасом подходило стадо бычков или табун лошадей, отарщик шёл к Степану и договаривался о переправе животных через реку. Тот открывал ворота и выпускал своих помощников.

Первым взбрыкивая, выскакивал козёл и шёл к стаду. Следом не спеша брёл бык. Животные заходили в стадо, обнюхивались, знакомились. Здоровенный Сабудай своим зычным мычанием показывал, кто здесь хозяин, а Чингиз ходил всех

¹ Катух – хлев для мелкой скотины.

пинал здоровенными рогами. Если вдруг выискивался отважный соперник, козёл сбегал под защиту своего друга, который ставил всех на место.

Освоившись, и заявив свои права, бык с козлом выдвигались к переправе.

Первым не спеша, грозно издавая дикое мычание, заходил в воду Сабудай, козёл же скакал вокруг стада и рогами направлял испуганных животных вслед за быком. Стадо заходило в речку и переплывало на противоположную сторону. Степан тем временем туда-сюда сновал на каюке, переправляя отарщиков со своим походным скарбом. В общем всё у них ладилось, и доход был неплохим.

Что примечательно, расчёт производился после переправы. Отарщик подходил к козлу, снимал у него с рога кожаный мешочек, клал монеты и возвращал кошель посреднику.

Чингиз любил эту процедуру и мирно ожидал конца расчёта. Затем они с быком плыли назад домой, а стадо попасом шло дальше на север.

Степан забирал расчётные и закрывал своих помощников на базу, где их ожидало свежескошенное сено и немного овса.

Так они дружно и жили, каждый по-своему радуясь жизни.

На дворе стоял не по-осеннему тёплый октябрь, в степи ещё буйствовала зелень и летали паутины.

Казак, смеясь, говорили:

— Вот как бабье лето задержалось нынче. Видать, они у нас без греха прожили весь год.

Через Верхний Дон зачастили стада овец, табуны лошадей, которые пасом гнали на продажу в Москву. Мenee чем через две недели – Покрова, и купцы опасались, что снег застанет их в пути.

Как только солнце поднялось к обеду, Степан налил свежей воды в каменное корыто, задал в ясли сена и зашёл в ку-

рень. Только он в чашку налил молока и начал крошить хлеб на тюрю¹, как во дворе залаяла собака.

— Ну, опять кого-то черти несут, не ко времени, Господи, прости.

Казак отодвинул занавеску и выглянул в окно. Не спеша с горы шёл большой косяк лошадей.

— Ничего, отдохнём зимой, когда речка станет. А теперь нужно монету зашибать.

Степан, насмыкнув² чирики³, вышел на крыльцо.

К пряслу⁴ подъехал тучный всадник с красным лицом и, учтиво улыбаясь, молвил:

— Хозяин, прости, не знаю, как величать, можно бродом воспользоваться? Да и переправь нас на ту сторону.

— Ну, хозяева там за речкой проживают. А мы тут все свободные казаки. Степаном меня кличут.

Действительно, через версту за рекой начиналась Воронежская губерния.

— А меня Силаем Власовичем величают.

Степан, улыбнувшись в усы, открыл ворота на баз.

— Эй, бездельники, а ну, марш на работу! Ишь, как разъелись, глаза от жиру заплыли.

Сидевший на коне купец, ещё больше зарделся, видать подумал, что казак и его имеет в виду.

— А зачем ты козла выгоняешь, он что меня на лодке переправлять будет?

— Та-а-ак. А ну, Чингиз, марш назад в катух. У нас здесь умники нашлись.

¹ Тюрю – холодный хлебный суп из кусочков хлеба, сухарей или корок, покрошенных в воду, квас, простоквашу или молоко.

² Насмыкнуть – надеть обувь.

³ Чирики (казацья обувь – туфли-галoши. Чирики делали на толстой мягкой подошве, с острым и тупым носком.

⁴ Прясло – изгородь из длинных жердей.

Казак опять запер ворота.

— Ну, вы тогда лошадей переправляйте, а я вас потом перевезу, — с этими словами Лиходей зашёл в курень и стал спокойно есть своё нехитрое кушанье.

У хозяина табуна было два молодых помощника, которые, видя натопанную дорогу к реке, пытались загнать косяк в воду. Но лошади напившись, уступая место напивавшим сзади, уходили опять на берег.

К помощникам присоединился и сам купец. Но их попытки были тщетными. Лошади в воду на глубину не шли.

Захлюставшись по пояс, Силай Власович подъехал ко двору.

Степан, отобедав и забив трубку, чинно пыхтел, сидя на порошках.

— Уважаемый, а как ты лошадей будешь переправлять?

— А это не твоё дело, ты оплати услугу, а я сам разберусь.

— Ну что ж, перевези меня с работниками на тот берег, а затем переправь табун. Тогда и расчёт будет.

Казак молча выпустил с база козла и быка. Привязал к рогам Чингиза кожаный гаманок¹.

— Вот сюда положишь расчёт.

Купец, сузив заплывшие жиром глазки, хитро улыбнулся.

Загрузив не хитрый скарб путников на нос большого каюка, казак рассадил атарщиков. Толкнув долблёнку, он легко впрыгнул на корму и, взяв весло, умело повёл судно на другой берег. Купец, вцепившись руками в борт, боялся пошевелиться. Он не понимал, как не опрокидывается долблёнка с каждым взмахом весла, раскачиваясь из стороны в сторону.

Казак же, улыбаясь в усы, лихо пришвартовал своё судно к большому плоскому камню, служившему пристанью.

На карачках купец вылез из лодки, стоя на коленях, трижды перекрестился. Работники вытащили поклажу и толкнули лодку на глубину.

¹ Гаманок — самодельный кошелек для денег.

— Силай, с Чингизом не забудь рассчитаться! — смеясь, крикнул Степан.

Купец с трудом поднялся на ноги и, обернувшись, глянул на свой табун.

Большущий бык стоял по колено в воде и зычно мычал. Рогатый козёл бегал вокруг табуна и сгонял его в кучу.

Кони не спеша стали заходить в воду, Сабудай заходил ещё глубже, уступая им место. И когда последняя лошадь вошла в реку, бык, стоя по голову в воде, поплыл. Поплыл за ним и весь табун. Последним в этой церемонии плыл жеребёнок, которого сбоку, чтобы не сносило течение, поддерживал Чингиз.

Степан, причалив каюк, посмотрел на правый берег. Сабудай, переплыв реку, мирно пасся на берегу, кони не спеша выходили на песок.

Работники, поймав и оседлав коня, подвели его к купцу, который от страха после переправы посинел как тёрён¹.

Чингиз, убедившись, что жеребёнок стал на твёрдое дно, по берегу подошёл к купцу и ударил копытом по камню. Погонщики закатились со смеху.

— Силай Власович, смотри, козёл за расчётом пришёл!

Работник легко снял с рога гаманок и подал его купцу.

Тот же, отойдя от испуга, пришёл в бешенство от такой наглости. Козёл требовал плату за переправу.

Порывшись в перемётной суме, купец наполнил гаманок и передал работнику. Тот закрепил его за рога.

Чингиз, подойдя к воде заблеял, ему зычно отозвался Сабудай. Два друга зашли в воду и поплыли домой.

— А ну, быстро давай подгоняй табун. На песке пастись негде. Через версту заканчивается казачья земля, там и остановимся.

Со свистом и гиканьем отарщики погнали косяк на север, только пыль от них и осталась.

¹ Тёрён или тёрн — колючее деревцо или куст, плоды вроде слив.

Переправившись на свой берег, бык и козёл зашли на баз и стали у яслей.

Не спеша, покуривая трубку, Степан подошёл к козлу и взял гаманок.

— Что-то он слишком полон, да очень лёгок, — с этими словами он развязал узелок и высыпал на широкую ладонь ржаные сухарики.

— Да, Чингиз... Получается рассчитались только с тобой, а казака обдуванили¹? Негоже это. Догнать этого гнилого купчишку не на чем. Не тебя же седлать? Засмеют заслуженного казака. Слушок, либо, пустить про Силая Власовича? Тогда вся степь век будет байки баять про меня. Хорошо, хоть вы промолчите.

Казак разделил сухарики поровну и на ладонях протянул животным. Но ни бык, ни козёл к ним не притронулись. Они стояли, опустив голову, словно понимая, как их унизили.

— Да уто ж. И у меня бы в горле застряли. Пойду отдам их Чапе, он про наш срам не ведаёт.

Уже на закате Степан вышел во двор, чтобы на ночь подложить в ясли сена, да воды в корыто подлить.

— Фу ты. Да я и ворота не закрыл. О! Да здесь и поить некого. Это куда-то они смылись, на ночь глядя? Чи волков покормить надумали?

Казак отвязал собаку и пошёл к реке. Но и там его помощников не было.

Чапа, подбежав к воде, раскатисто залаял. Степан, присмотревшись, увидел Сабудая на правом берегу, который мирно пасся на лужайке. Козла рядом не было.

— Эх, дурачьё! Вы меня сегодня второй раз расстроили. Никогда ведь с база не уходили. Не буду же я тебя на каюке переправлять, такую верзилу. Сами придёте.

С этими словами он развернулся и пошёл в хату.

¹ Обдуванить — обделить.

Утром казак вышел на крыльцо и, поёжившись от утренней прохлады, пошёл на баз. Сено было не тронутым, скотины не было на месте.

— Эх, надо было бы хоть быка пригнать домой. А так остался с одним Чапой. Вот два старых дурня.

Степан посмотрел в сторону переправы. По пойме туман пуховым одеялом накрыл реку. Он был до такой степени плотным, казалось бы, ляг сверху на эту перину, не провалишься, а будешь парить над водой.

Собаки во дворе не было.

— Да что это за напасть, Господи, прости! Сиротой я, что ли, остался, — с горечью подумал Лиходей.

На душе было гадко, аж горечь во рту стояла. Казак смачно сплюнул под ноги и пошёл на берег. То, что он увидел, провалившись в туман, как в парное молоко, повергло его в шок.

Первым на берегу его встретил Чапа, который с лаем подвёл его к лежащему Сабудая, мирно жующему травяную жвачку. А затем, как из-под земли, перед ним вырос и Чингиз. Козёл виновато опустил голову и потёрся боком о шаровары.

— Ну ты, подлиза. Где шлялся скотина шалопутная?

Козёл заблеял и повернул голову в сторону. И тут казак увидел в тумане табун лошадей.

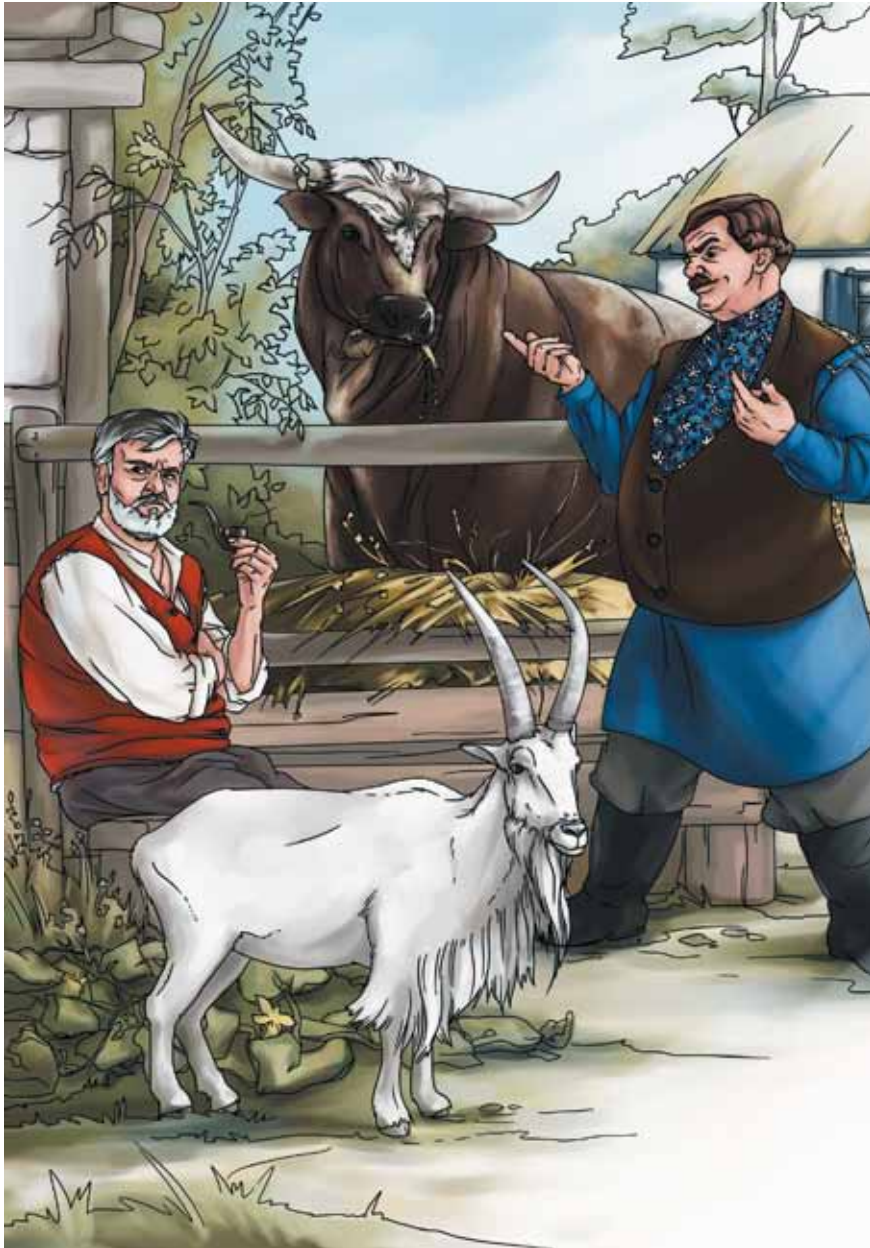
— О, господа, да кто же по ночам вас гоняет? Да это же лошади Силая, мать моя, Пресвятая Богородица, — запричитал казак. А где же карапуз красномордый? Я ему горячих отпущу за плутовство.

Но на его голос никто не вышел.

Солнышко взошло и съело на завтрак весь туман. Денёк предвещал быть ясным и тёплым. Кони в охранении Степановых домочадцев мирно паслись на берегу.

— Эй, казак! Переправь меня! — пронеслось над водой.

Степан из лодки вычерпывал воду и бурчал в усы, что нужно смолить каюк.

— Христа ради, перевези меня к табуну! А то я губернатору пожалуюсь о краже табуна!

— Ах ты, бочонок краснорожий, мы сейчас с тобой до атамана съездим. А затем на майдане тебя выпорем, как Сидорову козу.

— Нет, казак, давай сами по чести разберёмся.

— Это откуда у тебя честь, продажная твоя душа? Ты не только мои услуги не оплатил, но и с козлом не рассчитался. А твои вонючие сухари он и нюхать не стал. Чингиз с быком, ух как, злы. Они готовы тебя переправить на рогах.

— Ну прости меня, казак. Бес попутал. Не знал я, что такие крутые на расплату у тебя помощники. Из-под носа табун ночью увели. Давай сами разберёмся. Я щедро расплачусь за двойную переправу, да ещё и по две цены дам.

— Ну что ж, поверим ещё раз. Но расчёт на моём берегу.

— Хорошо, хорошо! — обрадовался купец.

Казак столкнул каюк и твёрдой рукой направил его к другому берегу.

Косяк начал переправу без Чингиза, с одним Сабудаем. Козёл, опустив голову от усталости, побрёл к себе на баз. За ним, как нитка за иголкой брёл, жеребёнок рыжей масти. Щедро рассчитавшись, купец попытался завернуть животное в стадо.

— Э..., да он видать не с твоего приплоду, раз в косяк не идёт.

— Ты это, знаешь, что, Степан, давай я тебе его подарю, в знак нашей будущей дружбы. Прибился он к нам с другого табуна. Хотел я навариться на нём, да видно не судьба. А это тебе будет платой за хороший урок. Говорил мне всегда батюшка, чтоб не связывался никогда с казаками, прогоришь. А тут, на Дону, ни с казаками, ни с быками, ни с козлами нельзя шашни водить, а то накажут.

Весть об этом случае облетела всю степь мигом, обрастая новыми подробностями. Не удержался и купец, проговорился. Смеялись над этой байкой и россияне.

Уполноможенный

Наброски данной истории были мной обнаружены в личном архиве ветерана Великой Отечественной войны Г. Р. Симонина. На 96 году жизни, донской казак пытался донести до нас на отдельных листках, где он воевал, как работал. И что примечательно, записывал анекдотичные истории из своей жизни или рассказов земляков. Меня удивило его тонкое чувство юмора в рассказах о тех нелёгких годах.

К 1927 году жители Верхнего Дона стали отходить от революции, от войн, от голода. Кто хотел, тот работал. Земли было в достатке, обрабатывай не ленись. Кто работать не хотел, сдав паи в аренду, бражничал или митинговал в клубе.

Сельское хозяйство развивалась естественным путём, земледельцы решали продовольственную программу. Ситуация, в общем, складывалась благополучно.

Но власть это не устраивало, потому что одни стали богаче, а другие опять беднеть. Что противоречило линии партии.

В марте 1927 года в газетах опубликовали Постановление ЦИК и СНК СССР о колхозах. Может, идея в общем была и не плохая, но, как, обычно, её решили реализовать быстро, наскоком.

Сельское хозяйство развалилось в молодой стране, как карточный домик.

Мелкие единоличные хозяйства позакрывали, раскулачив, а колхозы ещё не набрали оборот. В стране опять начался голод.

В колхоз имени Калинина из областного центра прибыл уполномоченный.

По хуторам для решения острых вопросов районных представителей не привлекали, боясь их лояльности к местному населению.

В области создавалась бригада из активистов и они отработав один район, переезжали в другой.

Вестовые обошли все дворы, пригласив колхозников прийти в клуб, на колхозное собрание. На улице стояла осень, грязь, засидевшиеся по домам хуторяне, семьями с удовольствием шли на мероприятие. Голос колхозника никогда ничего не решал, но можно было повеселиться и отвести душу.

В клубе лавок было мало. Поэтому хуторяне посадили на них стариков да женщин. Кто-то из казаков стал у стены, кто-то присел на деревянный пол перед президиумом.

Умостившись, колхозники достали кисеты, и все дружно закурили.

В слабоосвещённом зале сквозь табачный дым, сидящим в задних рядах, нельзя было разглядеть гостя.

Всех интересовал один вопрос:

— А он с наганом или маузером прибыл?

Постучав стаканом о графин, председатель призвал к тишине.

— Товарищи колхозники! Поступило предложение в президиум выбрать три человека! Это я, как председатель колхоза, уполномоченный с области и наш старый большевик, Федотыч. Прошу голосовать.

В зале начался шум, гвалт. Сквозь дым не только рук не считаешь, в лицо никого не угадаешь. Но председателя это не смутило. Не глядя в зал, он заявил:

— Очень хорошо, единогласно! Дарья, выдь сюды на сцену, садись с краю за стол, будешь писать протокол собрания.

Молодая красивая казачка лет тридцати, буквально по головам колхозников, под их шутки и прибаутки, пробралась к столу.

Уполномоченный учтиво встал и подвинул секретарю стул. Та зардевшись, кивком головы поблагодарила.

— Дарья, ты грамотная, почерк красивый, в Райкоме разберут, пиши то, чего скажут. А чего писать, уважаемый гость подскажет.

Тот, в свою очередь, поближе подвинулся на край, к секретарше.

Вопрос на повестке колхозного собрания был один. Сдача хлеба сверх плана государству.

Осветить проблему взялся председатель:

— Уважаемые колхозники! Мы в этом году потрудились ударно и выполнили план сдачи хлеба государству. В колхозном амбаре зерна осталось только для выдачи натуроплаты на трудодни. В этом году на один трудодень у нас вышло по 250 грамм. Но город голодает! Район не выполнил план за счёт отстающих колхозов. И мы должны помочь Родине — матери сдать сверх плана ещё 200 пудов хлеба. После этого у нас останется в остатке по 200 грамм на трудодень.

Зал взревел от негодования, слышались выкрики:

— Пушай шкуру дерут с бездельников! Мы план сполна выполнили! Мы сами с голодухи загнёмся с таким трудоднём!

Продиктовав выступление на ушко секретарю, уполномоченный встал и попытался разглядеть смутьянов. Но не тут-то было. Казаки стали пыхтеть сигарками с ещё большим усердием.

— Уважаемые колхозники, мне ли вам объяснять, что Родина голодает? Если вам зерна не хватает, то где её возьмёт рабочий за станком, который вам куёт плуги?

В таком духе он с пол часа разъяснял политику партии и правительства. В своём выступлении он часто упоминал не знакомое слово «темпы».

Сидевший на передней лавке дед Терентий старался всё ухватить, он даже приложил ладонь к уху. Деду было лет не-

меряно. Может, за Наполеоном он и не гонялся, но колотил не только германца, но и японца с турком. И когда оратор спросил:

— Вопросы есть?

Дед встал и промолвил:

— Мил человек, а что такое «темпы»?

Прокашлявшись, гость поправил гимнастёрку под ремнём и ответил:

— Как бы Вам ответить, чтоб сразу поняли? Это быстрый рост производства.

Чувствуя подвох, глядя на недоумённое лицо старика, продолжил:

— Вот у вас кладбище есть?

Из зала крикнули:

— Есть!

— Ага! Так вот, если у вас на кладбище крестов мало, а их нужно больше. И если кресты прибавляются быстро, это и есть «темпы»!

После этих слов, он передвинул кобуру из-за спины, на правый бок.

Казаки намёк поняли сразу и глупых вопросов больше не задавали.

Председатель встал из-за стола и для порядка спросил:

— Желających выступить больше нет?

Возле стола полулёжа сидел Прокоп Иванович. Это был далёкий от мира сего человек. Он до такой степени был неграмотным, что не мог даже деньги пересчитывать и не различал купюры. С начало коллективизации, его самого первого арестовали и посадили в тюрьму. Дали ему 10 лет. Но через год он уже заявился домой.

Эту историю Прокоп хуторянам поведал так.

Была у него с бабкой коровка. Она взяла, как дура с дуба, но на радость хозяевам, а, может, на беду, отелила двух быч-

ков. Телята подросли и за штоф самогона хуторской коновал выложил их. Чтобы они не заглядывали на тёлочек, а спокойно набирали силёнок.

Казак уже ярмо для них заказал у столяра и стал их понемногу обучать. Хотел Прокоп по дворам калымить на быках. Пахать, боронить, сена кому перевезти.

Но на Дону стали всех принудительно загонять в колхозы со своим имуществом. Кто не хотел, раскулачивали и отправляли на лесоповал.

Не долго думая, Прокоп Иванович решил быков продать за межу.

Так на Верхнем Дону повелось, что после Булавинского восстания, Пётр I обрезал Войсковые земли от Воронежа до станицы Казанской. А Воронежскую губернию заселил крепостными крестьянами, раздав земли своим вассалам.

И казаки стали называть земли Воронежские не иначе как «за межой», «гранью» и даже «заграницей». Продал домовитый казак быков «за межу», в село Богомолowo, мужикам.

Узнали об этой сделке активисты и вызвали горе торговца в правление.

А там заседала тройка, по таким же противникам колхозов. В тройки подбирали бедных казаков, да крестьян иногородних и соответственно они были грамотой не выше самого Прокопа.

На вопрос куда дел быков, казак ответил честно:

— Быков продал «за границу».

Так в обвинительном акте и записали. И за продажу скота «за границу», дали ему 10 лет.

В те времена в народе говорили:

— Язык до Киева доведёт, а длинный аж до Магадана.

Прокоп Иванович отсидел уже больше полугода. Однажды в барак пришёл посыльный и пригласил нашего «контрабандиста» к начальнику.

Зашёл Прокоп Иванович в кабинет, снял шапку и доложил. Начальник оторвался от бумаг и говорит:

— Мне нужен переводчик, который знает иностранные языки. Иностранцев шпионов этапом пригнали. Каким ты языком владеешь?

— Дык, только своим и владею, — ответил с глуповатым видом сиделец.

— Тебя за что арестовали?

За продажу своего скота «за границу».

— Вот! А в какую страну скот переправлял? В какой город?

— Да какой там город. В село Богомолowo, оно меньше нашей Лопатины.

— А где это ваше Богомолowo находится?!

— Да рядышком. В десяти верстах от моего хутора. В Воронежской губернии.

— И какая же это «за граница»?

— Ну за межой, а какая разница? — недоумевал казак.

— А разница в 10 лет, дурак! Пошёл вон!

Через неделю Прокопу Ивановичу сделали пересуд и отпустили домой, под чистую.

После этого случая, повидавший мир Прокоп, иногда на собраниях умничал.

— А можно я выступлю?

— Нет, нельзя! — обрезал председатель, зная какую ахиною тот понесёт.

Но представителю нужно было что — то записать в протокол. Он повернулся в Прокопу и предложил:

— Высказывайте товарищ, своё мнение.

Прокоп Иванович с трудом встал, обратной стороной ладони вытер усы и начал:

— Неправильно ты делаешь, товарищ председатель. Вот если бы я был председателем колхоза, то сделал бы так: от каж-

дого центнера зерна отобрал бы шесть пудов и выдал колхозникам, а остальное сдал государству. И было бы шито-крыто.

— Садись! — рявкнул председатель.

Весь зал ахнул от смеха и заплодировал.

— Вот видишь, как мне колхозники хлопают. Значит, дело говорю. А тебе ни разу никогда никто не хлопал.

Не поняв подвоха, гость прекратил прения.

— Будем голосовать! А то уж гармонист плясунов заждался. Будут танцы. Кто «за»?

Руки подняли девять активистов из восьмидесяти присутствующих. В том числе и председатель.

— Кто против? В зале воцарилась тишина. Никому не хотелось подставлять свой лоб под пулю. Насмотрелись на своём веку казаки всякого.

— Так, против никого! Значит единогласно! — подытожил председатель.

— Так и записывай, Дашенька, — диктовал уполномоченный.

Секретарь с представителем ещё писали протокол собрания, а казаки уже ломались до ветру.

Председатель пошёл организовывать танцы и дать на утро наряд правленскому конюху.

Не успели ещё просохнуть чернила, а гармонист уже давал Лопатинскую россыпуху.

— Товарищ уполномоченный, завтра с утра пораньше едем в район. В 10 часов там бюро райкома, протокол на область подготавливать будут. А сейчас пойдёмте ко мне заночуем.

— Ну что вы, товарищ председатель. Я не хочу вас утруждать. Я переночую у своего дальнего родственника.

Пожав руку гостю, хозяин ушёл домой. А хутор ещё долго гудел, как пчелиный рой.

На улице чуть забулanelo, а конюх Никита уже подогнал пролётку к правлению. В кабинете у председателя горел свет.

— Никита! Там уполномоченный ещё не подошёл?

— Да не, никого не видать.

И колхозники все прошли на работу, а незванный гость, как сквозь землю провалился. Председатель с конюхом опросили всех проходящих на ферму и в кузню хуторян. Никто не мог пояснить, что у уполномоченного за родня и где он ночевал.

Понимая, что практически опоздал на бюро, председатель сел в пролётку и укатил в райцентр без гостя и протокола.

Управившись по двору, бабка Матрёна, набрав ведро воды, собралась в хату. Но её внимание привлёк рёв соседской коровы:

— Почему это Дарья не отогнала её в табун? Видать чертовка вчера проплясала, да проспала утреннюю дойку.

Подойдя к соседскому куреню, она удивилась тому, что дверь была закрыта на замок. Но ключ торчал в замке.

Бабка попыталась заглянуть в окно и с криком отскочила. Из-за занавески появилось злое лицо незнакомого мужчины, который грозил наганом.

Матрёна откинула с двери запор и из хаты, как чёрт из табакерки, выскочил мужчина в кожанке, в одной руке держа портфель, другой придерживая кобуру. Следом вышла и Дарья, томно потягиваясь.

В правлении представитель области налетел на бригадира, как коршун.

— Вы мне ответите за вредительство! Кто меня запер в курене?! Я опаздываю на бюро! Немедленно отвезите меня в райцентр.

— Да не знаю, кто вас закрыл. Видать, с танцев молодёжь шла, да созорничала.

— А телеги у меня нет. С неё колёса сняли, в кузнице, перебушевыают¹. Давайте мы оседлаем двух коней. На одном вы, а на другом конюх. Он затем приведёт в поводу второго коня домой.

Успокоившись, гость согласился. Но, когда проехав метров сто, кони пошли рысью, он, как мешок с дерьмом, рухнул на дорогу в грязь.

— Я не могу в седле! Дайте мне телегу на колёсах!

— Да нет у меня ничего на колёсах, нешто вон лобогрейки в кузнице стоят.

— Везите на лобогрейке! И не мешкая!

Делать нечего, кузнец с молотобойцем быстро сняли мотовило, смазали колёса. Конюх запряг коней. Своего он расседлывать не стал, поехал в седле, усадив уполномоченного на металлическую сидушку косилки.

Кони по шляху шли рысью легко. Прошли Большаков Лог, дорожную хату. До станицы оставалось километров пять. Стал моросить дождик. Накинув капюшон дождевика, Тихон Андреевич оглянулся на пассажира и обмер.

Представителя власти, как ветром сдуло с сидушки. Присмотревшись сквозь пелену дождя, он увидел уполномоченного, который бежал под гору, размахивая портфелем и наганом.

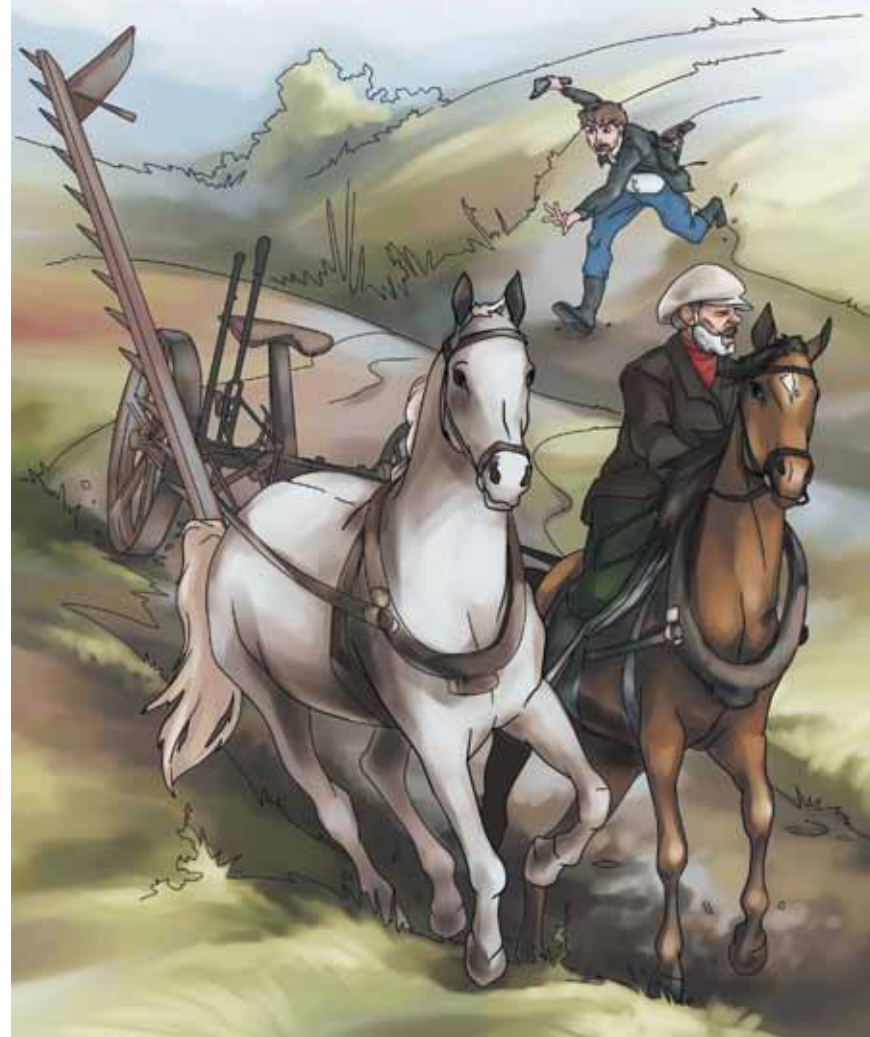
Казак судьбу искушать не стал. Развернув коней по Липовской балке, ушёл в вершину крупной рысью.

Подъехав к райкому, председатель с ужасом понял, что бюро закончилось и представителей отправили в область. Он с повинной пошёл к первому секретарю.

Тот начал ему устраивать разнос, но узнав о том, что пропал уполномоченный, задумался.

— Чёрт с ним, с твоим планом, мы с других колхозов уже собрали. А вот за гибель представителя обкома и меня, и тебя к

¹ Перебушевывать колесо – отремонтировать колесо.

стенке поставят. В лучшем случае, в Сибири сгноят. А я не удивлюсь, если его прибрали твои строптивые казаки-разбойники. Вроде бы всё утихло. А тут такое. И начал набирать отдел милиции для поиска трупа.

Поднятый по тревоге отдел, на лошадях под седлом и на бедарке¹ выехал по шляху на поиски уполномоченного. Отъехав километра три, они встретили пропажу, представитель обкома шёл в добром здравии, размахивая портфелем. Ни в милиции, ни в райкоме он не признался в своих приключениях и был немедленно отправлен в область с попутной оказией.

Зато на другой день Тихон Андреевич на планёрке в правлении, во всех красках рассказал, как уполномоченный летел на бюро на лобогрейке, как Зевс на колеснице, а потом бежал следом, аж пятки под зад били.

Колхозники смеялись от души. За такую веселуху не жалко было и 200 пудов зерна.

За неделю в колхоз никто не явился. В райком и милицию не вызывали.

Пошли дожди, дорогу развезло, и председатель принял решение раздать колхозникам причитающееся на трудодень зерно.

Кто запер Дашкин курень, так и не узнали. А может, хуторяне и знали, но в благодарность за зерно не выдали.

После всей истории Дарью вызвал председатель и заявил:

— Дарья, вот ты мне скажи, красивая, умная, грамотная дивчина, а приключения к тебе липнут, как репы. Вот некоторые наступят в коровью лепёшку и бегом сапоги мыть, а ты вляпаешься по уши и валяешься в ней, благо, что ещё тёплое. Ну так получается, что некоторые твои заскоки идут на благо колхоза и хутора. А посему я тебя беру в правление на должность секретаря. Грамоты у тебя хватает. Но с одним уговором, что ежели пригласишь в гости кого с области, чтоб меня оповестила непременно.

¹ Бедарка – безрессорный 2-х колесный лёгкий экипаж.

Воробьиное братство

Дед Намыка жил на крутояре, который обрывом спускался к Дону. У старика это было не имя, а кличка из-за густой кудрявой шевелюры¹.

Казак не обижался, если кто из хуторян подсылал к нему незнакомца и говорил, как к старику обращаться. Ты, мол, кричи громче, он глухой. Гость:

— Здравствуйте, дедушка Намыка!!!

А он в ответ:

— У самого голова из лыка. Меня Михалычем кличут и не тугоухий я. Это прозвище я от деда получил. Все в роду кудрявыми были. Зато плойки отродясь в курене не водилось.

Хаживали хуторяне к старику за медком, фруктами да за диковинным виноградом. Знатный у него на косогоре сад был. А меж фруктовых деревьев стояли колоды с пчёлами.

Во дворе, против куреня, был выкопан омшаник², крытый камышом. На зиму старик затаскивал в него колоды с пчёлами, чтоб насекомые легче переносили холод.

Ну а в старой камышовой крыше жила целая колония воробьёв.

Хозяин не бранился, что они в камыше гнёзда мастерят, а, наоборот, зимой прикармливал крошками, насыпая их на дно старой перевёрнутой кадушки. Повыше, чтоб куры не склевали.

¹ Шевелюра – волосы на голове человека.

² Омшаник (зимовник) – утеплённое помещение для зимовки пчёл.

В благодарность летом воробьи дружно выбирали гусениц с плодовых деревьев. Иногда лакомились переспелой вишней, но это не в ущерб хозяину.

Любил старик наблюдать за жизнью пернатых соседей. Ведь у них всё, как у людей. Бывает, и в радости живут, по щебету слышно, а, бывает, и в горе, они тогда надрывно чирикают. Казак практически всех птичек знал наперечёт.

И вот однажды казака привлекла суматоха на омшанике. Усевшись на порог, хозяин стал наблюдать и заметил, что на крышу пожаловали два незваных гостя.

Видать, где-то им разорили гнездо, и воробьиная пара решила справить новоселье на омшанике. Но не тут-то было. Воробьи дружно согнали их на низ, на самую кромку крыши.

Но пара оказалась настырной. Раз выделили им первый этаж, значит тут и будут жить. Кое как они выдолбили себе норку в старом камыше и, натаскав от курей пуха, соорудили гнёздышко. Воробьиуса уселась на яйца, а жид, так почему-то на Дону зовут самцов, кормил её червячками из сада. Со временем молодых признали за своих.

Рядом с гнездом к омшанику была прислонена деревянная лестница. Старый кот по прозвищу Мамай, не поленившись, взобрался на неё и по краю крыши пробрался к гнезду. Выше он влезать побоялся, не раз был бит стаей воробьёв, которые его никогда на крышу не пускали. А к новосёлам, которые жили на отшибе, решил наведаться.

Не успели пернатые собрать свою армию, как кот, засунув лапу в гнездо, стал там шуровать. На беду гнездо было мелким, и с крыши посыпались маленькие яички, разбиваясь о землю. Изловчившись, хозяйка выпорхнула из гнезда. К этому времени от поднявшейся тревоги стая собралась в кулак и нанесла

удар по противнику. Не удержавшись на краю крыши, кот полетел вниз, вслед за воробьиными яйцами.

— Ах ты, старый разбойник! И на старости тебе угомону нет. Чего ты на них насатанился, басурман треклятый. Али оголодал в конец? — ругался дед Намыка.

Кот, слизав побитые яйца, удалился восвояси.

— Ну что, ребята? И у нас вам не повезло. Придётся новое гнездо делать.

Но, на удивление, воробьи не улетели. Самка по-прежнему сидела в гнезде, а самец исполнял свои обязанности, подкармливая её.

Началась жара. Пчёлы стали роиться, пытаюсь поделить семью. Старик с утра до ночи возился с ними.

Как-то, усевшись вечером на порог, казак стал набивать самосадом трубку и поглядывать на своих пернатых соседей.

Стая увеличилась в разы, приняв в свою гвардию желторотиков¹.

И тут дед Намыка к своему удивлению заметил, что новосёлы усиленно кормят птенца, который сидел на краю гнезда. По размеру он был как взрослый воробей. Родители раскормили его чуть ли не до размеров Мамаю. Куда деваться, любимчик, да и один остался.

Своим острым глазом старый воин заметил ещё одного птенца. Он был вдвое меньше брата и прятался за его спину. Теперь старик каждый вечер стал наблюдать за этой семьёй.

Большой птенец, как кукушонок, сидел у входа в гнездо, забирая всю приносимую родителями пищу. И лишь крохи доставались брату и то тогда, когда обжора спал.

Однажды маленький птенец, а Михалыч назвал его Чиком, перепрыгнув через голову брата, которого нарекли Чириком, стал скакать по крыше. Он не просто прыгал, а постоянно ма-

¹ Желторотики — птенцы.

хал крыльями, готовясь к первым полётам. Через несколько дней Чик, присоединившись к остальной молодежи, порхал с ветки на ветку.

Чирик же только начал пытаться взмахивать крыльями. Но маленький брат не бросал обжору, а постоянно прилетал к гнезду и о чём-то чирикал с ним. Видать рассказывал о новом открытии и о том, что творится за омшаником.

Однажды прямо на глазах хозяина, не выдержав одиночества, Чирик стал активно махать крыльями, пытаясь взлететь. Но самое многое, что он смог сделать, это взмахами крыльев смягчить своё падение на землю.

За этой сценой внимательно наблюдал и Мамай. Сладко зевнув, кот неторопливо пошёл за лёгкой добычей.

Увидев опасность, Чирик с удвоенной силой стал махать крыльями, но ничего не получалось. Беда была неминуемой.

Старик, бурча, потянулся за сибирьковым веником, чтобы запустить его в разбойника.

Но в это время, вдруг сверху свалился ещё один желторотик, прямо перед мордой кота. Он перевернулся, затрепыхал крыльями и, хромя, стал уходить в сторону, отводя разбойника от Чирика.

Это был Чик. Видать, в нём сыграли братские чувства. Забыл он все унижения и обиды за отобранную пищу. Желторотик так громко чирикал, что привлёк внимание всей стаи. Воробьи стали слетаться на сухую ветку яблони, готовя отпор. Тут же прилетели и отец с матерью.

Но они не к Чику бросились на помощь, которого нанизать на когти пытался Мамай. Они бросились к Чирику, пытаясь помочь ему подняться с земли. Кот уже буквально прижал желторотика к стене омшаника, когда усиленно замахав крыльями, Чирик оторвался от земли и залетел на бочку. Собравшись

с силами, под одобрительное чириканье родителей птенец вспорхнул и уселся на верхнюю перекладину лестницы.

Увидев, что брату опасность не угрожает, Чик прыгнул коту на голову и оттолкнувшись взлетел на крышу.

Предела восторгу в стае не было. Воробьи окружили его и громко чирикавая, пытались поделить с товарищем, как он оставил с носом кота.

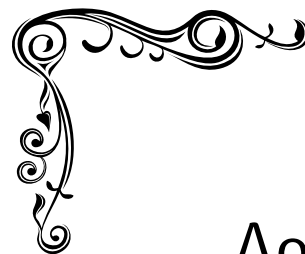
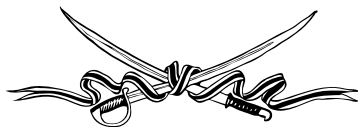
Мамай тут же от стыда ретировался под крыльцо.

Старик лукаво улыбнувшись в усы и пробурчал:

— Вот тебе, старина, и рассказали байку про синицу в руках и журавля в небе.

С этого дня Чик стал авторитетным вожаком в стайке желторотиков, а Чирик, поубавив аппетит, старался успевать за своими товарищами.

Родители же со стороны наблюдая за птенцами, гордились успехами обеих.

Дон-Батюшка

Приземистый курень, крытый камышом, примостился на крутом берегу Дона. На дворе стоял духмяный май. В хуторе цвёл терновник¹, кружа голову терпким, свежим ароматом.

Терновники спокон веку был спутником казаков. В давние времена они обсаживали свои городки зарослями этого колючего кустарника, который служил препятствием для противника. Ягоды употребляли в свежем и сушёном виде, мочили, сушили, пекли из них пирожки и варили вареники.

— Стёпка! А Стёпка! Хватит дрыхнуть, соня. А ну, одевай портки и рысью гони гусей, на попас, к Дону.

С неохотой потягиваясь и поправляя шаровары, парнишка взял со стола корчажку² с молоком и напился прямо из неё. Покручивая воображаемые, из молока, усы, он улыбнулся перед старым в тёмных пятнах зеркалом.

— Иду, маманя! Никуда твои гуси не денутся. Накормлю, напою и накупаю.

— Да знаю, что накупаешь. Сам не утони. Да тише гони, гусята малые ишо.

Стёпке нравилось пасти гусей на лугу у реки. Сам накупаешься, рыбы наловишь, на ивовом прутике её поджаришь, чем

¹ Терновник или терн – это кустарник или небольшое дерево высотой 1,5–3 (большие виды до 4–8) метра с многочисленными колючими ветвями.

² Корчажка – глиняный сосуд.

не жизнь вольная. А гуси, они не в помеху. Казачок представлял, что он атаман у пернатой гвардии и ему было ещё веселее.

— Гуси, кто у вас батька атаман!?

— Га-га-га! – услышал он в ответ.

— Правильно! Степан! За мной, войско, марш!

И пернатая ватага во главе с большим жирным гусаксом следовала за босоногим атаманом к реке.

Парень спустился с крутояра и, не обращая внимания на свою живность, направился к старой расчехнувшейся вербине. Внутри полого, как корыто ствола, лежали удочки из всего кутка. Рыбаки домой снасти и не брали, зная, что их никто не тронет.

Схватив свою удочку, парнишка вытащил из корневища махоточку¹ с червями и направился на берег.

— О! Здорово ночевал, деда Миша.

— Слава богу, Стёпка.

Михаил Васильевич жил в соседях один. Он был старым бобылём. Его семью уж давно никто и не помнил. Сколько было лет старику, хуторяне не знали. Был он очень грамотным казаком, читал много книг.

От безделья старый казак много времени проводил на Дону. И он не только себя рыбой обеспечивал, но и всех соседей кормил своим уловом.

У Стёпки родных дедов не было. И к его стыду, звали парня Оленькиным унуком² (по бабушке). Ну, так на Дону заведено. Кликали детей не по родителям, а по именам дедов. Если дед Кузьма, то внук Кузин. Так всю жизнь меж собой и звали казака Кузенком. А Стёпка очень хотел, чтоб его называли Михиным. Поэтому и жили они по соседству, как родные души. Как говорится, что стар, что мал.

¹ Махотка – небольшой глиняный сосуд.

² Унук – внук.

— Дедуня, клюёт сегодня?

— Да краснопёрка разгулялась что-то, лещ не успевает и длюбнуть.

Поплевав на червяка, парень забросил наживку подальше от берега, поближе к запруде. На реке очень неудобно ловить на поплавковую удочку, течение сносит снасть. Казаки забивают колья в дно поперёк русла и заплетают хворост. Получается лохматый плетень в воде. Там и рыбка у подкормки становится, и течения нет.

Немного посидев на стволе сушенины, парень сплюнул на песок.

— Да, не клюет. Наверное, погода переменится.

— А ты не гоношись¹, погоду маленько. Вся рыба отбилась, ей жирок надобно нагулять. И до твоего червя очередь дойдёт, – рассудил старик.

— Да не, это Дон-Батюшка серчает. Я ведь сегодня и не крестился.

— Это что ж так, как нехристь?

— Да мамка разбудила рано. Слышь, дедунь, а почему Дон-батюшкой зовут, а Волгу-матушкой? Они, что, венчанные были?

Немного подумав, казак начал свой рассказ, понимая, что Стёпка не отстанет.

— Было это давным-давно. Когда в реках рыбы было больше, чем воды, а в лесу зверей больше, чем деревьев.

Стёпка поёрзал по стволу и уселся поудобней, понимая, что дед начнёт загищать сказочную, интересную историю.

— Волга-матушка бежала в Каспий. Море так называли в честь племён каспиев проживающих в тех местах. До них море называли и Хвалиское, и Сарайское, и ещё как-то.

А Дон-батюшка питал Азовское море.

— А это море всегда так называли? – перебил Стёпка деда.

¹ Гоношись – здесь: не спеши.

— Да нет. Народы приходят и уходят в никуда, и каждый по своему названия даёт. Греки называли Азовское море Меотийским озером. А сами Меоты – Темериндой звали, что означало «мать-море». У турок это – Бахр-ы Ассак или Бахр эль-Ассак, что значит «темное-синее море». Были эти два моря внутренними, и проливов, чтобы уплыть по ним в океан, не было.

Таки бежали рядом эти две могучие реки: Дон и Волга. Они не только кормили и ютили казаков, но и питали два моря. Поэтому казаки и называли их «батюшкой» и «матушкой», как родных.

Решил как-то морской царь расширить свои владения. Сначала кинул он свой взгляд на Каспий. Но суши слишком много было между его владениями и морем. И тогда он повелел чудищу водяному крылатому лететь на Каспий и выпить это море, затем выплеснуть его в царство водяное. Лишняя вода и затопит берега, прибавив владений.

Прилетело чудище и нырнуло в морские глубины. Стало оно всасывать воду со свистом и начало оголяться дно морское. Рыба хлюпалась в маленьких озерцах, жарясь на солнце. Бедная Волга-матушка старалась из всех сил пополнить водой море, но сил не хватало. Выдыхались и её притоки – реки малые. И тогда она обратилась к своему соседу.

— Братец, Дон-батюшка, нет у меня уж больше сил с чудищем морским бороться. Помоги мне, если сможешь.

— Хорошо, сестрица. Давай мы подмоем берега навстречу друг дружке, и я пушу свои воды по твоему руслу.

Стали биться волны двух великих рек, подмывая берега. И вот чудо случилось! Соединились реки в степи, и забурился Дон-батюшка в чужом русле. Стала вода прибывать в море Каспийское, затопляя берега. Взвыло чудище. Не смогло оно выдержать напора двух великих рек и лопнуло с треском, только волны кольцами разошлись.

Дон-батюшка вернулся в своё русло. Но ещё не один раз великая река вместе с казаками вступала в спор с морским царём.

Весной, когда полая вода выплёскивается из берегов в степь, Дон -батюшка встречается с Волгой-матушкой. Местечко это называется Переволокой. В этом месте по весне донские казаки струги и будары переволакивают, чтоб погулять по Волге и Каспию.

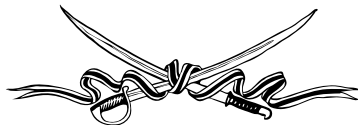
— Стёпка! Чего рот раззявил? Вон, поплавка нет.

Парень подсёк и вытащил широченного чебака¹.

— Ну ты, дедуня, и здоров зубы заговаривать. Аж рыба заслушалась и к берегу подошла.

— Да нет, Стёпка, это Дон-батюшка про свои былые годы заслушался. А за хорошую сказку подарил нам хорошую рыбину.

Неси улов домой, да и мой прихвати, пусть мать ушицы к обеду нам сварит, а я за гусями пригляжу.

¹ Чебак — это один из подвидов плотвы.

Завещание Левши

На дворе стояла золотая осень. На Дону это время года можно распознать не только по буйству красок, которыми природа расписывает сады, леса и левады. Если закрыть глаза и глубоко вздохнуть осеннего воздуха, то голова начинает кружиться от запахов, накопившихся на земле за лето. Она как будто старается всё богатство подарить людям задарма, понимая, что после Покрова, мороз выдавит всё это из запасников земли, и всё замрёт до весны.

Покряхтывая, придерживаясь одной рукой за спину, а второй, проворно орудуя суковатым костылём, с обрыва к Дону спускался старик. На берегу он снял папаху и вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб.

— Тьфу ты, Господи, прости. Пряма с каждым днём обрыв становится круче. Так, через годик и без рыбки останусь. Со всем зачах.

— Да ты, деда, не бойсь, я и на тебя рыбы наловлю, — раздался детский голос из-за зарослей чакана¹.

— Петруха, ты штоль, шляешься тут без дела?

— Почему без дела? Я уж рыбки наловил. Могу поделиться.

— Спасибо, милок, за заботу. Я только на каюке сплаваю кошёлку проверить. Может, сомик в гости зашёл. Дюжа я с головы щербу² люблю.

¹ Чакан — многолетнее земноводное травянистое растение.

² Щерба — уха.

— Дед, возьми меня с собой, я помогу кошку¹ кидать, я умею.
— Мне же тебя не на горбу тащить, возьму. Ты мне поведай, почему ты не на уроках? Али неучем хочешь остаться?

— Чего мне надо, я и так знаю. Складывать, отнимать умею. Богослов читаю.

— Да... видать ты сказку про Левшу не слыхивал?

— Не, не слыхал, — усаживаясь на нос долблётки, ответил парнишка.

Старый рыбак лихо вывел каюк на стрелу и забросил якорь. Течение развернуло лодку, которая встала как вкопанная.

— Ну вот, унура², поймаем сома, и расскажу тебе потом побаску.

Старик собрал кольцами пеньковую тонкую верёвку и бросил кованную кошку в воду. Подождав, когда она уляжется на дно, стал выбирать. Сначала кошка вроде как зацепилась, но потом, осмыгнувшись³, легко вышла из воды.

— Наверное, за корягу зацепилась, деда?

— Нет. Дно здесь чистое, как скатерть у хорошей хозяйки. Весной лёд набивается затором и продирает не только берега, но и дно. Особенно струю, где течение самое большое. Это мы за край кошёлки зацепили.

Второй заброс оказался результативным. Казак с трудом выбирал верёвку, балансируя, боясь опрокинуть каюк.

— Дед, гляди, плетёнка подошла!

— Да вижу! Ты, давай, за днище бери, а я перёд заташу, как раз кошка зацепилась тут. Только давай помаленьку, чтоб вода с неё сошла.

¹ Кошка — «Кошка», Якорь-кошка — якорёк о четырёх (иногда о трёх, о пяти) лапах, широко распространённый тип якорей для судов и лодок.

² Унура — внук.

³ Осмыгнуться — здесь: оскользнуться.

Петруха был сбитым, широкой кости мальцом, хоть и исполнилось ему всего одиннадцать годков отроду. Старый рыбак, затаскивая вершу в лодку, кряхтел громче, чем казачонок.

— Деда, там целая русалка сидит! Я хвост вижу!

— Ну, ну. Рано тебе ещё на русалок заглядаться, отвяжи верёвочку и вынь чоп, а я вытрухну добычу. Старик поднатужился, и в лодку выскользнул сом пуда на два.

— А где же русалка, оболтус? — засмеялся старик, радуясь улову.

— Прости, деда, обознался.

Старик вставил чоп в днище, закрепил его и сбросил вершу за борт, не забыв перекрестить.

Сом понемногу шевелился, но вёл себя смирно. Рыбак на всякий случай приготовил колотушку. Выбирая якорную верёвку, он обратился к помощнику:

— Ну что, Петруха, рассказать побаску про Левшу?

— Деда, ты же обещал!

— Ну хорошо, слухай. Было это после того, как мы французов выпроводили домой и сами погостили в Париже. Атаманил тогда на Дону Платов. Был Матвей Иванович у царя в те времена в большом почёте. Ведь много кровушки казаки пролили на войне с французами. Наполеон всю Европу на колени поставил, а на русских осмыгнулся. Зауважали на Западе царя нашего.

Как завершился Венский совет, решил Александр Павлович по Европе покататься, мир посмотреть. А для авторитета взял с собой и заслуженного атамана.

Иностранцы в друзья к царю набивались, хвалили его, показывали при этом всякие диковины. Царь никого обидеть не хотел, восхищался всем заморским. А Платов как гаркнет на них:

— Это не диво, у нас в России это лучше!

Не то что иностранцам, царю было конфузно¹.

¹ Конфуз — беспорядок, замешательство.

— Не понимаешь ты, Матвей Иванович, в политике. Нужно с ними гладко, да сладко. А то уважать не будут.

— Нет, я так не могу. Казаков уважают за то, что они всем по мордам дают, то есть за умение воевать.

В конце концов решили англичане удивить царя и дарят ему шкатулку со словами:

— В этой шкатулке, царь-государь, диво высокой инженерной мысли.

Открыл Александр Павлович перламутровую шкатулку, а там ничего нет. Ничего не увидел и атаман.

Улыбнулись иностранцы, и в один голос:

— Так вон же, в углке, бриллиантик с горошину. А в нём углубление, где лежит механическая блоха. Положите её на руку, она и оживёт.

Удивился царь. Удивился и атаман. Положил государь это чудо на ладонь, а оно не шевелится.

— Ой, пардон, там ключик лежит, нужно его в живот вставить и семь раз провернуть.

— Нет здесь ключа! — рассердился царь.

— Его только через микроскоп видно.

Посмотрел государь в микроскоп, нашёл ключик, ещё долго мучился пока семь раз не провернул. Зато потом потешился. Блоха у него прыгала долго на ладони как живая.

Решил расщедриться царь, и отвалил за блоху мильён денег серебром. Уложили её в бусинку и спрятали в перламутровую шкатулку. А Платов молча отнял у англичан микроскоп и забрал с собой.

Возвернулись они в Россию, в стольный град. Царь своими делами занялся, а атаман к себе на Дон подался порядки наводить.

Сколько времени прошло, бог его знает, а только Александр Павлович преставился. А на трон пришёл брат его, Николай Павлович. Со всеми делами передали государю и шкатулку злосчастную.

Ничего царь не разглядел мудрёного в этом заграничном приобретении и по совету придворных, велел звать Платова ко двору.

Матвей Иванович поведал все государю про треклятую блоху. И даже передал какое он унижение испытал, когда иностранцы и его, бывалого вояку, удивили.

— Атаман, ты, вроде, домой собрался ехать? Забери эту вошь железную, завези в Тулу до моих ружейных дел мастеров. Пусть они придумают, как надругаться над их инженерами, покажут своё превосходство.

— Хорошо! — согласился атаман и собрался в путь.

Нашёл Матвей Иванович в Туле трёх братьев, именитых мастеров и передал повеление царя. На всё про всё дал им месяц срока. Мол, буду возвращаться, чтоб готово было.

Закрылись братья в избе и ну думать, как иностранцев с носом оставить.

Месяц пролетел как один день. Не успели братья и в спопашиться¹, а лихой атаман уж в оболонки² стучит плёткой.

Вышли братья на крыльцо, младший протягивает шкатулку с поклоном. Открыл старый вояка шкатулку, взглянул на блоху и не нашёл изменений.

— Ах, вы, шельмы какие! Обманули и меня, и царя-батюшку!

Ухватил он младшего брата по кличке Левша и бросил его в тарантас.

— Поедешь со мной ко двору, там всё и расскажешь, плут этакий.

Зашёл Платов в царские палаты и передал шкатулку государю. Тот осмотрел её и ничего русского не нашёл на блохе.

— Не может быть, чтобы мои оружейники меня подвели.

— Сейчас, Ваша светлость, представим перед Вашими очами мастера.

¹ Спопашиться — спохвататься.

² Оболонки — ставни.

Левшу, как он был в лаптях разбитых и фартуке кузнечном, так и заволокли во дворец.

— Что же ты, милейший, царя своего подводишь? Почему волю его не исполняешь?

— Ваше императорское величество, всё исполнено, как велено. Извольте посмотреть блохе на ноги.

Тут Платов вытащил микроскоп, уместил на стекло блоху и показал царю.

— Матвей Иванович! Мастера – молодцы! Они подковали блоху!

— Я извиняюсь, Ваше величество, но там на подковах стоят два клейма моих братьев.

— А почему твоего клейма нет, Левша?

— А мои стоят на ухналях¹, Ваше величество.

— Ну, молодцы! Только вот механизм сломали, не прыгает плутовка. Ну, и чёрт с ней. Главное, утёрли заморским мастерам нос. Левшу обуть, одеть и с посланцем отправить за границу показать им наше мастерство.

Всё было исполнено. Наутро Левша уплыл за границу. По приезду он, конечно, удивил мелкой работой, да ещё без микроскопа. Стали заморские мастера спаивать Левшу, да секреты у него выманывать. А не было у него никаких секретов. Мастерство приходит от трудолюбия и усидчивости.

Стали они просить нашего мастера остаться у них на житьё, чтоб его наукам и арифметике обучить. Уверяли, что из русского мастера хороший инженер получится.

— Не нужно меня учить. Я с учеников давно вырос и имею звание мастера ружейного.

— Да какой, ты, к чертям учёный! Два и два сложить не можешь. Почему блоха прыгать перестала? А потому, что механизм был рассчитан на вес ног, без ничего. А вы навесили подковы, без расчётов. Механизм и сломался от перегруза.

¹ Ухналь – специальный плоский гвоздь для прикрепления подков.

И стало стыдно Левше от этого и захотелось ему домой, в Тулу. А ещё он выведал секрет за границей, который состоял в том, что не чистили англичане кирпичом ружья.

По приезду домой Левшу к царю не пустили. А вот Матвей Иванович принял. Долго он слушал мастера, подливая кавказской водки. А на утро сказал:

— Не у дел я теперь, Левша. Отставку дали. Не могу приказать царской армии кирпичом не чистить дуло у ружья. Казаки никогда так не чистили, потому как пули болтаться будут и убой пропадёт. А вот по приезду на Дон на большом кругу, буду убеждать казаков, что детей наших грамоте и всем наукам учить надобно.

И с тех пор, Петруха, казачата не только учатся военному делу на Дону, но и всем наукам. Чтоб, как Левша впросак не попасть.

Ведь вас же учат не так, как в России. На Дону розгами не бьют. Ещё наши старики говорили: «Бить можно скотину али рабов, но не будущих воинов, которые завтра завоюют весь мир». На колени в угол на горох не ставят. Бытует такая поговорка «Если казака поставишь хоть один раз на колени, он с них никогда не встанет, преломится его казачья составляющая». А вы этого не понимаете и не цените.

Лодка давно уж ткнулась в берег. Сом уснул и не шевелился. А парнишка слушал старого казака, раскрыв рот.

— Дедуня, ей-Богу, я больше не пропущу ни одного урока и училище закончу с грамотой. И нынешние уроки я выучу. И спасибо тебе за такой поучительный рассказ.

— Ишь ты, шельма какая. Настоящий казак. Его бранишь¹, а он благодарит. Иной раз и казак какой осмыгнётся² по жизни, ему на майдане плетей горячих всыпят, а он без обиды благодарит народ за хороший урок.

¹ Бронить – ругать.

² Осмыгнуться – здесь: ошибиться.

Казак и угаса

Было это давным-давно, до казачьей государственности ещё. Сидело как-то счастье в своём тереме и пролистывало свои учёты, сверяя, кого оно осчастливило.

Застыдилось родимое, ведь не удосужило¹ вниманием казака Степана Семижила. Хоть во втором-то поколении, но должно же счастье в казачий курень заглянуть.

Родители у Степана сгнули в пучине донской при полой воде ещё по молодости. Остался мальчонка сиротой. Сжалился атаман, взял его в становую избу к старикам бездомным на воспитание.

Старики, хоть были и немощные, но жизнь прожили славную, духа были крепкого и ума не дюжинного. Много чему жизнь матушка их научила.

Вот и передавали они свои знания и умения сиротам казачким. Всегда считалось, что малец, воспитанный при атамане стариками, крепче будет стоять на ногах.

Ведь жизнь с измальства не давала сиротам побаловать себя лишней раз. Всегда они были при деле, да под присмотром.

Собралось счастье в путь, наложило в суму всяких благ человеческих и полетело на Дон. Быстро оно нашло курень, который врос в берег речки Песковатки, недалече от Казанского городка.

¹ Удосужилось – счесть необходимым или желательным сделать что-либо.

Хозяин покойный промышлял рыбалкой, вставал рано. Он не хотел постоянно тревожить дозорных казаков, поэтому и построил себе жилище в сторонке. А курень-то уж давно был нежилым. Крыша провалилась, дверь упала, всё поросло бурьяном да крапивой.

Вздыхнуло тяжело счастье, сожалея, что не смогло оно осчастливить казака. Смотрит, а на берегу, на бревне, сидят две женщины. Подходит счастье ближе и диву даёт. Признало оно в них горе горькое, да смерть лютую.

— Неужто и вы по душу Степанову прибыли?

Смерть взглянула на гостью и ничего не сказала, только опустила голову на костлявые ладони.

А горе охотно поведало о том, что помыкались они по белу свету за Степаном. Так он им не поддался. Видать, не зря его Семижилным кличут.

— Будь он неладен, будем дома его поджидать, если конечно явиться с чужбины. Лети, может ты отыщешь его на белом свете.

Перевело счастье дух и опять отправилось в путь. Долго оно мыкалось по дорогам степным, да трущобам¹ лесным, пока не нашло Степана у костра на берегу Дона. Казак, пустив коня на попас, колдовал над казаном.

— Вечер добрый, мил-человек, – поздоровалась гостя.

— И вас храни Господь, добрая женщина. Присаживайтесь к костру поближе, кулеш подошёл, вечерять будем.

Казак ловко снял казанок с треноги, уместил его на камень, достал две ложки и нарезал хлеба. Гостя покорно сидела на бревне и ожидала, когда хозяин закончит суетиться за импровизированным столом. Насытившись, Степан вытянулся у костра и стал рассматривать незнакомку.

— Куда путь держим, уважаемая, и как мне вас величать?

¹ Трущобы – труднопроходимое, густо заросшее место.

— Зовут меня счастье человеческое, а шла я к тебе, Степан. Хочу тебя осчастливить.

— А зачем меня счастливить, когда я и так счастлив?

— Это как ты можешь без моего ведома быть счастливым? – возмутилась гостя.

— Ну, как сказать. Счастье оно не бывает большим и целым. Казачье счастье заключается в том, что с боя я вышел живой и не раненый. А почему жив, да потому что ратному ремеслу с детства учился. Счастье в том, что я сыт. А почему сыт? Да потому что ловок на охоте и стрелок отменный. Счастлив казак от того, что у него друзья надёжные. А почему я в них верю? Да потому, что сам за каждого голову свою готов сложить. Вот и получается, там крохи счастья, да там немножко, а больше мне и не надо. Для казака главное не счастье, а удача. Без удачи у нас, в Диком поле, долго не протянешь. Но не надо на неё уповать, сам должен быть во всём молодцом.

— А где же она, твоя удача?

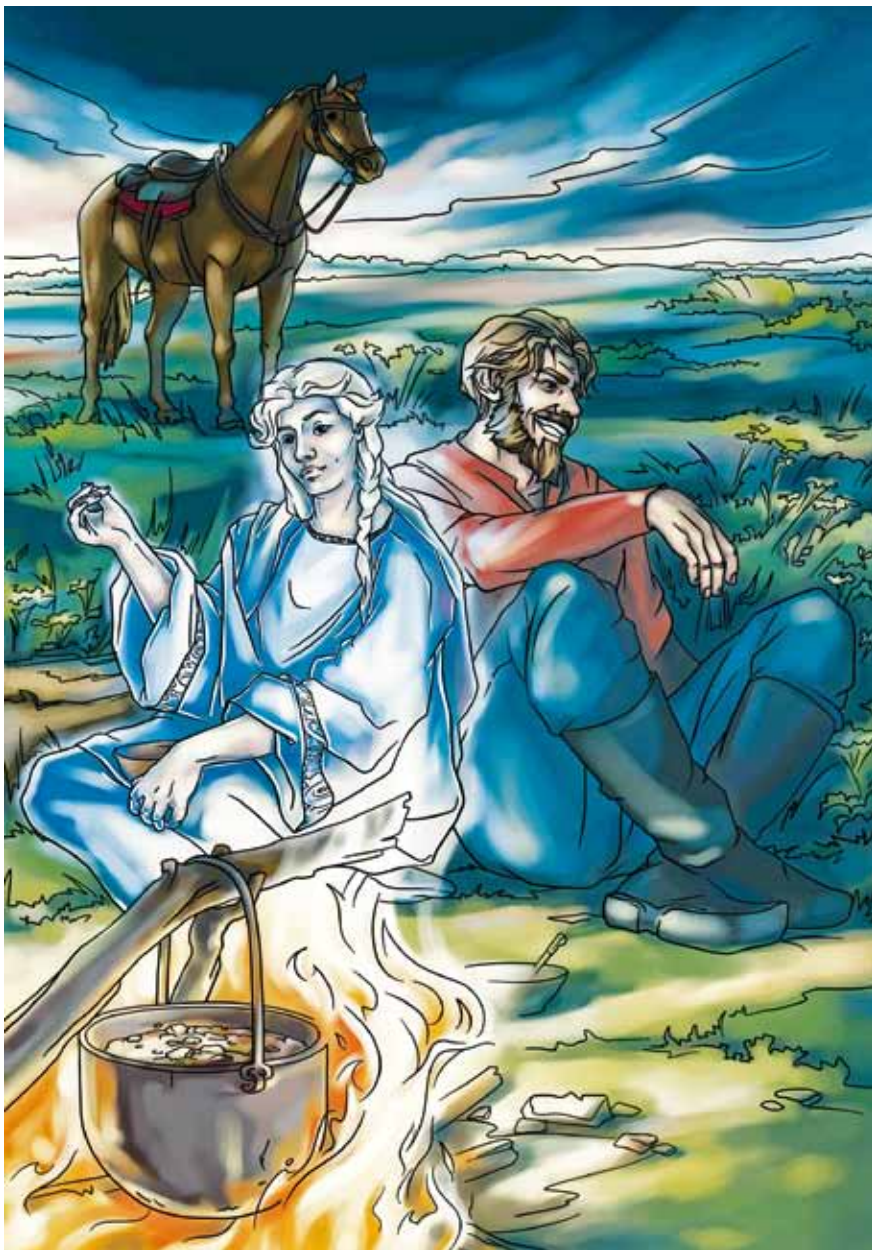
— Да с братьями казаками полетела в чисто поле за басурманами гонять. Им она зараз нужнее. А мне-то что, абы кулеш не пригорел.

Задумалось счастье, чем же добру молодцу угодить.

— А давай, я тебе славную казачку в жёны подберу, и будешь ты семьёй счастлив.

— Да ты думаешь, милая, мне добро сделаешь? Ан нет. Оженюсь я, срублю себе в городке курень, заведу детишек, а тут шасть тебе через порог две подруги, горе горькое, да смерть лютая. А у них совсем другие планы на меня, чем у тебя. Нет уж, я в чистом поле погарцую, да жизни порадуюсь, пока кровь горячая в моих жилах бежит.

Перевернулся Степан на спину и, глядя в бездонное небо, запел свою любимую песню, составленную им же из казачьих поговорок:

Эх, жизнь казачья – кутерьма.
Родная хата, как тюрьма.
На волю рвётся всё душа
И лишь в бою жизнь хороша.

Перина – сено луговое.
Лишь Млечный путь всегда с тобою.
В казачьем сердце страха нет
И на сто бед – один ответ.

Казачья шашка – верная жена
В бою всегда спасёт она.
Твой верный друг – конь боевой,
Мы не расстанемся с тобой.

И горсть родной земли
В узелке на смерть мы сберегли.
Но не дождётся враг кончины той,
Удача ведь, всегда с тобой...

Подумало счастье над словами казака, да и согласилось с ним.

Казагья смекалка

К сожалению, я не знаю, была эта история правдой или байкой, которую рассказывали старики своим внукам на ночь. Но случилась она на Верхнем Дону ещё до образования казачьего государства – Всевеликого Войска Донского.

В это время на Руси правил Иван Грозный, политика которого заключалась не только в укреплении государства, но и в присоединении к нему новых земель.

В 1556 году Россия после ряда удачных военных операций присоединила к себе Астрахань, конечно, не без помощи казаков.

Такое поведение агрессивного растущего государства вызвало противостояние в кавказском регионе.

В 1569 году султан Селим XI направил войско к берегам Волги под командованием Касима-паши в количестве двадцати двух тысяч турок, а крымский хан Девлет-Гирей – восемьдесят тысяч татар.

Царь выставил русское войско под командованием Петра Серебряного-Оболенского, усиленное донскими казаками.

У Султана были большие планы. Он хотел отвоевать для себя земли до средней части Дона и Волги. Место, где русла рек подходили близко друг к другу турки хотели соединить каналом. Им было нужно как бы закольцевать водный путь и плавать на кораблях из Азовского моря на Каспий, установив там свою власть.

Казаки на майдане¹ с радостью решили помочь царю, потому как видели в этом походе турок угрозу и для себя. К этому времени всё донское казачество уже было готово объявить о создании своего государства. Султан же планировал присоединить Донскую степь к своему ханству.

Кроме этого, Переволоком² пользовались и сами казаки. Весной, когда две великих реки разливались по степи, в местечке Переволок они практически соединялись, и казаки переволакивали свои струги с Дона на Волгу и шли гулять по Каспию.

Турки на кораблях пришли к Азову и по Дону решили подняться до Переволока. С войском шло около тридцати тысяч землекопов из Крыма, которые и должны были прокопать канал для кораблей. С помощью этой флотилии турки и хотели осадить Астрахань.

Ещё в начале похода Касим-паша вызвал к себе самого верного мин-баши (тысячника), по имени Атмаджа. Не зря его имя на русский переводилось, как ястреб. Это был резкий, волевой, умный и дерзкий воин.

— Возьми под своё начало ещё тысячу воинов, больше нельзя, иначе твоё перемещение будет слишком заметным. С нами дойдёшь до среднего Дона, мы уйдём на Волгу, а ты поднимешься на Русь, и, будто самостоятельная орда, пройдёшь по её окраинам. Пошлешь лазутчиков вглубь страны с целью проследить, не будет ли подмоги из Москвы. От своих людей я уже знаю, что нам навстречу войско выйдет из Казани, но оно в два раза меньше моего. Меня беспокоят казаки. Мы пройдемся по их землям, и поэтому они уйдут под начало царского войска, против нас.

А вторая твоя задача – на обратном пути собирать побольше скота. Старайся брать быков, с ними мороки меньше,

¹ Майдан – место собраний, сходов у казаков.

² Переволок – междуречье.

а мяса больше. К этому времени в войске уже будет проблема с продовольствием.

На Русь пойдёшь старой дорогой, Кальмиусской сакмой¹, через Казанский городок. Там броды мелкие, берега пологие. Казаков не тронь, получишь от них проблемы.

Тысячник низко склонил голову, скрестил руки на груди и, пятясь, вышел из шатра на улицу.

Отбрав себе воинов в количестве двух тысяч, Атмаджа шёл обособленно в составе войска.

На последнем привале, уже против Переволока, ночью две тысячи всадников тихо ушли во тьму. С начала похода воины резали баранов и сушили над кострами мясо, заготавливали тонкие сухие лепёшки, наполняли бурдюки водой.

На Верхнем Дону отпраздновали Троицу, и казаки, взяв косы и прихватив пищали с саблями, вышли на заливные луга на сенокос. Времена были непростые. Тремя днями раньше, дозорные прискакали в городок и доложили, что по степи на брод идёт войско татар, количеством около двух тысяч. Шли они тихо и ходко, без разведки. Всё имущество походное везли на вьючных конях. Значит, держали путь на Русь. С ходу казачий городок не возьмёшь, нужна осада, а для этого им необходим обоз.

Казаки сопроводили татар за речку Казанку и отправили на север вестовых, оповестить о непрошенных гостях.

— Атаман, допоздна ли косить будем?

— Нет, Митяй. Трохи косами помахайте и – в городок на ночь рысью. Непокойно нынче. Дозоры нужно усилить. Полгородка казаков в поход на Астрахань ушло. Если что, то туго нам придётся.

¹ Кальмиусская сакма – один из основных путей (шлях, сакма), использовавшийся преимущественно ногайцами при набегах на Русь.

А тут ещё татарва проскакала. Когда обернётся, богу только известно. Может, захотят в гости к нам заехать.

Но сенокос не остановим, коней нечем зимовать будет, – озабоченный атаман пошёл осматривать укрепления городка.

Поднявшись флотом до Переволока, рабочие приступили к работе. Турки пытались прорыть канал от Дона к Волге. Там войско ждало прибытия каравана судов, на которых доставлялось снаряжение. Однако, по его прибытии переволочь суда на Волгу не удалось.

Атмаджа устроил себе ставку на берегу лесной речки. По всем дорогам выставил заслоны. Его отряд ждали уже в окрестностях Москвы, но тысячник и не собирался в гости к царю.

Доходили слухи до воевод, что в разных местах внезапно появляется небольшой отряд татар и угоняет скот. Но им было не до таких мелочей, ожидалась большая война. Воеводы держали свои дружины наготове, чтобы в любой момент по грамоте царя отправить их на битву.

Крестьяне и сами неплохо владели вилами и луком. Отряд Атамджи понемногу терял своих воинов.

В загоне уже собралось большое стадо упитанных быков, но приказа трогаться не было. Тысячник ожидал гонца, видать, что-то пошло не так у Касима-паши. Уже две луны прошло с тех пор, как паша ушёл на Русь, и Атамджа просто не знал, куда гнать скот. Передвижения войск по дорогам на Руси не наблюдалось, все дозорные вернулись в становище. При докладе сотников выяснилось, что практически пол-отряда осталось в русских лесах.

Атамджа всю ночь молился, прося у Всевышнего сил и мудрости. Наутро он вышел из юрты и отдал команду собираться в обратный путь.

Воины знали своё дело, и лагерь, быстро снявшись, ушёл на юг.

Подступив к Астрахани, турки и татары 16 сентября 1569 года начали осаду. Войско расположилось двумя лагерями, воины соорудили для себя полевые укрепления и начали рыть подкопы под крепостные стены.

Но изначальный план сломался, и всё пошло спонтанно. Подкопы, не закончив рыть, бросили, потому что зачастили дожди, и не получавшие оплату труда рабочие разбежались. Через некоторое время общее недовольство рабочих передавалось и солдатам, осаждавшим город. Оно выражалось в возникавших время от времени беспорядках. Зимовать под Астраханью янычары не захотели и взбунтовались. Всё это привело к остановке Касимом-пашой земляных работ, с одобрения султана и великого визиря.

Под Астрахань прибыла рать Петра Серебряного-Оболенского, которая, хотя и была немногочисленной, по сравнению с османско-крымским войском, однако, угрожала лагерям осаждавших.

На помощь московскому войску подошли и поляки. Польские наездники, наезжая на турецкий лагерь тревожили врага ружейным огнём.

Сильную поддержку русским воинам оказали и казаки.

В результате, ввиду больших потерь, Османская армия была вынуждена снять осаду города и уйти. 26 сентября турки и татары зажгли свои укрепления и удалились от города. На обратном пути часть воинов погибла от голода и болезней. На Дону остатки турецко-татарского войска атаковали казаки. В Азов вернулось только 700 солдат.

К переправе в районе Казанского городка турки со своим стадом подошли к обеду. Это не было неожиданностью для казаков. Ещё с утра дозорные доложили мин-баши о дымовых сигналах по степи. Иногда, вдали на курганах турки видели одиноких всадников. Но попытки догнать их ни к чему не приводили – казаки, как дым, таяли в ковыльной степи.

Окружив стадо со всех сторон, янычары пытались загнать его в реку, где был брод. Но, напившись, быки уступали место напивавшим сзади, отступали в сторону. Они никак не хотели заходить в незнакомую реку. Воины пытались грудью своих коней затолкать их в воду. Но быки стали бить тех рогами, и они шарахались в сторону.

Казаки, спрятавшись за крепостными воротами, угорали со смеху от таких скотоводов.

Мин-баши буквально рассвирепел:

— Убейте всех этих собак, вместе с их щенками, – закричал он и поскакал к Казанскому городку.

Оставив затею с переправой, янычары бросились к городку, который находился на острове. С юга был глубокий Дон, с востока текла по глубокому промытому руслу бурная Песковатка, а с запада по болотице бежала искусственная речка Варгунка. Через эту речку и был перекинут хитрый мост. Он был подъёмным, а за ним дорога к воротам, которая поднималась под стеной. Пока всадник доберётся до ворот по косогору, его наспигуют стрелами, как ёжика, да ещё он и пулю получит. По самой речке были вбиты заострённые колья, а на дно вверх зубьями набросаны бороны.

Подскакав к мосту, янычары стали советоваться, как им быть.

Попытки форсировать Варгунку ни к чему не привели. Напорившись на острые зубья и колья, кони шарахались в сторону и падали в воду, теряя наездников. Горе-нападающих, не

тратя пуль, казаки добивали стрелами. Потеряв несколько десятков воинов, турки отошли назад.

Спешившись, они открыли огонь из луков и пищалей, но не по защитникам, а по верёвкам, удерживающим мост. Буквально каждый выпустил лишь по три стрелы, и тут лопнула одна верёвка, затем и другая. Турки завизжали от восторга, они думали, что победа близка.

Вскочив на коней, янычары перелетели мост и под стеной поскакали к воротам. Нападающим было неудобно стрелять снизу вверх, зато казаки от души палили по ним сверху.

Только каждый третий турок доскакал до ворот, и то пожалел, потому что там был получен ещё больший отпор. Пока задние напирали, передние уже скакали назад, прикрыв головы. Атака захлебнулась, и кто смог, отскочил подальше от крепости.

Атаман, получив доклад от дозорных о передвижении турок, вздохнул и сказал:

— Ну, и слава Богу, дождались гостей. Видать, братья-славяне их добре потрепали, полвойска турки потеряли. А скот они гонят, видать, для паши, голодают янычары. Нужно им как-то помочь.

— Так мы, что, с бабами вылазку будем делать, атаман?

— Да ты что, Митяй? Вроде, у атамана не первый год в есальцах ходишь, а ума не прибавил. Смотри, чего они удумали. Не иначе тараном пошли? А ну, казаки, к воротам рысью!

Прискакав на переправу, где мирно на лугу паслись быки, турки окружили их, начали хлестать, колоть пиками в спины. Скотина заревела в один голос и бешеным галопом полетела по устроенному всадниками коридору. Быки, еле помещаясь на мосту, уже летели вверх под стеной к воротам. Сзади с улю-

люканьем неслись янычары, но град из пуль и стрел быстро остудил их пыл и, развернувшись, они уже неслись назад. Но когда турки остановились и развернулись, от увиденной картины в один голос завыли, как волки.

Быков под стеной не было. Они залетели в вовремя раскрытые ворота, которые защитники опять накрепко заперли.

В бессильной злобе нападающие посылали проклятья осаждённым. Турки уже потеряли четверть воинов, но их положение только ухудшилось. Янычарам нужно было каким-то образом вытащить защитников городка в чистое поле.

Рыжий воин по имени Альтюг, что в переводе с турецкого языка на русский означает «красный лошадиный хвост», выехал вперёд и начал корчить рожи и дразнить казаков. Те прекрасно понимали его, но не реагировали. Тогда турок встал на седло и заголил задницу.

— Ну-ка, Митяй, убери эту срамоту, — попросил атаман.

Казак вскинул пищаль и, не целясь, выстрелил. Митяй и не надеялся, что попадёт, слишком было далеко. Но пуля попала в цель. С диким воплем турок свалился с лошади.

— Вот ты, Митяй, лыганул, ну прям по срамоте попал, — хотали казаки.

Впоследствии, Митяй до смерти проносил легендарную кличку «Лыга».

Янычары, понимая, что ничего сделать не могут, пошли на переговоры.

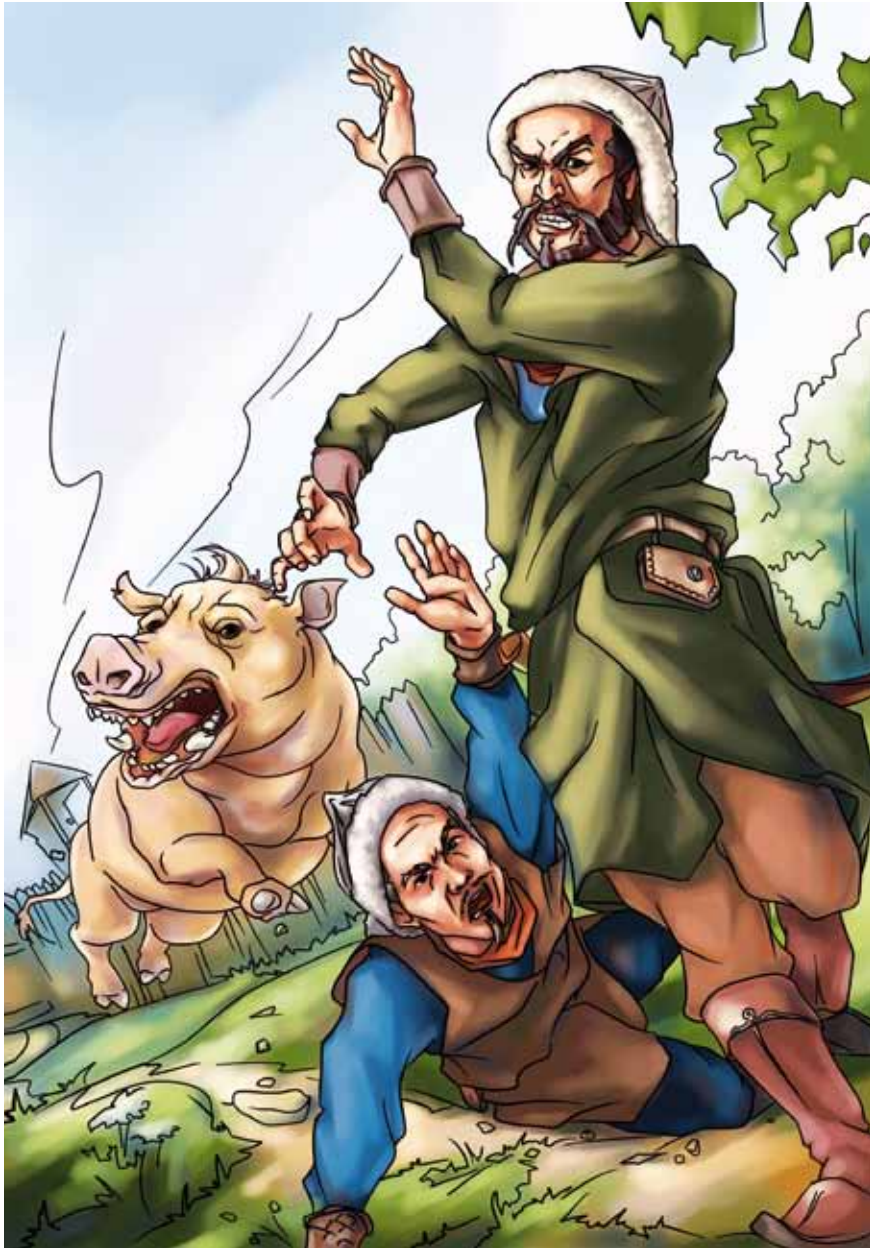
Они кричали:

— Атаман, отдай нам быков, и мы уйдём сразу.

— Да не, нам с вами веселей! — кричал тот в ответ.

— Ну хорошо, оставь половину себе, а половину выгони за ворота!

— Ладно, это вам от казаков в подарок, чтоб не голодно было домой ехать! Митяй, сделай гостям добро!

Казак прыгнул со стены и побежал в городок. Через некоторое время ворота стали открываться, и янычары одобрительно закричали.

Из ворот медленно вышел огромный рябой боров и не спеша пошёл к мосту, видать, он так выходил в пойму на попас.

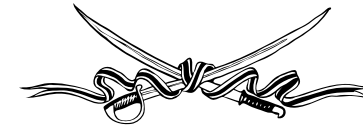
Непрошенные гости дико взревели. Они выпустили в борова с дюжину стрел и ускакали к переправе.

— Ну вот те раз, видать, мы чем-то не угодили, Митяй? Но будет чем победу отпраздновать, мяса на всех хватит.

— А с городка-то один боров и пострадал, — засмеялся казак.

Так казаки отстояли Казанский городок, а весной послы московского царя Ивана Грозного смогли подписать мирный договор с турецким султаном Селимом XI.

В этом же, 1570 году, было образовано казачье государство — Всевеликое Войско Донское.

Конь боевой

Хозяин вывел на рынок и удачно продал двух лошадей, Милку и Буяна.

Обеим было по четыре года. Молодые, здоровые. Обучены плуг тягать, и запрягались в телегу или арбу.

От избытка молодой энергии лошади ходили только рысью, постоянно придерживаемые возницей. Сейчас они шли в поводу за новым хозяином.

— Буян, а Буян, а нас, случаем, не на убой ведут, — поворачивая голову к соседу, спрашивала лошадка

— Да нет. Мы молодые. Нам пахать ещё и пахать. А тебе ещё и жеребят приводить хозяину. Он не для того за нас деньги хорошие дал, чтоб на убой вести.

Отставной казак Игнат Петрович Суяров решил после службы свои паи обрабатывать собственными силами. Для этого он прикупил сельхозинвентаря, пару лошадей да пару волов. Подправил старую воловню, а вот конюшню поставил новую.

Открыв ворота, которые даже не скрипнули, он завёл лошадей и поставил их в стойло, задав свежескошенного сена.

— Смотри, Буян, хозяйской лошади торбу с овсом на морду приторочили, а нам только сена дали.

— Ничего, Милка, и мы себе на овёс заработаем.

— Ты глянь, этот жеребец в нашу сторону и не смотрит.

— Да старый он уже. Ему всё едино, кто рядом в стойле стоит.

На следующий день ни свет ни заря новосёлов вывели из конюшни, и они целый день до седьмого пота тягали косилку на лугу.

Вечером, искупав лошадей в реке, хозяин завёл их в стойло, задав им сена и немного овса.

— Ну вот, Милка, мы тоже будем пировать.

Хозяйский конь их не слушал, он стоял, опустив голову, и думал о чем-то своём.

Не успели лошади за ночь хорошо отдохнуть, как Петрович, набросив на них хомуты, поехал опять на луг.

Целый день лошади тягали грабли, а казачки ходили следом, сбивая вилами валки в копёшки.

Вечером, напившись чистой водицы, Буян и Милка побрели домой.

— Ты смотри, Буян, наш сосед и знакомиться не хочет с нами. Что у него за привилегии такие? Он ни косит, ни пашет, а стоит в холодке и жуёт свой овёс. А может он какой особый...

Не договорив, Милка уснула, стоя, уронив голову.

Утром казак уже кричал на своих новобранцев:

— Тпру! Стой! Куда прёшь! Заступила за постромку! Дай барки зацеплю.

И опять целый день Милка с Буяном тягали гружёную сеном арбу на гумно. Пена хлопьями падала с боков лошадей.

— Но-о-о! Пошли-и-и-и! Последнюю ходку, и на баз отдыхать, — покрикивал хозяин.

После работы лошади попили из корыта у колодца и сами зашли в стойло.

— Фу! Я так больше не могу, Буян. У меня вон уж бока запали, рёбра да шкура остались.

— Потерпи, Милка, зимой отдохнёшь.
— Ага! А ещё рожь не косили. А затем букарь¹ тягать будем.

— Да не. Плуг волю будут волочить.

— А сосед вон стоит и ухом не ведёт. Мы ему сено косим, гребём, возим на гумно, а ему только остаётся жевать да дремать.

— Эй, сосед! Ну расскажи, чем ты лучше нас?

Конь нехотя встряхнул гривой, стукнул кованым копытом о дубовый настил и молвил:

— А в том, милейшая, между нами разница, что я конь боевой, элита казачьей конницы, а вы рабочие лошадки. Выбраковки. Вас комиссия забраковала и в строй не поставила.

— Но также не справедливо! – вскинула морду Милка. Мы вкальваем с утра до ночи, не снимая хомутов, а ты киснешь здесь в стойле.

— Эх, уважаемая, да прежде чем стать боевым конём, меня гоняли в огонь и в воду не один год. С тебя семь потов сошло, а с меня все сто. И только после того, как я перестал бояться всего, как научился без слов понимать своего хозяина, нас отправили в пекло. Я стал для хозяина верным другом. Да, именно так меня казак и называет.

Видишь, на груди шкура подпорчена, это я, встав на дыбы, спас своего товарища от пики. А когда нас зажали в ущелье, лёг на землю, Петрович из-за меня с карабина отбивался, а я пули получал в круп и терпел. Вот ползагривка нету, это я отбил удар сабли, спасая своего друга. А сколько раз его раненого уносил с поля боя. Полковой коновал говорил: «Замените коня, на леченом далеко не уедешь». А мой Петрович ему перечил: «Вон у меня сколько товарищей через лазареты прошло, и я сам не раз леченый, а воюем пуще прежнего. Своего

¹ Букарь – двухлемешный плуг.

боевого товарища я ни на кого не променяю. Вместе встали в строй, вместе и погигать будем али в старости доживать».

А ты знаешь поговорку «Старый конь борозды не испортит»?

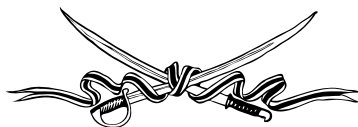
— Ну, слышала и хорошо, что не испортишь.

— А не испорчу я её потому, что в борозду меня хозяин и мой товарищ никогда не поставит.

— Так тебя и на живодёрню не сдадут? — удивилась Милка.

— Да вы что!? Кто же своих боевых товарищей предаёт да ещё в расход пускает!?

Будем мы с Игнатом Петровичем вместе каждый свой век доживать. Так на Дону заведено, спокон веку.

Легенда о Кудеяре

Легенды про разбойника Кудеяра бродят от Подмосковья до Низовьев Волги. Не обошла эта участь и Верхний Дон. Рассказывали их не только крестьяне и казаки, этот былинный персонаж попадал и на перо великих писателей. Одна из версий песни про народного героя, а его называли не иначе, как русский Робин Гуд, звучала так:

Было двенадцать разбойников,

Был Кудеяр атаман.

Много разбойники пролили

Крови честных христиан!

Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!

Так в Соловках нам рассказывал инок честной Питирим.

Много добра понаграбили,

Жили в дремучем лесу.

Сам Кудеяр, из-под Киева

Вывез девицу-красу.

Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!

Так в Соловках нам рассказывал инок честной Питирим.

Днём с полубовницей тешился,

Ночью набеги творил.

Вдруг у разбойника лютого

Совесьть Господь пробудил.

Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!

Так в Соловках нам рассказывал инок честной Питирим.
Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить;
Сам Кудеяр в монастырь ушёл
Богу и людям служить!
Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал сам Кудеяр – Питирим!¹

Где только Кудеяр не разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани приходил, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску, поползли о нем слухи и по Дикому полю². Везде он свои станы расставлял и много драгоценностей зарыл в землю, да все с проклятиями: страшный был колдун.

Если он ложился отдыхать на свой любимый кожух, то один глаз его не закрывался и смотрел вокруг, а одно ухо вслушивалось в птичий гомон. Перевернувшись на другой бок, разбойник открывал второй глаз. В случае опасности, он вскакивал и бежал к Дону. Брошенный в реку кожух, превращался в лодку с вёслами, и неуловимый Кудеяр плыл на другой берег.

Пришёл атаман с шайкой изначально в двенадцать душ. Среди них была одна женщина, не менее коварная, чем мужчины. Звали её Анной. В час отчаяния Анна стала невенчанной женой атамана и ходила с ним во все набеги.

Разбойники на лесных дорогах простой люд не обижали, а вот ни одного купца или богатея попавшегося им на пути они не щадили. Как известно, на Верхнем Дону, несмотря на непроходимые леса, был перекрёсток всех торговых путей, потому что река в этом месте была широкой, но мелкой. На бродах

¹ В основе народное сказание о Кудеяре-атамане. Автор Н. Некрасов.

² Дикое поле – историческая область неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке.

можно было коню и пузо не замочить. Тут и поджидали богатеев разбойники, отнимали у них и ценности, а порой и жизнь.

Казаки первое время бандитов не трогали, потому как ходили слухи, будто бы Кудеяр это сын князя Московского Василия Ивановича, старший брат самого Ивана Грозного!

Такая терпимость продолжалась до 1570, знакового, года, когда казаки объявили всему миру о том, что в Диком поле появилось новое государство, Всевеликое Войско Донское. Казаки заключили с Иваном Грозным союз, по условиям которого они должны были воевать только на стороне Российского государства и оберегать её южные рубежи. Путь через казачье государство должен был быть самым безопасным. И казаки своё слово держали крепко.

* * * * *

Ещё за тысячу лет до крещения Руси в верховья Дона поднялся один из двенадцати учеников Иисуса Христа, апостол Андрей Первозванный. Он проповедовал Евангелие и основывал первые христианские общины. Храмы строить в Диком поле было небезопасно. Кругом была тьма безбожников-кочевников, которые могли святыню ограбить и спалить. Монахи начали долбить монастыри в меловых горах.

На правом обрывистом берегу, между Казанским и Успенско-Донецким городком, в толще меловых отложений был выдолблен Демидовский православный монастырь.

Он был выдолблен в три яруса. На нижнем проходили Богослужения. Крестные ходы шли вокруг установленного в центре алтаря. На втором ярусе располагалась трапезная, кухня, кладовые. На верхнем были выдолблены кельи для чернецов. Монастырский колодец был сооружён так, что с любого яруса можно было набрать ключевой воды, опустив ведро на верёвке. Вентиляция помещений шла снизу вверх, до вершины горы.

Монастырь был подобен муравейнику. Он постоянно расширялся. Секретные выходы были под рекой и в лес. Залежи мела в тех местах уходили под землю более чем на сто метров. Войти в обитель было непросто. Каждый монах был воином, каких ещё поискать. Да и набожные казаки приглядывали за монастырём.

* * * * *

На пустынном берегу реки, под отвесной меловой горой, поросшей в вершине кустарником, лежал перевёрнутый каюк. Рядом у костра возился мужчина, облачённый в ветхие одежды отшельника. Он подкидывал хворостинки в огонь, разведённый под старым чугунным казанком, где уже закипала смола.

Его взгляд исподлобья постоянно был направлен на противоположный берег, от которого отчалила невесть откуда взявшаяся лодка. Божий человек свистнул и, посмотрев на высокий берег, занялся своими делами, так как понял, что его услышали.

— День добрый, божий человек, — поздоровался крепкий мужчина, возрастом немногим за сорок лет.

— Храни Вас Господь, странник.

— А с чего ты взял, что я странник?

— Ну от того, что тебя я вижу впервые, а всех в округе знаю. Даже лодка не из здешних вод. Значит ты откуда-то прибыл.

Взяв мешок и кинув его за плечо, незнакомец улыбнулся в густые усы и спросил:

— Святой человек, а как мне с отцом Феофаном встретится?

— Не ведаю я о чём речь, мил-человек.

— Я хочу пожертвовать на вашу обитель и исповедаться.

Осмотревшись по сторонам, вытирая руки об ветошь, чернец внимательно посмотрел на гостя и молвил:

— Ну что ж, это благое дело мил-человек, вон там, за кустом кислицы, тропинка в гору, иди с богом, тебя встретят.

Пока мастеровой помешивал смолу, мужчина за его спиной, прохрустел ракушками, которыми был усыпан меловой берег. Посмотрев вслед, инок удивился тому, что в такую жару через плечо у странника был перекинут кожух. Он резко обернулся, и по его спине пробежали холодные мурашки. Лодки на берегу как и не бывало.

— Кудеяр, Господи прости, — прошептали побелевшие губы. Но на берегу, путника уже не было.

* * * * *

Сняв с гостя повязку, его пригласили присесть на лавку и подождать. Буквально тут же, шурша длинными одеждами, в помещение вошёл настоятель в чёрном капюшоне. Посмотрев на пришедшего, движением руки он отпустил стоящего у двери инока и обратился к гостю:

— Что привело тебя, сын мой, в нашу скромную обитель?

— Кудеяром меня кличут, хочу исповедоваться я и принять постриг.

— А что же тебя сподвигло на это?

— Да месяц назад загубил я служивого с посольского приказа. Очень просил он его не трогать. Пятнадцать душ детей у него остались сиротами. Сняты они теперь мне каждую ночь. Мочи нет. Велел я своим уходить с этих мест. Казаки предупредили нас, чтоб не паскудничали мы здесь и не шли супротив Российского царя. Вот моё первое пожертвование.

Развязав вещевой мешок, разбойник достал увесистую шкатулку.

— Вот, отец Феофан, мой вклад в дело Божье.

Под крышкой оказались золотые монеты и камни, которые засияли всеми цветами радуги.

— Каждый год, в это время, я буду приносить столько же. Я думаю, это поможет укрепить наш приход. Но только никто не должен знать, что я у вас в монастыре.

— Хорошо, сын мой. Тебе покажут твою келью, дадут миною, и готовься к постригу. Главное – убери свою гордыню и склони голову перед Господом Богом.

Кудеяр молча вышел за монахом.

На берегу была суета. Причалило несколько будар, и с них казаки высадили на берег двенадцать связанных пленников.

— Отец Феофан, исповедуй перед смертью душегубов, – обратился казак к священнику. Тот склонил голову в знак согласия.

Разбойников завязали в кули и сбросили в Дон. Но, не всех вместе шайкой. Их сбрасывали с будар вниз по течению от Демидовского монастыря до Казанского городка, чтобы они уже никогда и нигде вместе не встретились.

На вершине Демидовской горы на коленях стоял монах и неистово молился за свои грехи и за грехи своих товарищей. Не послушали они его, не покинули казачьих мест, продолжая разбойничать, во главе с атаманшей Анной.

Говорят, с тех пор поперёк Дона выросли двенадцать дамб, по числу утопленных разбойников. Как будто они противились реке, которая смывала их грехи. А в самые жаркие месяцы лета, когда река садится, дамбы пытаются выйти из воды, как будто вдохнуть свежего воздуха.

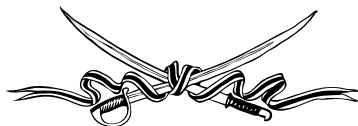
Казаки же в последствии узнали, где скрывался и замаливал свои грехи разбойник Кудеяр. Они не одобрили поступок настоятеля.

А награбленное добро пошло на укрепление православной веры на Верхнем Дону. Через сто лет, когда казачьи земли перестали подвергаться набегам степняков, монахи Демидов-

ского монастыря обратились к казакам Казанского городка, выделить им земли для строительства монастыря. Но получив отказ, обратились с этой же просьбой к Мигулинским казакам. Те дали согласие, и монахи, которых на службе было уже три сотни, построили Свято-Троицкий Мигулинский монастырь.

Аж до 1800 года старая вера продержалась за каменными стенами этой обители.

Но это был не просто монастырь, а приют для великовозрастных и немощных казаков, коим было что замаливать. Ведь всю свою жизнь казаки жаловали средства на свои храмы.

Незванный гость

Старый казак дед Илья жил один на краю хутора. И не поймёшь, где у него заканчивалось подворье, а где начиналась левада¹.

Старик был вдовцом, дети жили своими семьями. Он же, привыкший к свободе, не хотел переезжать в шумную станицу.

Занимался старик рыбалкой. Рыбы в Дону в те времена было немерено². Казак её солил, вялил, коптил, а то и свежих судаков да чебаков на рынок сносил.

В общем, не бедствовал рыбака. А в помощниках, или, как говорил старый вояка, в «есаульцах» у него ходил старый кобель по кличке Чигирь.

Чигирь – это большое колесо с черпаками, которое крутится от напора речного течения и подаёт воду черпаками в желоба наверх, а затем на капустники.

Так вот, у кобеля было любимое занятие, крутиться на месте за своим хвостом и неистово лаять на него. Хвост был кучым, и Чигирь не мог его ухватить. Хозяин бурчал:

— Ху ты, Чигирь чёртов, без дела за своим обрубком днями крутишься. Тот хоть воду на капусту льёт, а ты брешешь днями на хвост без толку.

¹ Левада – земельное угодье, огороженный или окопанный луг или пастбище, приусадебный участок земли с сенокосом, огородом и плодовым садом или другими деревьями.

² Немерено – в избытке.

В хозяйстве было ещё с десяток кур да три гуся, которых он запирали на ночь в курятнике.

Как-то летней ночью Чигирь неистово залаял. Дед, на-смыкнув¹ чирики², взял берданку³ и вышел на улицу. Пёс лаял в сторону кустов.

— Не дай бог, лиса повадилась, перетаскает рыжая всех курочек моих, — подумал дед Илья.

Пальнув по левадам, он зашел в курень⁴, крикнув для успокоения души:

— Чигирь, сторожить!

На другую ночь всё повторилось. Кобель облаивал кусты, но в атаку идти боялся. Так продолжалось несколько дней.

Однажды утром старик, взяв корчажку с остатками молока, пошёл покормить своего друга.

Тот вылез из будки, в знак приветствия повилал своим обрубком, но пить молоко не стал. Он как-то неестественно открывал рот и, высунув язык, тяжело дышал.

— Да что с тобой случилось, милоч? Али ты заболел, али попытался шмеля скушать?

Вечером казак опять заглянул к Чигирю. Молока в блюдце не было.

— О! Да ты жить будешь. Вот тебе бабка Аришка ещё молочка передала.

К удивлению деда Ильи, Чигирь ужинать не спешил. Он ходил кругом блюда и поскуливал.

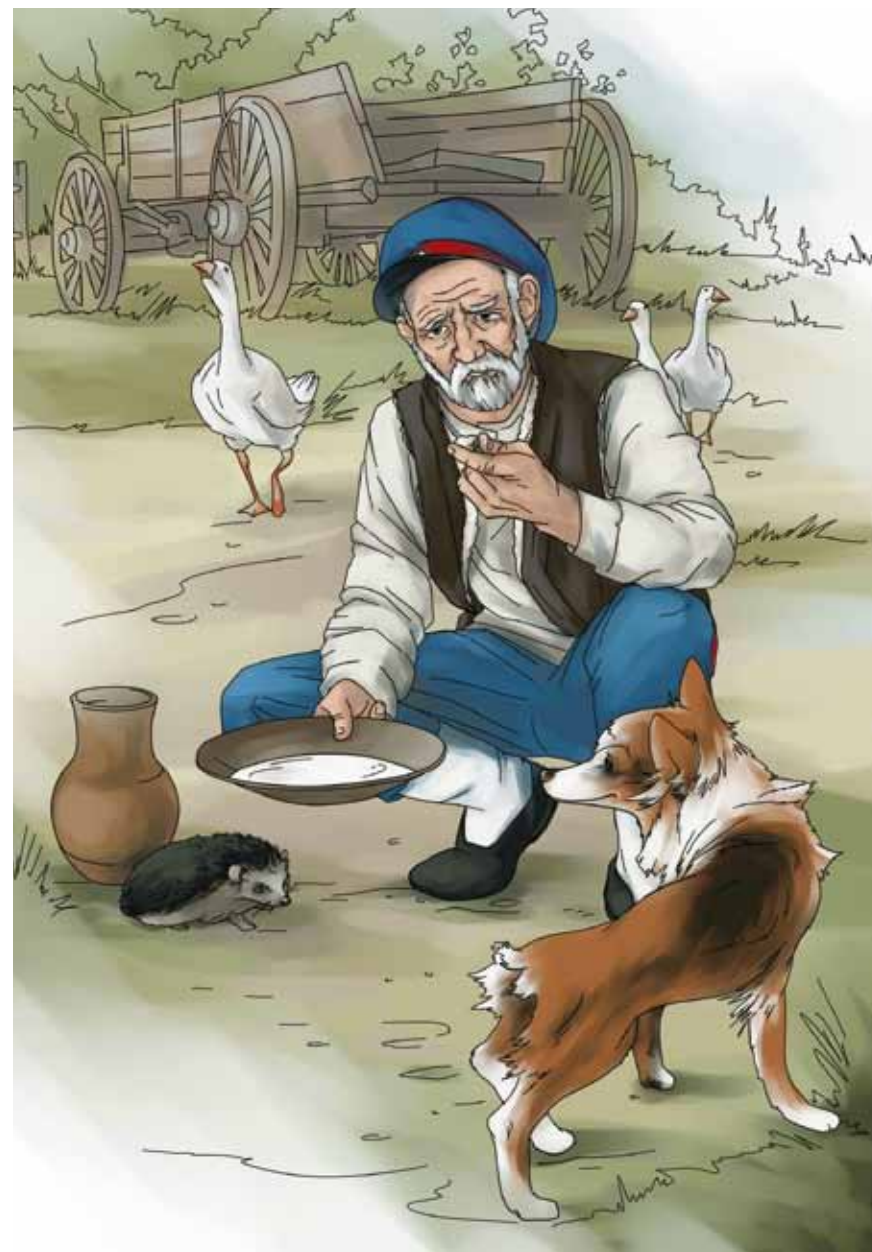
И тут ... из злополучных кустов вылез непрошенный гость. По поведению собаки дед понял, что гость желанный, и даже пришёл по приглашению. Чигирь наяривал хвостом от радости. Он подпрыгивал на передних ногах и тихо поскуливал.

¹ Насмыкнуть — надеть.

² Чирики — казачья обувь.

³ Берданка — ружье.

⁴ Курень — жилище донских казаков.

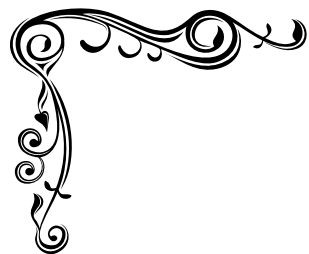
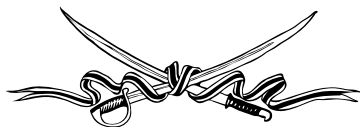

Ёж же в свою очередь не спеша подошёл к чашке и начал пить молоко. Чигирь пристроился с другой стороны и тоже не спеша, чтобы не объесть гостя, стал лакать.

— Ах ты, бестия какая. Аника-воин мой старый. Так вот кого ты хотел покусать, да он во рту тебе всё поколол.

А теперь, значит, вы подружились? Ну это хорошо. Ёж мышей будет ловить, да за лягушками по двору гонять, а ты двор сторожить.

Ну да. Оно и в жизни так. С товарищем всегда сподручнее. И в бою, и в походе, да и за столом. А дружба крепче тогда, когда изначально бока друг другу намнёшь.

Облапоха

Где это было, когда это было, точно сказать уж и невозможно. Но происходили эти события после правления царя Гороха, а было это точно на Верхнем Дону.

На дворе стоял знойный июль. От жары аж в ушах звенело. Всё живое попряталось в тень и норки. Только жаворонки парили высоко в небе, изливая свои душевные песни и заявляя о том, что степь не вымерла.

Вдоль левого берега Дона примостился небольшой казацкий хуторок, на улицах которого было безлюдно. Выше по течению, на стойле у реки отдыхал табун лошадей и стадо коров. Точнее, они зашли в воду, лишь ноздри да уши торчали. Только оводы жировали, и не несли никакого наказания за свои безбожные укусы, ведь хвосты животных были под водой.

Накупавшись до синевы губ, пастух в портках вытянулся на песке и загорал. Благое время для Федотки – поел хлеба с молоком, и отдыхай.

По-над шляхом за клубилась пыль, и через некоторое время вперемешку с топотом копыт послышался перезвон наддужных бубенцов.

— Ну, кого-то нелёгкая несёт, – пробурчал казачок, натягивая шаровары.

— Тпр-ру, залётные, – натянул вожжи кучер, и из пролётки на землю спрыгнул молодой человек лет тридцати.

— Здравствуй, милейший. Далеко ли до почтовой станции?

— Не-е. Недалече, – нехотя ответил пастушок.

— А ты что, хуторской скот пасёшь? – не унимался путник.

— Это не хуторская худоба, – отрезал Федотка.

— Так, вроде же, у вас помещиков на Дону отродясь не бывало?

— А это и не помещика скот. Стадо и табун Облапохи, Ваньки нашего.

Пытавшийся уже забраться в пролётку, путник повернулся к собеседнику:

— И табун, и стадо Ваньке принадлежат? Это кто ж таков?

— Да вон его курень, пойдя да спроси сам.

Молодой человек посмотрел на взгорок и увидел большой курень под крашеным железом. Эта картина ещё больше заинтересовала горожанина.

— Вот тебе две копейки, а ты, малый, расскажи мне всё про него.

Сняв картуз, путник присел рядом с пастухом, и медная монета упала на песок.

— Ну, рассказчик с меня никудышный, а вот за монетку поведаю, как Иван разбогател.

Было это больше десяти лет назад. Прибился к нам в хутор сирота, Ванькой его звали. Чтоб с голоду не помереть, нанимался он хуторскую скотину пасти. Жил, где придётся.

Понравилась ему дивчина, Полинка. Он как раз тётке Матрёне помогал огород копать по осени. Ну и сговорился он с ней, что отдаст она ему в жёны дочку. Семь девчат было у казачки, мал мала меньше. Мол, на один рот меньше будет. Дала она молодым в приданное старую корову, а у самой-то тёлка стельная была.

Выкопали на окраине хутора молодожёны землянку и зажили своим хозяйством. Муж также ходил по дворам, нанимался на подённую работу. А жена стала ему детей рожать да воспитывать. Пять девчат-погодков бегали по двору.

Была у Ивана страсть. Научился он по малолетству у дьякона грамоте.

Мимо хутора проходил почтовый тракт. Завёл дружбу Иван с почтарями, и они ему стали завозить старые газеты.

Усядется отец молодой в холодок под грушину, развернёт газету и от корки до корки читает её детям. Ему от этого аж жить становилось легче. Газеты аккуратно хранил в стопках, зимой перечитывая.

— Вань, можа, пай в наём возьмём, да сами обрабатывать землицу будем? – не унималась жена.

— Да нет, Полюшка. На хлеб и кашу я заработаю у людей, а молоком Милка напоит. Садись, я тебе про модисток городских почитаю.

— Тьфу, ты! Никудышный ты хозяин. Вся семья сбок чирика ходит, а ему и бай дюже.¹

— Родная, не ругайся. Мы обязательно разбогатеем.

— Ага, дурак только думками и богат, – бранилась жена.

И вот, в один день, пришла к ним беда. От старости подохла коровка. И не стало на столе молока. Дети теперь не молочную тюрю ели, а на студёной воде. Как ни старался хозяин, а семья стала голодать.

— Ваня, ты бы на рынок что-либо отвёз да на еду поменял.

— Да что ж, милая, у нас можно на рынок свезти? Последняя худобина² сгинула.

— А вот ты возьми у соседа волов с телегой, нагрузи её на возом, что от Милки остался и свези на базар. Там у станичников на огородах песок один, может, кто и купит.

¹ Бай дюже – все равно.

² Худобина – (разговорное) животное, скотина.

Делать нечего, пошёл казак к соседу.

— Акимыч, дай мне волов на базар съездить. А я тебе помогу рожь скосить или сено смахну.

— Ты, Ваня, работник хоть и с ленцом, но дотошный. Ладно, бери. Только не запали мне их.

— Не, сосед, я гнать их не буду, некуда мне спешить.

Подогнал он быков, нагрузил в телегу навоза, а по хутору везти стыдно. Никто такой товар ещё на рынок не возил. Махнул он рукой, зашёл в землянку, взял пачку газет и хорошо укрыл ими свой товар от чужого глаза.

Едет он по шляху, а сам думу думает, как нужду обдурить. Смотрит, а навстречу ему еврей идёт. Он один был на всю округу. Жил зажиточно. Занимался тем, что ссуживал¹ под хороший куш деньги. У него всегда с собой было два больших кошелька. В одном он серебро хранил, а в другом золото. Ещё сумка была с бумагами, да долговыми расписками. Казаки на своей земле всех лихих людишек вывели. Поэтому Абрам без страха ходил с таким добром.

— Здорово ночевал, Иван!

— Слава Богу, и тебе не хворать.

— А куда ты путь держишь?

— На рынок еду.

— А чего столько нагрузил, аж ярмо трещит?

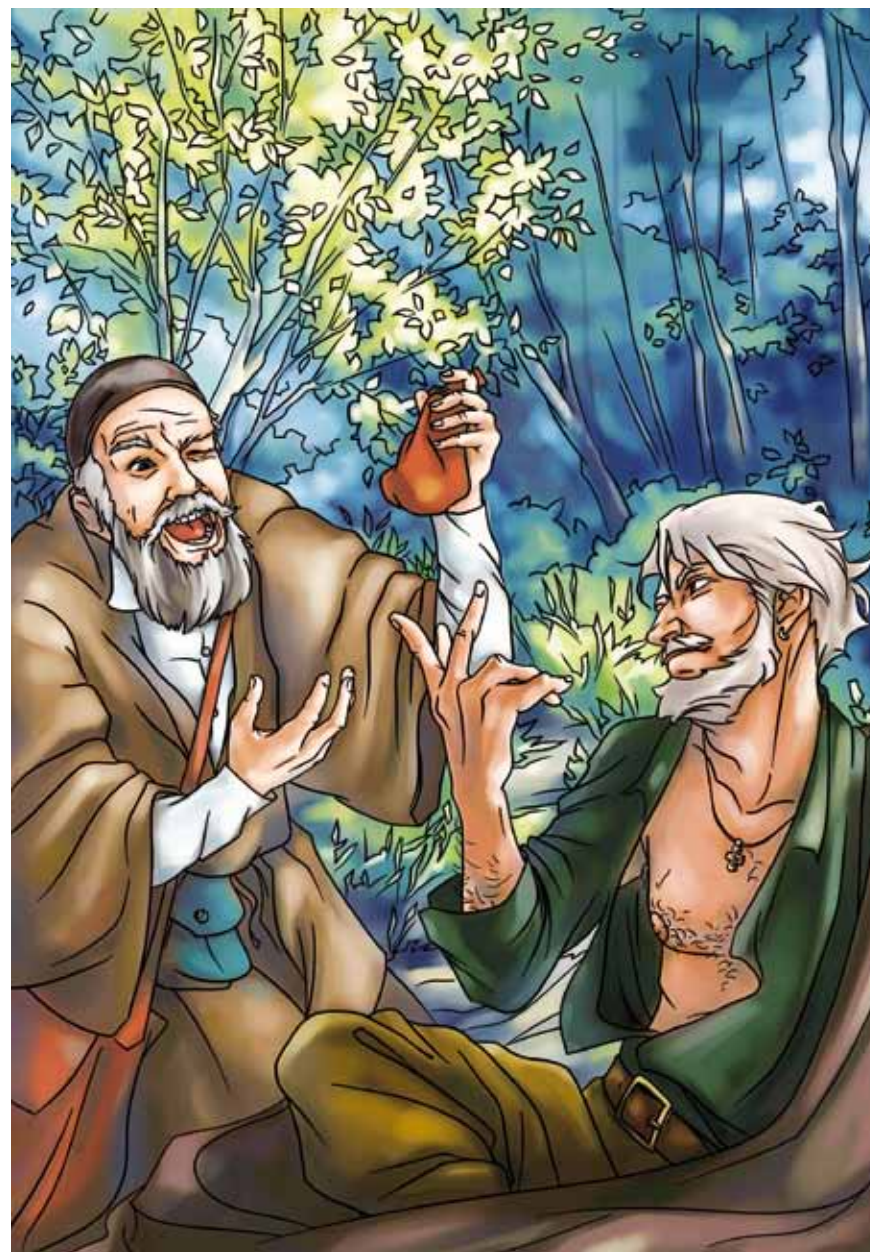
— Да золото на рынок везу, на продукты хочу сменять. Вот не знаю я ему цены, как бы не продешевить.

Понял ростовщик, что Ванька в торговле дурак дураком, загорелись у него от жадности глаза, и решил он его обдурить.

— А давай я у тебя его доразу² куплю. Можно под газетки заглянуть?

¹ Ссуживал – давал в долг.

² Доразу – сразу.

— Нет, взглянуть на него нельзя. Мне оно от самого чёрта досталось. На белый свет нельзя его показывать, заколдовано оно на три года, а то превратится в навоз.

— Да ты что?! Целый воз золота пропадёт? А сколько ты за него хочешь?

— Ну не знаю. Мне бы семью накормить. Давай, вон, кошель серебра, и разойдемся. А то меня на базаре обдурят еще али украдут всё. Ты-то человек честный. Не обманешь.

Заволновался еврей, аж заикаться стал:

— Да-да-да ты что, Ванюша. Да как я тебя, мил-человек, обмануть могу. Вот тебе серебро, и поехали в станицу, домой ко мне завезём.

Подвёл волов Иван ко двору Абрама, а тот и кричит:

— Сара! Неси скорее мешки, золото разгрузить надобно!

Выскочила жена на улицу, а еврей взял и сорвал газеты:

— Смотри, сколько я золота привёз!

Посмотрела на него жена, плюнула и пошла во двор.

— Абрам! Ты что наделал? Я же хотел волов расчековать¹, да оставить тебе телегу на ночь, что бы после захода солнца золото в погреб занёс. А так, оно всё в навоз превратилось.

И понял еврей, что Иван обдурил его. Но договор есть договор. На Дону говорят, что договор дороже денег.

А Иван взял вилы и сгрузил навоз под забор. Мол, купили, значит, получите. Поехал он на рынок, закупил гостинцев полную телегу. Семья рада была безумно. Жена нахвалиться не могла таким хозяином.

— Здорово дневал, сосед!

— Слава богу.

— Вот твои волосы, а вот тебе штоф казёнки и детям гостинцы.

¹ Расчековать – снять чеку. Чека – стержень в виде клина, вставляемый в специальное отверстие на концах осей, болтов и т. п. для закрепления какой-либо детали.

— А что ты, Иван, так удачно продал?

— Да навоз вывез на рынок, с руками чуть не оторвали. Очередь стояла. Боюсь, что продешевил.

— А сколько же ты наторговал?

— Да я и не считал. Полный кошель серебра выручил.

Заглянул казак в телегу, а она действительно вся в навозе.

На следующий день весь хутор гудел от новости, как Иван разбогател на навозе. И начали казаки своих мужей пилить, чтобы они на следующий базар везли свой навоз продавать.

Со всего хутора доверху гружёные подводы и телеги потянулись в станицу на рынок. Перегородили хуторяне всю базарную площадь и ну зазывать покупателей да торговаться. А товар никто не берёт. Все носы зажимают и убегают от продавцов. Солнышко пригрело, все мухи с округи слетелись на товар диковинный.

Прознал об этом атаман, взял своих помощников и давай плетью порядок наводить. Всем хуторянам досталось.

Приехали казаки домой и решили проучить шутника. Отловили они Ваньку, связали по рукам, по ногам и завязали ещё в мешок. Потащили куль к Дону с намерением утопить обидчика. Затащили мешок на кладку и решили передохнуть, и искупаться.

Идёт по берегу реки Абрам, грустный. Надоела ему такая жизнь. Ходи долги свои собирай. Кто отдаёт, а кто и в курень не пускает. Была у него мечта обучиться и устроиться на государеву службу.

Смотрит, а на кладке кто-то куль забыл. Рядом никого нет, только на откосе казаки купаются.

Подошёл еврей и толкнул мешок. А он зашевелился. Может, баран там, подумал ростовщик и развязал его.

— Ванька, ты какого чёрта забрался сюда? – удивился Абрам.

— Ой, мил человек, скорее опять завяжи мешок, а то зараз казаки явятся, всем плохо будет.

— А за что тебя так упаковали?

— Да пришла с округа бумага, чтоб грамотного казака направить учиться на инженера. А я хоть и грамотный, а инженером не хочу быть. А они меня силой решили от жены на целый год отлучить.

Быстро еврей смекнул что к чему и говорит:

— А можно я вместо тебя на инженера отучусь. Я тоже грамотный.

— Не могу, казаки заругают.

— А я тебе, вот, кошель с золотом отдам.

— Ну если так, то быстрее развяжи меня.

Связал Иван потуже Абрама, уложил в мешок и был таков.

Пришли казаки и сбросили куль в Дон.

Через месяц смотрят хуторяне, а Иван по-над Доном гонит стадо коров и табун лошадей, купленных на золото ростовщика.

— Эй, Иван, а где это ты добра столько набрал?

— Да там, куда вы меня отправили. Как скинули вы меня в пучину, попал я в царство царя водяного. А у него там табуны лошадей, стада коров и отары овец, а пасти их некому. Очень уж царь казаков уважает. Ведь мы трудолюбивые, ко всему дошны и ответственные. А через месяц вызывает меня царь и говорит: «За старания свои бери в награду, чего хочешь».

— Ну, я взял вот немного коров и лошадей. А больше мне зачем?

— Вот, дурень! А больше нельзя было взять? И нам бы пригнал. Чай ты скотину не на горбу нёс.

Достали уж Ивана хуторяне, он и говорит:

— Вам если надобно, сами себе и гоните.

— А что можно?

— А почему нет? — удивился Иван. В куль полезайте и в Дон прыгайте.

Побежали казаки наперегонки за мешками и попрыгали в реку.

Прошёл месяц, а добытки не возвращаются с заработком. Прошёл год, никто не пришёл. И поняли хуторяне, что Иван, которого все чуть ли не дурачком считали, всех облапошил. И стали его с тех пор кликать Облапохой, но побаивались и зауважали.

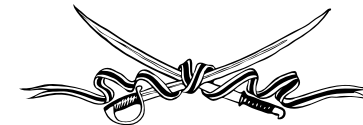
Парнишка закончил свой рассказ и потянулся за хлыс-том.

— Пора мне на попас худобу гнать, солнце уж палить перестало.

Встал и путник, хитро улыбаясь.

— Спасибо тебе, парень, за сказку такую, вот тебе за это ещё пятак.

— Благодарствуйте. Это Вам сказка, а хутор без казаков остался. Зато вся округа вздохнула, ростовщик наш Абрам с расписками сгинул. Поговаривают, что он с казаками вместе к царю водяному на заработки ушёл. Дон-Батюшка в своих омутах умеет тайны хранить.

Стоговской шпиль

Это было ранним летним утром. Каюк¹, управляемый ещё крепкой рукой старика, заскользил к Дону по речке Варгунке. Выскочив на струю, лодка резко повернула против течения, за малым не хлебнув правым бортом воды. Вдоль берега она поднялась до Перекопки, и в реку хлюпнул кованый якорёк. Уцепившись им за дно, рыбак подтянул верёвку и привязал её за кольцо, вбитое в корму.

Умостившись, старик взял удочки и неторопливо начал их снаряжать. Солнце ещё не взошло. Сначала, вроде бы, быстро забуланело², но насунувшийся на реку с левад туман опять надвинул сумерки. Но это не мешало бывалому рыбаку. Нанизав червей на крючки и поплевав на них, дед Захар забросил снасти в воду.

Обернувшись, улыбнулся. На дне каюка, под дерюгой, сладко спал правнук Васютка.

К реальности деда Захара возвратил резкий поклёв. Под напором пытающего стырить червя чебака³, ореховое удилице согнулось дугой...

Начинающего рыбака разбудило разогнавшее туман солнышко, которое сильно пригрело ему бок.

— Дедуня! Опять меня не разбудил? И маманю будешь обманывать, будто бы я всю эту рыбу поймал.

¹ Каюк – речная плоскодонная лодка.

² Забуланело – стало светлее.

³ Чебак – рыба из семейства карповых.

— Ну, унура, я тебе обещаю, что пока ты не поймашь большую рыбину, мы домой не поедем.

— Тогда давай удочку, – парнишка забрал удилице из рук деда и уселся на корму. Как назло, клёв словно обрезало, и казачок стал донимать старика.

— Дедунь, а ты червя нанизал?

— Да.

— А ты на него поплевал?

— Да.

— А почему не клюёт?

— Рыба уже наелась. Вон, целую кондюшку¹ червей скормил им окайным. Старик успокоился в надежде, что вопросы закончились.

— Дедуня, скажи, почему вон там меловая гора раздвоилась.

Понимая, что вопросам не иссякнуть, старик умостился поудобней и начал свою сказку-побаску рассказывать:

— Было это давным-давно. Наш Казанский городок в те времена был вон там, в дубовой роще, под шпилем меловым. Эти два шпиля казаки называют Большой стог и Малый стог. Потому как они похожи на стог сена.

Так вот, окрепли казаки в Диком поле, не только стали хозяйничать в степи, но и до моря на бударах² добрались, басурман колотили. И мимо городка никто не проплывал, не заплатив монету. Дошло это своеволие до царя морского. Сильно разгневался верховный повелитель всех вод и стал думу думать, как казаков наказать.

Мало того, что они ему дань не платили, так ещё и за него с других брали. Хотел он их на воде наказать волной высокой, да куда там. Казаки были бесстрашными и умелыми мореходами. Из любой бури выходили победителями.

¹ Кондюшка – глиняный сосуд.

² Будары – грузовая лодка.

А тут случай подвернулся, его дочке единственной, Моряне, исполнилось восемнадцать годков, на выданье девка была. И пригласил царь всех чудищ морских, степных, горных. Кто из них плавал, кто ползал, а кто и летал.

Моряна была красоты неземной и умела она всё на свете. В воде у неё хвост вырастал. В полете – крылья появлялись. Может обернуться во что угодно, а может и человека в гада ползучего превратить.

В общем, на балу морской царь с царицей – водяницей, представили свою дочь гостям. Все твари были от её красоты без ума. А когда царь выдвинул условие своё, все притихли:

– Кто накажет и присмирит казаков донских, а особенно верховых, тому и достанется в жёны Моряна и полцарства морского в приданное.

Никто не решился казакам перечить, больно круты они были в споре.

А потерявший свои три головы от любви, змей Горыныч, заявил:

– Быть по-твоему, владыка всех вод. В моём тридесятом царстве пока всё спокойно. Всех врагов я угомонил, успокою и пришлю на поклон к тебе и казаков верховых.

Несказанно обрадовался царь, зная крутой нором Горыныча. Будет с него толк в деле.

– А как угомонишь казаков, выжги и испепели им всю степь. Чтоб ни одной птахи живой там не осталось, ни одной былинки, в назидание им.

Не понравилось такое сватовство Моряне, она и говорит отцу:

– Не верю я что-то змею трехглавому. Боюсь, обманет он нас. Поднимусь-ка я по Тихому Дону и посмотрю, чем там твои враги дышат, и что будет делать Горыныч с ними.

– Молодец, доченька, умницей я тебя вырастил. Думал, мать тебя своей душевностью, да сердечностью испортит, а нет, всё на пользу пошло.

Махнула Моряна хвостом и поплыла по морю к Дону Тихому.

В те времена атаманил в Казанском городке Фрол Дальнобой. А кличку эту дали ему за то, что лук у него был самый тугой, а стрела его летела дальше всех. Был атаман молод, красив, силен и умён. Достойной жены он пока себе не нашёл и жил с сиротами, в становой избе.

На дворе стояли первые осенние деньки, погода на удивление была тёплой. Старики говорили, что это раннее бабье лето, затем дожди зарядят до Покрова, а там и морозы. И отправил атаман всех казаков из городка на степные лиманы, заготавливать перелётную птицу на мясо. Молодых казаков разослал в дозор, чтоб предупредить набег из степи. В общем, оголил городок.

Родителей у Фрола не было, он вырос при атаманской избе, поэтому рано стал лучшим из лучших. С детства появилась у казака одна привычка. Прежде чем лечь спать, приходил он на берег Дона, разговаривая с ним, как с родным, живым существом. Эта великая река вырастила его, воспитала, дала положение среди вольных казаков и придавала ему всегда и во всем силы.

Как и обычно, проверив постовых, Фрол вышел через потайную калитку. Солнце уже зашло, озарив весь восток багряным закатом. Дон в это время до такой степени был спокоен, что в нём всё отражалось, как в зеркале. Усевшись на сухой ствол вербы, Фрол просто сидел и вдыхал запахи осенней реки. Да, действительно, в каждом месяце года река имеет свой запах.

Время тихо протекало мимо казака, как вода в реке. Стояла гробовая тишина. Атаман так провалился в свои думы, что и не услышал бы рядом топота коня. Всплеска воды у камышей он тоже не услышал. На молодого парня с любопытством смотрела пара голубых глаз. Красивая девушка в казачьих одеждах буквально сухая вышла из воды и, стоя поодаль, любовалась красивым, статным парнем. Сама от себя такого не ожидая, она тихо подошла к нему.

Лишь седьмым чувством казак почувствовал присутствие посторонних. Он резко встал и обернулся, захватив девушку врасплох.

- Здравствуй, красавица. Ты откуда здесь появилась?
- Из воды вышла, — не задумываясь, ответила та.
- Странно, сухой из воды не выходят.
- А я вышла, — со смехом, кокетливо ответила девушка.
- Как тебя зовут?
- Моряной родители нарекли.
- Странное для казачки имя.
- У меня мама из Персии, а отец казак.
- Тогда понятно, почему ты не похожа на наших девчат.
- А у тебя есть девушка?
- Нет. Я свободный казак.
- Я тоже свободная казачка.

Моряна присела рядом на бревно. Им было хорошо и уютно. Казалось в этом мире, кроме их двух сердец и звёзд в небе, ничего нет.

- Уже поздно, тебя куда проводить?
- Не надо, я сама дорогу до лагеря найду.

Парень оглянулся вдоль берега, кругом была темень, хоть глаз выколи.

- Какой лагерь? Рядом с городком чужих нет.

Повернувшись к девушке, атаман ахнул. Рядом никого не было. Девушка растворилась в темноте, как соль в воде. Фрол слышал сказки от стариков о сиренах, но что бы вот так, воочию, он поверить не мог.

За ночь атаман глаз не сомкнул. Так, как эта незнакомка, ему душу никто не бередил. Он готов был всё отдать, лишь бы увидеть её ещё раз.

Девушка, сидя на носу лодки и глядя на воду, где отражался весь небосклон, думала о встрече с парнем. Её мысли не смог бы прервать даже гнев отца. Моряна легла в каюк и провалилась в царство грёз...

— Атаман! У нас беда! — кричал в дверях один из постовых. На меловом обрыве чудище сидит и огнём дышит. Видать, ему в лесу среди дубов не видно городок. Но если змей пролетит над нами, спалит всех заживо.

— Быстро мне коня! — крикнул атаман, срывая со стены свой тяжёлый лук с колчаном.

Во весь опор конь вылетел за ворота городка. Выскочив на опушку леса, Фрол увидел сидящее на меловой горе чудище о трёх головах, которыми он вертел во все стороны, выскивая жертву, извергая языки пламени.

Атаман направил коня прямо на врага, на ходу заряжая лук и выпуская стрелы прямо в огненные пасти.

Горыныч не ожидал такой наглой атаки, две головы у него уже безжизненно болтались. Он, взмахнув крыльями, взлетел в сторону степи и, кружась, стал набирать высоту и разгоняться.

Стоя у подножия меловой гряды с натянутым луком Фрол понимал, что сейчас чудище сотрёт его в порошок, точнее, превратит в пепел, затем спалит и городок.

Моряну разбудил свист крыльев над головой. Она вскочила на ноги и увидела, как отважный казак в одиночку бьётся с чудищем. Девушка понимала, что смерти любимого она не перенесёт, и крылья захлопали у неё за спиной. Моряна подлетела и опустилась позади коня. Убрав крылья, принцесса обратилась к казаку:

— Ты, не боишься, что чудище тебя убьёт?

— Нет, я не боюсь этого. Я боюсь, что после меня погибнут наши женщины и дети в городке.

— Я могу исполнить одно твоё желание.

— Я понимаю, что ты девушка непростая и всё можешь. Сделай так, чтобы я стал меловой горой и чудище, которое летит на меня, разбилось вдребезги об эту гору и не тронуло мой городок.

Не успел Фрол договорить, как почувствовал, что его мышцы наливаются силой и каменеют.

Разогнавшись, Змей Горыныч не смог увильнуть от появившейся из ниоткуда белой горы, и с маху ударился об эту глыбу. Он буквально развалился на огненные куски.

За этой картиной с пучины вод Дона-Батюшки наблюдал морской царь. Он понял, что дочь его обманула. В гневе поднял морской царь свой трезубец, и Моряна тоже превратилась в меловую гору, но поменьше.

С тех пор и стоят две белых горы над Доном-Батюшкой, любясь друг дружкой и, как бы охраняя наш покой. Казанцы их просто назвали – Большой и Малый стог.

С тех пор царь морской по Дону не поднимался и казаков верховых не беспокоил. Он очень жалел, что так жестоко поступил с любимой дочерью.

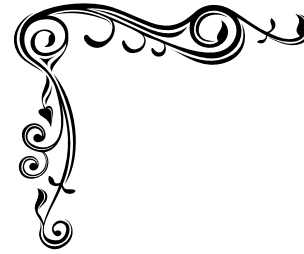
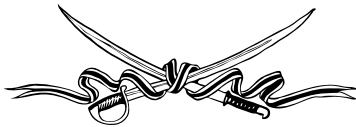
— Дедушка, да ты, как всегда лишку хватил. Не было здесь никакого змея.

Дед размашисто перекрестился и заявил:

— Ей-богу, Васютка, прилетал этот аспид. Ну кости его давно истлели, а вот на меловой горе до сих пор попадают когти этого чудища. Правда, за давностью лет, стали их называть чёртовы пальцы. Да какая разница, всё равно погань... Смотри, унура! Ключёт!

Парень резко подсёк, но самостоятельно втащить в лодку рыбину не смог. Даже дед признался, что давно такого чебака не вытаскивал.

Счастливые дед с внуком не спеша поплыли домой, любуясь красотой и величием Дона-Батюшки.

Три мыши

Был этот случай на Казанской ярмарке. Так вот, прибежали как-то на ярмарку три мыши: церковная, купеческая и казачья. Встретились они под прилавком и ну пищать, о жизни толковать.

Купеческая хвалится:

— Я у самого купца Малеева живу в стряпке, под печкой. Меланья, повариха наша, какие только кушанья для хозяина не готовит. А самые лакомые кусочки мне бросает. Любит она меня, Мышенькой зовёт. А я её за это не пугаю, под ноги не бросаюсь. Поэтому и пузко у меня такое большое, как у нашего купца именитого, и живётся мне сытно и привольно. И так будет до старости.

— И у меня жизнь не хуже, — заявила церковная мышь. Живу я в церковной трапезной, возле ларя с мукой. Матушка Пелагея тоже добрая женщина. Что повкуснее она мне к норке бросает, приговаривая: «Сытая мышь по посуде не будет шастать».

А какие по воскресеньям пекут вкусные булочки, блинчики да пирожки! Пальчики оближешь! Поэтому у меня и мордочка, как у хомячка, уж и в норку еле пролезает. Я вход в норку каждый месяц расширяю, обгрызаю края в доске. Вот такая у меня сладкая жизнь. Так до старости и буду жить.

Задумалась казацкая мышь. Оказывается, и похвастаться ей нечем, кроме воли.

— А я — вольная казацкая мышь. Хозяин редко дома бывает, а если и появляется, то садится на лавку, снимает сапо-

ги и швыряет их в меня со словами: «О, да ты ещё не повесилась у меня от голода? Значит, и я себе чего-нибудь в кладовой найду, да сварю кулеш¹».

Поэтому мне нужно быть стройной и юркой, чтоб от хозяйских сапог изворачиваться. Зато, когда его нет, я могу спать на его подушке, спокойно гулять по куреню. Даже гости, казацкие мыши, ко мне приходят без опаски. Такие мы весёлые хороводы устраиваем, на всю ночь.

— Не, у нас в станице нет больше церкви, а из Тубьянского, из-за Дона, далеко ходить. Я сама живу, — с сожалением ответила церковная мышь.

— Да и мне не по статусу голытьбу приглашать в гости, хоть и харчи остаются, — гордо заявила купеческая мышь.

Вдруг, откуда ни возьмись, прямо с прилавка спрыгнули три базарных кота. Видать, писк мышиный услышали и ну за ними гонять.

Купеческая мышь не успела и развернуться, как её сцапали.

Церковная мышь подбежала к щёлке между досками, а пролезть не может, тут и она попалась в кошачьи лапы.

А казацкая мышь пробежала у котов по головам и юркнула под настил.

— Мяу, какая жирная вкусная мышь, — промяукал один кот.

— Мяу, а мне жирней и вкусней попалась мышка, — промурлыкал второй.

— А мне досталась худючая, да и та смылась, — разочарованно мяукнул третий кот.

— Пи-пи-пи, — смеялась казацья мышка над котами, — ведь не самое главное в нашей жизни мышинной, что ты поешь. Самое главное, чтоб тебя не съели. А ещё главней всего на свете, это свобода.

Махнула мышка хвостиком и побежала к своим товарищам, казацким мышам, на игрища.

¹ Кулеш — жидкая кашлица, похлёбка, в традиционном виде, как правило, состоящая из пшённой крупы и сала, с добавлением других ингредиентов.

Чапура

Испокон веков повелось на Дону давать прозвища не только казакам, но и городкам, а в последствии и станицам.

Казанцев всегда называли чапурами. Это такая серая невзрачная цапля. В тоже время, она хитрая, осторожная и отважная охотница.

Существует несколько версий, почему именно чапура стала мистическим символом верховых казаков. Одна из них гласит так.

В тревожные времена на Русь чёрной тучей полезли степняки. Попутно не гнушались они и грабежами казачьих городков. Измученные осадами и дозорами, казаки буквально с ног валились от усталости.

Однажды в тёмную ночь дозорные зорко несли службу на крепостных стенах Казанского городка. Ночь прошла спокойно, но утомлённых казаков к рассвету сморил сон. В это время неприятель, с целью внезапно напасть на городок, стал вплавь переплываться через Дон. Встревоженная чапура, поднялась из камышей и полетела над рекой, громко курлыча.

Казаки, зная повадки беспокойной соседки, проснулись. Зазвонил тревожный колокол, который поднял весь городок на стены. Враг был отбит, а мигуляне, узнав эту историю, прозвали казанских сонь чапурами.

Казаки приняли это прозвище всерьёз и, в знак благодарности, боготворили этих птиц, не разоряя их гнёзд и всячески оберегая.

В тот злополучный год весна на Дону была ранняя и холодная. Постоянно дул низовой ветер, перерастая в бурю. Зима не хотела сдавать свои позиции. Прилетевшие цапли заняли своё старое гнездо на старой гнилой вербине, и самка, отложив яйца, пыталась их согреть.

Всю ночь с невероятной силой дула низовка, а когда утром рассвело, то казаки ахнули. На противоположном берегу сушиину, на которой было свито гнездо, ветер вывернул с корнями. Чапуры кружили над местом трагедии, громко курлыча, оплакивали своё погибшее потомство.

Старики в городке поговаривали, мол, пока рядом живут чапуры, городку ничего не угрожает. А если они сгинут, придёт и беда в их куреня.

Дед Поликарп с молодёжью сплел на соседнем дереве из прутьев гнездо, но птицы его не признали. Они улетели вверх по реке искать себе пригодное место для новоселья.

Пока происходили эти события, скромно в затоне, под крутым берегом, свила себе гнездо пара серых диких гусей.

Гусь, простившись со своей гусыней, улетел в луга на линьку. Самка же отлиняла прямо в гнезде, укрыв мягким пухом яйца.

Когда случилась беда с соседями, гусыня осторожно вышла из камышей осмотреться. Дерево неуклюже лежало на берегу. Гнездо развалилось на части, и ветки вперемешку с пухом валялись вокруг него. Здесь же, на траве, были и скорлупки от разбитых яиц. Птица, сочувственно повздыхав, прошла по месту трагедии. И тут, среди распушившегося чакана, она увидела целое яйцо.

Взглянув в небо, гусыня не увидела чапур, они улетели. Вернувшись в гнездо, она не могла найти себе места. Ей было жалко и родителей, и не вылупившегося их птенца. В итоге сердце матери не выдержало, птица встала и пошла к затону.

Неспешно, помаленьку толкая клювом яйцо, гусыня покатила его к своему гнезду. Уложив находку среди своей кладки, довольная мамаша уселась на яйца.

Три недели гусыня согревала своё гнездо, дожидаясь птенцов. Всё это время гусь пропадал невесть где, отъедаясь после перелёта.

— Га-га-га, привет, милая, как ты тут без меня поживаешь? — Налетел на гнездо хозяин.

— Не я, а мы. У нас пока шесть гусят.

— Почему пока?

— Ну, есть ещё одно яйцо, которое не хочет раскалываться.

— А ты помоги ему.

— Нет, нельзя. Видать, ему ещё не время.

И действительно, последний птенец вылупился через несколько дней.

Удивлённый папа с подозрением спросил:

— Кто это? Что за кукушонок? Он больше на курицу похож, чем на гуся.

— Милый, прости, я тебе сразу не сказала, боясь, что ты сердиться будешь. Я подобрала яйцо чапур и высидела его.

— И что ты будешь делать с ним? Я не собираюсь для него лягушек ловить.

— А ничего. Вырастет, и пусть себе летит к своим родителям. Я ему потом всё расскажу.

— Ну, будь по-твоему, — разрешил хозяин.

Малыши были так похожи друг на друга, что даже мать их путала. А вот последушек явно отличался. Вылупился он голеньким, но быстро оперился и стал крепнуть на ногах. Гусята норовили сводного брата ущипнуть, но тот своим длинным, острым клювом давал всем понять, что трогать его небезопасно.

Подождав, когда гусята набрались силёнок, гусыня повела их к воде и показала, как нужно плавать.

Птенцы с удовольствием плавали и ныряли, лакомясь в затоне сочной рыской.

Чапа же, так звала его приёмная мать, воды боялся и ходил по мелководью, ловко отлавливая головастика и маленьких лягушат.

Лето пролетело быстро. Птенцы отлиняли, резко повзрослев, уже становились на крыло.

Чапа тоже неуклюже пытался летать. Всё чаще он ночевал не с семьёй, а садился на сухую ветку вербы и тоскливо смотрел сверху на воду.

Стало холодать, в небе пролетали гуси, сбившиеся в стаи, готовясь улететь в тёплые края.

— Всё, завтра и мы летим по реке, на луговину. Там наши братья собираются. Отдыхайте, с зорькой тронемся в путь, — заявил гусак-отец, заплывая в камыши.

Чапа не хотел лететь с гусями, он хотел остаться и дожидаться, когда полетят над водою цапли. Гусыня рассказала ему, кто его настоящие родители. Он выбрал среди камышей кочку посуше и уместился на ночь.

На улице стало буланеть. Туман молочным одеялом укрыл Дон-Батюшку. День предвещал быть холодным, но ясным.

Гуси проснулись, оправляли пёрышки и, наскоро перекусывая, хлюпались в воде.

Вдруг, как гром среди ясного неба, раздался выстрел. Затем второй, с другой стороны. Гуси сбились в кучу.

— Нам нельзя взлетать. Это казаки-охотники нас выгоняют в небо. Там и постреляют, — заключил гусак.

— И оставаться нельзя, здесь пропадём. Нас они выследили, — подхватила гусыня.

В это время раздался ещё выстрел, и дробь процокала рядом с выводком по воде.

— Мать-гуска, чем я могу помочь семье, — прохлюпав по воде длинными ногами, спросил Чапа.

— Да чем же ты нам поможешь, мой дорогой, — испуганно пролепетала птица.

— Али грудью закроешь своих братьев? — запричитал гусак.

— А почему и нет? Я ради своей семьи на всё готов! В крайнем случае отвлеку, а вы летите, а то все погибнем, — с этими словами Чапа вышел из камышей и, завидев охотника, грозно пошёл на него, хлопая крыльями и курлыча.

— Матвей, а Матвей? Глянь, чапуры к нам вернулись, значит быть нашему городку! Поплыли домой, всем расскажем!

Казак столкнул в воду каюк и, дождавшись товарища, погнал лодку через реку.

Чапа вернулся к гусям.

— Ну вот, можно лететь, а у меня здесь гнездо, здесь и буду ждать родителей.

Братья вразвалку подошли к нему и, похлопав по бокам крыльями, прогоготали:

— Спасибо, Чапа, ты весь выводок спас.

Гуси попрощались со своим сводным братом и низко над водой, причась в туман, улетели на луговину.

Ещё несколько дней приёмыш жил один в камышах, с утра до вечера отъедаясь на мелководе. И вот однажды он услышал в небе родное курлыкание. Чапа покинул своё убежище и бросился навстречу своим сородичам, которые прилетели проститься со своим старым домом. Птичьей радости не было предела. Они полдня в разноголосье курлыкали, знакомясь и рассказывая свои истории. Чапа был принят в родную семью.

Улетая, чапуры низко покружились над Казанским городком, курлыча в знак обещания вернуться по весне опять.

В городке со свистом и криками радости провожали казаки птиц в дорогу, надеясь, что скоро вернётся к ним их сакральным талисман.

В байках – душа казака

История донских казаков – история трагедий и побед, история военных походов и верности Отчизне.

Немало об этом написано статей и диссертаций. Казачьему мужеству и духу посвящены литературные произведения. Но о казачьей душе, о мудрости и доброте казаченьки, о преданности казака традициям и обычаям – немного.

Я рад, что сегодня есть на Верхнем Дону казаки, которые не теряют надежды спасти то истинное казачье нутро, из которого ковался прославленный предками казачий дух. Один из таких хранителей – Георгий Николаевич Абакумов. В собранных им байках – юмор и доброта, лукавство и смекалка, казачий гонор и напевный казачий гутор.

Эта книжка – кладезь редких сегодня имён, названий, слов и выражений, а байки – сбережение знаний о быте и обычаях казаков, их мудрости и наивности.

Собиратель, так хочется назвать Георгия Абакумова, объединил те истории, которые остались в памяти народной, передаваемые от отца к сыну, от деда – внуку. И тем они ценнее, чем больше людей вложили в их пересказ свои души. Читая их, ощущаешь себя в той же эпохе, в тех обстоятельствах и настроении. Проникаешься на каком-то неизведанном уровне в гармонию звуков, речи... Думаю, для автора было важно так передать казачий дух и характер, чтобы читатель почувствовал себя участником курьёзных историй и событий. Но в

этих, на первый взгляд, лёгких и добрых сказаниях есть глубокое знание истории Дона, истории народа, его тяжёлой и героической судьбы.

Собранные автором байки казаков Верхнего Дона – это достойный вклад Георгия Абакумова в подготовку к празднованию 450-летия Войска Донского.

Слава Богу, что мы – казаки!

*В. Г. Гончаров,
атаман войскового казачьего общества
«Всевеликое войско Донское»
казачий генерал*

Историко-краеведческий музей Верхнедонского района

Уважаемый читатель! Реализуя данный проект, автор не мог не поделиться с вами информацией об историко-краеведческом музее Верхнедонского района.

У каждого музейного экспоната есть своя история, при изучении которой сотрудники музея получают информацию о казаках, их быте, культуре и традициях. Байки, побаски, поговорки, пословицы, записанные со слов старожилов дополняют информацию об экспонате и в то же время становятся основой для сюжетов моих рассказов.

Историко-краеведческий музей Верхнедонского района был создан в 2007 году с целью сохранения традиций, обрядов и обычаев родного края. С этого времени музей взял на себя роль культурного и научно-просветительского учреждения, став одним из центров патриотического воспитания подрастающего поколения. Старинная мебель, посуда, оружие, одежда, развешанные на стенах фотографии жителей станиц и хуторов переносят в прошлое при посещении экспозиции «Казачья горница». Привлекает посетителей «Подворье» – фрагмент казачьей заставы – вышка, бастион с пушкой и тревожным колоколом, очагом, коновязью и колодцем. Выставка изделий из камня: жернова, молотильные камни, ступы, корыта. Пекарка – летняя кухня. Навес – хозяйственная постройка, где размещено большое количество орудий труда, бытовых предме-

тов и инструментов, которыми на протяжении столетий пользовались донские казаки. В зале археологии представлены образцы памятников различных эпох, начиная с каменного века и заканчивая средневековьем. Все представленные экспонаты – орудия труда первобытного человека, лепная керамика, украшения и оружие кочующих воинствующих племен, обнаружены на территории Верхнедонского района. Фронтальные письма, фотографии участников Великой Отечественной войны, их личные вещи, военные трофеи – всё это бережно хранится в зале «Великая Отечественная война». Постоянно в музее идет работа по дополнению материалов, открываются новые экспозиции и выставки. Создана новая экспозиция – «Связь времен и поколений». Это ретроспективный взгляд на эпоху 40-80-х годов. Советский предметный мир вещей представлен на фоне времени, о котором рассказывают фотографии, плакаты, открытки тех лет, предметы мебели, одежды, детские игрушки, книги, художественный фарфор.

В 2023 году создана новая экспозиция «С Россией в сердце», посвящённая участникам специальной военной операции Вооружённых сил России на территории Украины.

Музей вносит весомый вклад в работу по возрождению казачьих традиций, воспитанию бережного отношения к историческому и культурному наследию нашего края, проводит комплекс разнообразных по форме и содержанию мероприятий – уроки мужества, часы краеведения, дни памяти, тематические вечера, сопровождаемые циклом лекций, выставок и экскурсий.

Содержание

От автора	5
О кличках и прозвищах казаков на Верхнем Дону	7
Станица Мигулинская	9
Станица Казанская	15
Станица Вешенская	18
Станица Еланская	21
На чём казаки-верхнедонцы плавали в былые времена	25
Байка о том, как казаки земли межевали	29
Как Черновцы на Верхнем Дону кличку получили	33
Казачья байка "Всем достанется"	36
О том как Мещеряковские казаки Тиховским купцам продали версту речки Тихой	40
О печнике-конокраде	44
Как казака от загула лечили	53
Байка о том, как казаки дугу гнули	57
Как казачата станицы Казанской у царя пушку заслужили	61
Про казака и козла	69
Байка про казака-бирюка	73
Приключения казака Чигуши	77
О том, как дед Митяй с Махном прокатился	86
Про заморское зелье	89
Байка про глухого рыбака	94
Удалой казак	98

Сухой колодец	103
Рыбак-охотник	114
Сердцеед	124
Лисица и журавль	135
Зять	145
Межа	153
Ворон	166
Дед Киндим	170
Подарок от Шолохова	187
Встреча с Шолоховым	202
Полынь трава казачья	207
Хомут	241
Чужой обычай	257
Байки про деда Гаврила	264
Ермоха душегуб	284
Дикое поле	294
Козлиный брод	309
Уполномоченный	320
Воробьиное братство	331
Дон-Батюшка	337
Завещание Левши	343
Казак и удача	351
Казачья смекалка	356
Конь боевой	366
Легенда о Кудеяре	371
Незванный гость	379
Облапоха	383
Стоговской шпиль	392
Три мыши	401
Чапур	404
Историко-краеведческий музей Верхнедонского района	412
В байках – душа казака. <i>В. Г. Гончаров</i>	410

Литературно-художественное издание

Абакумов Георгий Николаевич

Байки-подаски Донских казаков

Обложка и иллюстрации Н. Г. Абакумова
Вёрстка И. М. Сиренко

Сдано в набор 10.04.2023 г. Подписано к печати 9.01.2024 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27. Тираж 250 экз.
Заказ № 632.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8-958-544-59-27.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.